

ЛЕСЯ УКРАИНКА

СОБЪЕКТЪ КИЙ ПИСАТЪЛЪ

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

О С Н О В А Н А М. Г О Р Ь К И М

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЛЕСЯ УКРАИНКА

*Избранные
произведения*

*Перевод с украинского,
под редакцией
Н. Брауна, Ал. Дейча
и М. Рыльского*

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Ал. Дейча*

ЛЕСЯ УКРАИНКА

1

В творчестве выдающейся украинской поэтессы Леси Украинки есть одна отличительная черта, которая поражала ее современников и вызывает глубокое уважение и в нашем поколении.

Эта черта — непреклонная воля к борьбе за социальное и национальное освобождение родины. Поэтесса высоко ценила отвагу и горячий пыл борцов за лучшее будущее человечества, и выше всего она ставила героическую решимость идти до конца к великой цели освобождения и не сдаваться ни при каких обстоятельствах. Подлинный герой Леси Украинки — гордый и сознательный борец, готовый погибнуть, но никогда не признающий себя покоренным.

У Леси Украинки есть стихотворение «Мечты» (1897), представляющее собой как бы программу действий поэтессы. Она вспоминает, как в раннем детстве любовалась книгой с картинками из рыцарских времен:

Был мне дорог на картинках
Не надменный победитель,
Что, соперника повергнув,
Грозно требует: «Сдавайся!»

Нет, мой взгляд спускался ниже,
На того, кто, распростертый,
Рыцарским копьём пронзенный,
Говорил: «Убей — не сдамся!»

«Убей — не сдамся!» — таков был жизненный и творческий девиз Леси Украинки. Она ненавидела трусливое соглашательство, уступки и компромиссы явных и тайных предателей революционного дела; ей были ненавистны прекраснородушные фразы буржуазных националистов и либералов, которые на деле способствовали угнетению трудящихся масс.

В том же стихотворении «Мечты» поэтесса восклицает:

Шлю проклятье жалкой крови,
Не за родину пролитой!

Поэтесса призывала своих современников, передовых людей родины быть смелыми, решительными и принципиальными борцами за лучшее будущее и никогда, ни при каких условиях не выпускать из рук оружия.

Нужно было обладать большим мужеством, чтобы, преодолевая враждебные влияния и всяческие преграды, идти путем революционной борьбы в тяжелые годы самодержавия. Леся Украинка обладала таким беспримерным мужеством, и недаром Иван Франко в восхищении писал о ней: «Со времени шевченковского «Поховайте та вставайте, кайдани порвите» Украина не слышала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабой, больной девушки». При этом Иван Франко назвал Лесю Украинку единственным мужчиной в украинской литературе своего времени.

Леся Украинка начала литературную деятельность в восьмидесятые годы, в эпоху жестокой реакции и вместе с тем в знаменательную пору пробуждения рабочего класса в России и на Украине, возникновения первых марксистских кружков и борьбы революционного марксизма с народничеством и его теорией «малых дел».

В ту пору царское правительство рядом специальных распоряжений ограничивало распространение украинского печатного слова на всей территории Российской империи. Это наносило серьезный удар по творчеству украинских литераторов и вытравляло из их произведений даже намеки на вольнолюбивые мысли. Часть украинских писателей этой эпохи, забыв боевые заветы Тараса Шевченко, шла по пути народников, прославляла теорию «малых дел», верила в особую миссию украинской интеллигенции, которая должна нести огонь просвещения в народные массы. Во всем этом отражались настроения той части украинской и русской интеллигенции, которая растерялась перед наступающим капитализмом и, видя его теневые стороны, выражала наивную надежду, что зло, приносимое «царством Ваала», может быть смягчено путем христианской проповеди любви и всепрощения.

Наряду с этим в украинской, как и в русской литературе эпохи звучали мотивы разочарования и уныния, призывы к отказу от высоких демократических идеалов 60-х годов. Это приводило к прославлению «не героя», политического обывателя, живущего в кругу узких семейных интересов, или к уходу в мистику, в иллюзорный мир фантазии, далекий от боевых проблем современности.

Иначе обстояло дело с украинской литературой в Галичине. Несмотря на национальный гнет, которому подвергались украинцы, жившие под «опекой» австрийского императора и польской буржуазии и шляхты, все же украинское слово было там гораздо свободнее, чем на Украине. Во главе революционно-демократической литературы стоял Иван Франко, поэт, романист, ученый, публицист, политический деятель. В 80-х годах поэзия Ивана Франко приобрела особенно острый социальный характер. Следуя революционно-демократическим традициям Шевченко и Некрасова, Франко гневно протестует против социальной несправедливости. Но он не только разоблачает жестокость, эгоизм и корыстолюбие правящих классов, но и призывает к борьбе с угнетателями, к восстанию против режима гнета и насилия.

Стихи Ивана Франко, относящиеся к 80-м годам, дышат пафосом революционера, трибуна, зовущего народ к пробуждению, к сознательным боевым действиям против мира эксплуататоров и хищников.

Из всех украинских современников Иван Франко был ближе других по духу молодой Лесе Украинке, только вступавшей на поэтический путь. Ее первые стихотворения печатались во львовских журналах «Зоря», «Народ» и др. Франко можно по праву считать «крестным отцом» Леси Украинки, опекавшим ее на первых порах.

Под воздействием поэзии Шевченко и Франко Леся Украинка смело пошла против течения в украинской литературе, возглавлявшегося буржуазными либералами, которые, рядясь в тогу народничества, прикрывали свою буржуазно-националистическую сущность. Поэтесса гневно осудила нытиков и маловеров, лишь оплакивавших горькую участь родины. Она призвала разбить оковы, а не ждать, что они спадут сами собой.

В 90-е годы поэтический голос Леси Украинки окреп и возмужал. Поэтесса вела борьбу за подлинно народное, демократическое искусство, зовущее массы к революционному действию. Она глубоко осознала, что в предстоящих классовых боях с капитализмом и самодержавием решающую роль сыграет рабочий класс. Во второй половине 90-х годов Леся Украинка сблизилась с русскими и украинскими марксистскими кружками, усиленно изучала классические труды основоположников научного социализма, и все ее творчество развивалось под благотворным влиянием марксистских идей.

Расцвет деятельности Леси Украинки совпадает с третьим, пролетарским этапом освободительной борьбы. В эпоху империализма

и первой русской революции в украинской литературе резко обозначилась борьба между двумя направлениями: демократическим и буржуазно-националистическим.

Выдающиеся демократические писатели отражали в своих произведениях идеологию трудовых масс города и деревни. К этому демократическому лагерю, кроме Леси Украинки, принадлежали такие писатели, как Павло Грабовский, Иван Франко, Михаил Коцюбинский, Василь Стефаник и многие другие. Их творчество определило основные пути литературного процесса на Украине на рубеже прошлого и нынешнего столетия.

Представители буржуазно-националистического направления в прямой или скрытой форме отражали и защищали идеологию эксплуататорских классов. Литература воинствующего национализма уходила от насущных задач действительности в мистику, проповедовала отъявленный индивидуализм, выражала презрение к народу и враждебность к грядущей революции. Поэты буржуазно-националистического направления — Вороний, Олесь, Чупринка и др., идя на поводу у западных и русских декадентов, воспевали трагическое одиночество, «красоту» упадка и умирания, сочетая эти пессимистические мотивы с элементами воинствующего национализма.

В противовес писателям-упадочникам из реакционного националистического лагеря, писатели-демократы Грабовский, Франко, Коцюбинский, Панас Мирный и др. рисовали в своих произведениях борьбу рабочих и крестьянских масс с самодержавно-капиталистическим строем и, наряду с разоблачением гнета и насилия старого режима, уходили мыслью в будущее, набрасывали картины грядущего социалистического строя, создавали образы мужественных и благородных борцов за свободу и народное счастье.

Леся Украинка шла в первом ряду украинских писателей-демократов. В годы, предшествовавшие первой русской революции, она пропагандировала марксистские труды, писала популярные статьи для рабочих, стояла близко к социал-демократическому движению. Она понимала, что борьба передовых художников слова с реакционными есть лишь частное отражение гигантской классовой борьбы между эксплуататорами и трудовым народом. Поэтому в стихах, литературно-критических и публицистических статьях Леся Украинка разоблачала подлинную сущность антинародных, реакционных течений в литературе и искусстве, призывая своих соратников разить боевым оружием слова литературных и политических врагов.

На творческом пути Леси Украинки были отдельные ошибки и заблуждения. Но от начала до конца она была предана великому делу служения родине.

Буржуазные националисты стремились оторвать трудовой народ Украины от братского русского народа, хотели навязать Украине шовинистическую ненависть к русской демократической культуре. Леся Украинка вместе с другими демократическими писателями поддерживала тесную связь с передовой русской общественной мыслью. Она помещала литературно-критические статьи, написанные на русском языке, в марксистском журнале «Жизнь», переводила на украинский язык произведения русских писателей, преклонялась перед поэзией Пушкина, Лермонтова, Некрасова, испытывала на себе животворное воздействие творчества великого пролетарского писателя А. М. Горького.

Леся Украинка твердо верила, что только в союзе с могучим русским народом и другими народами России украинский народ завоеует свободу и пойдет по пути социализма.

2

Леся Украинка (Лариса Петровна Косач) родилась 25 февраля 1871 года в Новоград-Вольнске.

Семья Леси Украинки принадлежала к украинской интеллигенции. Отец поэтессы, Петр Антонович Косач, был образованным человеком. Он горячо любил литературу и прививал эту любовь детям. В доме задавала тон мать Леси Украинки, Ольга Петровна, известная в литературе под именем Олены Пчилки. Поэтесса, беллетристка, издательница журнала «Рідний край», Олена Пчилка придерживалась откровенно реакционных националистических взглядов. Это была властная, самоуверенная женщина, требовавшая от детей полного подчинения. Воспитывая Лесю Украинку, Олена Пчилка старалась дать дочери хорошее образование.

В детстве будущую поэтессу поразил тяжелый недуг — костный туберкулез. По неделям и месяцам девочка была прикована к постели. Она не могла посещать школу, и поэтому ее обучали дома.

В раннем возрасте Леся Украинка обнаружила огромный интерес к различным областям знания, главным образом к литературе, искусству, истории, географии, иностранным языкам. Леся владела не только основными европейскими языками, но и древнегреческим и латинским. Сохранились отрывки из Гомера в ее переводе на украинский язык. Старший брат поэтессы, Михаил, впоследствии профессор математики Харьковского университета, вполне разделял детские влечения Леси Украинки, занимался переводами русских и иностранных писателей на украинский язык и сам писал рассказы и очерки под псевдонимом Михайло Обачный.

Детские годы Леси Украинки протекали главным образом в селе Колодяжном, на Волыни, где находилось небольшое поместье П. А. Косача. Поэтесса жила здесь среди живописной украинской природы. Она познакомилась с бытом крестьян, полюбила народные песни, исторические думы, старинные легенды и сказания. Не раз впоследствии, живя вдалеке от родного края, в сухом и жарком климате Юга, куда ее посылали врачи для лечения, Леся Украинка с грустью вспоминала поля и леса Волыни. Украинский пейзаж вошел в поэзию Леси Украинки как образное воплощение мысли о родине. Уже в девятилетнем возрасте она пишет стихотворение «Надежда», в котором родная Украина дана как синяя ширь Днепра и привольная степь с казацкими курганами. Знаменательна тема стихотворения. Оно посвящено тетке поэтессы, Е. А. Косач, сосланной в Сибирь за революционную деятельность. Леся Украинка в наивных, но прочувствованных стихах рисует тоску сибирской узницы по родной Украине.

На раннее формирование литературного таланта Леси Украинки, несомненно, влияла ее среда. Семья Косачей жила интересами украинской культуры. Мать поэтессы, Олена Пчилка, принимала в своем деревенском доме и в Киеве, где часто жила, видных украинских писателей, представителей науки и искусства. Леся Украинка была хорошо знакома с поэтом и драматургом М. П. Старицким, с композитором Н. В. Лысенко; им она во многом обязана любовью к украинскому народному творчеству.

Известное влияние на Лесю Украинку в начальный период ее творчества оказал ее дядя (брат Олены Пчилки) М. П. Драгоманов. Историк и публицист, Драгоманов, объявив себя в молодости сторонником социалистического учения, на деле стал идеологом украинского национал-либерализма. Впоследствии В. И. Ленин разоблачал «украинского мещанина Драгоманова» и резко критиковал его позиции в национальном вопросе.

Разумеется, Драгоманов с его буржуазно-либеральными взглядами не мог способствовать развитию Леси Украинки в революционно-демократическом духе. Несмотря на противодействие среды, она быстро отрешилась от многих буржуазно-либеральных и народных иллюзий. Леся Украинка стала на путь художника-демократа, призывая народ к революционной борьбе за свержение самодержавия и капитализма. Русская революционно-демократическая литература укрепляла Лесю Украинку в ее мировоззрении. Она высоко ценила произведения Белинского, Добролюбова, Чернышевского и утвердилась в мысли, что подлинный художник должен быть предан высокой идее служения народу. К этому же убеждению

ее приводили и лучшие образцы русской классической поэзии — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, и сатирические произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина, и повести и романы писателей-народников.

В 1884 году во львовском журнале «Зоря» появилось стихотворение тринадцатилетней Леси Украинки «Конвалия» («Ландыш»). Это было ее первое печатное произведение. А через несколько лет, в 1893 году, вышел первый сборник стихов поэтессы «На крыльях песен». Книга была издана во Львове, в недосыгаемости царской цензуры. По просьбе Леси Украинки наблюдение за изданием принял на себя Иван Франко.

Выдающийся поэт с особенным вниманием отнесся к литературному дебюту Леси Украинки, дал ей много ценных советов, а когда книга вышла, написал о творчестве поэтессы весьма положительную статью, в которой отмечал революционные устремления Леси Украинки. Иван Франко писал, что поэзия Леси Украинки — для всех угнетенных призыв к боям за человеческие права, а для всех угнетателей — грозное предостережение.

Содержание сборника «На крыльях песен» неоднородно: наряду со стихотворениями, в которых уже звучали призывы к революционной борьбе, встречались в сборнике и элегические жалобы на горькую судьбу родины, скованной цепями. Но поэтесса в более зрелых стихах дала отповедь нытикам и беспомощным интеллигентам, которые только в весьма туманной форме рассуждали о свободе:

Заржавеют от слез оковы,
Но все же сами не спадут!

. . . . .
Что пользы плакать в мире гнета?
Для нас возвратных нет путей.
Возьмемся лучше за работу,
Добьемся новых, светлых дней!

Леся Украинка скоро освободилась от буржуазно-либеральных влияний среды, и уже в 90-х годах она пришла к убеждению, что решающую роль в освобождении народа должен сыграть рабочий класс. В стихотворении «Предраассветные огни» эта мысль проведена последовательно и выражена в образной форме:

Огни предраассветные, солнце пророка,
Прорезали тьму этой ночи.
Еще не вставала заря —

Они еще блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

Вставайте, живые, в ком дума восстала!
Пора для работы настала!
Гони предрассветную сонь,
Зажги предрассветный огонь,
Покуда заря не взыграла.

В 1899 году вышел второй сборник стихов Леси Украинки — «Мечты и думы». В это время она пробует свои силы и в других областях литературы. В журнале «Жизнь», выходившем в Петербурге при ближайшем участии В. И. Ленина и А. М. Горького, появились литературно-критические статьи Леси Украинки. Она пишет также рассказы и делает первые опыты в области драматургии (драма «Голубая роза»).

В 1902 году появился третий сборник стихов поэтессы — «Отзвуки».

3

В 1897 году Леся Украинка познакомилась в Крыму с Сергеем Константиновичем Мержинским, одним из видных русских марксистов, членом киевской, а потом минской социал-демократической организации. Это знакомство, перешедшее в крепкую дружбу, имело большое влияние на творчество Леси Украинки. С. К. Мержинский, по свидетельству товарищей-революционеров, обладал высокими человеческими качествами. Друг Мержинского В. К. Крыжановская-Тучапская писала: «Сергей Константинович был активным членом одного из первых социал-демократических кружков в Киеве. Позднее этот кружок разросся в одну из крупных русских организаций, которая подготовила и организовала в Минске первый съезд РСДРП. Сергей Константинович был революционером-романтиком, горячей, пылкой натурой, исполненной альтруизма, горячей любви ко всем людям, жаждущей подвига и борьбы. Болезненно впечатлительный, он страдал от всякого проявления насилия и несправедливости...

Вместе с тем он был всегда исполнен возмущения, чувства протеста и духа революционной борьбы, которой он отдавался всей душой. Не получив систематического образования (он не окончил высшей школы), С. К., однако, был человеком очень начитанным, сам сочинял, а также обладал большим художественным вкусом и тонкой эстетической восприимчивостью».

Мержинский принял большое участие в литературных работах Леси Украинки. Он интересовался судьбой ее первой драмы «Голубая роза», посоветовал перевести ее на русский язык и дал писа-

тельнице рекомендацию в редакцию петербургского журнала «Жизнь», где она напечатала ряд литературно-критических статей. Под влиянием Мержинского Леся Украинка стала глубже изучать марксистскую литературу и сделалась пропагандисткой учения научного социализма. Она написала предисловие к украинскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» и предисловие к популярной брошюре польского социалиста Дикштейна «Кто чем живет». Писательница в простой и ясной форме изложила основы учения Маркса и Энгельса, подчеркивая, что теория научного социализма крепко связана с развитием революционного рабочего движения в капиталистических странах.

Публицистические статьи Леси Украинки, написанные в этот период, насыщены светлой, боевой уверенностью в победе социализма. Предисловие к книжке «Кто чем живет» заканчивается замечательными словами: «А для того, чтобы пробил час полного освобождения всех рабочих из рабства, —

Рабочие всех стран, соединяйтесь! Соединяйтесь, как свободный со свободным, равный с равным!

Чья правда, того будет и сила!»

Принимая теорию марксизма как теорию революционного рабочего класса, Леся Украинка, однако, не до конца усвоила ряд существенных положений марксизма. Так, она недостаточно поняла роль диктатуры пролетариата и не до конца разобралась в отношении марксизма к национальному вопросу. Это обусловило ряд противоречий в мировоззрении и творчестве Леси Украинки. Наиболее ярко эти противоречия сказались в двух статьях писательницы: «Оценка проекта украинской социалистической партии» и «Заметки по поводу статьи «Этика и политика». Леся Украинка была хорошо знакома с основными работами Маркса и Энгельса. Руководящая мысль, проводимая в ее публицистических работах, о необходимости единства рабочего революционного движения и научного социализма сложилась под влиянием статей Ленина в «Искре». Леся Украинка много лет хранила у себя комплект ленинской «Искры» — до 1907 года, когда у нее на квартире был произведен обыск.

Дружба с С. К. Мержинским, начавшаяся в Ялте, продолжалась всего несколько лет. Мержинский встречался с Лесей Украинкой в Киеве, в деревенском поместье родных поэтессы, а когда он смертельно заболел в 1901 году, Леся Украинка выехала в Минск и окружила друга нежной заботой. С. К. Мержинский умер в марте 1901 года.

Волевая и деятельная натура Леси Украинки стремилась к активному участию в социал-демократическом движении.

Болезнь, не поддававшаяся ни оперативному вмешательству, ни лечению в теплом климате, лишала поэтессу широкого общения с передовыми людьми. Тем не менее она поддерживала связь с киевскими социал-демократическими кружками, а в 1903 году подумывала переселиться на Западную Украину. Ей казалось, что там, при более легких цензурных условиях, можно шире развернуть литературно-общественную деятельность.

Однако Лесю Украинку постигло разочарование. Один из руководителей украинской радикальной партии в Галиции, М. Павлик, написал поэтессе, что она, переселившись в Галицию, должна будет забыть о политике. Лесья Украинка дала резкую отповедь Павлику: «Неужели я должна была бы в Галиции жить еще тише, чем на Украине. Если это так, то это была бы страшная жертва души... Отказаться «от всякой политики» в литературе и в моих связях с метрополией (т. е. Россией. — А. Д.) никак не могу, потому что этого не позволяют не только мои убеждения, но и мой темперамент... Я не могу, не в силах отказаться от того, от чего до сих пор не отказалась при худших условиях. Тогда надо отказаться мне и от моей поэзии, от моих самых искренних слов, потому что произносить их и писать на бумаге, отрекшись от того дела, на которое они зовут, будет позором».

Глубокая принципиальность была отличительной чертой Леси Украинки. Она считала истину дороже личных отношений и привязанностей. Относясь с глубоким уважением к Ивану Франко, считая его своим учителем, Лесья Украинка непримиримо отнеслась к некоторым политическим ошибкам Франко. В статье «Не так враги, как добрые люди» (1897) она резко критиковала позицию Франко и галицких радикалов в вопросах теории и тактики революционной борьбы на Украине и в Галиции.

Не раз в своих публицистических и литературно-критических статьях Лесья Украинка клеймила позором тех деятелей литературы и науки, которые продавали свои знания и талант правящей клике, которые изменяли высокому долгу служения народу.

В 1897 году Лесья Украинка гневно обрушилась на продажность французских литераторов, которые славословили визит русского царя Николая II в Париж для укрепления «франко-русского союза». В статье «Голос одной русской узицы» она писала: «Позор лицемерной лире, лъстивые струны которой наполняли аккордами залы Версаля... Позор вам, актеры, когда вы своими кощунственными устами произносите великое имя Мольера, который некогда

своей ядовитой насмешкой подтачивал страшного великана, созданного во Франции покойным королем-Солнце. Призрак этого короля, столь бледный накануне, покраснел от радости, услышав ваши песни в Париже, этом городе-цареубийце, каждый камень которого кричит: «Долой тиранию!»

Бывая за границей, куда ей приходилось ездить лечиться по настоянию врачей, Леся Украинка наблюдала жизнь и быт различных слоев общества. Она хорошо поняла изнанку фальшивой буржуазной демократии. Ей было ясно, чего стоит пресловутая «свобода художника» при капиталистическом строе. В статье «Заметки о новейшей польской литературе», помещенной в журнале «Жизнь» в 1901 году, Леся Украинка развенчивает утверждение польских декадентов, что подлинный художник должен быть свободен от политики. Леся Украинка показала, что «свобода» такого художника в действительности является рабской зависимостью от верхушки буржуазного общества, которая оплачивает его экскурсии в область «человеческого духа». Перед художником-реалистом раскрыт широкий мир человеческих чувств и мыслей, а декадент, замкнутый в эгоистическом мире своего «я», вращается в бесплодном кругу «вечных тем» любви и смерти.

Разоблачая мнимую свободу художника в капиталистическом обществе, Леся Украинка писала:

«Что может изображать неограниченно свободный артист в своих творениях? Кажется бы, ответ ясен: все. Какими приемами может он пользоваться? Кажется бы, какими угодно: ведь он абсолютно свободен.

А между тем он не имеет права изображать толпу и обращаться к ней — это дело агитатора; не имеет права входить в художественное общение с каким-нибудь определенным человеческим обществом — это дело ученого; не имеет права обращать внимание ни на политику, ни на всякие «внешние перемены» в жизни народа, а может только основываться на «неизменном и вечном» расовом отличии одного народа от другого...»

Так, в эпоху, непосредственно предшествовавшую революции 1905 года, Леся Украинка последовательно разоблачала декадентов, представителей «чистого искусства», доказывая, что они являются прислужниками эксплуататорских классов и проповедниками реакции, мракобесия и расизма.

Внимательно следя за борьбой между демократическим и декадентским искусством, Леся Украинка дружески поощряла и поддерживала всякое проявление живой творческой мысли в лагере передовой литературы.

В статье «Украинские писатели на Буковине» Леся Украинка дала яркую и проникновенную характеристику творчества поэта О. Федьковича и прозаиков О. Кобылянской и В. Стефаника. Она подчеркнула здоровое демократическое начало в их произведениях, противостоящее безидейности упадочного искусства буржуазного Запада.

Естественно, Леся Украинка уделяла большое внимание творческому методу своих современников и предшественников. Она осуждает натурализм с подробным, почти протокольным описанием действительности, так как он отнимает у художника возможность широких социальных обобщений.

Отвергая бескрылый натурализм, Леся Украинка утверждала реалистическое изображение действительности, боролась за полное, идейно насыщенное демократическое искусство. В этой борьбе она опиралась на материалистическую эстетику великих русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

Леся Украинка была непримиримым врагом реакционного романтизма, уводившего от земли «в голубые дали» или от живой современности назад, в идеализированное прошлое. Она отвергала и напыщенную, неестественную «возвышенность» романтической драмы, но принимала и утверждала революционный романтизм, высоко оценивая в нем здоровое начало боевой патетики и пламенного протеста против косности и пошлости мещанства.

Леся Украинка была воинствующим художником-новатором, и ее романтика всегда оставалась верна жизненной правде, всегда была созвучна живой современности, всегда устремлена не в прошлое, а в будущее.

4

Начало 900-х годов, отмеченное неуклонным нарастанием классовой борьбы, было для Леси Украинки порой напряженного творчества. Она работала в различных жанрах: наряду с лирикой поэтесса написала ряд драматических произведений («Одержимая», «Вавилонский полон», «В доме труда, в стране неволи»), рассказов и литературно-критических и публицистических статей.

В эти годы Лесе Украинке приходилось много путешествовать. Она побывала в Буковине, на итальянской Ривьере, в Крыму и на Кавказе. Болезнь угнетала поэтессу, приковывала к строгому санаторному режиму, вырывала ее на недели и месяцы из творческой жизни. Но Леся Украинка работала с огромным мужеством, преодолевая болезнь. Революционные события 1905 года захватили Лесю

Украинку. Ее письма этого периода насыщены ненавистью к самодержавному строю и исполнены верой в победу народных масс, поднимающихся на борьбу. Когда Олена Пчилка писала дочери в Тифлис, где поэтесса находилась в начале 1905 года, убеждая ее «писать поспокойнее», она была возмущена этими советами матери и отвечала, что захвачена происходящей в стране «борьбой весны и зимы» (цензурное определение борьбы революции и контрреволюции): «В Тифлисе также был один такой «весенний» день, когда лужи человеческой крови стояли на тротуарах до вечера. Не до спокойных тем в такой обстановке...» (Письмо к матери от 6/II 1905 года.)

В другом письме (А. Е. Крымскому от 3/XI 1905 года) Леся Украинка красноречиво говорит о том направлении, которое приняло ее творчество в бурные дни революционного подъема: «...В поэзии я достигла неожиданной гармонии между настроением моей музыки и общественным настроением (это далеко не всегда бывало!). Мне как-то не приходится даже напоминать этой своевольной богине об ее общественном долге — так очаровал ее суровый багрянец красных знамен и говор бурной толпы. Я даже не понимаю, что за удовольствие этой *citoyenne Muse*¹ возиться теперь с таким немощным созданием, как я: на ее месте я избрала бы поэта с такой героической фигурой, как В. Гюго, с голосом, как у Стентора, приложила бы ему рупор к устам и вещала бы через это усовершенствованное приспособление свою волю на весь мир. Но, видно, у богов никогда не было и не будет логики...»

В октябре 1905 года Леся Украинка была в Петербурге. Она видела мощные рабочие демонстрации и жила теми бодрыми и радостными настроениями, которыми была охвачена столица. Непосредственные впечатления от революционных выступлений народных масс отразились в таких стихотворениях Леси Украинки, как «Песни про волю».

В 1905 году Леся Украинка написала два драматических произведения — «В катакомбах» и «Осенняя сказка».

В «Осенней сказке» поэтесса аллегорически изобразила революционные события 1905 года. Драматическая поэма «В катакомбах» — пламенный гимн неугасимому человеческому влечению к справедливости и свободе, прославление «прометеизма», титанического порыва к борьбе с неправдой — религиозной и социальной.

Разгром революции 1905 года царскими властями при помощи карательных отрядов и виселиц тяжело отразился на положении пе-

---

¹ Гражданке Музе (франц.).

редовых сил страны. Они не были сломлены, но перегруппировывались и готовились к новым решительным схваткам с самодержавием и капитализмом. В лагере интеллигенции произошел раскол. Наименее стойкие из интеллигентов, принимавших участие в борьбе, не только сложили оружие, но и оказались предателями, перешли на сторону врагов народа. Другие, отойдя в страхе от боевых задач современности, превратились в обывателей, малOVERов и нытиков.

Леся Украинка в новом для нее, сатирическом жанре разоблачала либералов, бичевала мягкотелость и отступничество слабонервных интеллигентов.

Упадочные настроения худшей части интеллигенции отразились и в буржуазной литературе поры реакции. Столпы русского декадентства старались оправдать ренегатство и измену революции, уходили в мистику и проповедовали половой разврат и самый отвязленный индивидуализм.

Леся Украинка, как и другие художники-демократы, разоблачала предателей и малOVERов (драматический этюд «На поле крови», драматическая поэма «Кассандра»), раскрывала их пагубную роль для общества. Наряду с этим поэтесса создавала образы стойких, мужественных борцов за человеческое счастье («Руфин и Присцилла», «Адвокат Мартиан»). Именно в это время горячий призыв Леси Украинки — умереть, но не сдаваться! — звучал с особенной силой.

Последние годы жизни Леся Украинка отдала драматургии. В 1911 году была написана драма-феерия «Лесная песня». Поэтесса раскрыла чудесный мир украинского фольклора и в форме волшебной сказки сложила гимн красоте и силе могучей природы.

В следующем, 1912 году была написана драма «Каменный хозяин», где Леся Украинка придала новое, вполне оригинальное толкование образу Дон-Жуана, пленявшему многих ее предшественников.

Костный туберкулез, туберкулез легких и почек подрывали организм Леси Украинки. Несмотря на физические страдания, причиняемые недугом, поэтесса продолжала работать. Жить — означало для нее творить. Ей приходилось попрежнему проводить большую часть года вдали от Украины, на юге. В 1912 году по предписанию врачей Леся Украинка отправилась в Египет и жила в Гелуане.

Силы оставляли поэтессу, но она не теряла мужества до последних дней. За два месяца до смерти Леся Украинка писала Ольге Кобылянской: «...Ну что ж, ведь и лежащим светит солнце и на них смотрят звезды, и драгоценный пурпур египетского заката

им виден, и золотая пустыня навевает свои жаркие полуденные грезы, и они проходят перед их глазами. Это все еще не отнято у меня, так зачем же мне очень на печальный лад настроиваться? Да здравствует жизнь!..»

Леся Украинка вернулась из Египта в тяжелом состоянии. Она недолго прожила на Кавказе и умерла 31 июля 1913 года в Сураме (Грузия). Останки поэтессы были перевезены в Киев и погребены на Байковом кладбище.

Большевистская газета «Рабочая правда» поместила некролог, в котором говорилось, что Леся Украинка, «стоя близко к освободительному общественному движению вообще и пролетарскому в частности, отдавала ему все силы, сеяла разумное, доброе, вечное. Нам надо сказать ей спасибо и читать ее произведения».

В том же некрологе было сказано: «Леся Украинка умерла, но ее добрые произведения долго будут будить нас к работе — борьбе. Добрая, вечная память писательнице — другу рабочих».

3

Леся Украинка вступила в литературу прежде всего как лирик.

Рано поставив для себя вопрос об общественной роли поэта, она поняла, что подлинный поэт должен служить народу, звать его на борьбу, быть провозвестником лучшего будущего. В стихотворении «Мой путь» Леся Украинка говорит о своей песне как о средстве объединить людей на общем пути. Поэтесса клянется никогда не изменять своему делу:

И тернии ли встречу я в пути
Или цветок увижу я душистый,
Удастся ли до цели мне дойти
Иль раньше оборвется путь тернистый —
Хочу закончить путь — одно в мечтах —
Как начинала: с песней на устах!

Жалкие украинские поэты — буржуазные либералы, забыв о боевых традициях гневной музыки Тараса Шевченко, изливались в тоске и печали, кляня «несчастную долю своей Украины». Леся Украинка ответила таким плакальщикам стихотворением «Contra spem spero»:

Да! И в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, печальные, прочь!

Откуда же черпала силы Леся Украинка? Она верила в несокрушимую мощь народа, который лишь до поры до времени будет терпеть насилие и гнет. Она пришла к убеждению, что рабочий класс

восстанет и завоюет свободу. В стихотворениях 90-х годов у Леси Украинки звучат оптимистические, светлые ноты веры в будущее. Она как бы видит золотые лучи солнца, которые прорезывают черную ночь самодержавия. Она уже различает в редеющем мраке осенней ночи «предрасветные огни», первые проблески пробуждения пролетариев. Перед мысленным взором поэтессы уже в ту пору застоя и безгласности открываются широкие и радостные перспективы народного движения. Она обращалась к передовым людям своего времени с горячим призывом:

За правду встанем единой ратью,
У нас единый правый путь.
Единой верой сильны мы, братья,
Одним дыханьем бьется грудь.

. . . . .

Все к нам, кто правду ценит свято,
Кто жизнь отдать за правду рад.
Его мы примем, точно брата,
Кто любит правду — тот нам брат.

Тема борьбы за национальное и социальное освобождение народа не носит у Леси Украинки абстрактного характера. Эта тема звучит в ее творчестве призывом к революционному действию, к вооруженному восстанию народных масс для свержения самодержавия. Разумеется, цензурные условия мешали Лесе Украинке говорить полным голосом. Ей приходилось прибегать к иносказаниям, аллегориям, она пользовалась мифологическими и библейскими сюжетами и образами. Однако за широтой сюжетов и тем, за разнообразием поэтических форм и приемов чувствовалась основная, неотвязная мысль поэта-трибуна, поэта-борца.

Как подлинно революционный художник, Леся Украинка придавала огромное значение боевому слову, зовущему на бой:

Слово, оружие, готовое к бою,
Мы не погибнем напрасно с тобою!
Может, в руках неизвестных друзей
Станешь мечом ты на их палачей.

Звякнет клинок и о цепи ударит,
Эхо к твердыням тиранов направит,
Встретит бряцание братских мечей,
Звуки иных, не тюремных речей.

Мстители сильные вместе с тобою
Выступят дружно, готовые к бою...
Слово мое, послужи ты бойцам
Лучше, чем служишь ты слабым рукам!

Мысль о борьбе за освобождение родины неразрывно связана в лирике Леси Украинки с любовью к ней. Горячий патриотизм пронизывает всю лирику Леси Украинки — от раннего цикла «Путешествие к морю» и до стихов последних лет. Знаменательно, что патриотические мотивы в лирической поэзии Леси Украинки имеют определенную социальную окраску, как это мы видим в лирике ее учителей — Тараса Шевченко и Ивана Франко. Светлые картины живописной украинской природы сочетаются с правдивым показом лишений и страданий угнетенного трудового народа. Образ Украины — это образ истерзанной и печальной матери, которой могут и должны помочь ее родные, любимые дети. Тоска поэтессы, видящей муки родины, — не созерцательная, пассивная тоска беспомощных людей. Ее печаль носит действенный характер. Это печаль бойца, трибуна, который ищет спасения не в слезах, а в боевых действиях против угнетателей и обидчиков. Тема любви к родине переплетается с темой борьбы за ее освобождение. Это придает патриотизму Леси Украинки боевой характер.

Пейзаж играет двойную роль в лирике Леси Украинки. Во-первых, он реалистичен: картины Крымского побережья, лесов и пригорков Волыни, южных степных просторов насыщены сочными деталями, любовно вырисованы поэтессой. Так, например, описание развалин турецкой крепости Аккерман у Днестровского лимана, данное в цикле «Путешествие к морю», буквально передает путевые впечатления Леси Украинки, описанные в письме к брату Михаилу.

Во-вторых, пейзаж играет роль аллегории, помогает резче вывить поэтический замысел. Стихотворение «В ненастную тучу собралась кручина моя» дает образец такой символики, хорошо знакомой нам хотя бы по «Песне о Буревестнике» Горького: изображая грозную непогоду уже не как реальность, а как аллегорию тяжелого политического гнета, поэтесса рисует образ бойца, не боящегося раскатов приближающейся грозы:

Я гордо чело подняла,
И взором, омытым слезами, теперь я взглянула яснее,
И в сердце моем зазвучали победные песни.
Весенняя сила в душе заиграла,
Ее не сломили морозы суровой зимы,
Ее не пригнуло туманом тяжелым к земле,
Ее не разбила весны перелетная буря.

В предреволюционные годы Лесья Украинка неустанно поднимала боевой дух в сердцах своих товарищей, упрямая их в нестойкой покорности злым силам реакции:

Мы — паралитики с горящими глазами,
Наш дух могуч, но плотью мы слабы.
Хоть крылья гордые за нашими плечами,
Но мы к земле прижаты, как рабы.

Презируя соглашательство, готовность прекраснодушных и ослабленных интеллигентов итти на уступки реакции, Леся Украинка учила ненавидеть врагов, призывала громить и уничтожать их, но «не быть дождиком осенним».

Признаться, не боюсь, что вспомнить вам случится
Жестокой ненависти ярый пыл.
Что ж, — ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил.

Когда вы вспомните, какие муки
Борцам за правду принесли враги,
Ведь разве не сожмутся ваши руки
От жажды мщенья в кулаки?

(«Другу на память»)

По мере нарастания революционного движения в лирике Леси Украинки все чаще возникают темы, связанные с ролью народных масс в борьбе за освобождение. Поэтесса воспевае творческий труд народных масс, который живет века, утверждая бессмертие народа. В замечательном стихотворении «Надпись в руине» поэтесса показала, что египетские пирамиды и величественные здания, построенные народом, являются памятниками не фараонам и богачам, а народу — великому создателю:

Певцы, ученые, мечтая, не старайтесь
Найти царя исчезнувшее имя:
Судьбою создан из его могилы
Народу памятник — да сгинет царь!

Идея солидарности трудящихся всех стран вдохновляет Лесю Украинку на создание стихотворения «Дым». Она хорошо знала жизнь трудящихся за рубежом и не создавала себе иллюзий насчет «свобод» буржуазной демократии. Поэтесса видела, как немецкие, французские, итальянские рабочие влчат ярмо капиталистического рабства и как правящие классы Западной Европы, прикрываясь либеральными фразами, безжалостно эксплуатируют трудящихся.

Стихотворению «Дым» поэтесса придает форму дорожной зарисовки. Она подъезжает к Генуе и в рабочем предместье итальянского города видит частокол фабричных труб, а между ними — жалкие домики изможденных, бледных рабочих, пропитанных дымом,

который застилает небо и прячет от взоров трудового человека радость солнечного дня. Поэтесса вспоминает родину — сахарные заводы на Воляни, родной дым:

Тот итальянский дым проник мне в сердце,
И сердце больно сжалось, онемело
И уж не говорило мне — «чужбина».

Эти мысли поэтессы о пролетарском интернационализме целиком совпадают с ее публицистическими высказываниями о необходимости единения всех трудящихся для совместной борьбы.

Революция 1905 года вызвала огромный подъем творчества Леси Украинки. Красные знамена восставшего народа, революционные песни, твердая поступь рабочих отрядов на улицах городов, боевой пыл трудовых масс — все это отразилось в лирике поэтессы исторического 1905 года. Многолетняя мечта лучших людей страны, казалось, была близка к осуществлению. Поэтесса писала:

Мечта, не предай! Ты так долго лила свои чары —
Жадное сердце насыщено ими до дна.
Не отторгнут меня от тебя никакие кошмары,
Мне ни мука, ни самая смерть не страшна.

Для тебя я давно от других отказалась мечтаний,
А теперь я не грезю, а жизнь я свою отдаю.
Пробил час — и в душе своей я поднимаю восстанье,
Не свернуть мне с пути, на котором стою.

В цикле «Песни про волю» звучат призывы к защите завоеваний рабочего класса. Пусть раздаются не унылые песни, оплакивающие погибших борцов, а боевые гимны борьбы за народное счастье!

Леся Украинка осуждает тех интеллигентов, которые отказались от революционного действия при первом появлении карательных отрядов («Нагаечка»). Когда начался террор душителей народного движения и разгулявшаяся «черная сотня» стала делать свое гнусное дело, Леся Украинка выступила в новом для нее, сатирическом жанре.

Передовые украинские писатели — Коцюбинский, Тесленко и др. создали в эту пору ряд сатирических произведений, в которых разоблачали буржуазных либералов, растерявшихся интеллигентов, предателей и ренегатов. Леся Украинка в цикле сатирических стихотворений «Пан-народник», «Пан-политик», «Веселый пан», «Практичный пан» дала галерею врагов народа, почувствовавших свою силу в годы реакции. Веселый пан пирует, в то время как во дворе его усадьбы отряд карателей избивает голодных крестьян.

Практичный пан не ждет, что восставшие крестьяне отберут у него зерно. Он сам раздаст его крестьянам, а затем при помощи властей взыщет данное зерно с хорошими процентами.

Пан-народник решает издавать газету для мужиков. Правда, в этой газете нет ни слова о политике, зато есть много «полезных» советов, как обрабатывать землю. Не его вина, что у крестьян нет земли. Однако газету они должны у него покупать во что, бы то ни стало!

В последний период творчества, совпадающий с годами реакции, наступившей после революции 1905 года, Леся Украинка жила светлой верой в силы родного народа, который в союзе с другими народами России поднимется для новой и окончательной борьбы. Не раз она высказывала горькое сожаление, что болезнь мешает ей активно участвовать в этой борьбе:

Ох, борцы, когда б вы знали,
Как томят в бессилья руки,
Как лежать в постели тяжко
Скорбным пасынком недоли,
Положась на милость бури,
На чужой талант и волю.
Чем же тешиться такому?
Только думою своею...
Вы, борцы, ее примите.
Это все, что я имею.

(«Эпилог»)

В порыве творчества, в страстной жажде деятельности поэтесса восклицала:

Кто вам сказал, что я хрупка,
Что я покорна доле?
Трепещет ли моя рука
Иль в песнях нет раздолья?

Вы слышали, как завела
Я скорби песнопенье, —
То буря вешняя была,
Не хмурь поры осенней.

(«Кто вам сказал»)

Вечно молодое сердце Леси Украинки жило мечтой о «вешней буре», которая придет и сокрушит дотла старый мир насилия и порабощения. Незадолго до смерти поэтесса написала сказку про великана, который разорвет путы и восстанет для привольной, счастливой жизни; тщетно его враги утешают себя мыслью, что он скован навсегда. Но придет время — «иль через год, иль через сто, а может, до рассвета» —

И встанет великан тогда,
Расправит плечи снова
И разорвет в единый миг
Железные оковы.

Леся Украинка не дожила всего нескольких лет до этого великого восстания народа, до исторических дней Октября. Но она никогда, даже в самые черные дни реакции, не падала духом, не теряла веры в светлое будущее своего народа. Этот оптимизм поэта-гражданина озарял ее жизнь и творчество. Она, скованная болезнью, часто лишённая общения с людьми, горячо любила жизнь во всех ее проявлениях. Мы уже видели, с какой любовью и нежностью поэтесса рисовала пейзажи родной страны, как горячо любила она природу. Природа была для нее вечно живой, непрерывно меняющейся и постоянной в единстве смен. Весна, с богатством красок и ароматов, с симфонией звуков и птичьих голосов, была для Леси Украинки олицетворением жизни, творчества, боевой энергии. В стихотворении «Победа» поэтесса говорит о том, как весна поощряет ее, разгоняя черные мысли и обещая счастье и радость.

Зима, с белой пеленой снега, холодным ветром, омертвелой природой, олицетворяет покой, тишину, забвение. Но под снежным покровом таится новая жизнь, которая пробудится весной, и поэтесса в холодную пору зимы — общественной, политической — с замиранием сердца ждет первых признаков приближающейся весны. Образы времен года, вполне реальные, — вместе с тем и иносказания для выражения социальных чувств и мыслей поэтессы.

Личное и общественное сочетались в творчестве Леси Украинки. Раз навсегда придя к мысли, к непоколебимому решению, что подлинный художник в своих чувствах и действиях неразрывно связан с народным делом, Леся Украинка всю себя раскрывала в поэзии и отдавала эту поэзию своему народу.

Вот почему и в стихах Леси Украинки, носящих интимный характер, перед нами выступает облик чуткого, благородного человека-гражданина.

Стихотворения, которые Леся Украинка посвятила С. К. Мержинскому за время их недолгой дружбы, особенно в период его смертельной болезни, долгие годы покоились в рукописных архивах поэтессы и только недавно увидели свет. Какая-то особая деликатность мешала поэтессе раскрыть перед читателем свое страдающее сердце. Об этом она сама прекрасно высказалась в письме к Ивану Франко по поводу его глубоко личного стихотворения «Из дневника»: «Я понимаю ваше чувство, что вы как бы несколько стыдитесь этих стихов, но понимаю не потому, что нахожу смысл в этой

стыдливости, а только потому, что по себе знаю это чувство. Однако я думаю, что наши личные мысли и чувства чего-нибудь да стоят, если нам не то страшно, не то немного стыдно выносить их на перекресток. Значит, это искреннее, острое чувство, или горячее, или до боли холодное» (13/1 1903 года).

В конце 90-х годов, когда в России шла подготовка революционных сил, Леся Украинка считала, что личная, интимная лирика должна уступить место большим социальным темам. Но вместе с тем она прекрасно понимала, что художник не может не выражать многообразия своего внутреннего мира, своего восприятия жизни во всех ее проявлениях. «Когда его (поэта. — А. Д.) что-нибудь поразит или опечалит, тотчас же у него огнем загорится сердце, а в голове так быстро зароятся мысли, что кажется, если их не остановить или не выразить ясными и громкими словами, если не передать их искренно и стройно, то можно сойти с ума или впасть в такую тоску, что сердце разорвется».

В архивах поэтессы есть много черновиков интимной лирики, которая стала только теперь достоянием читателей. На четвертушках бумаги, карандашом, Леся Украинка в лирических строках говорила о своих переживаниях, личных радостях и печалях, и нас глубоко волнуют эти стихи, из которых как бы вырывается то нежный, то суровый, всегда задушевный голос любящего и страдающего человека.

6

В литературном наследстве Леси Украинки поэмы занимают видное место. Уже в ранний период творчества поэтесса пробовала свои силы в этом жанре. Но ее первые поэмы «Русалка» и «Самсон» были еще художественно слабыми произведениями, а по идейному замыслу они гораздо ниже ее политической лирики того же времени.

Первой значительной поэмой Леси Украинки надо признать «Старую сказку» (1893).

В центре поэмы — народный поэт, который выше всего ставит свободу творчества. Эта свобода творчества истолкована Лесей Украинкой не как стремление отдать себя капризу своевольной фантазии, а как высокое и сознательное служение своему народу.

Леся Украинка переносит действие «Старой сказки» в феодальное средневековье. Народному поэту, живущему в бедной хижине, противопоставлен пышный рыцарь Бертольдо, владетельный хозяин замка. Но Бертольдо — надменный и хищный угнетатель, живущий волчьими интересами феодала, а поэт — свободен и счастлив, по-

тому что никто не может отнять у него великого дара владеть человеческими сердцами и внушать им чувство справедливости и ненависть к врагам.

В тяжелые времена рыцарь Бертольдо вынужден обратиться за помощью к поэту. Народные певцы, ученики поэта, поднимают дух войска Бертольдо, отражающего натиск врагов, вторгшихся в страну.

Бертольдо желал бы сделать поэта своим придворным, одеть его в бархат и набить его кошелек золотыми червонцами. Но поэт не хочет изменить высокому долгу народного певца, не может про- дать свою свободу:

Золотых венков не надо,
С ними счастья не добуду,
Буду золотом увенчан —
И поэтом я не буду!

Не поэты те, чьи мысли
Вольно не живут на свете, —
Их опутали навеки
Золотые эти сети.

Не поэт, кто забывает
О страданиях народа,
Золотыми кандалами
Он сковал свою свободу.

Когда приходит час народного восстания против угнетателя Бертольдо, пламенная песня поэта воодушевляет повстанцев. Но поэт брошен в темницу. Он погибает, а песня его, зовущая на бой, остается жить в народе.

Такова «старая сказка», которая была новой былью для со- временности Леси Украинки; она видела немало продажных поэтов, изменявших своему высокому назначению ради земных благ.

Тема народного восстания, намеченная в «Старой сказке», раз- работана значительно и глубже в другой поэме — «Роберт Брюс, король шотландский» (1893).

Леся Украинка обратилась к истории борьбы шотландского на- рода за национальное и социальное освобождение. Восстание шот- ландских крестьян, изображенное в поэме, проходит под лозунгом: «За волю и за родной край!»

Поэтесса показывает, что борьба носила упорный характер. Не раз плохо вооруженные и необученные повстанцы терпели пораже- ние. Но Роберт Брюс, возглавлявший восстание, был упорен. Он стойко держался и внушал бодрость своим воинам. Наконец победа была одержана, и шотландский народ освободился от двойного гнета: своих феодалов и иноземных захватчиков.

Эпизод средневековой истории освещен Лесей Украинкой произвольно. Роберт Брюс, ставший на время главарем крестьянского восстания, на самом деле не был идеальной фигурой народного борца. Им двигали мотивы честолюбия и желания завладеть шотландским престолом. Но Лесе Украинке было важно нарисовать цельный образ героя освободительного движения, и фигура Роберта Брюса оказалась для этого весьма подходящей.

С удивительной проникновенностью в далекие эпохи и жизнь чужих народов Леся Украинка рисует картины средневековья («Старая сказка», «Роберт Брюс»), ведет в фантастический мир рыцарского романа («Изольда белорукая») или увлекает образами сербского народного эпоса («Ви́ла-посестра»).

Не во всех этих поэмах социальная тема звучит с одинаковой силой, но всегда мотивы стремления к свободе и счастью являются преобладающими.

Когда сербский юнак теряет волю к борьбе за свободу, Ви́ла-посестра, горячо любившая его, убивает юношу, потому что он недостоин жить, утратив пыл борца.

Особняком среди поэм Леси Украинки стоит небольшая поэма «Одно слово».

На суровом севере, среди якутского народа, живет ссыльный революционер. Его мужественное сердце горит суровой правдой, которую он хочет передать якутам. Он хочет им сказать о свободе, которую надо завоевать. Но он не знает, как объяснить это волшебное слово «свобода», не представляет себе, знает ли о нем народ дальнего севера.

В этой поэме Леся Украинка вывела в образе политического ссыльного — украинского поэта-революционера Павла Грабовского.

Поэмы Леси Украинки в идейном и художественном отношении составляют единое целое с ее лирикой.

7

Основным творческим жанром Леси Украинки надо признать драматургию. Поэтесса обратилась к ней еще в 90-х годах, а в течение десяти последних лет жизни (1903—1913) создала лучшие свои драматические произведения.

Уже в детстве Лёся Украинка обнаружила любовь к театру. Приезжая в Гадяч, в имение бабушки — Драгомановой, она часто устраивала любительские спектакли, в которых выступала как режиссер, декоратор и суфлер. Впоследствии в письмах к матери Леся Украинка не раз с нежностью вспоминала об этих спектаклях в Га-

дяче. Уже в зрелом возрасте, путешествуя по русским и заграничным городам, поэтесса спешила посмотреть новые пьесы и ознакомиться с игрой выдающихся актеров. Она прекрасно знала классическую и живо интересовалась современной ей украинской, русской и западной драматургией.

Принимаясь за написание своей первой пьесы «Голубая роза», поэтесса хотела создать драму, по своему сюжету и стилю выходящую за рамки украинской бытовой или героико-романтической драмы. В «Голубой розе» показаны интеллигенты, люди со сложной и противоречивой психикой, свойственной декадентам конца прошлого века. Анализ «Голубой розы», произведения незрелого, лишённого драматического действия, показывает, что Леся Украинка была хорошо знакома с современными ей течениями в области психологической и натуралистической драмы, в частности — с новаторскими приемами драматургии Чехова, пьесы которого ставились на сцене киевского театра Соловцова; Леся Украинка была частой посетительницей этого театра.

В 1898 году «Голубая роза» была поставлена в Киеве украинской труппой Кропивницкого. Но спектакль успеха не имел. Критика отрицательно отнеслась к дебюту молодого драматурга.

В конце 90-х годов Леся Украинка написала драматургический этюд «Прощание», по манере письма и психологической разработке характеров весьма близкий к «Голубой розе». И здесь герои, юноша и девушка, разговаривают словами-недомолвками, обрывают фразы, прибегают к символическим приемам.

В этих ранних драматических произведениях Леся Украинка нащупывала самостоятельные пути для создания образов современного ей человека, интеллигента, не находящего счастья в условиях уродливой, гнетущей жизни. Но поэтесса вскоре убедилась, что ни бытовая, натуралистическая драма, ни символично-психологические этюды не могут вместить ту глубину идейного содержания, к которой она стремилась.

В связи с четким пониманием революционной роли художника-демократа в современном ей обществе, Леся Украинка остро ставила для себя вопрос об идейной насыщенности, о тенденциозности в искусстве. Она отвергала ту прямую и назойливую тенденцию, которая приводила к схематичности и антихудожественности образов. Но вместе с тем Леся Украинка с полным правом утверждала, что все великие поэты мира по-своему тенденциозны. Она писала, что родоначальник итальянской поэзии Данте, изображая ужасы ада, не забывает о жестокой политической борьбе, раздирав-

шей Италию в его время, и выступает с определенными тенденциями гвельфа, который не может простить даже мертвым врагам, гибеллинам, их преступлений против родины.

Утверждая тенденциозность в искусстве как общественно-политическую идейность художественного произведения, Леся Украинка добивалась, чтобы эта тенденциозность выступала не сама по себе, в грубом и неприкрытом виде, а раскрывалась перед читателем и зрителем в яркой, образной форме.

«Если я буду тенденцию за волосы тянуть, — писала Леся Украинка, — то всем будет слышно, как волосы у несчастной трещат. А она, если захочет, то и сама ко мне придет, тогда уж я ее не прогоню».

К концу 90-х годов Леся Украинка убеждается в том, что подлинно демократическое, революционное искусство должно идти путями художественного реализма; только тогда художник-реалист может ставить большие и острые проблемы современности, выводя их за рамки камерных, психологических переживаний.

В 1898 году Леся Украинка начинает писать драматическую поэму «В пуще», законченную много лет спустя. В этой драме Леся Украинка овладевает методом художественного реализма.

Поэтесса переносит действие в далекую эпоху и чужую страну, в Америку XVII столетия. Здесь происходит конфликт между художником Ричардом Айроном, подлинно творческим человеком, и сухой, практически-прозаичной пуританской общиной американских переселенцев из Старого света.

Пьесе Леся Украинки нельзя назвать исторической. Обратившись к прошлому, она раскрывает вполне современную для нее проблему положения художника в обществе, его взаимоотношения с этим обществом и с защитниками строя несправедливости и насилия. Поэтесса по личному горькому опыту знала, как трудно революционному художнику пробивать себе дорогу в литературе и в жизни, она видела, что не только в царской России, но и за ее пределами передовые писатели терпят множество невзгод и лишений, знают голод и нужду, преодолевают цензурные рогатки, чтобы донести свободное слово до своего народа.

Интересно отметить, что в одном из писем к Ивану Франко Леся Украинка, говоря о тех трудностях, которые ему приходилось преодолевать, признавалась, что думала о нем, когда создавала «свою драму о скульпторе среди пуритан в диких дебрях первых американских колоний».

Речь шла, разумеется, о драматической поэме «В пуще».

Нелепо было бы думать, что Иван Франко послужил моделью для основного героя драмы, скульптора Ричарда Айрона. Однако несомненно, что Леся Украинка видела перед собой обобщенные образы собратьев — творческих людей, обреченных на одиночество и непонимание в капиталистическом обществе.

Леся Украинка вполне правильно утверждала, что только тот художник имеет право на существование и на интерес к нему со стороны народа, который вступает в борьбу с консервативной и косной средой и который в этой борьбе черпает животворные силы. Иначе формулируя эту мысль, Леся Украинка писала в одной из своих статей, что без «борьбы, этой непрременной основы жизни, невозможна трагедия, придающая глубину и смысл жизни».

Главный герой драмы «В пуще» — художник-скульптор Ричард Айрон воспитывался в Италии, увлекался светлым и гармоническим искусством мастеров Возрождения. Ричард Айрон приезжает в американские прерии, к матери-колонистке, ярой пуританке, чтобы поселиться здесь и заняться творческой деятельностью. Но ему приходится столкнуться с фанатической враждебностью к искусству со стороны окружающего пуританского общества и особенно — лицемерного и непримиримого проповедника Годвинсона.

Ричард Айрон вступает в борьбу с Годвинсоном и его сторонниками. Скульптору глубоко отвратительна проповедь религиозной нетерпимости и отречения от радостей жизни. Но здесь все заражено духом постного и лицемерного пуританства. От Ричарда отрывается его мать Эдит, находящаяся во власти Годвинсона. Ничем не может помочь ему и сестра Кристабел, смиренная и забитая женщина. Друг Ричарда, скульптор Джонатан, также отшатывается от него. Только племянник Дэви понимает Ричарда, но он еще слишком молод, чтобы быть союзником в борьбе.

Ричард не хочет рвать с общиной, но и не может перенести того насилия над ним, которое совершают Годвинсон и прочие пуритане-колонисты.

Ричард создает изваяние, для которого натурщицей служит индианка. Разъяренная толпа фанатиков видит в этой скульптуре греховные стремления Ричарда и уничтожает творение мастера.

Ричард Айрон вынужден покинуть колонию Массачузета и уехать в пущу Род-Айленда.

Обитатели Род-Айленда не заражены пуританским фанатизмом. Они не преследуют искусство Ричарда, но оно им не нужно и непонятно. В мелкособственническом и торгашеском мирке жителей Род-Айленда Ричард чувствует себя одиноким. Здесь его скульп-

тура может служить лишь манекеном портнихе или игрушкой ребенка.

Бегство Ричарда Айрона от борьбы оказалось бегством от жизни и привело к трагической опустошенности его как художника. Он остается жить в Род-Айленде, но его творческий дар погибает, и он сам себя зовет «бездушным телом».

Ясному и благородному образу скульптора Ричарда Айрона противопоставлен мрачный пуританский проповедник Годвинсон. Это душитель свободы мысли и чувства, рабовладелец в области духа, достойный предок современных американских мракобесов, носителей самых реакционных теорий буржуазии в период ее разложения и морального загнивания. Леся Украинка всесторонне раскрывает психологию Годвинсона и правдиво показывает его деспотизм, страшную самовлюбленность, злобную мстительность, изуверскую неприимимость. Мать Ричарда Эдит, его сестра Кристобел, как и другие жители колонии, являются жертвами этого пуританского фанатика.

Драма «В пуще» была закончена в 1909 году, в период реакции, когда в декадентской литературе звучали призывы к уходу от жизни и ее жгучих проблем в область «чистого искусства». Леся Украинка осудила в своей драме бегство художника от жизни и показала, что оно равносильно духовной смерти.

Тема ненависти к врагу во имя человечности и любви к свободе и справедливости, встречающаяся очень часто в лирике Леси Украинки, является одной из основных тем ее драматургии.

В 1901 году поэтесса написала драматическую поэму «Одержимая». Сюжет поэмы связан с евангельской легендой о Мессии (Христе) и Мириам (Марии Магдалине). Поэтесса вложила в традиционную легенду новое идейное содержание и ввела в толкование основных образов атеистические мотивы, разоблачая реакционную роль христианской проповеди любви к врагам.

Мессия проповедует смирение и покорность. Он требует от своей горячей последовательницы Мириам любви ко всем людям, даже к врагам.

Но Мириам, жертвенно преданная Мессии, не может принять этой проповеди. Она знает, что любовь к добру и справедливости должна сочетаться с ненавистью к врагам, которые посягают на высокие человеческие права. Таких врагов Мириам глубоко ненавидит:

О, каждая усмешка фарисея
Мне ненавистней скорпиона злого.

.....

В моих глазах тогда сверкают копыя,
В моих словах оружие бряцает.

Тщетно Мириам призывает Мессию остерегаться врагов-предателей. Они побивают камнями Мириам. Ее жертвенность оказалась бесполезной, а учение Мессии о «непротивлении злу» — пагубным не только для него, но и для его учеников и последователей.

Еще острее, чем в «Одержимой», поставлен вопрос о пагубном влиянии проповеди покорности и «непротивления злу» на народные массы в драматической поэме «В катакомбах». Поэма написана в 1905 году, в период подъема революционной борьбы, когда царское правительство при помощи христианской проповеди старалось разложить революционное движение.

Леся Украинка выступила как воинствующий художник-атеист, разоблачающий реакционную роль церковного учения о покорности и добровольном рабстве во имя грядущего «райского блаженства».

Действие поэмы происходит во II веке н. э. в катакомбах близ Рима, где собираются христиане, скрываясь от преследований язычников-римлян. В этой маленькой христианской общине резко чувствуется классовое расслоение: на словах все члены общины — братья, на деле же богачи и бедняки, господа и рабы составляют два непримиримых лагеря. Епископ и клир явно поддерживают интересы господ и учат рабов смирению и покорности.

Раб-неофит приходит в христианскую общину в поисках правды и справедливости. Он вступает в спор с епископом, который старается научить нового члена общей христианской морали «непротивления злу».

Епископ — опытный и опасный демагог. Он прибегает ко всяким доводам, чтобы держать в подчинении мысли и чувства раба-неофита. Тут и обещания вечного блаженства всем смиренным, и призыв к покорности, и скрытые угрозы в случае мятежа.

Раб-неофит не соглашается с тем, что он должен стать «рабом господним» и стремиться в «царство божие», где тоже есть рабы. Уклончивые ответы епископа не затуманивают его сознания, его пытливого разума. Он гордо заявляет, что пришел в катакомбы не для рабства, а в поисках свободы. Каково же то «царство божие», которое обещает ему епископ, если и здесь, в катакомбах, существует резкое деление на господ и рабов?

Диалог-спор между епископом и рабом-неофитом приводит к полной моральной победе последнего. Раб-неофит понимает, что путь к свободе лежит не через катакомбы, а через борьбу угнетенных и обездоленных с их поработителями. Он покидает общину, чтобы отправиться в тайный лагерь рабов-повстанцев. Бунт раба-неофита

имеет под собой определенную историческую почву: одряхлевшую государственность античного мира расшатывали грозные восстания рабов, боровшихся с произволом и тиранией господ.

Леся Украинка показывает, как постепенно проясняется сознание раба-неофита, отказывающегося от всякой религии, ибо она ведет к оправданию рабства.

Мне все равно, один ли бог на небе,
Три бога, или триста, хоть мирьяды,—
Ни за какого гибнуть не хочу...
С меня довольно рабства в этой жизни.
Я честь воздам титану Прометею.

Так «раб господень» превращается в борца Прометея.

Впоследствии Леся Украинка не раз возвращалась к эпохе первых веков христианства («Руфин и Присцилла», «Адвокат Мартиан»). Обычно предшественники Леси Украинки, рисуя эту эпоху, старались представить в выгодном свете мученическую жизнь первых христиан, противопоставляя ей произвол и жестокость римлян-язычников. Но в задачу Леси Украинки вовсе не входила защита ортодоксального христианства. Поэтесса, изучая историю раннего христианства, сопоставляла борьбу христиан-неофитов с современной ей борьбой рабочих против строя произвола и самовластия.

В 1905 году Леся Украинка написала фантастическую драму «Осенняя сказка». Несмотря на символично-фантастическую форму драмы, на обилие аллегорий, содержащихся в ней, «Осенняя сказка» — не абстракция, не создание поэтического вымысла, а живой отклик на революционные события 1905 года.

По мысли поэтессы, подлинным героем «Осенней сказки» является народ — мастеровые и рабочие, живущие в каком-то фантастическом царстве-государстве. Им надоел гнет короля-тирана, заточившего в темницу принцессу — Свободу. Народ поднимает восстание. Рабочие вырубает ступени в неприступной стеклянной горе и поднимаются ввысь, чтобы освободить принцессу из темницы.

В этой драматической поэме Леси Украинки большое место занимает образ рыцаря. Он пробовал бороться против тираннии короля, попал в темницу — и потерял волю к дальнейшей борьбе. Он изменил народу, сражавшемуся за свободу, изменил своей любви к принцессе.

Не случайно и не для поэтических прикрас Леся Украинка отвела образу рыцаря значительное место в своей поэме. Она, к глубокому для нее сожалению, видела таких изменников народному делу в среде прекраснодушных либералов-интеллигентов, которые пугались размаха народного движения и сдавались на милость победителя.

Такие малoverы и слабые духом люди проявились со всей ясностью на дальнейших этапах русской революции 1905 года, но уже в самом ее начале, непосредственно после зверской расправы с петербургскими рабочими 9 января, Леся Украинка сумела разгадать подленькие и извортливые душонки буржуазных интеллигентов, легко шедших на соглашение с царскими властями.

Леся Украинка недостаточно четко представляла себе исход революционно-освободительной борьбы на данном этапе, однако заключила свою сказку многозначительным обещанием, что «конец, может быть, когда-нибудь будет», то есть что борьба неизбежно приведет к свержению тирании.

В «Осенней сказке» говорится о том, что борьба за освобождение может продлиться долго, что за осенью наступит зима, но и зиме (то есть реакции) придет конец.

Леся Украинка твердо верила в победу народа над самодержавием и буржуазно-помещичьим строем и в годы реакции создала ряд драматических произведений, в которых осудила предателей, ренегатов революционного дела. Буржуазно-упадочническая литература эпохи реакции старалась защитить и оправдать предателей и провокаторов, объяснить их подлые дела психологическими противоречиями. В украинской литературе таким защитником ренегатства выступал В. Винниченко, в русской — Леонид Андреев. В ответ на андреевского «Иуду Искариота» Леся Украинка написала драматический этюд «На поле крови» (1909), где, выведя мифологический образ Иуды, осудила и разоблачила такое гнусное явление, как предательство. Это имело определенное общественное значение в ту эпоху, когда «подлые иуды-провокаторы, которых царская охранка засылала в рабочие и партийные организации, шпионили изнутри и предавали революционеров».¹

В эти годы Леся Украинка остро ставит вопрос о недопустимости уступок, компромиссов и сделок с царской реакцией. Она выводит в своих драматических поэмах резко отрицательные персонажи, которые ради личной карьеры готовы на любые сделки с угнетателями. Таков грек Хилон, пресмыкающийся перед поработителями-римлянами («Оргия»). Поэтесса разоблачает и тех народных лжевожаков, которые думают, что народу нужна не правда, а подобие, иллюзия правды. Жрец Гелен в драматической поэме «Кассандра» — проповедник «утешительной лжи», которая усыпляет народ в момент величайшей опасности. Наряду с Геленом выступает пророчица Кассандра, которая говорит в глаза неумолимую, жесто-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 96.

кую правду. Ее все ненавидят, но она выполняет свою миссию прочища, хотя эта миссия бесплодна: мало предвидеть события, надо активно бороться со злом и предотвращать всеми силами несчастье. Кассандра не может этого делать: она пассивна и, предвидя беду, покоряется, не видит путей для спасения народа. Так в «Кассандре» (1907) Леся Украинка выступила и против обманщиков-утешителей народа, отвлекающих от борьбы, и против пассивности и созерцательности в пору напряжения всех моральных и физических сил народа, борющегося за независимость.

Но наряду с пассивными персонажами, бежавшими от боевых задач современности, с образами предателей и ренегатов Леся Украинка рисовала стойких, самоотверженных борцов, людей, смотрящих вперед, в будущее, которое надо завоевать.

Драма «Руфин и Присцилла» раскрывает психологический конфликт между двумя заглавными персонажами. Руфин и Присцилла живут в древнем Риме в эпоху борьбы между христианством и язычеством. Руфин — римлянин, горячий патриот, воспитанный в традициях сурового и доблестного республиканского Рима. Ему враждебен и ненавистен строй и уклад жизни при диктатуре цезаря, но он не может вступить в борьбу за восстановление республики и не видит сил, которые поддержали бы его.

Руфин недоверчиво и недружелюбно относится к христианам, которые создают тайные общины, проповедуют какую-то новую, непонятную ему мораль, отвергают языческих богов и вместе с тем вековые традиции римского народа. В христианах Руфин видит разрушителей Рима, сокрушителей его основ, и это особенно отвращает его от христианства. Но его жена Присцилла, которую он горячо любит, — христианка. Она предана всей душой новой религии, которая, по ее мнению, завоеует весь мир и воьет свежую кровь в дряхлеющее тело Римской империи. Различие во взглядах Руфина и Присциллы создает между ними пропасть.

Руфин и Присцилла — два противоположных характера. Руфин неспособен на открытую борьбу со своими врагами. Он погибает потому, что бездействовал и не выступал активно против ненавистного ему строя. Присцилла — образ стойкого, мужественного борца за свои идеи. Она цельная натура, не сдающаяся ни при каких обстоятельствах. Таких твердых и непоколебимых борцов Леся Украинка видела вокруг себя в жизни в исторические годы революционного подъема.

Поэтесса создала еще один яркий, впечатляющий образ непоколебимого борца в одной из своих лучших драматических поэм — «Адвокат Мартиан» (1911).

Так же, как в «Руфине и Присцилле», действие разворачивается в переломный исторический период столкновения христианства и язычества.

Герой поэмы, адвокат Мартиан, мужественно выступает против гнета и насилия римских властей, притесняющих христиан. Но ему приходится вести сложную игру, скрывать от окружающих свою принадлежность к христианской общине, не только чтобы спасти себя от преследований, но и чтобы иметь возможность защищать христиан на суде.

Действие протекает в узком кругу семейных отношений; несмотря на эту нарочитую «камерность» произведения, оно содержит глубокие обобщающие мысли о тактике борца-гражданина в условиях жестокой реакции и подполья.

Когда Леся Украинка писала «Адвоката Мартиана», многим революционерам пришлось уйти в подполье и вести работу, скрываясь от преследований и репрессий. Она знала в жизни таких борцов и трибунов и черты их воплотила в своем драматическом произведении. Мартиан — целеустремленный и стойкий человек, для которого общественное выше личного и выполнение гражданского долга дороже собственного благополучия.

У него разрушается семья: сперва уходит жена, потом дочь и сын, которые не могут мириться с суровой обстановкой отцовского дома. Но Мартиан стойко переносит все удары ради той высокой цели, которой он себя отдает.

8

В расцвете творческих сил, в 1911 году, Леся Украинка написала замечательную драму-феерию «Лесная песня», которая как бы пронизана стихией украинского фольклора. Это великолепная симфония красок, ароматов, народных песен, сказок и поверий. Описание природы четырех времен года в авторских ремарках звучат сами по себе как маленькие поэмы в прозе.

В центре «Лесной песни» — обаятельный образ лесной девушки Мавки, поднятый Лесей Украинкой на большую художественную и философскую высоту. По признанию драматурга, этот образ волновал ее с детства и наконец нашел воплощение в зрелом возрасте. Когда Олена Пчилка уверяла дочь, что фантастические образы «Лесной песни» навеяны Гоголем, Леся Украинка с полным основанием доказывала, что здесь сыграли роль не литературные влияния, а красочная и полнозвучная стихия родного фольклора Волыни: «Мне кажется, что я вспомнила наши леса и затосковала

по ним. И кроме того, я давно уже эту Мавку в уме держала, еще с той поры, как ты в Жаборице мне рассказывала о мавках, когда мы шли через какой-то лес с маленькими, но частыми деревцами. Потом я в Колодяжном в лунную ночь убегала одна в лес (никто из вас об этом не знал) и там ждала, что мне удастся увидеть Мавку. И над Нечемным она мне грезилась, когда мы там ночевали у старого Льва Скулинского... Видно, суждено мне было ее когда-нибудь написать, а теперь почему-то наступила «подходящая пора» — я и сама не пойму, почему. Зачаровал меня этот образ на всю жизнь».

Мавка в поэтическом восприятии Леси Украинки — не только фантастическая лесная девушка, чарующая чистотой и благородством сердца. Мавка выступает в сказке как олицетворение животворящей, могучей природы, умирающей зимой, чтобы возродиться в буйные дни расцветающей весны.

В основе «Лесной песни» лежит социальная тема разоблачения мелкой, мещанской морали, эгоизма, голого расчета и других собственных инстинктов. Эта тема ярко звучит в противопоставлении мира природы и мира человеческой пошлости и косности. Даже лучший, наиболее одаренный из выведенных в драме-феерии людей — крестьянский юноша Лукаш оказывается грубым и мелким эгоистом. Он губит Мавку, которая глубоко полюбила его, поверив в мнимую поэтичность его сердца. Особняком стоит в «Лесной песне» дядя Лев. Этот мудрый и чуткий старик живет в согласии с природой, чувствует ее могучую созидательную силу. Вот почему и Мавка и другие создания фантастического лесного мира любят и понимают дядю Льва.

Леся Украинка с любовью нарисовала картины расцвета и увядания природы, замечательную диалектику круговорота жизни, прославила поэтический мирок лесных жителей, порожденных могучей стихией воздуха, света, солнца и воды. Но она не пожалела сатирических красок, чтобы разоблачить жалкий и собственнический мирок людишек, укрывшихся под сенью могучего лесного царства.

Буржуазные националисты искали в «Лесной песне» отказ Леси Украинки от позиций боевого искусства. Эти горе-критики желали найти в драме-феерии принципиальный отход от действительности и попытку отвлечься от социальных задач современности. Это глубоко неверно. И под покровом фантастической сказки Леся Украинка умела сказать острую социальную правду. Она как бы показывала зрителям и читателям, что пока в сердцах людей, живущих на лоне природы, могут существовать собственнические, эгоистические, корыстолюбивые и нечистые влечения, до тех пор люди не смогут

жить одной жизнью с природой. Им дано лишь хищнически вторгаться в богатый мир природы, вносить в него опустошение и гибель, но и самим получать от мстящей стихии жестокие и неизлечимые удары.

Обычный у Леси Украинки в драматических поэмах пятистопный ямб сочетается здесь с рифмованными строками песен и диалогов лесных жителей, напоминающими по ритмам образцы украинского песенного фольклора.

Тема свободы и угнетения в обществе постоянно занимала Лесю Украинку. В последний раз она вернулась к этой теме в драме «Каменный хозяин» (1912).

Лесья Украинка не стремилась дать одну из вариаций драматической трактовки легенды о Дон-Жуане. Поэтесса хорошо изучила материалы, относящиеся к легенде о Дон-Жуане, и из всех драматических обработок этой легенды прямое воздействие на нее имел только «Каменный гость» Пушкина. Однако философская концепция Леси Украинки далека от замысла Пушкина, а сюжетное сходство также незначительно.

Дон-Жуан Леси Украинки обольстителен, остроумен, силен, бесстрашен. Но вместе с тем он эгоист, индивидуалист, ради чувственных наслаждений топчущий все живое, встречающееся на его пути. Он поднимает знамя индивидуалистического бунта против лицемерной морали дворянской среды, к которой принадлежит. Но Дон-Жуан бессилен в своем бунте, ему, по существу, не за что бороться. Лесья Украинка лишь иронически могла назвать его «рыцарем свободы», потому что под свободой он понимает только полную аморальность и распущенность. Ради него прекрасная и благородная Долорес (единственный положительный персонаж драмы) жертвует собой, видя в этом высший подвиг, и он принимает эту жертву как должное.

Донна Анна, героиня драмы, — сильная, властная женщина. По традиционной легенде и в ее многочисленных истолкованиях, Дон-Жуан покоряет сердце донны Анны, несмотря на то, что он убил ее мужа, командора. Лесья Украинка, наоборот, делает Дон-Жуана жертвой донны Анны, которая чувствует в нем родственную душу. Донна Анна обещает Дон-Жуану титул командора, а в будущем — королевскую корону. Дон-Жуан покоряется воле донны Анны. В тот момент, когда он примеряет командорский плащ перед зеркалом, появляется каменное изваяние командора и, положив руку на сердце Дон-Жуана, превращает этого рыцаря мнимой свободы в камень.

Так, по замыслу Леси Украинки, всякий, кто изменяет себе

самому ради призрачного стремления к власти над людьми, окаменевают, становятся жертвой непомерного честолюбия и погибает.

В последнем драматическом произведении, «Оргия», Леся Украинка дает картину столкновения двух культур — побежденных греков и победителей-римлян. Герой драматической поэмы Антей — благородный, чистый человек, страдающий от того, что Греция порабощена грубыми солдатами Рима. Но он неспособен бороться. Он убивает жену, танцовщицу Нериссу, которая ради легкой жизни продана римлянам. Антей спасает Нериссу от позора, но для себя не находит иного пути, кроме самоубийства.

Благородному патриоту Антею противопоставлен предатель Хилон, который готов идти на все ради собственного благополучия. В образе Хилона Леся Украинка разоблачила изменников народному делу. Основной темой поэтессы было жизнелюбивое утверждение неиссякающей силы народа в борьбе за будущее. В посмертных набросках Леси Украинки был найден драматический отрывок, написанный незадолго до ее кончины. Поэтесса хотела вывести некоего греческого мудреца Феокрита, который в своих трудах восставал против рабства и христианской догматики. Изуверы-христиане осуждают Феокрита на казнь, но его дети закапывают замечательный труд отца в пески пустыни, поручая хранить великие слова о свободе жизнетворному богу солнца. Они уверены, что грядущие поколения счастливых и свободных людей поймут и оценят, за что боролся и погиб их мудрый отец.

Так Леся Украинка, уходя из жизни, смотрела в будущее с той верой в несокрушимую мощь народа, с какой она начала творческий путь.

Драматургия Леси Украинки необычайно богата по размаху философской мысли, по широте тем и сюжетов, по глубокому идейному содержанию. Большая эрудиция поэтессы давала ей возможность находить сюжеты и образы в истории и культуре стран и народов. Но переносила ли она действие в античный мир, или средневековую Испанию, или в сказочное царство украинского фольклора — все равно Леся Украинка говорила только о насущных задачах современности, только о том, что действительно глубоко волновало ее.

Судьба родины, судьба родного народа — вот что составляет основную тему творчества Леси Украинки. Стойкая и мужественная, она учила этим высоким человеческим качествам своих современников и неустанно звала их к борьбе за лучшее будущее. Чуждая узким националистическим устремлениям, она, подобно своему вели-

кому учителю Тарасу Шевченко, отлично понимала, что украинский народ завоеует свободу и право на счастливую жизнь только в братском содружестве со всеми народами России и прежде всего — с могучим русским народом. Не раз Леся Украинка давала резкий отпор украинским националистам всех видов и мастей, которые пытались вести украинский народ к отчуждению от русского. В драматическом этюде «В доме труда, в краю неволи» Леся Украинка показала, как пагубны национальные раздоры в лагере угнетенных, борющихся за свое освобождение.

Творчество Леси Украинки множеством крепких нитей связано с литературой и культурой русского народа.

С детства поэтесса считала русский язык таким же родным, как и украинский. К ее первым литературным опытам относятся переводы произведений русских писателей на украинский язык, особенно Гоголя и Короленко. Литературные и общественно-политические взгляды Белинского, Добролюбова и Чернышевского определили мировоззрение Леси Украинки, которая рано осознала себя воинствующим художником, слугой своего народа. В лирике поэтесса не только следовала заветам и традициям Тараса Шевченко и своего учителя Ивана Франко, но и гражданской поэзии Некрасова и поэтов «Искры». Поэтесса смело ввела в литературный обиход публицистические мотивы и неоднократно подчеркивала свою миссию певца народных чувств и стремлений. В полном соответствии с высокими требованиями русских революционно-демократических писателей, Леся Украинка отдавала народным интересам единственное свое оружие — боевое слово, которое готова была приравнять, подобно Маяковскому, к штыку. Она спрашивала себя:

Кто гордость мне вложил вот в это сердце?
Кто даровал отваги меч разящий?
Кто взять велел святую орифламму
Мечтаний, песен, непокорных дум?
Кто приказал мне: не бросай оружия,
Не отступай, не падай, не томись?

Ответ был ясен: только народ, свободолюбивый и сильный, мог вдохновлять на неустанное творческое горение Лесю Украинку.

Ее материалистическое, атеистическое мировоззрение окрепло в борьбе со всеми декадентскими, антинародными течениями современного ей буржуазного Запада и России. Разоблачая индивидуализм, проповедь «чистого искусства», бесплодное эстетство, Леся Украинка призывала современников, украинских писателей, учиться у великих русских реалистов XIX века.

В драматургии Леся Украинка находилась под мощным воздей-

ствием Пушкина, как автора «маленьких трагедий». У великого русского поэта она училась мастерству построения драматических конфликтов и умению придать диалогу идейную глубину, в немногих словах раскрыть столкновение двух противоположных мировоззрений. Самый жанр драматической поэмы, введенный Лесей Украинкой в родную литературу, вдохновлен гением Пушкина.

Творчески воспринимая все лучшее и передовое, что дали русские классики, Леся Украинка порой выступала против тех сторон их мировоззрения, которые объективно играли наруку реакции. Так в своих драматических произведениях поэтесса ополчалась против идеи «непротивления злу», проповедуемой Львом Толстым.

Осуждая русское декадентство, расцветшее в черные годы реакции, Леся Украинка выступала вместе с передовыми русскими писателями-демократами, и прежде всего с А. М. Горьким. В современной ей русской литературе не было более близкого по боевому духу писателя, чем А. М. Горький. Его революционная романтика и жгучая ненависть к старому миру насилия и эксплуатации находили горячий отклик в сердце Леси Украинки. Перекликаясь с автором «Песни о Буревестнике», поэтесса писала:

Весенняя сила в душе заиграла...
Я выйду одна против бури
И встану — померяем силу!

Эти мотивы борьбы народа за освобождение, так ярко выраженные в творчестве Горького, неоднократно звучат и у Леси Украинки.

В ее рассказе «Мотылек» есть много общего с «Песней о Соколе» Горького.

Не случайно такое идейное воздействие великого пролетарского писателя на творчество Леси Украинки. Внимательно относясь к развитию национальных литератур, А. М. Горький был идейным вдохновителем не только Леси Украинки, но и Ивана Франко, и М. М. Коцюбинского, и Павла Тычины, и других украинских писателей.

Леся Украинка занимала выдающееся место в современной ей украинской литературе. Она была художником-новатором, расширявшим рамки родной поэзии, искавшим новые формы для глубокого идейного, социально острого, боевого содержания. В лагере демократических художников она стояла рядом с М. М. Коцюбинским и Иваном Франко.

Основой творческого метода Леси Украинки был критический реализм. В лирике, в драматургии и прозе писательница стремилась прежде всего быть верной принципам жизненной правды. Она

относилась одинаково отрицательно и к натурализму, дававшему грубую копию жизненных явлений, и к уходу от действительности в заоблачные мечты и фантазии. В многочисленных высказываниях Леси Украинки о литературе мы видим последовательно проводимую мысль о том, что подлинный художник должен быть неразрывно связан с самыми насущными задачами современности. Естественно, что такая связь возможна только при наличии реалистического метода творчества.

Рассматривая значение того или иного лирического произведения, той или иной драматической поэмы Леси Украинки, мы почти всегда можем безошибочно указать, какая современная, жгучая проблема волновала поэтессу, вызывая к жизни данные сюжет и образы.

Не надо думать, что все греки, римляне, средневековые рыцари, создания из царства народной фантазии, введенные в творчество Леси Украинки, являются только «рупорами идеи» или грубо переярженными в маскарадные костюмы современными поэтессе украинцами и украинками. В том-то и заключается сила реализма Леси Украинки, что она не отрывает своих героев и героинь от той почвы, на которой они вырастают. Поэтесса с большой тщательностью выписывает детали обстановки, в которой протекает действие ее драматических поэм. Посмотрите, как подробно описан дом адвоката Мартиана или природа волынского леса и поляны, где разворачивается действие «Лесной песни», какой жизненностью веет от второстепенных и третьестепенных персонажей драматических произведений поэтессы. Вкладывая идейное содержание в слова и поступки своих героев, Леся Украинка вместе с тем делает их живыми людьми, с человеческими слабостями, колебаниями и сомнениями, наделяет их теми качествами, которые обуславливают их действие и поступки.

В творческом методе Леси Украинки обнаруживается умение поэтессы рассматривать жизненные явления в их движении и развитии. Это умение особенно сказалось в ее драматургии, где основные конфликты постоянно строятся на столкновении двух непримиримых начал — передового, революционного и отсталого, реакционного. Иногда этот конфликт выражается в простой форме диалога, как мы это видим в драматической поэме «В катакомбах», где рабнеофит вступает в спор с епископом. Но иногда борьба двух мировоззрений изображается гораздо сложнее и характер борца раскрывается разносторонне и последовательно в ряде столкновений с противодействующими персонажами, как, например, в «Адвокате Мартиане» или в «Руфине и Присцилле».

Во многих лирических стихотворениях и поэмах движущей пружиной сюжета является такой же драматический конфликт между двумя враждебными мировоззрениями. Стоит припомнить, например, поэта и рыцаря из «Старой сказки», девушку и монахиню в «Грешнице» и др.

Положительный герой в творчестве Леси Украинки нередко бывает дан в романтически возвышенных тонах. Однако это не ведет к ослаблению основного реалистического звучания ее произведений, не нарушает главного принципа жизненной правды.

Основные качества положительных героев Леси Украинки — это тот «огонь Прометея», который горит в их сердцах и о котором вспоминает одна из героинь поэтессы, Ифигения («Ифигения в Тавриде»). Этот огонь разжигает мужество, волю к борьбе, готовность умереть, но не покориться.

Поэтесса показывает в лице своих положительных героев не только людей беспримерной отваги, но и бесконечно преданных своему гражданскому долгу. Отказ от личного во имя общественного, высокая принципиальность, верность до конца народному делу — вот качества героя-борца, воспетые Лесей Украинкой.

Погибающие за правое дело героини Леси Украинки всегда знают своей гибелью победу, если не настоящую, то грядущую, над мрачными силами произвола и реакции. Вот почему даже трагическая развязка в драматургии Леси Украинки никогда не приводит к пессимистическим выводам. Светлый оптимизм поэтессы, вытекавший из ее материалистического мировоззрения, озаряет ярким и ровным светом все ее творчество и вызывает в сердцах читателя непоколебимую веру в могущество народа.

Этот оптимизм Леси Украинки, сочетавшийся с горячей любовью к родной стране, сблизил ее поэзию с жизнерадостным, жизнеутверждающим украинским фольклором. Как известно, Леся Украинка была усердной собирательницей народных песен, сказок и преданий. Она сама записывала эти песни и мелодии от известных кобзарей и бандуристов, писала стихи и песни в народном духе, и ее шедевр — «Лесная песня» от начала до конца пронизана стихией народного творчества. Такая близость к украинскому фольклору придает подлинно национальную форму многим произведениям поэтессы.

Часто Лесе Украинке приходилось преодолевать физические мучения, вызванные тяжелой болезнью, но она работала благодаря гигантскому усилию воли, работала как бы одним порывом, необычайно быстро. Понятие «вдохновение», освобожденное от мистиче-

ского налета чего-то сверхъестественного, необычайно применимо к ней. Под «вдохновением», то есть собрав все силы для творческого взлета, Леся Украинка в одну ночь, у ложа умиравшего друга Мержинского, написала драматическую поэму «Одержимая», а для «Лесной песни» ей потребовалось всего четыре дня!

Но мы можем привести и другие примеры, когда какое-нибудь произведение вынашивалось поэтессой в течение многих лет и замысел видоизменялся, принимал новое направление в связи с новыми личными и общественными задачами, встававшими перед Лесей Украинкой. Так, например, драматическая поэма «В пуще» писалась с перерывами почти десять лет, в течение которых поэтессе неотступно преследовала мысль о взаимоотношении художника с окружающей его средой. Небольшая по размерам поэма «Вилла-посестра» также ждала несколько лет окончательного творческого разрешения.

Богатство идейного содержания поэзии Леси Украинки сочетается с богатством и разнообразием формы. Как в области содержания поэтесса была новатором, смело вводившим в родную литературу большие философские и культурно-исторические проблемы, так и в области формы она явилась новатором, давшим украинской поэзии необычайное разнообразие ритмов, метров и образов.

В поэзии Леси Украинки мы находим всевозможные размеры — от строгих античных гекзаметров и пентаметров до гибких и разнообразных ритмов украинского народного стиха. Учителями Леси Украинки в области поэтической формы были великие русские поэты, и прежде всего — Пушкин и Лермонтов. У них она училась гибкости и музыкальности стиха, передающего во всей полноте и ясности поэтическую мысль. Когда в 900-х годах русские декаденты прославляли «поэзию как волшебство» и провозглашали главенство формы над содержанием, Леся Украинка осталась верна традициям своих великих учителей и сохранила в своей поэзии гармоническое сочетание содержания и формы.

В соответствии с реалистическими принципами, которых Леся Украинка строго придерживалась, язык ее поэзии прост, выразителен и лишен какой бы то ни было вычурности, манерности.

Образы и метафоры всегда взяты из жизни и непосредственно связаны с основной мыслью произведения.

Литературное наследство Леси Украинки велико и разнообразно. В самое последнее время изучены архивы поэтессы, восстановлены подлинные тексты ее произведений, освобожденные от цензурных и редакционных искажений. Мы теперь владеем многим из того, что

хотела сказать Лесь Украинка, но что не могла сказать по условиям своего времени.

Осуществилась горячая мечта поэтессы: ее родина живет свободно и счастливо, развивая культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Имя и творчество Леси Украинки звучат далеко за пределами родной страны. Ее творения знакомы многомиллионному советскому народу, строителю нового коммунистического общества, о котором только могли мечтать революционные поэты и мыслители прошлого и в их числе — Лесь Украинка.

Александр Дейч

ЛИРИКА

НАДЕЖДА

Ни доли, ни воли мне жизнь не дала,
Одна лишь, одна мне надежда мила:

Увидеть опять Украину мою
И все, что мне любо в родимом краю,

На Днепр голубой поглядеть еще раз,
А там — умереть я готова тотчас,

Взглянуть еще раз на курганы в степях,
Вздохнуть напоследок о пламенных днях.

Ни доли, ни воли судьбой не дано,
Одной лишь надеждой мне жить суждено.

ПОРОЮ

Порою, едва лишь примусь за работу,
Кончаю ли дело свое, — отчего-то,
Как будто в осенние дни облака,
Находит на душу глухая тоска.

Раздумье о том леденит мою руку,
Что вижу вокруг я народную муку
И слезы... И в сердце сомненья растут:
Да нужен ли он — незаметный мой труд?

Не справились с горем и долей унылой
И лучшие люди. Что ж я с моей силой?
И дело бросаю, берет меня зло,
Но думы иной меня греет тепло:

А может быть, все-таки я своей песней
Утешу того, кто безвестных безвестней,
От сердца пропетою песней моей
Зажгу утомленные души людей.

А может, мы с песней не лишними будем,
Мой труд пригодится на что-нибудь людям, —
И вновь исчезают сомненья и грусть,
И с ясной душой я за дело берусь.

ПУТЕШЕСТВИЕ К МОРЮ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕМЬЕ М. Ф. БОМАРОВА)

1

Прощай, Волынь! Прощай, мой край любимый,
С тобою мне разлуки жребий дан,
Я — листик, с ветки сорванный родимой. . .
И мчит меня железный великан.
Передо мной чудесными коврами
Природа стелет темные луга,
Шумят везде сосновыми лесами
Днепра и Случи милой берега.
Под голубым высоким небосводом
Сверкают всюду речки серебром, —
То чародейка вечная природа
Стоцветные венки раскинула кругом.

2

Дальше, все дальше! В полях небогатых
За полосой легла полоса,
После закрыло все тучей косматой
Душного дыма, и скрылись леса.
Горы веселые, доли в цветеньи
Разом исчезли, как светлые сны,
Через минуту, нет — через мгновенье
Скрылись за далью, они не видны.
Счастья прошедшего дни дорогие
Быстрое время сжигает в огне.
Вянут они, как цветы полевые.
Вспомнишь — как будто приснилось все мне!

Краса Украины, Подолье,
 Каким предо мной ты предстало!
 Как будто бы сроду недоля
 И горе тебя не знавало!
 Ой! за балочкой веселой
 Хороши, пригожи села,
 Хаты вишнями закрыты
 И туманами повиты,
 Тополя стоят на воле,
 Говорят с ветрами в поле.

Там нивы шумят золотые,
 Простор без конца и без края,
 Боры вековые густые
 Друг другу там тайны вверяют.
 Ой, зеленые овражки,
 Стежки в солнце и в ромашках,
 Словно ленты разноцветные,
 К речке сходятся, заветные.
 Речка в берег бьет сыпучий,
 Льетса, льетса из-под кручи...

Краса Украины, Подолье!
 Каким предо мной ты предстало!
 Как будто бы сроду недоля
 И горе тебя не знавало!

Солнце проснулось, солнышко встало,
 Все озаряет и греет
 И, по степи разливаясь, огнем засверкало —
 Степь от него пламенеет.
 Ярко широкая даль розовеет,
 Где луч прольется искристый,
 Только лишь глянешь на запад, туман там синее,
 Вот он клубится, росистый.
 Вот там село протянулось степное
 В балке веселой, зеленой,
 Легкою дымкой обвито оно голубою,
 Только на хате беленой

Вижу зеленую стреху. А дальше — где гляну, —
Дальше все степи без края,
И лишь ветряк где-то вынырнет вдруг из тумана:
Холм иногда замечаю.
В небе ни тучки, блестит голубое;
Тихо, и ветер не веет.
Всюду, куда ни взгляну, предо мною
Только трава зеленеет.

5

Как город велик, как дома в нем высоки,
Людей там немало!
Вот музыка вдруг заиграла.
Расходятся всюду людские потоки
Широкою лавою, валом.
Но это чужбина! Как горько здесь все же,
От дома далеко,
Как здесь тяжело, одиноко!
И счастье тому, кто к огню где-то сможет
Склониться и слухом и оком.
Все ж добрые люди меня повстречали
В далекой чужбине,
Там друга в хорошей дивчине
Нашла я. Мы вместе у моря бывали
Не раз тихим вечером синим.
Зажглись всюду звезды на небе спокойном,
Огни засверкали
В домах городских. Мы стояли,
Смотрели, как ярко на море раздольном
Несметные звезды сияли.
Теряется взгляд на просторе широком,
А думка не знала,
Где б счастье она повстречала.
Надежду, любовь свою — в небе высоком,
Иль в море покой свой искала?
Нет, думка! Приюта в лазурном просторе
Искать бесполезно,
Напрасно ты бросишься в бездну;
Любовь и надежда не в звездах, не в море,
А в людях и в дружбе их тесной!
Там встретиться можешь с правдивой душою

И с думой свободной,
Где светел луч правды народной,
Там мир и любовь будут, думка, с тобою,
Покой — лишь в могиле холодной! .

6

С душным городом время расстаться,
Сердцу хочется быть на просторе!
Вижу издали — волны искрятся,
Ходят вольно по синему морю.
И свершилось о чем я мечтала,
Что ждала я с таким нетерпеньем,
Нас на волнах морских закачало
В ясный утренний час, в воскресенье.
Поднимается солнышко рано,
Море синее плещет, играет,
Его солнышко, встав из тумана,
Золотыми лучами встречает.
Что белеет вон там на раздольи?
То ли облачко легкое реет,
Где-то в небе гуляя на воле?
То ли парус на лодке белеет?
В море шумные плещутся воды,
Там волна на волну набегает,
Голубеет шатер небосвода
И края свои в море купает.
Алый свет протянулся с востока,
Глаз не сводишь с долины искристой;
За кормою дорога широко
Разбежалась лазурью лучистой.
Остается дорога за нами,
Там волна за волною в погоне,
Будто степью идут табунами
Белогривые быстрые кони.
А далеко на западе где-то
Среброкудрые волны кивают, —
«Нереиды», проснувшись с рассветом,
Первый луч в хороводе встречают...
И проходят походкою легкой —
Вот уж близко видна эта стая,
Вдруг опять чуть белеет далеко,
Откатилась к туманному краю... .

Море! море! В бескрайном просторе
Ты движенья полно и покоя!
Забывая и счастье и горе,
Все земное — лишь быть мне с тобою.
Хоть на час, хоть на миг бы единый,
Чтоб не видеть на свете иного,
Кроме этой лазурной долины
И простора ее голубого!

7

Ой, высоко солнце в ясном небе встало
И лучи горячие всюду раскидало.
По волнам лазурным плывет челн по морю.
Вот и берег видно! Прибыли мы вскоре.
Ой, раскидало солнышко лучи золотые,
Осветило Аккермана башни крепостные.
Мы идем в турецкий замок древний, темный,
Чтобы нашу славу, беды наши вспомнить, —
Вспомнить нашу славу, казацкую волю,
И злую неволю, тяжкую недолю.
Доля тут гуляла прежде с волею кровавой;
Ой, как трудно доставалась та горькая слава!
Эти башни круглые, суровые башни —
Стены ненадежны, и хмуры и страшны.
И повсюду в стенах крепостных бойницы,
А при хмурых башнях «темные темницы».
В тех темницах люди наши принимали горе,
Слали думки крылатые через сине море.
А в темницах темных нету ни оконца,
Не видать там света, ни ясного солнца;
А свет такой милый, хороший, лучистый.
Под солнцем сверкает лиман серебристый.
Его волны шумно в берег плещут, голубеют,
А вдали чуть-чуть заметны, как туман белеют...
Глянуть на лиман тот — и отраднo взору!
Здесь когда-то мчались по простору
С легкими челнами, с теми байдаками,
Что сюда ходили да за казаками.
Быстро казаки летели, братьев вызволяли...
За стенами крепостными вороги дрожали...

Слава, наша доля! Слава, мать родная!
Тяжко затоскуешь, тебя вспоминая!
Кровью вся покрыта горькая судьбина!
Кровью затопила долю Украина!
Ой, лиман с волною мутной, что шумит на воле,
Где же, где же наша слава, куда делась доля?
Все прошло! От громкой славы в дни былые
Лишь остались стены крепости немые.
Где ходили прежде турки-янычары,
Там пасутся мирно по лугам отары...
Где казак лихой расстался с буйной головою,
Вырос там бурьян колючий с крапивой глухою,
И цветок там вырос у темницы, в яме, —
Мы его сорвали, пусть он будет с нами.
Тот цветок, быть может, вырос из родного
Казацкого сердца, сердца молодого...
Думал ли казак тот разве, идя на чужбину,
Что цветок из сердца будет взят на Украину?..
Грустно тут повсюду, здесь покой глубокий,
Ни души не встретишь в замке одиноком,
Минарет белеет возле замка стройный,
Молодой пастух в нем дом себе устроил.
Но и в доме-минарете пастуха не слышно, —
Поглядеть на дол зеленый он на башню вышел.
И с высокой башни как на море взглянет —
Видит, ходят волны быстро на лимане,
Бегут, исчезают волны в синем море...
Пастуха блуждает взгляд в морском просторе...
И для дум его заветных тут простор широкий,
Что же думает потомок рыцарей далеких?..

8

Уж солнце идет на покой:
Вечернее море темнеет,
Не плещется в берег волной
И, как изумруд, зеленеет.
Багровые искры дрожат,
Упав на зеленые волны,
Мигают огнем и горят,
Как будто сверканье молний.

Широко дорога легла,
Где волны корабль разрезает,
Как снег и как мрамор бела,
Но миг — и она исчезает.
Стал розовым пенистый край,
А искры то вспыхнут, то гаснут...
Луч кинут последний... Прощай,
День солнечный, ласковый, ясный!

9

Путь кончится вскоре, —
Уж звезды над морем
Сияют на небе повсюду,
Встал месяц высоко,
Мой дом недалеко —
Я скоро на родине буду.
Огни городские,
Как ленты цветные,
Спускаются к морю, сверкая,
И там над волнами
Сияет огнями
Корабликов легкая стая.
Минуты промчатся,
Придется расстаться
С тобой, величавое море!
И вновь меня примет,
Охватит, обнимет
Земное привычное горе.
И где я ни буду,
Ничка не забуду
Те дни и часы дорогие!
Прощай, синь морская,
Простор твой без края, —
Вы, гордые волны седые!

1888

ПОСЕЩЕНИЯ

В эту бессонную ночь, ранним часом, еще до рассвета,
Встало виденье одно перед взором моим утомленным:
Темнобагровое пламя, как будто бы отблеск пожара,
Вестник беды неминучей, раздвинуло темень ночную.
В пламени гения образ явился мне темный,
В длинной одежде, — она, словно туча, его закрывала
И на ветру колыхалась, как бурное море;
Отблеском стали холодной широкие крылья сверкали,
Черные, длинные кудри спадали на плечи.
В черных и острых глазах у него взгляд неверный светился,
Грустно смотрел он в простор, проливая горячие слезы;
Горе тому, кому в сердце те жгучие слезы прольются:
Горе с бедою и суетность мира увидит он сразу,
В сердце его загорится огонь ненасытный и страшный.
И безнадежность еще в этом взгляде горела.
Грустно, печально лицо его, словно осенняя туча.
Скована страхом, я взгляд перед ним опустила.
Он же промчался, как ветер, и скрылся в просторе.
Глубже еще и черней темнота надо мною сомкнулась.

Вечер был лунный и ясный, и ласково звезды сияли;
Воздух вечерний был тих, и лишь изредка ветер
Взмахивал легким крылом, и далеко, далеко
Гул колокольного звона за темной горой раздавался.
Белая вдруг полоса пролегла серебристым сияньем
В доме моем, — слишком ярко уж месяц двурогий
Этой ночью светил. Чья-то тень в том сиянии явилась, —
Тень была легкой, лазурной и, словно грезы, неясной.
Гений то был, но, однако, не тот, что являлся
Темною ночью тогда, когда страхом сковал мою душу.

Тихо стоял он, и еле одежда его колыхалась;
Светлые, легкие кудри вились над челом благородным,
Белые крылья в сиянии лунном сверкали,
Ясными были глаза, их взгляд лучезарным казался;
Мне улыбнулся тот гений — от этой улыбки
Словно цветок расцвела вдруг желанная сердцу надежда.
Горе людей пробуждало во мне не унынье, а жажду
Доли светлей и прекраснее, — тот идеал мне светился
В радостном взгляде, и сердце за ним устремиться хотело,
Но поглядел на меня он печально, — мне сердце сказало,
Что к поднебесным просторам еще улететь я не в силах. . .
Гений исчез, как туман серебристый от солнца,
В небе заря молодая уже начала заниматься,
Из-за горы доносился гул колокольного звона. . .

ПРИРОДЕ

Я в детстве на твоём, природа, лоне
И радости и горе изливала,
Я матерью тебя всем сердцем величала,
Сложив перед тобой признательно ладони.

Ты искру божью в грудь мне заронила;
Надежда — как её я воспевала! —
Мне путеводною звездою стала
И видеть в людях доброе учила.

Когда ж почувствую, что угасает
Надежды милой луч, в свои, природа, руки
Прими вот это сердце в час разлуки,
И новый луч пускай ему сияет.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Не дивитесь, что цветом прекрасным
Распускается девичья прелесть, —
Так под солнцем спокойным и ясным
Расцветает подснежник в апреле.

Не дивитесь, что мысли большие
Будят в сердце и слезы и речи, —
Так весною ручьи молодые
Рвутся с круч и несутся далече.

Не дивитесь, что сердце так рьяно
Жаждет воли и смелого дела, —
Или вы не слышали, как рано
Песня жаворонка зазвенела?

1889

ПЕВЕЦ

Рдели багряные, пышные зори,
Бывало, весной.
Песни звенели в щебечущем хоре
Одна за другой.

Переливалась сквозным самоцветом
На зорьке роса,
И озарялась предутренним светом
Природы краса.

Гордо адела красавица роза —
Цветок из цветов,
И наклонялись зеленые лозы
К царице садов.

Пел соловей над листвою росистой
О розе своей,
Пел, заливался певец голосистый,
Лесной чародей.

Слал он вечерней звезде над водою
Прощальный привет,
Песнею звонкой дружил со звездою,
Встречавшей рассвет.

И пролетел он залетною птицей —
Весенний тот час.
Осенью все теперь позолотится
Надолго у нас.

Ранними осень пугает ночами,
Роняя печаль;
Месяц едва озаряет лучами
Холодную даль.

Тихо кругом, только ухают совы,
Нахмурился лес.
И не слышать соловьиного зова.
Ох, где ж он? — Исчез!

Скрылся далеко в заморские страны
Чудесный певец.
Вечно не вянет там розы багряной
Душистый венец.

Глухо и грустно кругом на просторе.
О лес мой ночной!
Бросил певец тебя. Бросил он в горе
И край свой родной.

Всюду теперь тишина и молчанье.
Лишь ветер листвою
Глухо шуршит. . . Не дриады ль стенанье
Над вялой травой?

Огненных слов отчего я не знаю,
Горячих, живых?
Зиму прогнать из любимого края
Сумела б я вмиг.

Вечно звенела бы в роще родимой,
Светла и ясна,
Песня. . . И вечно б, любовью томима,
Дышала весна.

Пусть и свободу и дар соловьиный
Имела бы я —
Я б не рассталась с твоею кручиной,
Отчизна моя!

Волянь, 1889

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

(ЛЮБИМОЙ МАТЕРИ)

Уж закатилось на небе солнце
И месяц смотрит в мое оконце.
На небе звезды уж засияли.
И все уснуло, спят и печали.

Выйду я в садик, да под луною
Песню спою я ранней весною.
Как мне привольно тут на просторе —
В такую пору забудешь горе!
Кругом деревья, белеют хаты,
И распевает певец пернатый.

Ой, где ж так вольно, так ясно ныне,
Как здесь, на нашей родной Волыни!
Ночь овевает хаты, ласкает,
Как малых деток мать обнимает,
Весенний ветер тихонько дышит,
Как будто в люльке детей колышет.

УЗНИК

В темнице узник молодой сидит,
И взгляд его блуждает и скользит
По сводам тем, нависшим, закопченным,
И по стене сырой, от грязи черной.
Он одинок. Над самой головою
Седые крылья подняты тоскою.

Мечта стремится в неоглядный свет, —
Его покрыл теперь весенний цвет...
«Забудь тот свет! Крепка твоя темница» —
И падает мечта подбитой птицей.
Но он не плачет, он в тоске глубокой
К окну приник, угрюмый, одинокий.

Перед окном дорога в даль ведет,
И сколько равнодушных днем пройдет!
Кто едет, кто идет — на стены взглянет.
Холодный взгляд!.. Ох, сразу сердце вянет!
Душа живая гибнет здесь до срока,
Но думы всех от узника далеко...

Дорогой женщина идет одна.
Да как она грустна, да как бледна!
И на руках у молодежи этой
Сидит ребенок, нищенски одетый.
Ой, как пригож ребенок тот несчастный,
Такую красоту найдешь не часто!

Увидел узник из окна двоих,
Белее снега стал он в этот миг.

Ох, это ж его женка молодая!
Ох, это ж доченька его родная!
«Мой милый, здравствуй!» — женщина сказала,
И в голосе ее слеза дрожала.

А дочка та резвилась у окна,
И щебетала все отцу она:
«Ку-ку! Ку-ку! Где ты? А, вот где — вижу!
Возьми меня ты на руки, возьми же!»
Ей, верно, думалось: он шутит шутку
И за решетку скрылся на минутку.

Отец же ручку дочки целовал
И горькими слезами обливал.
«Моя ты доченька, моя отрада!..»
А мать сказала: «Бедная, как рада...
Мала, еще беды не понимает, —
Второй уж день нас голод донимает.

На днях еще несчастней стали мы:
Нас ростовщик доводит до сумы,
Он свел за долг последнюю корову...»
И, больше мужу не сказав ни слова,
К холодным плитам бедная припала,
Отчаянно и горько зарыдала.

И дочка тянет жалобно свое
И тихо хлеба просит у нее.
«Прощай!» — сказала женщина уныло
И дочку на оконце посадила.
Отец расцеловал дитя родное
И поделился коркою сухою...

И долго, долго он глядел им вслед.
Но и теперь не плакал узник, нет.
Глаза его слезой не засверкали,
Нет, камнем в сердце слезы те упали.
Он только руки заломил с тоскою:
«Зачем, зачем слюбился я с тобою!»

Вольнь, 1889

К МОЕМУ ФОРТЕПЬЯНО

(ЭЛЕГИЯ)

Мой давний друг! Расстаться я с тобою
Должна надолго. И тебя мне жаль.
С тобой делилась я своей тоскою,
Тебе вверяла горе и печаль.

Ведь при тебе, о друг мой давний, верный,
Прошло все детство раннее мое.
Едва коснусь тебя порой вечерней —
Передо мной прошедшее встает.

Встает картина: вот такой же вечер,
Сошлись друзья, и — весела, легка —
На клавишах твоих мотив беспечный
Играет чья-то нежная рука.

Но кто же тихо плачет там, в сторонке?
Чье там рыданье сдержанно звучит?
Своей тоски не превозмочь ребенку,
Душа его от горьких дум болит.

О чем я плакала, о чем рыдала?
Ведь было все так весело кругом...
Ох, видно, горе я предугадала,
Что тучей встанет на пути моем?

Когда ж сама играла я в печали,
Прекрасный мир рождался предо мной,
И мне надежды радугой сияли,
Летел далеко дум крылатый рой...

Надолго расстаемся мы с тобою!
Никто теперь твой не разбудит звук.
Не знаю я, как быть и мне с тоскою...
Прощай, мой давний, мой любимый друг!

НА СТАРИННЫЙ МОТИВ

«С добрым утром, горлинка родная!»
— С добрым утром, друг ты мой желанный! ---
«Что тебе приснилось, дорогая?»
— Сон приснился, только очень странный... —

«Что же ты видала, свет мой ясный?»
— Много лилий нежно-серебристых. —
«Утешайся, то цветок прекрасный —
Знак надежд и упований чистых».

— Лилии качались и сияли,
Залитые тихим лунным светом,
Сладостные грезы навевали
И гордились своим расцветом.

И сияли свежеею красою,
Невозможной в жизни настоящей.
И сверкали крупною росой,
Самоцветами на них горящей.

Подошла я к лилиям поближе,
А они все вдруг затрепетали,
Начали клониться ниже, ниже,
Почернели и совсем упали.

С лепестков увядших покатались
Светлые, сверкающие росы
И в траве измятой засветились,
Как обильно пролитые слезы. —

«Странные тебя пленили грезы. . .
Мне же розы снились до рассвета».
— Утешайся, потому что розы —
Наслажденья и любви примета. —

«Эти розы алые стояли,
Как цветы неведомого рая,
И листвою зеленою сияли,
В свете солнечном благоухая

Как они чудесно пламенели,
Как дрожали от чудесной страсти,
И цвели, и трепетно горели
От любви, от радости, от счастья.

Я к одной из них склонился было,
Чтоб к груди ее прижать. . . И что же?
Розы вдруг поникли все уныло;
Та, что выбрал я, увяла тоже

И умылась буйною росой,
Задрожала вся, затрепетала,
Словно вдруг подкошена косою,
Блеклая — она к ногам упала. . .»

. . .И смутились люди молодые, —
Снов своих они понять не в силах.
И пошли — печальные такие. . .
Дай им бог, чтоб все счастливо было! . .

24/III 1890

ВЕСНЯНКА

(СЕСТРЕ ОЛЕСЕ ЗИРКЕ)

Коль ясное солнце
Уронит свой лучик простой
К тебе на оконце —
Откликнись на зов золотой,

Веселая птичка,
Олеся-сестричка!
Вставай спозаранку,
Встречай молодую веснянку!

Коль первый цветочек
До времени холод убьет
И бедный листочек
Холодной росой зальет,

Не плачь, не жалея их —
Весна одолеет!
Вставай спозаранку,
Встречай молодую веснянку!

Коль дождичек частый
Заслонит нам солнечный свет
И в туче ненастной
Весны затеряется след,

Живи, молодая,
Надежд не теряя!
Вставай спозаранку
И пой золотую веснянку!

Я летом покину
Любимые эти края...
Пойдешь по малину —
Пожалуйста, вспомни меня!

Ой, вспомни, Олеся,
Сестру свою Лесю —
Певунью, беглянку,
Дарящую эту веснянку.

6/IV 1890

CONTRA SPEM SPERO¹

Прочь, осенние думы седые!
Нынче время весны золотой.
Неужели года молодые
Беспросветной пройдут чередой?

Нет, и в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, печальные, прочь!

Я цветы на морозе посею,
В грустном поле, в убогом краю.
Те цветы я горючей своею
И горячей слезой окроплю.

И холодного снега не станет,
Ледяная растает броня,
И цветы зацветут, и настанет
День весны и для — скорбной — меня.

Подымаясь с камнями в гору,
Буду страшные муки терпеть,
Но и в эту тяжелую пору
Буду песню веселую петь.

Всю туманную ночку промаюсь,
Буду в темень глядеть пред собой,

---

¹ Contra spem spero (лат.) — Без надежды надеюсь.

Королевы ночей дожидаясь —
Путеводной звезды голубой.

Да! И в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, печальные, прочь!

МОЙ ПУТЬ

Я вышла в путь свой раннею весною
И робко песню тихую запела,
И кто встречался на пути со мною —
Тех сердцем я приветствовала смело:
    «Одной недолго сбиться мне с пути,
    А вместе будет нам верней итти!»

Иду вперед и песни я слагаю;
В них не ищите мудрых прорицаний —
Я громким голосом не обладаю!
Но если звуки слышу я рыданий,
    Я молвлю: «Брат мой, плачу я с тобой!»
    С рыданиями сливаю голос мой.

От разделенных мук не так ведь больно. . .
Когда ж в дороге долгой мне придется
Напев услышать радостный и вольный —
Моя душа, как эхо, отзовется.
    Тогда тоской, от всех ее тая,
    Не отравлю свободной песни я.

Коль взор я поднимаю к небосводу,
Светил там новых не ищу, тоскуя;
Увидеть братство, равенство, свободу
Сквозь пелену тяжелых туч хочу я —
    Те золотые три звезды, чей свет
    Сияет людям много тысяч лет. . .

И тернии ли встречу я в пути
Или цветок увижу я душистый,
Удастся ли до цели мне дойти
Иль раньше оборвется путь тернистый —
Хочу закончить путь — одно в мечтах —
Как начинала: с песней на устах!

КОГДА Я УТОМЛЮСЬ...

Когда я утомлюсь привычной жизнью,
Привычным горем, что вокруг я вижу, —
Тогда я мыслью улетаю в дали,
В стране мечты мои блуждают взоры.
Что ж вижу я в далеком этом мире?
Я вижу будущее, век грядущий.
Мне представляется: в кругу семейном
Старик своим внучатам в поученье
Правдивые рассказывает сказки
О том, что было некогда на свете.
Семья любовно деда окружила,
Тут сыновья, и дочери, и внуки;
Одни ему торжественно внимают,
Другие наяву о чем-то грезят,
А самый младший внук сел возле деда
И взора пылкого с него не сводит,
Следя за каждым словом и движеньем.
Дед произносит медленно и важно:
«Как счастливы, что родились вы, дети,
В спокойное и радостное время!
Внимаете вы, словно страшной сказке,
Рассказу моему о диком прошлом.
Да, дети, мир наш, вольный и счастливый,
Темницею казался прежним людям;
И впрямь был этот мир тогда тюрьмою:
Народ ходил в запряжке у народа,
В цепях свободное томилось слово.
Полчеловечества людьми не звали,
Кровавою войной шел брат на брата
Войной — вам неизвестно это слово?

Тогда братоубийство называли;
Кровопролитие звалось геройством;
А смерть голодная звалась нищетою;
Все, что награблено, звалось богатством;
Мрак без просвета простотою звали,
Ученостью — неверное блужданье,
Безудержное мщенье — правосудьем,
Насилье деспотическое — правом.
Надменным, чванным честь была и слава,
Обиженным, униженным — презренье.
Погиб бы, верно, род людской, несчастный,
Когда б угасла маленькая искра
Любви и братства, что и в эту пору
В сердцах у некоторых пламенела.
Она не угасала, эта искра,
И возгорелась пламенем могучим,
И осветила темень черной ночи, —
Власть света воцарилась в нашем мире!
Все это старые поведали мне люди.
До моего рожденья было это».
Так говорил старик — и самый младший
Из всех внучат, поднявши взор на деда,
Сказал с беспечной, ясною улыбкой:
«Какие страшные рассказывал ты сказки,
Как рад я, что не видел лихолетья!»

ПОВСЮДУ ПЛАЧ

Повсюду плач и стон глубокий.
Несмелы возгласы, смутны
Судьбе напрасные упреки.
Печально лица склонены.

Над старым горем Украины
Горюем-тужим всякий час
И ждем, рыдая, той години,
Когда спадут оковы с нас.

И растрavляем раны снова, —
Зажить им слезы не дают.
Заржавеют от слез оковы,
Но все же сами не спадут!

Что пользы плакать в мире гнета?
Для нас возвратных нет путей.
Возьмемся лучше за работу,
Добьемся новых, светлых дней!

1890

* * *

За правду встанем единой ратью,
У нас единый правый путь.
Единой верой сильны мы, братья,
Одним дыханьем бьется грудь.

Нет, братья, среди нас измены,
Мы не боимся лжи и тьмы.
Мы держим правды стяг священный,
И злу не поддадимся мы.

Все к нам, кто правду ценит свято,
Кто жизнь отдать за правду рад.
Его мы примем, точно брата,
Кто любит правду — тот нам брат.

* * *

Шлю листок тебе... издали ныне
Этой зеленью напоминая
Рощи нашего тихого края,
Уголок нашей милой Волыни.

Отзовись же, мой друг, поскорее, —
Слов твоих не слыхала я с лета,
А душа моя жаждет привета,
Как дождя деревцо, зеленея...

И еще окажи мне услугу,
Просьбу шлю твоей музе такую:
Пусть, кукушкой лесною кукуя,
Оживит она грустного друга!

Да, я нынче печальна, родная,
На суровую сетую долю,
Что мечты заточила в неволю,
Все надежды мои убивая.

Вянут лучшие думы и грезы,
Как цветы, что порою осенней
Расцветают всего на мгновенье,
Чтоб на солнце взглянуть до мороза.

Но затихнет и зимняя вьюга!
Просьбу шлю твоей музе такую:
Пусть, кукушкой лесною кукуя,
Оживит она грустного друга!

В ДЕТСКОМ ХОРОВОДЕ

I

На зеленом бугорочке
Вишен белые цветочки.
Хатка там стоит меж вишен,
Будто то ребенок вышел
И глядит с холма далече,
Не идет ли мать навстречу.
Словно мать пришла к ребенку,
Солнце белую хатенку
Ясным светом озарило,
Как дитя, развеселило.

II

Лето красное минуло,
Побелело поле;
Дети выглянули в окна —
Кончилось раздолье!

Скучно детям в темной хате.
Спрашивают дети:
«Для чего зима и холод
Созданы на свете?..»

Вон все поле снег засыпал,
Хоть нейди из дому!
Знай сиди — гляди в окошко
В комнате знакомой.

В снежном поле замерзают
И цветы и мята.
Верно, век зима не минет!» —
Плачутся ребята.

— Подождите, скоро теплый
Ветерок повеет.
Снова солнце золотое
Землю отогреет.

И земля зазеленеет
Травами, кустами,
Вновь весна укроет поле
Яркими цветами.

III

«Мама, зима настает,
Снегом покрыты поляны,
Птица в лесу не поет...
Пташки ведь все улетают
На зиму в теплые страны?» —
Маму дитя донимает.

— Нет, не все, — ласкает мать сынишку. —
Вон, гляди-ка, серенькая птичка
Возле хаты бегаёт вприпрыжку.
Вот осталась птичка-невеличка! —

«Что же она не бежит,
Что ж на морозе дрожит?»

— Не боится мороза она,
Не покинет родимого края.
Не страшна ей зима снеговая,
Ждет, что снова наступит весна! —

«Мама, взгляни-ка, взгляни,
Пташкам как весело стало!
Слышишь, чирикают так,
Будто и горя им мало.
Видишь, распрыгались как!»

— Нет, не так уж легко им, сыночек.
Есть заботы у маленькой птицы:
Раздобыть бы водицы глоточек,
Чем-нибудь на снегу поживиться! —

«Что ж распевает? Чудно!
Лучше б искала зерно!»

— Да утеха у птицы одна,
Голодна, ну а все распевает:
Птичье сердце свое согревает,
Ждет, что скоро наступит весна.

IV

Тешься, играй, пока детство не минет, —
Это весна твоих дней.
В мыслях твоих нет тоски и в помине,
Грез твоих нету ясней.

Мысли с мечтою чудесною силой
В дальний подымутся край.
Горлинке крыл не вяжи сизокрылой,
Ей улетать не мешай!

Есть незабытая быль-небылица:
В сказочные времена
Воду живую, чтоб людям напиться,
Пташка достала одна.

Ей нестрашны были дали, просторы,
Скалы, моря нестрашны.
Перелетала высокие горы —
Крылышки были сильны.

Так твоя дума, легко улетая,
Полная вольной красы,
Вмиг принесет из волшебного края
Каплю целебной росы.

Если придут к тебе горе с бедою,
Станет на сердце темно —
Этой чудесной живою водою
Вмиг оживится оно.

Пусть же мечтанье чудесною силой
В дальний уносится край.
Горлинке крыл не вяжи сизокрылой,
Ей улетать не мешай!

ЧЕРЕШЕНКИ

Заблестели черешенки
На зеленой ветке.
Смотрят снизу на черешни
Детки-малолетки.

И мальчишки и девчонки
Под деревом скачут,
Тянут к ягодам ручонки
И чуть-чуть не плачут.

Вишни, вишни дразнят око,
Да растут высоко.
Рук до вишен не дотянешь,
Спелых не достанешь.

— Ой, вишенки-черешенки,
Налились вы соком!
Отчего же вы растете
На суку высоком?

«Кабы выросли пониже,
Мы бы не поспели.
Кабы выросли поближе,
Нас давно бы съели».

КРЫМСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАПЕВ

Край солнечный! Ты так теперь далеко,
Ты за горами от меня крутыми,
За долами просторными, за морем,
Которое туманами густыми
Теперь покрыто, бурное... Но думы
Мои не устроятся бурь осенних
На Черном море. Ведь быстрее чайки
Они перелетят в тот край любимый,
Где небо по-весеннему синее,
Где солнца луч все так же пламенеет.
Туда я быстрой полечу мечтою,
Привечу ясный край, где я бывала,
Где дней когда-то провела немало,
А счастья ни минуты не знавала...
Не брошу укоризненного слова
За это я тебе, мой край прекрасный!
Не виноват ты в том, что нет мне доли,
Не виноват ты в том, что я несчастна.

1892

I. МОРСКАЯ ТИШИНА

В час полуденный, горячий
Я смотрю в свое оконце:
Ясно небо, ясно море,
Ясны тучки, ясно солнце.

Может, в этом крае света
И сияния лазури

Никогда и не слышали,
Что бывают в мире бури.

Тихо в море... Еле-еле
Колыхают волны море;
Не шелохнется от ветра
Белый парус на просторе.

И волна скользит на берег
Вся жемчужно-голубая;
Кто-то лодочкою правит —
Вьется тропка золотая,

Кто-то лодочкою правит,
Тихо весла подымает,
И мне кажется, что с весел
Блага золотом спадает.

Как бы я теперь хотела,
Управляя лодкой легкой,
Снова плыть к восходу солнца
Золотым путем, далеко.

Поплыла б к восходу солнца
И к закату — от восхода,
Тем путем, что солнце блеском
Проложило через воду.

Не боясь ни скал подводных,
Ни ветров, ни бурь дыханья,
Я о них не вспоминала б
В крае вечного сиянья!

Евпатория, 16/VIII 1890

II. ПОЙ, МОЯ ПЕСНЯ...

Плененная мысль моя долго молчала,
Как птица, которая в клетке закрыта.
Песня по воле давно не летала,
Тоской обессилена, скорбью убита!

Время тебе, моя песня, проснуться,
Крылья поднять, истомленные горем.
Время тебе, моя песня, взметнуться,
Послушать, как ветер играет над морем.

Рвись, моя песня, струей многоводной, —
Она ведь не знает, куда ее гонит.
Мчись, моя песня, чайкой свободной, —
Она не боится, что в море утонет.

Пой, моя песня, как ветер в просторах,
Пеной вскипая, неистовствуй жадно!
Отклика ветру не будет. Но шорох,
Плеск и шипение пены — отрадно!

В открытом море, 17/VIII 1890

III. БЕССОННАЯ НОЧЬ

Эту ночь до зари не спала я.
Слух ловил мой, как море томилось,
Как волна поднималась, вздыхая,
И как сердце в груди колотилось.

Ночью чудища — рой безобразный —
Мне смотрели в бессонные очи,
И страшней, чем кошмар неотвязный,
Были призраки длящейся ночи.

Думы-мысли, как птицы ночные,
Налетели — суровы, безмолвны, —
Непонятные думы глухие,
Словно в море полночные волны.

Кто отважится полночью в море
На челне ненадежном пуститься,
Мировое безбрежное горе
Кто вместить в свое сердце решится?

Ведь плывут по ночному раздолью
Только те, что и тьмы не боятся.

Так лети, моя дума, на волю!
Я не стану зари дожидаться!

Средь тумана и злой непогоды
Всю-то ночь будет челн мой кружиться,
А поднимется солнце свободы —
Вечным сном суждено мне забыться.

Станет рвать непогода ветрила,
Закружит мой челнок одиноко.
О когда бы мне доля судила
Хоть увидеть зарю издалека!

Евпатория, 1891

IV. НА ЧЕЛНЕ

Ночь прекрасная! Места нет горю.
Я покорна твоей тишине.
Не борюсь я уже и не спорю,
Утопаю в серебряном сне.

Люди спят. Спит и горе людское —
Силы нет у него в эту ночь.
В мире, в сердце полно все покоя,
И умчались волнения прочь.

Может, спрятались только глубоко,
Может, горе проснется опять?
Ничего! Мир распахнут широко,
О печали зачем вспоминать!

Посмотри, как волна серебрится
И как море светлеет вдали!
Волны манят нас в море пуститься,
И зовет нас полоска зари.

. . . . .

Ты плыви, челнок мой! Нас волна колышет,
Ласково качает.
Ты плыви, челнок мой! Ветер тихо дышит,
Веет, повевает.

Облака-пушинки, как лебязьи крылья,
По небу гуляют,
Длинной вереницей звезды заслонили,
Месяц задевают.

Месяц, светлый месяц, нежно-серебристый,
Свет свой рассыпает
И блестит, сияя по лазури чистой,
Как огонь пылает.

Корабли далеко в светлом море реют.
Вижу издали я,
Как в широком круге месяца чернеют
Снасти их тугие.

Поплывем туда мы по лазури чистой,
Где все так прекрасно,
По дорожке света, легкой и огнистой,
К «Stella maris» ясной!

На челне было нас только двое,
Тихо волны кругом колыхались.
Мы себе средь ночного покоя
Позабытыми миром казались.

Я тобой любовалась, брат милый,
А мечтала — о чем, не скажу я.
Все, чем сердце наполнено было,
Схоронила в пучину морскую.

И, быть может, волна рассказала,
Что в ту пору подумалось мне?
Нет! Молчит она, как и молчала.
Так усните, мечты, в глубине!

Думы дремлют, душа опочила,
И смотрю на лицо я твое.
Море жить в тишине научило
Беспокойное сердце мое.

Евпатория, 8 июля 1891

У. НЕПОГОДА

В темный вечер сажу у окна я.
Свищет буря средь Черного моря...
Гомон, стон. Чаек носится стая,
Бьются волны и плачут от горя.

Там, у берега, выставил ребра
Челн рыбацкий, разбитый волнами,
Словно зверь, что в пустыне недоброй
Весь засыпан сухими песками.

О спасении челн умоляет,
К небу ребра простер, несчастливый.
А из тьмы на него набегают
В злобной ярости вал белогривый.

Как из пушки ударит он крепко,
И по берегу гул пробегает.
Хочет челн разломить он, как щепку,
Давит, плющит, песком засыпает.

И совсем словно челн тот несчастный,
Занесенный песками морскими,
Этот край несказанно прекрасный
Умирает в плену меж чужими.

Конь, что вольными вскормлен степями,
Здесь, в пустынных местах, пропадает,
Закружил его ветер песками,
Он, в бессильи упав, умирает.

Все же сердце живое в нем бьется,
Кровь еще не застыла живая,
А над ним уже кружится, вьется
Жадных хищников черная стая.

Рвет на части его озверело,
С диким криком, со злобным урчаньем,
И трепещет кровавое тело,
Расставаясь с последним дыханьем.

Море, силою ярости полной
Развернись неудержно и властно,
Подними свои буйные волны,
Затопи этот берег несчастный!

VI. МЕРДВЕН¹

Красные скалы и сизые горы
Дико и грозно нависли над нами.
Это злых духов пещеры, затворы
Высятся под облаками.

Скалы до моря сползают грядю,
«Чертовой лестницей» их называют.
Демоны сходят по ним, а весною
Гулкие воды сбегают.

Люди не смеют взойти по утесам
К скалам, туманом повитым.
Нагромоздили над самым откосом
Духи тяжелые плиты.

На смельчака они камни обрушат
В грохоте грозного смеха,
И побежденного стоны заглушит
Гулкое горное эхо.

VII. БАЙДАРЫ

Дорога вьется. Заросли, долины. . .
Пылает день, безоблачный и яркий.
Идем без отдыха дорогой длинной.

И вот внезапно слышу я: «Байдары!»
Смотрю — ворота. Две скалы пустынных.
А дальше? Дальше. . . Или это чары?

---

¹ Чертова лестница. — Прим. авт.

Затворы распахнулись без усилия,
Открыв с откоса чудные дары
Природы, что от наших глаз скрывались.

Для жизни здесь нужны, должно быть, крылья.
Людей ведь здесь не видно с той поры,
Как с кущей райскою они расстались.

Невидимые руки положили
Границею обрыва две горы,
Чтоб высоко до неба подымались.

Зеленый, серый — два крутые ската.
А море золотое шлет сиянье,
Надежды и свободы обещае...

Не это ль мир, пленявший нас когда-то,
Утраченный, забытый без возврата,
К которому всегда летят мечтанья?

VIII. ТАТАРОЧКА

За мостом на каменной дороге,
Там, где солнце припекает жарко,
Стройная, красивая такая,
Тихо девочка идет татарка.

На лукавой черненькой головке
Маленькая шапочка алеет.
Смугловатое лицо скрывая,
Шелком шитая чадра белеет.

То лицо откроет, то закроет,
А глаза, сверкая, как зарницы,
Так и блещут из-под бровок темных!
Что за взгляд у этой чаровницы!

IX. БАХЧИСАРАЙ

Как зачарованный, стоит Бахчисарай.
Сияет месяц золотистым светом,
Белеют стены в дивном блеске этом.
Весь город спит, как сном заклятый край.

Серебряным деревьям, минаретам,
Как часовым, доверен сонный рай;
Среди кустов таинственным приветом
Плеснет фонтан во мраке невзначай.

Природа дышит сладостным покоем.
Над сонной тишью легкокрылым роем
Витают древние мечты и сны.

И тополя, вершинами кивая,
Неторопливо шепчут, вспоминая
Седые были давней старины. . .

X. БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Хоть не разрушен он, во всех углах сурово
Таится пустота, ушедшие года.
Как будто только что промчалась тут беда,
Сметая грозной бурей след былого.

Фонтан чуть слышное в саду лепечет слово,
По камню медленно журчит, бежит вода,
Роняет капли слез, не молкнет никогда.
То плачет сам дворец средь сумрака дневного.

Жилище ханских жен — развалины одни.
Вон башня и сады, где в те былые дни
Гарема пленницы красу свою губили.

Здесь сила грубая с неволею царили.
Но сила умерла, погребена в руинах,
Неволя ж властвует и до сих пор в долинах.

XI. БАХЧИСАРАЙСКАЯ ГРОВНИЦА

Лучи кидает солнце без пощады,
Как стрелы, на кладбище в знойной пыли,
Где под камнями, спящие в могиле,
Сыны аллаха вечной ждут награды.

Ни дерева, ни розы, ни ограды. . .
Как страж, лишенный тени и прохлады,
Стоит гробница. Те, что в ней почили,
Навеки имя под плитою скрыли.

Чужих краев певцы здесь побывали
И тени милой пленницы искали,
Но призрак здесь иной встает кроваво.

Нет, тут не отыскать красы гарема,
Марии грустной, пламенной Заремы.
Бахчисарая здесь почил слава.

XII. ДОМИК НАДСОНА В ЯЛТЕ

Сумрачный дом. В этом крае далеком,
В зелени гор и привольи широком
Места веселого ты не нашел,
Скорбный поэт! Умирать одиноко
В сумрачный дом ты пришел.

Здесь не увидишь простора морского,
Шума совсем не слышать городского,
Стонут лишь мрачные сосны вокруг,
Эхо в горах повторяет сурово
Каждый родившийся звук.

Стали в саду кипарисы стеною,
Оберегая жилище немое. . .
Лавры, как будто их сушит тоска,
Тихо поникли своей головою,
Свежего ждут ветерка.

Около дома полно все печали.
Грустную комнату мне показали,
Ту, где несчастный поэт умирал. . .
Все, что убрать было можно, убрали —
Скорби никто не убрал.

Темные окна — что очи слепые,
Комнаты бедные и неживые,
Зеркало тускло блестит на стене.
Только в него я взглянула впервые —
Дрогнуло сердце во мне.

Здесь ведь навеки «огни догорели»,
Здесь ведь навеки «цветы облетели»,
Здесь только муза витает одна,
Что наклонялась у смертной постели,
Горькой печали полна.

Умер поэт на чужбине далекой. . .
Дома, на севере, злобой жестокой
Было отравлено сердце его.
Муза витает в доме одиноко,
Друга зовет своего.

СЛЕЗЫ — ПЕРЛЫ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. ФРАНКО)

1. О МИЛАЯ РОДИНА! . .

О милая родина! Край мой желанный!
Зачем все умолкло в тебе, онемело?
Лишь пташка в лесу отзовется несмело,
Предчувствуя бури порыв ураганный,
И снова умолкнет. Как глухо, как тихо!
Ой, лихо!

Ой, где же ты, воля? Звездой неприметной
Зачем не сойдешь ты с дороги воздушной?
Порадовать землю несчастную нужно!
Ты видишь: все скрыто здесь тьмой беспросветной,
И правда бессильна с неправдою в споре.
Ой, горе!

О бедный народ мой! Страдая невинно,
В цепях мои братья почти бездыханны.
Увы, незажившие страшные раны
Горят на груди у тебя, Украина!
Кто тяжкое иго разбить нам поможет?
Ой, боже!

Когда ж это минет? Иль счастья не стало?
Проклятье рукам, онемевшим в бессильи!
Зачем и родиться, чтоб жить, как в могиле?
Уж лучше б смертельной мглою застлало
Печальные очи, чем жить нам в позоре!
Ой, горе!

II. В СЛЕЗАХ Я СТОЮ . . .

В слезах я стою пред тобой, Украина . . .
О горе мое! Для чего эта мука?
Чем может помочь тебе тяжкая эта кручина?
Она — небольшая услуга!

Ой, слезы, они мне всю душу спалили,
Следы огневые оставили с детства,
Те горькие жалобы сердце мое сокрушили!
И нет от страдания средства.

А мало ль нас плачет такими слезами?
Как можем мы, дети, утешиться снова,
Коль мать и в нужде и в неволе горюет над нами?
Где ж тут раздобыть нам веселое слово?

Молва говорит о слезах материнских,
Что будто каменья они прожигают:
Неужто кровавые слезы детей украинских
Бесследно, упав, исчезают?

III. ВСЕ НАШИ СЛЕЗЫ . . .

Все наши слезы мукой огневою
Падут на сердце — сердце запылает . . .
Пускай пылает, не дает покоя,
Пока душа себя превозмогает.

Когда ж не хватит силы, если мука
Ударит в сердце бешеным ударом,
Тогда душа воспрянет от недуга
И ото сна пробудится недаром.

Она разметет все свои преграды,
Она заснуть, как прежде, не сумеет,
Она бороться будет без пощады,
Она погибнет или одолеет.

Победа или славная могила —
Одно из двух перед душой предстанет . . .

Какой бы путь нам жизнь ни присудила —
Восстанем мы затем, что дух восстанет.

Так будем плакать, братья. Знать, бесчестье
Еще душа, томясь, преодолагает:
Пусть сердце рвется, требуя возмездья,
Пусть не дает покоя, пусть пылает!

КАК ПРИДЕТ ГРУСТЬ-ТОСКА

Как придет грусть-тоска, и не думай, что с ней
Распростишься на гульбищах шумных,
За столом, средь хмельных и веселых друзей,
Что пируют при кликах безумных.

Не ходи в пышный дом, где веселье гремит,
Где под музыку пары кружатся, —
Еще больше там сердце твое заболит,
Тучи-мысли грознее сгустятся.

Не ищи многолюдств площадных, суеты
Стоголовой толпы, что, как море,
Разливаясь, шумит, — в ней потонешь и ты,
Не потонет одно только горе.

Лучше выйди весной в лес зеленый, густой
Или в поле, где жито тучнеет,
На привольи поспорь, потягайся с бедой, —
Может, там ее ветром развеет.

Или громкую песню запой веселей,
Чтоб само засмеялось лихо,
И тогда разлучишься с тоскою своей
И на сердце опять станет тихо...

СОН

Мне снилось, что фантазии прекрасной
Богиню я увидела воочью,
Моей подруги образ милый, ясный
Богиня приняла той темной ночью.

Тот самый смех, черты, мне дорогие,
Свет разума горит во взоре ясном,
А за спиною крылышки цветные,
Венок лавровый на челе прекрасном.

Она идет! Непобедимой силой
Влечет меня все дальше за собою
По темным переходам. Вот вступила
В какие-то угрюмые покои.

То храм святой иль мрачная темница?
Над нами сумрачные своды зданья,
И узкое оконце, как бойница.
Сочится бледное через него сиянье

И падает на стену; там огромный
Стоит орган скалой под темным сводом,
Скалой, где был прикован неумный
Титан, который свет принес народам.

Богини ласковой прикосновенье
Я ощутила. Вдруг проговорила
Она: «Мой друг, запомни наставленье:
То мировой орган, и так судьба решила,

Что лишь однажды прозвучать он может.
И звук его, могучий, вдохновенный,
Во всех краях насилье уничтожит
И сокрушит извечный строй вселенной.

И страшное свершится разрушенье,
И упадут дома под гул громовый,
И страх придет, а с ним — освобожденье.
Тогда спадут всемирные оковы,

Лавр благодатный правду увенчает,
И сгинет зло, вскормленное веками,
Певец хвалу свободе заиграет
На вольных струнах вольными руками.

Послушай: оживить орган ты можешь
Не сильною, но смелою рукою,
Зло мира ты звучаньем уничтожишь
И счастье дашь земле, стремящейся к покою.

Но знай: погаснет жизнь твоя мгновенно,
Как молния, она во мраке канет,
Не для тебя свет правды дерзновенной, —
Мир озарится, а тебя не станет.

И славить струны вольные не будут
Тебя, мой друг, того, что ты свершила,
Счастливые несчастную забудут,
Не увенчают лаврами могилу!»

Сказала и исчезла. Одиноко
Я духом погрузилась в размышленье:
Как звук освободить, сокрытый там, глубоко,
Чтоб он принес вселенной избавленье?

Я все стою, стою — окаменела.
Устала мысль, уже не утешает.
Что это? Словно песня зазвенела,
Вдали как будто целый хор рыдает.

Глубокое, безудержное горе
Вползает в сердце, камнем там ложится.
Рыдает хор, как дикий ветер с моря,
А по угрюмым сводам тьма струится.

Луч из оконца падает на камень,
Густеет тьма и подавляет душу,
А сердце жжет и пожирает пламень.
Нет, звуком тем насилье я разрушу!

Пусть я погибну, лишь бы заалело
Надежды солнце, правды озаренье.
Протягиваю руку твердо, смело —
И просыпаюсь... Да! То сон... виденье.

В ПУТЬ

Часы бегут
И в путь зовут.
Прощай, земля родная,
В дорогу я иду,
Здесь доли не нашла я —
В чужом краю найду.

Пойду искать доли в чужой стороне,
На свет и на волю не время ли мне?

Жизнь мчится, быстра,
Пора мне, пора!

Прощай же, товарищей старых семья!
Прощай же, подруга, голубка моя!
Я, может, навеки покину свой край...
Прощай, добрым словом меня поминай!

Уверенным шагом
Я в путь выхожу,
И в сердце отвага,
Хоть слез не сдержу...
Для родины милой
Я сил наберусь,
С чужбины без силы
Домой не вернусь.

Я все покидаю — и сад мой весной,
И добрые нивы, и шорох лесной,
Лишь песни родные там будут со мной.

Часы бегут
И в путь зовут.
Шумят на прощанье
Луга заливные,
Летят расставанья
Минуты земные! . .
Хоть горько равнину
Покинуть родную —
Иду на чужбину,
В дорогу спешу я,
Далек он, мой путь,
Назад не свернуть!

ПРЕДРАСВЕТНЫЕ ОГНИ

Глубокая ночь изнемогших в бессилье
Под черные спрятала крылья.
Повсюду погасли огни;
Все спят в этой черной тени,
Всех властная ночь покорила.

Кто спит, кто не спит — покорись темной силе,
Блажен, кого сны посетили.
Тем снам не витать надо мной. . .
Вокруг все окутано тьмой,
Вокруг все молчит, как в могиле.

Дурные виденья мне душу терзали,
Казалось — не встать от печали. . .
Вдруг, ясным сияньем маня,
Лучи разбудили меня, —
Огни вдалеке заблестали.

Огни предрассветные, солнце пророча,
Прорезали тьму этой ночи.
Еще не вставала заря —
Они уже блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

Вставайте, живые, в ком дума возсталала!
Пора для работы настала!
Гони предрассветную соню,
Зажги предрассветный огонь,
Покуда заря не взыграла.

СОСНА

С ветром весенним в беседу вступала
В зелени вечной сосна,
Там я ходила, и в сердце запало,
Что говорила она.
Ой, не «зеленый там шум» распевала
В вечной печали сосна...
Вместо «зеленого шума»,
Слышалась в гомоне тяжкая зимняя дума.

Зимним рассветом дубрава молчала,
Словно замерзла — грустна,
Только густою вершиной шептала
В зелени вечной сосна.
Там я ходила, и в сердце запало,
Что говорила она, —
Да не веселая дума
Слышалась в гомоне грустном «зеленого
шума»!..

1892

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Сон в летнюю ночь мне однажды приснился.
Короткой та летняя ночка была,
И сон был короткий, — он вдруг прекратился,
Едва лишь на небе заря расцвела.

Роскошное и золотое виденье
Любовно в ту ночь посетило меня,
Судьбы моей радостной прикосновенье
Приснилось, к чудесному счастью маня.

Была я счастливой, безмерно счастливой;
Приснилось мне. . . Этого не описать!
Нет, я недостаточно красноречива,
Чтоб правду о счастье могла рассказать.

Тот сон был коротким, как ночка, и рано
Умчалась та нежная греза моя,
Туда, где пылала, играла румяно
Златисто-огнистого утра заря.

Увидела я, что уж ночь миновала,
И душу мою охватила печаль,
И тихо-тихонечко я повторяла:
«Сон в летнюю ночь! Как мне жаль тебя, жаль!»

Я счастья ни в жизни, ни в грезах не знаю,
И грезы другие я в сердце ношу.
Когда я часами грущу и рыдаю,
Я счастья себе у судьбы не прошу.

Другим пусть и счастье и радости будут,
Себе я желаю не грезить, а жить.
Пусть те, кто проснулись, о счастье забудут.
Им счастья далекого не возвратить!

МЕЛОДИИ

(1898—1894)

I. НОЧЬ БЫЛА И ТИХА И ТЕМНА. . .

Ночь была и тиха и темна.
Я стояла, о друг мой, с тобою,
На тебя я глядела с тоскою.
Ночь была и тиха и темна. . .

Ветер замер печально в саду.
Пел ты песню, я молча смотрела,
Песня в сердце тихонько звенела,
Ветер замер печально в саду. . .

Вдалеке полыхнула зарница.
Что-то дрогнуло в сердце моем!
Словно острым пронзило ножом.
Вдалеке полыхнула зарница. . .

II. ЭТОЙ ПЕСНИ НЕ ПОЙТЕ. . .

Этой песни не пойте, не надо,
Не терзайте мне сердца, друзья!
Тихо дремлет печаль в моем сердце,
Не тревожьте ее забытья.

Не узнать вам, о чем я мечтаю,
Молча сидя меж вас в тишине.
Так же горестно, так же глубоко
Эта песня рыдает во мне.

III. ГОРИТ МОЕ СЕРДЦЕ. . .

Горит мое сердце, — горячая искра
Печали зажглась, опалила меня.
Так что ж я не плачу, так что же слезами
Залить не спешу ее злого огня?

Душа моя плачет в тоске неизбежной,
Но слезы не льются потоком живым,
До глаз не доходят горячие слезы,
Печаль осушает их зноем своим.

Хотела бы выйти я в чистое поле,
К земле припадая, прижаться бы к ней
И так зарыдать, чтоб услышали звезды,
Чтоб мир ужаснулся печали моей.

IV. ВНОВЬ ВЕСНА . . .

Вновь весна, и вновь надежды
В бедном сердце оживают,
Снова зыбкие мечтанья
Сны о счастье навевают.

О весна! Мечты-подруги!
Сны, что вечно живы!
Я люблю вас, хоть и знаю,
Как мне неверны вы! . .

V. ГЛЯЖУ Я НА ЯСНЫЕ ЗВЕЗДЫ. . .

Гляжу я на ясные звезды,
И смутно в душе у меня,
Смеются бесстрастные звезды,
Немыми лучами маня.

Вы, звезды, бесстрастные звезды,
Не те вы сегодня, не те,
Что сладкую лили отраву,
Моей отвечая мечте.

VI. СТОЯЛА Я И СЛУШАЛА ВЕСНУ. . .

Стояла я и слушала весну.
О, как она мне много говорила,
То пела песню звонкую одну,
То мне тихонько-тихо ворожила.

Она мне напевала про любовь,
Про молодость, про радость и печали,
Она мне все перепевала вновь,
Что мне мечты давно уж рассказали.

VII. ХОТЕЛА БЫ ПЕСНЕЮ СТАТЬ Я. . .

Хотела бы песнею стать я
Хоть в это мгновенье без слез,
Чтоб кинуться ветру в объятья,
Чтоб эхом ее он разнес.

Чтоб дрогнули звездные хоры
От песни летящей моей,
Хотела б упасть на просторы,
На буйные волны морей.

Мои бы звенели мечтанья
И счастья заветного сны —
Яснее, чем звезд трепетанье,
Звучнее, чем рокот волны.

VIII. ПОБЕДА

Долго я не могла покориться весне,
Долго слышать ее не хотела,
Понапрасну она улыбалася мне,
И звала, и сияла, и пела.

«Не зови ты меня, — говорила я ей, —
Не поддамся чарующей силе!
Что теперь мне, скажи, до улыбки твоей,
Если в сердце темно, как в могиле?»

А весна отвечала: «Послушай, взгляни, —
Все моей покоряется воле:
Лес давно позабыл про холодные дни,
И цветами усеяно поле;

Туча вешняя громом полна молодым,
Блещут молнии, ливень грохочет.
А земля вся в цвету, словно розовый дым
Постепенно укрыть ее хочет.

Пусть же темное сердце твое оживет
И на песню мою отзовется.
На нее отзывается все, что живет,
А ведь сердце твое еще бьется!»

Я шептала упорно: «Не верю весне!»
Только тщетным неверие было —
Всколыхнулись и слезы, и песни во мне...
О весна! Ты меня победила!

14/V 1893

IX. МУЗЕ

Слети ко мне волшебницею милой,
Зарей румяной вспыхни надо мною,
Пусть луч твой светлый на меня падет.
Меня враждебная вновь одолела сила,
Я вновь побеждена, нет больше сил для боя,
Но я не жалуясь, я знала — это ждет.
Спокойна я и не хочу сражаться,
В моей душе иные есть желанья:
Хочу я в мире только мыслью жить,
Хочу твоей беседой наслаждаться
И на своем челе твое сиянье
Хотя б на миг короткий ощутить.

13/1 1894

X. ЭТА ТИХАЯ НОЧЬ...

Эта тихая ночь-чаровница
Покрывалом спокойным, широким
Распростерлась над сонным селом.

В небесах просыпалась зарница,
Будто в озере тихом, глубоком
Лебедь всплескивал белым крылом.

С каждым всплеском тех крыл лебединых
Сердце билось, в тоске сиротело,
Замирало в тяжелой борьбе.
Истомил меня злой поединок,
И мне песню пропеть захотелось —
Лебединую песню себе.

1894

ХІ. ДАВНЯЯ ВЕСНА

Была весна веселой, щедрой, милой,
Лучом играла, рассыпала цвет,
Она летела с быстротой стокрылой,
И птицы певчие за нею вслед.

Все ожило, и все вокруг запело —
Зеленый шум, — и звуков даль полна.
Заговорило все и зазвенело,
А я лежала в комнате больна.

Я думала: «Весна для всех настала,
И всем подарки принесла она,
Лишь для меня подарка не достала,
Меня забыла светлая весна».

Нет, не забыла! В окна заглянули
Ко мне ветвями яблони, легки,
И листьями зелеными качнули,
И белые рассыпали цветки.

Ворвался ветер, и в жилище тесном
Про волю он весеннюю запел,
И вслед за ним примчались птичьи песни,
И милый отзвук леса прилетел.

Моя душа вовеки не забудет
Подарка, что весна мне принесла,
Весны такой уж никогда не будет,
Какою та была, что так цвела.

1894

ХИ. В НЕНАСТНУЮ ТУЧУ. . .

В ненастную тучу собралась кручина моя,
Огнями-зарницами грусть моя в ней разгулялась,
Ударила молнией в сердце,
И крупным дождем полились мои слезы.
Промчалась та непогодь-буря грозой надо мною,
Но все ж не сломила меня и к земле не пригнула.
Я гордо чело подняла,
И взором, омытым слезами, теперь я взглянула яснее,
И в сердце моем зазвучали победные песни.
Весенняя сила в душе заиграла,
Ее не сломили морозы суровой зимы,
Ее не пригнуло туманом тяжелым к земле,
Ее не разбила весны перелетная буря.
Я выйду одна против бури
И встану — померяем силу!

РОМАНСЫ

I. ВОПРОС

Что говоришь ты, друг мой нежный, милый?
Твои слова — как в ясный полдень гром!
Как я люблю тебя — ты знаешь ведь о том?
Нет! Никогда меня ты, видно, не любила!

Печально ты качаешь головою
И все твердишь: «Не по дороге нам!»
Соединиться суждено сердцам,
И мы пойдем дорогою одною.

Я поборю тяжелые невзгоды,
Меня и грозы даже не согнут,
Как мощный дуб, я дам тебе приют,
Обороню от лютой непогоды.

Но ты молчишь. Тебе ничто не мило...
Ко мне душой ты больше не стремишься,
И только сердцем горестным томишься,
И все жалеешь ты, что полюбила.

II. ОТВЕТ

Нет, я об этом, друг мой, не жалею,
Но нам теперь с тобой не по пути.
Не говори, что рядом нам идти,
Нет, я дорогой не пойду твоею.

Моя любовь тебя, мой друг, погубит:
Ты — словно дуб могучий и прямой,
А я — как плющ печальный над тобой,
Его объятъя гибельны для дуба.

Но без опоры плющ зеленый вянет,
Я не увяну, я листвою одену
Убогие, разрушенные стены,
Зеленый плющ им украшеньем станет.

Примчится ветерок в мой край унылый
И принесет мне ласковое слово
От друга милого из той дубровы, —
И счастья дни воскреснут с прежней силой.

1893

III. НА МОТИВ ИЗ МИЦКЕВИЧА

...I znowu sobie zadaje pytanie,

Czy to jest przyjaźń, czy to jest kochanie? ¹

О нет, я тебя не люблю. И женой твоей стать не мечтаю,
И о поцелуях твоих ни сон не твердит мне, ни бред,
И в мыслях тебя никогда любимым я не называю.
Себя вопрошаю: люблю ли? И так отвечаю я: нет. . .

Но только я сяду с тобой — и сердце как птица забьется,
Гляжу на тебя, от лица отвести не могу я очей,
Когда же с тобой расстанусь, в душе у меня остается
Твой образ, совсем как живой, и каждое слово речей.

Как много я в мыслях веду бесед с тобой мудрых и милых,
Сияет мне, словно заря, очей опечаленных свет. . .

Ох, друг мой, не знаю, не знаю, сказать и сама я не
в силах,
Когда б ты спросил меня: любишь? ответила б я тебе: нет?

1893—1894

---

¹ И снова себе задаю я вопрос:
Дружба ли это или любовь? (Польск.)

НЕВОЛЬНИЧЬИ ПЕСНИ

БОЖЬЯ ИСКРА

Подруги

Ну их, поэтов! Их песни тоскливы!
Кто теперь слушать их рад?
«Тихие» нас оглушили «мотивы»
Смутных «фантазий», «баллад».

«Скорби гражданской» нам тоже не надо,
Эти слова хоть звучны,
Дом отопить, обогреть — вот досада, —
Даже на то не годны.

Хватит! Довольно с нас песен унылых,
Песни насмешкой звучат.
Слова разумно сказать вы не в силах,
А рифмовать — так горят!

Друзья

Песни, как сладостны и хороши вы,
Всякий послушать бы рад.
«Тихие» нас услаждают «мотивы»
«Снов» этих, «грез» и «баллад».

Только нам скорби и грусти не надо,
И без того мы грустим,
Кротость и дружба, любовь и отрада —
Вот что мы в песнях хотим.

Ночь задавила нас тьмой беспросветной,
Горе нам в очи глядит,

Пусть же во тьме бестревожно, приветно
Божья нам искра горит.

Поэт

Полно вам, недруги, други, при встречах
Попусту с нами болтать,
Проще пойти научить сумасшедших,
Как им здоровыми стать.

Видели вы, как растет золотое
Пламя, как пышет в нем жар?
«Искра» та «божья» — проклятие злое,
Дикий и лютый пожар.

И не дано тех огней человеку
Ни зажигать, ни гасить,
А упадет в него искра — до веку
Он ее будет носить!

МАТЬ-НЕВОЛЬНИЦА

Был ясный и веселый день весенний,
К нам в комнату, в распахнутые окна,
Врывался шум потоков говорливых,
Что вниз бежали улицей нагорной,
И ветерок влетал, и, как ребенок,
Бросал он на пол со стола бумаги.
А вслед за ним влетала стая звуков,
Та песня города, что всем знакома,
Но в ней уже иные были ноты,
Весенние... Они звучали не для нас,
И не было веселья в нашем сердце,
А та весна, что за окном смеялась,
Нам принесла нерадостные слухи
И новости тюремные: в неволе
Сидит один, а тот сошел с ума,
А тот недавно вышел, но больной
Душой и телом, — был он арестован
Как раз в расцвете сил, надежд, мечтаний;
Над нами тоже тучей грозовой
Нависли темные угрозы власти.
Такой была для нас в тот год весна...

Сидели мы вдвоем и говорили;
Я с грустью слушала рассказ своей подруги
И бахрому рассеянно сплетала
На скатерти (подруге эту скатерть
В остроге мать когда-то вышивала).
Рассказ тот был отрывистым и тихим,
А голос от печали приглушенным;
Он скоро оборвался, как струна.
Все стихло в комнате, лишь было слышно,
Как в ней играл малыш моей подруги
И маленьким похлестывал кнутом,
На стуле сидя, — трогаясь в дорогу.
Я, глядя на него, тогда сказала:
«Ну, что же делать? Не печальтесь, друг мой,
Что, может, мы свободы не увидим,
Зато ребенок ваш ее увидит.
Что скажешь мне ты, маленький философ?»
Ребенок на меня взглянул разумно
И ясно любопытными глазами,
А мать его сказала торопливо:
— Молчите, пусть он этого не знает.
Мне помнится, еще ребенком часто
Я слышала от матери покойной:
«Как вырастешь, свободной будешь, дочка».
Она так весело и твердо говорила,
Что я поверила тогда в судьбу иную,
И верила, пока не подросла...
Так говорят и моему ребенку...
Иди играй, мой маленький, иди же! —
Ребенок вновь к игре своей вернулся,
Подруга села шить, а я — за книжку,
Наш разговор на этом был окончен...

1895

И ВСЕ-ТАКИ К ТЕБЕ...

И все-таки к тебе лишь мысль стремится,
Край горемычный, сторона родная!
Тебя лишь вспоминая,
От скорби сердце ноет и томится.

Мои глаза видали лишь насилье
И горе, но такого не видали,
Они б над ним рыдали,
Да стыдно слез, что льются от бессилья.

Моя земля их много проливала —
В них вся страна могла бы захлебнуться.
Довольно! Пусть не льются, —
Что слезы там, где даже крови мало!

1895

ВРАГАМ

(ОТРЫВОК)

...Уж те глаза, что издавна привыкли
Взор потуплять и тихо слезы лить,
Сверкают молниями, искры мечут, —
Ужель их дикий блеск вас не пугает?
И та рука, не знавшая оружия,
Что так была доверчиво открыта,
Искала только дружеской руки,
Теперь в кулак сжимается от злости.
Ужель вам эти не страшны угрозы?
Уста, что сладко пели, что так нежно
Слова твердили кротких, тихих жалоб,
Теперь шипят от ярости, и голос
Охрипший их похож на свист гадюки.
Что, если жалом станет их язык?..

1895

ПОЛНОЧНЫЕ ДУМЫ

Полно отныне! Ни жалоб, ни плача,
Ни на судьбу нареканий, — конец!
Слезы ль нахлынут волною горячей —
Я их сдержу. Понесу тот венец,
Что на себя возложила сама я.
Доля слепая, довольно мне власти твоей,
Жизни поводья теперь у тебя отнимая,
Буду сама пробираться дорогой своей!

Думы-мечтанья, отныне прощаюсь я с вами,
Ласково я размыкаю кольцо ваших рук,
Долго печальными стану следить я глазами
В даль отлетающий рой легкокрылых подруг.

Вот и пропали, и след их туман застигает...
Только исчезли, как снова уже над челом
Реют широкие крылья, пожаром пылают, —
Новая мысль надо мною кружится орлом.
Я зачарованно слушаю голос нездешний:
«Будешь дотоле зарницею брезжить во тьме,
Край твой печальный доколе зарей не осветится
вешней, —

Нужно дорогу искать для идущих в тяжелом ярме.
Глянут живущие в этой огромной темнице,
Скажут: «Вот в нашем краю наступила весна, —
В небе крылами жар-птицы блистают зарницы,
Скоро рассвет загорится, хоть ночь и темна».
Новая дума! Твой пламень и голос твой строгий
Манят меня, я пойду за сияньем живым
Через просторы, тернистою, дикой дорогой,
Так, как скитальцы пошли за столбом огневым.
Знаю, куда ты меня поведешь за собою, —
Там беспощадно лютует во зле неусыпном война,
Люди там гибнут на поле жестокого боя,
Кровь там не льется — там тайная гибель страшна.
Кличешь? Иду! Для тебя все на свете покину,
Снова вернусь в горемычный, печальный тот край,
Где я в неволе погибну в лихую годину.
Новая дума, с тобою и там будет рай!

1895

ТОВАРИЩАМ

Как позабыть в далекой стороне
Дом неродной, что ближе был родного,
Где часто приходилось слышать мне
Всей правды обжигающее слово.

Суровые вопросы там впервые
Передо мной вставали без прикрас;

Там говорили мне борцы передовые:
«Довольно нам, надеемся на вас.

Приходит ваш черед — безвестной молодежи...
Да только кто вы, где? Скорей ответьте нам.
Ужели голоса, что так на плач похожи,
Принадлежат не слабым детям — вам?

Вы, может быть, на вызовы событий
Хотите дать молчанием ответ,
И только плакать и мечтать хотите,
И сил у вас для твердых действий нет?

Быть может, так? ..» Упреки принимая,
Как у позорного столба, тогда
Стояла я безмолвная, немая,
Не зная, что ответить от стыда.

Зачем молчите вы? Довольны ли собою,
И горькие слова не будят вас, не жгут?
Или раздавлены унылою судьбою?
Или пути иные вас влекут?

Утешьте стариков. Пускай докажет дело,
Что можем мы итти их боевым путем.
А если нет, тогда не бойтесь прямо, смело
Сказать седым бойцам: «Не ждите, не придем».

ПОЭТ В ДНИ ОСАДЫ

Тревогою город объят... За оградой
Туманом сгущается вражья осада
И голод грозитя костлявой рукою;
От вражьих лазутчиков нету покоя.
Бесменно совет заседает военный,
Но нету согласия, — и ночью и денно
Раздоры, сомненья и крики: «Измена!»
Болезнью тяжелой там время плывет,
Но город не умер, но город живет.

Вот в церковь венчаться идут, поспешая;
Младенца баюкает мать молодая.
«Пойдем, — повторяет любимый любимой, —
И руки и судьбы мы соединим,
Чтоб, раненный насмерть, страдаьем томимый,
Я был бы с любимую неразлучим».

«Спи, — мать напевает, — дитя дорогое,
В глухую годину рожденное мною,
Тебя не погубят ни голод, ни беды.
Покуда живу я — тебе их не ведать!»

Идет на свиданье боец удалой,
Невеста его привечает:
«С чего, мой любимый, поник головой
И взоры печаль затмевает?»

— Проститься пришел, дорогая, с тобою,
Товарищи все приготовились к бою,
Тяжелой напасти не вынести мне боле,
Уж лучше погибнуть средь бранного поля,
Чем гнить в этой черной темнице постылой!
Да только не скрою я — жалко мне милой. . . —
И девушка другу подносит ружье
И саблю вручает ему и копье,
Целует, ласкает и счастья желает,
И, словно на празднество, в бой провожает:
«Пусть наша звезда тебя, милый, ведет».
И милый на смерть, не колеблясь, идет.

А вон у ворот нелюбимый томится,
С потупленным взором стоит, темнолицый.
«Я в злую годину всех горше страдаю, —
Не любит подруга меня молодая.
Вдвойне тяжело мне, и, боль затая,
Душа изнывает моя! . . .»

Вон звучная песня доносится с башни,
На башне певец, молодой и бесстрашный.
Певца неминуемая смерть не тревожит,
Свободная песня погибнуть не может.

На башне открытой гуляет он смело,
И песни его — как пернатые стрелы.
Он песню бросает в широкий простор,
Повсюду гремит она в городе, в поле,
И песне народный ответствует хор.
Все видно поэту в широком раздолье —
И море, и неба синеющий свод,
И людям он новую песню поет;
Уже отражаются в песне, как в море,
Звезда молодая, и алая кровь,
И мрачная злоба, и солнце-любовь,
И пламя пожара, и месяц, и зори.
Та песня, как моря прибой,

Огнями играет,
И скалы срывает

Весеннею бурной водой.

Той песне внимает любовник несчастный,
И мать и ребенка она утешает,
Любимый любимой ее напевает,
И радости полон певец сладкогласный.
Затем, что поэты — как дети: им любы
Цветы и триумфы, литавры и трубы,
И бредят они беспримерною славой,
Какую не взять и победой кровавой.
В надежде на славу терновый венец
Бесхитростно принял певец.

Вот день промелькнул, ночь объяла туманом
Весь город, простерлась над вражеским станом.
И ласково смотрят небесные очи
На тех, кто дождался спокойствия ночи...
И стражам вздремнулось под башнею старой.
Все тихо... Господни властительны чары,
Покорно им все наконец,
И лишь не покорен певец.

Сияние звезд, что над башней нависли,
Мечты пробудило, и чувства, и мысли, —
Не сдержишь их — сердце теснят!

И, как над костром золотистые искры,
Как волны потоков, серебристы и быстры,
За песнями песни летят.

И вьются, вольны, из души вырываясь,
Беспечные к славе, к венкам,
На крыльях ветров полуночных вздымаясь
К высоким и ясным звездам.
В них радость звенит, отдается в них горе,
В них воспоминанья бушуют, как море,
А рядом отчаянья хаос зияет
И радугой светлой надежда играет.
Поет он, не зная, кто слышит его,
Не в силах напева сдержать своего,
Поет он звезде путеводной, высокой,
И ночи, и музе своей ясноокой,
Что с ним — как родная сестра.
И песня чарует становища вражды
И будит на стенах внимательных стражей,
Заснуть не дает до утра.

12/IV 1896

ДРУГУ НА ПАМЯТЬ

Кто знает, милый друг, как скоро доведется
К беседам нашим возвратиться нам;
Пока от них еще так часто сердце бьется,
Я мысли грустные спешу доверить вам.

Припомнить прошлое — так иногда бывает —
Вы пожелаете когда-нибудь,
Ваш взгляд рассеянный мои стихи узнает,
И прихоть вам придет в них заглянуть.

Вы лето вспомните, и сад, и звезд паденье,
Высокое крыльцо, ночной наш разговор,
И наше пение, а в заключенье
Отрывистый, горячий, пылкий спор.

Признаться, не боюсь, что вспомнить вам случится
Жестокой ненависти ярый пыл.
Что ж, — ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил.

Когда вы вспомните, какие муки
Борцам за правду принесли враги,

Ведь разве не сожмутся ваши руки
От жажды мщенья в кулаки?

Нет, одного боюсь, — смирится, к сожаленью,
Душа невольничья и мстить не станет раб.
Когда б не угасала воля к мщенью,
Тогда счастливей жизнь у нас была б.

Голубки кротость, взор лучистый, ясный,
Патриция покой нам не идет.
Не сможет раб приниженный, несчастный
Лишь красноречьем вразумить господ.

Да, мы — рабы, рабов печальней нету.
Феллахи, парии куда счастливей нас, —
В них разум не развит, их мысль не рвется к свету,
А в нас огонь титана не погас.

Мы — паралитики с горящими глазами,
Наш дух могуч, но плотью мы слабы,
Хоть крылья гордые за нашими плечами,
Но мы к земле прижаты, как рабы.

Мы собственного не имеем дома,
У нас открыто все тюремным сторожам,
И нам, оборванным и жалким, незнакома
Святая заповедь: «Мой дом — мой храм».

Народ наш — как дитя, слепое от рожденья,
И солнца никогда он не видал,
Он для врага в огонь готов без рассужденья,
Своих вождей он палачам отдал.

Отвага наша — меч, он залит кровью;
Давно заржавевший, бряцает в ножнах он.
Так кем же — увлекаемым любовью —
Он может быть достойно обнажен?

Мы носим имена невольников продажных,
Не знающих стыда — пускай и так, —
Но как же называть воителей отважных,
Которых собирал в свои войска Спартак?

ГРЕШНИЦА

Давным-давно в далекой стороне
Была война необычайной, страшной
И называлась белою войною.
Без боевых сигналов, без знамен,
Без громких выстрелов, без музыки военной
Она лихим поветрием казалась,
Что прилетало на совиных крыльях.
И за солдатом погибал солдат,
Полки, как волны в море, исчезали;
В ночи на поединок выходили
И прятали за пазухой знамена,
И в темноте густой никто не видел,
Как светлое оружие сверкало,
Как падал наземь кто-то из бойцов
И как враги его закапывали в яму,
Порой еще живого. И когда
Начальники считали войско, многих
В нем не хватало воинов достойных,
Но где они легли, никто не знал.
Тогда веревкой больше воевали,
Оковами, отравой, подкопом,
Измена знаком боевым была.
Порою только огненная бомба
Тишь гробовую громко разрывала
И всех вокруг осколками разила.
Однажды девушка в ночную битву вышла
(Тогда шли в битву женщины, мужчины,
И даже дети не сидели дома).
Она пришла с оружием: в руках
Был острый заступ, а в кармане бомба,
Набитая составом разрывным.
И девушка, идя, шептала тихо,
А на губах была усмешка злая:
«Да, подкопаю вражье я гнездо!
Взлетят они высоко, будто птицы!»
Вот к темной подошла она стене
Высокого строенья. Притаилась.
Сторожевой патруль переждала
И начала копать упрямо, быстро...
До половины подкопала стену,

И бомбу разрывную подложила,
И добыла огонь, и запалила
У бомбы трут, и поспешила к дому
С надеждой страшною, когда внезапно,
Как гром ударив, бомба расколола
Кусок стены, и острые каменья
Посыпались поблизости, как град.
И вот один тяжелый острый камень
Ударил девушку; подкошенной она
Упала, как цветок, прибитый градом.
И тут внезапно налетел патруль,
Пустились в поиски и подняли тревогу,
И девушку нашли. «Мертва иль без сознания?
Несите же в больницу поскорей! —
Распорядился старший. — Пусть там лечат
Ее монахини, а после будет суд».
И девушку в больницу отнесли
И сестрам милосердия вручили.
Здесь принимали всех — приставили и к ней
Монахиню, сестрицу молодую.
Лежала целый день без памяти больная,
Под вечер лишь вернулось к ней сознание;
Открыв глаза, по сторонам взглянула:
Под белым сводом образ и лампада,
И белая постель, и бледный облик
Монахини, похожей на икону.

Б о л ь н а я

Где я и кто ты?

М о н а х и н я

Мир тебе, сестра!

Здесь божие жилище, ты в больнице,
А я твоя сестра, тебе служу.
Хвала всевышнему: к тебе вернулась память.

Б о л ь н а я

Ты слышала, что было этой ночью?

М о н а х и н я

Пусть бог простит того, кто это сделал.

Б о л ь н а я

Я...

М о н а х и н я

Как? Ты? Но ты, сестра, об этом сожалеешь?

Б о л ь н а я

Нет! Сожалеть мне было бы грешно!
Скажи, ведь знаешь ты, наверно, в замке
Погибли все? Или остался кто?

М о н а х и н я

Нет, миловал господь. Одна лишь башня
Упала, никого там не было в то время.

Б о л ь н а я

О, что ты говоришь?

(Больная зарыдала.)

М о н а х и н я

Утешься, бедная сестра, и лучше
Ты помолись со мною вместе богу,
Благодари его, что он от зла избавил,
Проси, чтобы он мир твоей душе послал,
Чтоб в сердце возвратил забытую любовь,
Слезами смой пятно ты это злое,
Что вражий умысел недобрый положил;
Простил бы только судия небесный,
А суд земной для праведных — ничто.

Б о л ь н а я

Ты думаешь, что я суда боюсь?
Конечно, быть среди гадюк противно,
Да я их не боюсь, суд для меня не страшен.
Небесный иль земной — не все ли мне равно,
И ад, и рай мне тоже безразличны.
Ведь я не верю в них.

М о н а х и н я

О господи, спаси
Заблудшую в несчастьи тяжком душу!

Сестра, послушай, ты ведь молода,
Придется, может быть, тебе погибнуть!

Б о л ь н а я

Что ж!

Не жалко мне, что молодой погибну,
А жаль, о, как мне жаль, что пропаду напрасно.

М о н а х и н я

Никто у господа напрасно не погибнет,
Без воли божией и волос не спадет.

Б о л ь н а я

Сестра, с тобой я не хотела б спорить,
Да, видно, лучше прекратить беседу, —
Мы говорим на разных языках.

М о н а х и н я

О, нет!

Есть у людей у всех язык единый —
То братская любовь.

Б о л ь н а я

Любовь, ты говоришь?

Нет, искренность вернее. . .

М о н а х и н я

Прогони

Дракона ненависти вон из сердца,
Пусть в нем останется одна любовь,
И мы пойдем, наверное, друг друга,
Как смог понять разбойника Христос.

Б о л ь н а я

Послушай, милая сестра, я вижу,
Что и жалеешь ты меня и любишь,
Хоть я тебе чужая. Я хотела б,
Чтоб знала ты, сестра, кого ты любишь,
И знала бы, за что ты осуждаешь.

Сядь рядышком со мной и наклони,
Сестра, лицо свое ко мне поближе,
Забудь о том, что ты зовешь грехом,
Что святостью, внимательно послушай.

М о н а х и н я

Боюсь, что ты устанешь, ты больная.

Б о л ь н а я

Пусть я умру, но не умрет идея!
В такое лишь бессмертье надо верить.
Вы исповедуетесь перед смертью...
О том, что виселица ждет меня, я знаю.
Так слушай. Ты любовь все вспоминаешь.
Она и мне наставницей была, —
Любовь меня учила ненавидеть.
И я была когда-то кроткой, тихой,
И верила я в братскую любовь.
Тогда со мною вместе братья были,
Семья моя и нежные подруги.
Обиды все встречала я слезами,
И перед кривдою склоняла я чело,
Когда она мне на пути вставала.
Я матери с отцом была покорна,
Они же были ласковы со мною.
Я думала, что мир такой возможен
Между врагом и пленным. Но тогда
Вот это лихолетие случилось
И город наш осада обложила.
Боролся он и, как умел, сражался,
А после должен был открыть ворота,
И вот враги вошли в него с триумфом.
Я видела тогда: тех, кто склонялся ниже,
Тех больше притесняли чужеземцы.
Мои родители врагу сдались покорно,
А никогда не видели добра.
С тех пор мой разум будто помрачился,
Не знала я, где правда и где кривда,
Я только знала, что обидно мне,
Обидно на врагов, за побежденных горько.

Тяжел был час. Товарищи мои
Пошли сражаться, звали и меня,
Но я в себе не чувствовала силы.
Тех, кто остались, я чуждаться стала,
Как и они меня, — пропала наша дружба.
В печали братья с сестрами ходили, —
Как и меня, их угнетало горе.
Да что и говорить! У побежденных,
Конечно, счастья нет и быть не может.
Сперва я в монастырь, как ты, уйти хотела
Иль в сестры милосердия, да вера
Нужна для этого — я верить не умела. . .
Так день за днем тянулась жизнь моя.
Я видела, как лучшее все гибло,
Как родичи мои по тюрьмам гнили,
Высокое вдруг становилось низким.
Тут ненависть во мне запылала
Ко всем, кто убивал мою любовь.
А ненависть все больше разгоралась,
Куда ее девать мне — я не знала.
Так, может, собственным огнем себя сожгла б я,
Да суждено другое было мне.
Пришел один товарищ и сказал:
«Пойдем, мы снова на войну уходим!
Не мы убьем, так нас они убьют.
Должны бороться мы, ты помоги нам!
Нельзя же в стороне сидеть спокойно
И наблюдать, как братьев льется кровь.
Нельзя терпеть позора. Наша смерть
Других научит, как им жизнь построить.
Пойдем, а за тобой пойдут другие».
И я пошла.

М о н а х и н я
А мать? А все родные?

Б о л ь н а я
Я в ту минуту о родных забыла.
Не вспомнила бы, может, и теперь,
Когда б свершила я большое дело, —
Победы счастьем я бы упивалась,
Великою надеждою жила б.

Теперь же я совсем напрасно гибну
И думаю о той напрасной скорби,
Что может мать мою убить навеки.
Сестер своих я вижу безутешных,
В печали братьев — и напрасно все!..
О если б раз хоть я могла увидеть
Моих любимых!

М о н а х и н я

Не горюй, сестра!
Когда бы только верить ты могла,
Как верим мы, утешилась наверно б.
Мы верим, что в другом, прекрасном мире
Увидим всех, кого мы так любили.

Б о л ь н а я

Вы верите и в рай и в ад? Напрасно!
Нет, люди равными и там не будут.
Ведь мать моя преступной не была
И зла вовек не причиняла людям.
Ей райские врата должны открыться,
А для таких, как я, в раю не будет места!

М о н а х и н я

Все победит раскаянье твое —
И грех и ад, все перед ним исчезнет —
И настезь райские врата откроет.
Сестра, припомни всех родных, любимых
И пожалей ты молодую душу, —
За что погибнуть, бедная, должна?

Б о л ь н а я

Ты помнишь, в вашей книге говорится:
«Нет в мире больше той любви, что может
Отдать всю душу за друзей своих».
Я кончила, довольно! Ты все знаешь,
И коль осудишь, будешь знать за что.

Она умолкла. И, глаза потупив,
Монахиня в тиши сидела молча.

МИНУТА ОТЧАЯНИЯ

О, горе тем, что родились в темнице,
Что мир увидели в тюремное окно.
Тюрьма — кольцо проклятой чаровницы,
Не разомкнется никогда оно!

О, горе тем глазам, что видят от рожденья
Покрытый плесенью тюремный вал!
Весь мир для них во мгле ненастного виденья,
Весь мир для них, как двор тюремный, мал.

О, горе узникам, приученным в неволе
Носить тяжелый ржавый груз оков, —
На волю вырвутся, но грубые мозоли
Напомнят каждому, кто он таков.

О, горе тем, с душой прямой и честной!
Когда еще им вера дорога,
Пускай попросят милости небесной:
«Пошли нам, боже, честного врага!»

О, горе нам! Пусть совести и чести
Лишимся мы, зато падет стена,
Хотя бы под обломками без вести
Пропали мы и наши имена!

16/IX 1896

О, ЗНАЮ Я . . .

О, знаю я, немало прошумит
Метелей над моею головою,
Не раз под вихрем сердце облетит
Надеждами — зеленою листвою.

Не раз меня обнимет, как туман,
Как чад, неверия отравное дыханье —
И в то, что мне талант судьбою дан,
И в то, что вообще есть у людей призванье.

Не раз в душе наступит перелом,
И очи глянут в бездну роковую,
И я увижу над любви челом
Изношенную шапку шутовскую.

Не раз мой голос дико прозвучит,
Как вопль, среди безмолвия пустыни,
И я подумаю, что все, что взгляд манит, —
Пустой мираж и нет нигде святыни.

И, может быть, не раз в проклятом сне
Напитком страшным смерть наполнит чару,
И вновь придется дни и годы мне
Не жить, а жизнь свою влачить, как будто кару.

Я знаю это и в тоске ночей
Жду: вспыхнет пламя в тех священных горнах,
Где закаляется железо для мечей
И сталь куется для боев упорных.

И если сделаюсь я сталью в том огне,
Скажите: новый человек родился;
А если я сгорю, не плачьте обо мне:
Клинок непрочный все равно б сломился!

16/X 1896

FIAT NOX¹

«Да будет тьма!» — сказал наш бог земной.
И стала тьма, и хаос все покрыл,
Как перед сотвореньем мира. Нет, он гуще
Был, этот хаос, и блуждали в нем
Живые души, их давила тьма.

И призраки из хаоса вставали:
Зараза злая, бедность, голод, страх,
Необычайный страх знобил всем душу,
И самым смелым становилось жутко
От воплей и голодного стенанья,
Что подымалось, как со дна морского,

---

¹ Fiat nox — дословно — «Да будет ночь» (лат.). Леся Украинка переводит это выражение: «Да будет тьма!»

Из темной и большой толпы. Казалась
Частицей хаоса толпа людская
И голосом его. Порою раздавались
Во тьме глубокой крики: «Света! Света!»
И слышался в ответ могучий голос
Земного бога с возвышенья трона:
«Да будет тьма!» И хаос вновь царил.

О, не один потомок Прометея
Живую искру с неба добывал,
И много рук тянулось к этой искре,
Как бы к звезде счастливой, путеводной.
И рассыпалась та большая искра
На маленькие искорки другие,
И каждый прятал искру, будто клад,
И с давних пор хранил в холодном пепле.
Она не гасла, тлела, как в могиле,
И не давала ни тепла, ни света.

А доблестный потомок Прометея
Наследовал удел печальный предка:
Изгнание, муки, тягостные пути,
Смерть раньше срока в диком отчуждении...
И нынче так, друзья! И нынче тьма!
Эй, отзовитесь! Страшен этот хаос.
Отважный, вольный слышала я голос,
Он раздавался, как лесное эхо, —
Теперь умолк. И тишина страшнее,
Мне кажется, вдруг стала, чем была.
Друзья мои, потомки Прометея!
Нет, не орел грудь гордую терзал вам, —
То в сердце змеи лютые впились.
Вы не прикованы к той крутизне кавказской,
Что издали челом сияет снежным
И весть о Прометее подает!
Нет, вы схоронены в землянках, и оттуда
Не слышно звона кандалов, не слышно стона
И непокорных слов...

О ночи цари!
Наш самый лютый враг! Недаром ты боишься
Цепей кандалных музыки железной!

Боишься ты, что грозные те звуки
Пронзят собой и каменное сердце.
А чем же заглушишь ты дикий голос
Сплошного хаоса, и голод, и беду,
И те отчаянные вопли: «Света! Света!»?
На них всегда, как будто эхо в далях,
Отважный, вольный голос отзовется:
«Да будет тьма!» Но этого ведь мало,
Чтоб хаос заглушить, чтоб умер Прометей.
И если ты силен безмерной силой,
Последний дай приказ: «Да будет смерти!»

25/XI 1896

**ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ ЛИСТКА,
СОЖЕННОГО ДРУЖЕСКОЙ РУКОЙ
В ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ**

Горяча ты была, моя песня,
В дни, когда я впервые запела.
Очи ярким пылали огнем,
Пламя в сердце горело моем.
Я укрыть тебя в сердце хотела —
Только в нем тебе было бы тесно.
Горяча ты была, моя песня.

Так была ты тогда горяча,
Что подруга услышала зов.
Руку мне протянув, запылала,
И рука у нее задрожала
От встревоженных песенных слов,
Загорелась душа, как свеча...
Так была моя песнь горяча.

Горяча моя песня простая
С давних пор... А в минуту тревоги
Слово вспыхнуло, как уголек,
И спалило заветный листок.
Вместо песни — лишь дым на пороге.
Ой, гляди, искра вспыхнет, блистая!
Горяча моя песня простая.

26/XI 1896

Слово, зачем ты не стала боевая,
Что среди боя горит, как живая,
Или не острый безжалостный меч,
Тот, что сечет вражьи головы с плеч?

Ты — мой клинок, закаленное слово,
Я тебя вынуть из ножен готова,
Только ты кровь мне из сердца прольешь,
Вражьего ж сердца клинком не пробьешь!

Выточу, выострю меч для сраженья,
Не пожалею ни сил, ни уменя,
Будет сверкать на стене эта сталь,
Вам на забаву, а мне на печаль.

Слово, оружие, готовое к бою,
Мы не погибнем напрасно с тобою!
Может, в руках неизвестных друзей
Станешь мечом ты на их палачей.

Звякнет клинок и о цепи ударит,
Эхо к твердыням тиранов направит,
Встретит бряцание братских мечей,
Звуки иных, не тюремных речей.

Мстители сильные вместе с тобою
Выступят дружно, готовые к бою...
Слово мое, послужи ты бойцам
Лучше, чем служишь ты слабым рукам!

ПРОРОЧЕСКИЙ СОН ПАТРИОТА

(ПОСВЯЩЕНИЕ РЕДАКТОРУ „БУКОВИНЫ“)

Что за диво новое, за чудо?
Пред зарей, в святое воскресенье,
Сон мне удивительный приснился —
Будто бы я очутился в Риме,
Там я видел Колизей и Форум,
Капитолий со скалой Тарпейской,
С чьей вершины римляне когда-то
Сталкивали честных патриотов, —
Только мне не нравилось все это.
Тем, кто верен Святоюрским башням,
Старорусским Золотым воротам, —
Что им эти Колизей и Форум,
Капитолий со скалой Тарпейской?
Что нам эти цезари, герои?
И у нас князья бывали тоже.
А затем я Ватикан увидел
И отца святого в Ватикане,
Но и это, господа, не чудо,
Ибо даже и во сне позорно, —
В Риме будучи, не видеть папы.
Выше всех пурпурных кардиналов
Восседал он в белоснежных ризах.
На полу, на бархатной подушке,
Тихо стыла туфля золотая.
Верные католики всех наций,
Ползая смиренно у престола,
Лобызали золотую туфлю.

Вот и я пополз за ними следом,
Чтоб русину быть не хуже прочих.
Трижды вещь облобызав святую,
Только раз (занé отец был в юбке)
Я на лик его святейший глянул
И окаменел от удивленья, —
Хоть во сне ничто не удивляет,
Это было истинное диво:
Я увидел русское обличье
Под святою римскою тиарой.
Боже мой, да ведь его так часто
В львовской семинарии встречал я!
Он узнал меня и так мне молвил:
— Возвратись теперь в свою отчизну,
Поспеш к ней с вестью благодатной,
Что любой русин отныне сможет
Волей бога быть всегда безгрешным —
Только б всем властям повиновался.
«Несть бо власти, аще не от бога».
(Тут я неприметно улыбнулся:
Этому б он мог и не учить нас.)
Кто же прямо в рай попасть желает
И сиять там в ореоле чистом,
Весь комплект он «Русского Сиона»
Прочитать внимательно обязан.
(Здесь — не знаю, признаваться ль, братья, —
У меня легонько сжалось сердце.)
Сверх того даю завет я верным —
Всем в поход отправиться крестовый
Против жалких, робких, малодушных
Сеятелей вражеских влияний, —
Нужно нам их уничтожить в корне.
Будет вам за это рай на небе,
На земле ж сие — покуда тайна. . . —
Тут пластом я лег перед престолом,
Чтобы молвить нечто, но — проснулся
И воскликнул голосом громóвым:
«Гей, вперед, укра́инские братья,
Пусть погибнем все мы, только надо
Своего иметь нам кардинала,
А уж сам добьется он престола.

Ведь не зря мне этот сон приснился,
Ведь моя говаривала бабка
(Воплощенье мудрости народной):
Сон, что снится в воскресенье утром,
Никогда впустую не бывает».

ОТЗВУКИ

Пролетал буйный ветер над морем,
Над безбрежным, широким простором:
Волны белые встали высоко
И от ветра взлетали все выше,
Зашумели, как полчища вражьи,
Заглушили они буйный ветер.

Пролетал буйный ветер в пустыне,
По бескрайному, мертвому полю:
Закружились песчаные вихри,
Поднялись они к самому небу,
Словно страшные, злые титаны,
И, упав с высоты, разлетелись;
Смерть покрыла след буйного ветра.

Пролетал буйный ветер над башней,
Что стоит одиноко на круче.
Там нашел он эолову арфу,
Разбудил ее длинные струны,
И ответили струны напевом,
Что нежнее звенящего ветра.
Буйный ветер замолк, улетая,
Только арфа протяжно звенела.

1896

AVE REGINA.¹

Жестокая муза! Куда ты меня завела?
Зачем ты мне очи мои ослепила губительным светом своим?
Зачем ты слова у меня отняла, что со мною должны умереть?
Зачем ты мне сердце мое обманула, прельстила видением счастья?

Цветами его ты дорогу себе устелила,
Одежды свои ты окрасила кровью его,
А лучшие думы мои венком золотым тебе стали.
Ты с гордостью царской меня повела за собою,
Как будто рабыню дорогой своей триумфальной.
Иду я, окована крепко, под звоны моих кандалов.
Ты, властная, все у меня отнимаешь.
Я все свои тайные клады тебе отдаю без остатка.
Ковер мой, что выткан мечтами, к ногам я твоим постилаю.
Безумство ж мое ты взяла себе, муза, в актеры, —
Любимые роли тебе чтоб играть на потеху.

Ужели ты с завистью смотришь на бедное счастье мое?
То счастье ведь было — как сон. Ты голосом громким
Меня от него пробудила, воскликнув:
«Рабыня, проснись, ты служанкою будешь моей.
Тронь в арфе своей ту струну, что еще никогда
не звучала, —
Все струны тогда отзовутся и мне похвалу воздадут.
Я дам тебе много подарков, свою ты забудешь недолю».
Напрасно хотела повесить я арфу свою
На ветви печальные вербы плакучей,

¹ Ave Regina — слова католической молитвы, означающие: «Радуйся, царица!» (лат.).

Присягу великую дать, что в мире никто не услышит
Невольничьих песен моих.

Но властно тогда на меня посмотрела ты, муза,
И сердце мое задрожало и песня моя зазвучала.
А ты, госпожа моя гордая, слушала песню рабыни,
И очи твои озарились победным огнем.
Манил меня этот огонь, обо всем забывать заставляя.
Пела тебе обо всем я, даже о том, чего раньше
Я и самой себе громко сказать не решалась.

Все от меня ты взяла. Где ж подарки твои, о царица?
Вот все подарки твои: слез жемчуга дорогие,
Вот и людское признание — холодный хрусталь.
Горе меня одевает бархатом черным, тяжелым,
Только и красит мой траур скорби кровавый рубин.
Плох ли наряд для рабыни, идущей путем триумфальным?
Радуйся, свет мой царица, пленница славит тебя!

С. Колодяжное, 21/VIII 1896

TO BE OR NOT TO BE?¹

Стой, сердце, стой! Не бейся так мятежно!
Умолкни, дума, не летай так буйно!
Не бейся крыльями в пустом просторе.
Ты, муза ясноокая, меня
Не ослепляй огнем очей бессмертных!
Дай руку, дай ты мне к груди твоей прижаться.
Тебе я отдала все, что имела,
Так дай же мне и ты совет достойный.

Смотри: вокруг лежит неспаханное поле,
И чащи дикие, и круч высоты,
Глухие воды темные. Смотри:
Дорог не видно, только кое-где
Тропинки, путаясь, бегут в неизвестность.
Вон люди пашут поле — их немного, —
Стук топора из чащи еле слышен,
С высоких круч плывет орлиный клекот,
Лишь воды тихие стоят безмолвно,
И только камень с круч порой сорвется
И вмиг исчезнет в темных тихих водах —
Бесследно разойдется круг дрожащий.

Наставница высокая, скажи мне,
Куда мне устремиться на просторе?
Иль серебро и золото должна я
Снять с лиры и сковать себе орало,
А струнами связать вот эти крылья,

---

¹ Быть или не быть (англ.).

Чтоб не ложилась тень на узкой борозде,
И полосу занять с другими рядом,
Вспахать, засеять целину, а дальше —
А дальше жатвы ждать другим на пользу?
Иль, может, ринуться должна в трущобу
И пробивать дорогу в диких дебрях
С тяжелым топором и с тонкою пилою,
Покуда ствол какой-нибудь гигантский
Меня в лесу дремучем не задавит?
Иль воспарить орлицею высоко
Над крутизной, в простор необозримый,
Достать из тучи молнию живую,
Снять со звезды сияющий венец
И свет зажечь во тьме глубокой ночи?
А если этот свет погаснет мигом,
Как метеор, и темнота чернее,
Страшнее станет, чем была когда-то?
А если вдруг не станет больше силы,
Огонь сожжет мне крылья, упаду
Я, словно камень, что сорвался с кручи,
Туда, в глухие воды, в глубину,
В холодный омут, и недолго будут
Дрожать круги на плоскости воды?

Молчишь ты, муза гордая! И только
Пылают очи, радужные крылья
Широким взмахом к высям устремились
И ринулись. О чародейка, стой!
Возьми меня с собой, помчимся вместе!

10/IX 1896

ТОВАРИЩУ

Вы меня вспоминаете ль в вашей тюрьме,
Как я вас вспоминаю, больная?
Мы, подобно растеньям в тумане и тьме,
Оба вянем, простора не зная.

Ох, судьбы моей тягостен мне произвол,
А приятель меня утешает,
Говорит, что мой случай не так уж тяжел,
Что с другими похуже бывает.

Хоть советчики искренни — нудны они, —
Их унылые речи напрасны.
Им ли знать, как без солнца убийственны дни,
Как безлунные ночи ужасны!

И вернее болезни, неволи верней
Эта страшная мысль убивает,
Хоть и тешит она, убеждая людей,
Что с другими похуже бывает.

Если б слезы мы пили из чаш круговых,
Если б чашами меряли горе,
Хоть бы выпили тысячи кубков таких,
Слез осталось бы целое море.

Если б тысячи тысяч сплели мы венков
Для работников слова и дела
И для них не жалели терновых шипов —
Все же роща б шипов уцелела.

19/1 1897

Я САМА СЕБЕ НА ГОРЕ...

Я сама себе на горе
В детстве падала бывало
И, хоть сердцу было больно,
Тихо на ноги вставала.

«Что болит?» — бывало спросят,
Только я не признавалась —
Я была ребенком гордым, —
Чтоб не плакать, я смеялась.

А теперь, когда внезапно
Шуткой злой грозит мне драма
И вот-вот сорваться хочет
Острым словом эпиграмма, —

Беспощадной силе смеха
Не хочу я предаваться,
И, забыв былую гордость,
Плачу я, чтоб не смеяться.

2/II 1897

* * *

...Так прожила зимой я долгой, долгой,
Зима прошла, и вот весна настала, —
А для меня в том перемены нет,
И дни мои плывут так тихо-тихо,
Как по пруду плывет листок сухой.
Жизнь странная... Когда б порою сердце
Не трогали живые боль и горе,
Не знала б я, иль вправду я живу,
Иль только видится мне жизнь моя сквозь сон.

Меня тут стены тесно окружили,
В них, в четырех, весь свет мой заключен.
Там, за окном, мир слышится другой мне,
Шумит-гудит, ведет свою беседу:
Там стук повозок, голоса людские,
Звонки трамваев, грохот паровозов
Сливаются в одной дрожащей ноте,
Как тремоло огромного оркестра.
И днем и ночью он не умолкает.
Какой же шумный мир там за окном!
А я его не вижу. Только виден
Кусок резьбы на воротах соседних
И в городском саду зеленый тополь,
И неба ровно столько, что в окне.

Теперь я знаю, что весна настала,
Коль соловьи запели издалека,
И шелест новых листьев раздается,
И не видать звезды за тополями.

Я раньше знала, что была зима:
Тогда сверкали за окном снежинки
И на стекле серебряный узор.
Вот так я узнавала время года. . .

И жалко мне, и думаю я с болью:
Не так ли раньше, как теперь весну,
Я видела любовь свою, и юность,
И все, чем красен век людской короткий?
Так было все, но только за окном.

25/IV 1897

КРЫМСКИЕ ОТЗВУКИ

1. ИМПРОВИЗАЦИЯ

В роще далекой, меж зарослей пышных,
Ярко граната цветы расцветают,
Как поцелуи на жарких устах
Жарким другим поцелуям навстречу,
Как поцелуи рубиновых уст...
Спи, мое сердце! Пусть в роще далекой
Ярко граната цветы расцветают...

Северный ветер дрожит, затихающий
Между густыми, душистыми лаврами,
Словно томительный вздох,
Будто бы лавры свидание тайное
Прячут любовно от света лукавого
В нежной прохладной листве...
Спи, мое сердце! Пускай между лаврами
Северный ветер дрожит затихающий...

Вот к кипарису цветущими гроздьями
Нежно склонилась магнолия пышная,
Как к своему жениху нареченному.
В темных кудрях ее — цветики белые,
Только они не покрыты фатой.
Нежит любовь их, фатой не покрытая...
Спи, мое сердце! Магнолия пышная
Пусть к кипарису склоняется стройному.

Темного моря волна белопенная
К камню прибрежному тихо ласкается,
Нежность, любовь и сиянье лучистое
Словно в подарок приносит ему;
Камня прибрежного облик темнеющий
Вдруг засветился навстречу возлюбленной.
Нежность, любовь и сиянье лучистое...
Спи, мое сердце! Пускай белопенная
К камню волна, набегая, ласкается.

Ялта, 1897

II. ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА

Не сетуйте, друг, что стихом отвечаю ленивым.
Рифмы, дочери трудных ночей, покидают меня,
Смутной волною размер набегаёт,
О преграду ничтожную вдруг разбиваясь внезапно, —
Не ищите вы в нем понапрасну девятого вала,
Могучей волны, что качается в такт с океанским теченьем.
Раздумье теперь навевает мне Черное море —
Дико, неверно оно, ни закону, ни ладу не знает.
Все играло-шумело вчера
При ясной спокойной погоде,
Сегодня же тихо и ласково шлет к берегам свои волны,
Хоть ветер и гонит неистово тучи седые.

Так вот всегда и лежала б я рядом с живою водою.
Смотрела б, как щедро бросает она жемчуга-самоцветы
На прибрежные камни;
Как тени цветные от туч золотистых
Идут, серебрясь, голубою равниной
И вдруг исчезают;
Как белая пена слегка розовеет,
Как будто красавицы облик стыдливый;
Как горы темнеют, покрытые белой дымкой;
Они так спокойно стоят, —
Ведь их стережет колоннада немых кипарисов,
Высоких и важных.

Я только что вновь прочитала
Ваш сильный, как будто бы сталью окованный,
Вооруженный ваш стих.
Чем заплатить я могу вам теперь за него?
Сказку хотя б расскажу, а «мораль» выводите уж сами. .

Торной дорогой крутой
Мы поднимались на взгорья Ай-Петри.
Вот уж проехали мимо садов виноградных кудрявых,
Что, как прекрасный ковер, все подножье горы покрывают,
Вот уже лавров, любимых поэтами,
Пышных магнолий не видно,
И ни прямых кипарисов, густо обвитых плющом,
И ни шатрами нависших платанов.
Только встречали мы ветви знакомые белой березы,
Яворов, темных дубов, к непогоде и к бурям привычных.
Но и они уж остались далеко за нами.
Чертополох да полынь, да терновник росли у дороги.
Скоро не стало их тоже.
Мел да песок, красноватые, серые камни
Висли над нашей дорогой, бесплодны и голы,
Будто льдины на северном море.
Сухо, нигде ни былинки, всё камни кругом задушили,
Словно глухая тюрьма.
Солнце горячие стрелы на мел осыпает.
Пылью швыряется ветер.
Душно. . . Ни капли воды. . . Словно это дорога в Нирвану,
Страну побеждающей смерти. . .

Но вот в высоте
На остром, на каменном шпиле блеснуло вдруг что-то, как
пламя, —
Свежий, прекрасный, большой цветок лепестками
раскрылся,
И капли росы самоцветом блестели на дне.
Камень пробил он собой, тот камень, что все победил,
Что задушил и дубы
И терновник упрямый.
Этот цветок по-ученому люди зовут saxifraga,
Нам, поэтам, назвать бы его «ломикамень»
И уваженье воздать ему больше, чем пышному лавру.

III. ВОСТОЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Горы и кровью и пламенем вспыхнули —
С солнцем, в лучах уходящим, прощаются,
Так вот и сердце мое закручинилось —
С милым, любимым моим разлучается.

Видишь, над морем, над волнами синими
Чайки мелькают и кружатся, белые...
Милый мой, где тебя сыщут, пропавшего,
Думы мои быстрокрылые, смелые?

Ночью на башне огонь засветила я,
Милый, любимый, тебя дожидаясь,
Пусть озарит он на море дороженьку,
Чтоб ты не сбился, домой возвращаясь.

Светик мой! Буду я жить в ожидании,
Сумрачную паранджю закрытая,
Я посажу кипарисную веточку —
Пусть вырастает, слезами политая.

А как воротишься, я покажу тебе
Тот кипарис, его ветви широкие, —
Всех минаретов он выше подыметя,
А ведь у нас минареты высокие.

Ялта, 27/1 1897

IV. МЕЧТЫ

В раннем детстве нас прельщают
Чудеса и необычность.
Я любила в раннем детстве
Были рыцарского века.

Только странно, что не принцы,
Окруженные загадкой,
Не прекрасные принцессы
Разум мой очаровали.

Был мне дорог на картинках
Не надменный победитель,
Что, соперника повергнув,
Грозно требует: «Сдавайся!»

Нет, мой взгляд спускался ниже,
На того, кто, распростертый,
Рыцарским копьем пронзенный,
Говорил: «Убей — не сдамся!»

Не казался мне прекрасным
И отважный пышный рыцарь,
Добывающий оружием
Неприступную красоту.

Очаровывали сердце
Пленниц смелые ответы:
«Можешь ты меня прикончить —
Жить меня ты не заставишь!»

Дорогие годы детства
Пронеслись водой весенней,
Только шум воды весенней
Не забудется вовеки.

Он бессонными ночами
Надо мною раздается,
Так причудливо сплетаясь
С жарким бредом лихорадки.

Потолок над головою —
Как готические своды,
А на окнах — как решетки,
Веток призрачные тени.

Сквозь отверстия решетки
Красноватый свет пробился;
Что там — уличное пламя
Или отблески пожара?

Что шумит, не затихая,
Беспорядочно и глухо?
То в крови шумит горячка
Иль то битва за стенами?

Я сама ли застонала
От внезапной лютой боли
Или стонет пленник рыцарь,
Изнывающий от раны:

«Эй, откликнись! Кто тут в замке?
Чье живое сердце бьется?
Другом будь, взойди на башню,
Погляди на поле битвы.

Погляди на поле битвы
И скажи: за кем победа?
Все ли вьются над полками
Наши честные знамена?

Если нет — сорву повязки!
Пусть ручьями кровь польется.
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за родину пролитой!

Нет, я слышу наши клики!
Вот они звучат все громче...
Завяжите туже раны!
Жалко кровь терять напрасно!..»

Так ребяческая греза
Бушевала в лихорадке.
А теперь? — Прошла горячка,
Но мечты не исчезают.

Мне не раз еще приснится,
Будто я в плену постылом
И невидимой рукою
Я окована цепями.

Будто верный меч не сломан,
Будто он в руках остался,
Только тяжкие оковы
Не дают рукою двинуть.

А вокруг темно и тихо,
Не шумит горячка в жилах,
И не слышен издадека
Дикий гомон с поля битвы.

Так и хочется мне крикнуть,
Точно рыцарь детской грезы:
«Жив ли кто? Взойди на башню,
Посмотри вокруг, далеко!

Посмотри: видны ли в поле
Наши честные знамена?
Если нет, то жить не стоит —
Пусть же мне откроют вены!

Пусть ручьями кровь польется,
Пусть умру я тут, на камнях.
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за честный стяг пролитой!»

Ялта, 18/XI 1897

V. ЗИМНЯЯ НОЧЬ НА ЧУЖБИНЕ

«Утешь меня, Муза, моя ты отрада!
Грустит мое сердце в ночной тишине.
Куда ты пропала? А помнишь, как рада
Была ты на зов мой являться ко мне?»

Муза

Напрасны упреки! Нет, я не пропала,
Я, об руку стоя с тобою, ждала,
Что зов твой услышу, но ты тосковала
И слезы свои одиноко лила.

«О Муза, зачем вспоминать нам былое,
Не надо печали будить, ведь она,
Как хищная птица, не знает покоя,
Заснет на минуту — и вновь не до сна.

Настрой свою лиру — струна со струною
Негромкий пускай разговор поведет,
Пусть голос мой следом летит за тобою,
А песня по свету свободно идет».

Муза

Спой вместе со мною
Про то, как весною
Вся жизнь возрождается вновь,
Про первые встречи
И нежные речи,
Про первую в сердце любовь.

«Нет, Муза, не сладить мне с песней такою, —
Каким ее голосом я поведу?
Мой голос звучит непонятной тоскою,
А струны твои на веселом ладу.
Оставь эту песню. . .»

Муза

Запой мне другую,
Пока не расстроился лад!
«Подковки сверкают,
Подружки мелькают,
Эй, пары, вставайте все в ряд! . . .»

«Нет, Муза, неискренне песню мы пели,
Всегда мне чужой эта песня была, —
Когда все вокруг веселиться хотели,
Я тайные слезы тихонько лила».

Муза

Не знать нам с тобою
Веселого строя,
Я вместе с тобою спою

1868 г.

Печально, протяжно
О том, как отважно
Герой умирает в бою.
Готов среди боя
Он лечь головою,
Он знамя в бою сбережет.
Сраженный, он ляжет,
Товарищам скажет:
«Пусть вас это знамя ведет!»

«Нет, Муза, как меч эта песня, что к бою
Зовет и отвагу сердцам придает:
Ты в ней вспоминаешь о смерти героя,
А я вспоминаю бессилье свое.

Пока я больна, я бороться не в силах,
В заржавленных ножнах не трогай меча.
Я жажду покоя, я долго грустила,
И свежая рана моя горяча».

Муза

Вы слабые люди, с сердцами больными,
Что тяжелой тоскою томятся всегда.
Припомни, как звездами мы золотыми
Под небом родным любовались тогда.

Иль в этом краю от тебя закрывают
Небес красоту кипарисы вокруг,
Что вольная песня твоя не взлетает
До самого неба, как раньше, мой друг?

Ужель этих гор золотые вершины
Теперь для тебя — как темницы стена?
Я знаю, что в песне моей лебединой
Последняя скоро порвется струна.

«Стой, гордая Муза, напрасно, богиня,
Напевы твои безнадежно звучат;
Скорей мое бедное сердце погибнет,
Чем струны у песни твоей замолчат.

Припомни, как ясные звезды светили
Нам сквозь кипарисы ночью порой
И светлыми в грусти мечты наши были,
На женщин похожие с грустной душой.

Пусть же сегодня туман без просвета
Окутает небо и сердце мое,
Но звезды горят в нашей песне пропетой,
Навек в ней оставив сиянье свое.

Припомни, как песней встречали рассветы,
Край неба зарей, как рубином, пылал,
И море от солнца пылало, а где-то,
Совсем в отдалении, звон пролетал.

Пусть наше счастье зашло, как и солнце,
И ночь дождевая над нами плывет,
А завтра вновь солнце заглянет в оконце
И сердце проснется и вновь запоет.

Припомни, как днем мы стояли с тобою
На жаркой скале, на вершине крутой,
Училась я петь у морского прибоя,
А ты все хотела понять его строй.

Пусть я отравлена злою тоскою,
Но в песне могла я всю душу излить.
Мы слушали песню морского прибоя,
Кто слышал ее, тот не может забыть.

Припомни, огнем на закате пылали
Вершины кремнистых утесов и скал
И в чаше граната цветы расцветали,
А в сердце огонь моих песен пылал.

Пусть мои песни и сад мой чудесный
Заснули, холодным укутаны сном, —
Весною цветы на гранате и песни
Опять запыхают огнем».

Ялта, 29/XII 1897

VI. ИФГЕННИЯ В ТАВРИДЕ
(ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА)

Действие происходит в Тавриде, в городе Партените, перед храмом Артемиды Тавридской. Местность у моря. Море образует залив у скалистого берега. Побережье оголено и покрыто дикими серо-красными скалами; выше, по склонам гор, буйная растительность: лавры, магнолии, оливы, кипарисы, образующие целую рощу. Высоко над обрывом небольшой полукруглый портик. Всюду по склонам гор между деревьями белеют лестницы, которые спускаются к храму Артемиды с дорической колоннадой и широкими ступенями. Недалеко от храма, между двумя кипарисами, — статуя Артемиды на высоком двойном пьедестале; нижняя часть пьедестала представляет собой большой выступ в виде алтаря, на выступе горит огонь. От храма к морю идет дорожка, выложенная мрамором, она спускается к морю лестницей. Из храма выходит хор девушек таврических в белых одеждах и зеленых венках. Девушки несут цветы, венки, круглые плоскодонные корзины с ячменем и солью, амфоры с вином и маслом, чаши и фиалы. Девушки украшают пьедестал статуи цветами, венками и поют.

Хор девушек

(Строфа)

Богиня таинства, благая Артемида,
Хвала тебе!
Хвала тебе, недостижимо-ясной,
Как свет луны!

(Антистрофа)

Горе тому, кто увидать отважится
Гордой богини нагую красу,
Горе тому, кто руками нечистыми
Тронуть одежды богини дерзнет, —
Тени, сплетенные лунным сиянием,
Будут прекрасней, чем этот смельчак,
Скорбная мать, на него поглядевшая,
Сына родного не сможет узнать.

(Строфа)

Могучая защитница Тавриды,
Хвала тебе!
Хвала тебе, неумолимо-сильной
Богине стрел!

(Антистрофа)

Горе тому, кто словами бесчестными
Грозной богине обиду нанес,

Горе тому, кто не склонит в покорности
Гордую голову, падая ниц.
Лунному свету добраться немислимо
До глубины океанского дна,
Но Артемиды стрела неизбежная
Сердце безумца сразит наповал.

Из храма выходит Ифигения в длинной одежде, с серебряной
диадемой на голове.

(Строфа)

Идет любимая богини жрица —
Поем ей честь!
Поем ей честь; ее сама богиня
Нам привела.

(Антистрофа)

Из неизвестного края, далекого
Нам Артемида ее привела,
Все в этой девушке тайной окутано,
Род ее, племя и имя само.
В роще священной мы в ночь Артемидину
Жертвенный там совершали обряд,
И показала нам в лунном сиянии
Девушку эту богиня сама.

Тем временем Ифигения берет большую чашу у одной девушки и
фиал у другой; третья девушка наливает в чашу вино, четвертая —
масло в фиал. Ифигения выливает вино и масло в огонь, потом
посыпает алтарь священным ячменем и солью, беря их из корзины,
которые подают девушки.

И ф и г е н и я

(принося жертву)

Чутко внемли мне, богиня,
Слух свой ко мне обрати!
Жертву вечернюю я приношу, благосклонно прими.
Ты, что выводишь на путь мореходов по волнам
бушующим,
Наши сердца освети!
Пусть же, тебя прославляя, предстанем мы,
Сердцем, и телом, и мыслями чистые,
Перед твоим алтарем!

Х о р

Слава тебе!
Сребропрестольная
И осиянная,
Дивно-могучая,
Слава тебе!

И ф и г е н и я

Ты, победившая, стрелами ясными
Ночи враждебную тьму разогнавшая, —
Нам свою милость пошли!
Темные чары, Эребом рожденные,
Нам помоги побороть!

Х о р

Слава тебе!
Сребропрестольная
И осиянная,
Дивно-могучая,
Слава тебе!

Ифигения отдает девушкам чашу и фиал, делает знак рукой, и девушки уходят в храм. Ифигения ворошит костер на алтаре, чтобы он горел ярче, поправляет на себе украшения.

И ф и г е н и я

(одна)

Ты, Артемида, богиня-охотница,
Чести девичьей защитница верная,
Помощь свою нам пошли! . .

*(Падает на колени перед алтарем и в отчаянии простирает
руки к статуе.)*

Прости меня, великая богиня!
Устами я произношу слова,
А в сердце нет их. . .

(Встает, отходит от алтаря и смотрит на море.)

А в сердце только ты,
Единственный, родной мой, край любимый!
Все, все, чем красен век людской короткий,
Осталось далеко, в моей Элладе.
Любовь и молодость, семья и слава
Покинуты за дальними морями,
А я одна чужая на чужбине,

Как тень, давно забытая родными,
Блуждающая по полям Гадеса,
Печальная и призрачная тень...

(Поднимается по ступеням портала и прислоняется к колонне.)

Одно пристанище — холодный мрамор!
Я, помню, часто голову склоняла
На лоно матери моей любимой
И слушала, как ровно билось сердце...
Я так любила обвивать руками
Высокий юношеский стан Ореста,
Золотокудрого родного брата...
Латоны дочь, сестра родная Феба!
Прости воспоминания рабыне...
О, если б ветры принесли мне вести,
Как там живет мой царственный отец,
Как мать родная... А сестра, Электра,
Повенчана, наверно. А Орест?
Должно быть, он на играх олимпийских
Венки стяжает. Как блестит красиво
Оливы серебристая листва
На златокудрой голове Ореста!
Наверно, ты не в беге победитель —
В метаньи диска... Ахиллес всегда
Награду брал за состязанье в беге.
Он жив, мой Ахиллес!.. Теперь не мой, —
Там эллинка иль пленная троянка
Зовет его своим... О Артемида,
Спаси меня ты от меня самой!

(Спускается по лестнице и садится на последней ступени, под кипарисом.)

Как грустно зашумели кипарисы!
Осенний ветер... Скоро будет зимний
По этой роще зверем завывать,
Закружится метелица над морем,
И небо с морем в хаосе сольются!
У чахлого огня я стану греться,
Недужная душой, больная телом,
А там, у нас, в далекой Арголиде,
Где расцветает вечная весна,
Там девушки аргосские пойдут
Фиалки собирать и анемоны,

И может... может, песни пропоют
О славной Ифигении, что рано
Погибла за родимый край... О Мойра!
Зачем тебе, суровой, грозной, надо
Глумиться так над бедными людьми?!
Стой, сердце, ты безумно! Стихни, гордость!
Не нам же, смертным, на богов итти?
Не нам бороться против грозной силы
Карателей земли и громовержцев?
Из глины мы сотворены... Но кто же
Вложил в нас душу и святой огонь?
Ты, Прометей, оставил нам наследство,
Большое, незабвенное! Ту искру,
Что ты для нас похитил на Олимпе!
Огонь ее горит в моей душе, —
Он дышит буйным пламенем пожара,
Он осушил мои девичьи слезы
В тот час, когда я смело шла на жертву
За честь и славу родины — Эллады.
Вы, эллинки, что слезы проливали,
Когда пришлось меня на смерть вести,
Теперь не плачете, что ваша героиня
Напрасно и бесславно угасает?

(Становится перед алтарем.)

Зачем же ты спасла меня, богиня,
В далекую чужбину завела?
Кровь эллинки была тебе потребна,
Чтоб загасить твой гнев против Эллады, —
Но кровь мою пролить ты не дала,
Возьми ее — она твоя, богиня!
Пускай не обжигает жил моих!

*(Достает из-за алтаря жертвенный нож, отбрасывает плащ
и заносит нож над сердцем, но быстро опускает его.)*

Так поступить потомку Прометея?
О, нет! Кто мог итти на смерть отважно,
Тот должен все с отвагою принять.
Когда для славы родины, Эллады,
Нужна такая жертва Артемиде,
Чтоб Ифигения жила в изгнании
Без имени, без славы, без семьи, —
Пусть будет так.

(Печально опустив голову, идет к морю, останавливается на верхней ступени лестницы, ведущей к морю, и некоторое время смотрит в даль.)

Аргос! В родных стенах
Я б умерла охотней во сто крат,
Чем здесь томиться! Водам Стикса, Леты
Не угасить мечты о родине моей!
Да, тяжело наследство Прометея!
(Спокойной и медленной поступью удаляется в храм.)

Villa Iphigelia
Ялта, 15/1 1898

VII. ЗИМНЯЯ ВЕСНА

Тихо, тепло. Неужели и вправду весна?
Небо порой загорается отблеском ясного лунного света,
Золотом и серебром озаряются тучки;
Только прозрачная тучка окутает месяц —
Сразу он в ней засияет, как радужный венчик.
Звезды меж тучками водят свои хороводы,
Снег на вершине горы ослепительно блещет,
Так что мне кажется, будто огни маяка засветились;
Залиты крыши домов серебристым сияньем,
Резкою тенью очерчен балкон с балюстрадой,
А кипарисы стоят у балконов, как башни высокие замка;
Словно литые, тяжелые листья магнолий
Скованы сном, недвижимы;
Тени латаний на мраморный пол прихотливо упали,
Лавры стоят зачарованно, как неживые молчат,
Тихо в саду, затихает и город, уж поздно.
Редкие окна домов городских еще светят
Золотом красным. Вокруг все затихло;
Горный поток в темноте, словно мельничный жернов,
шумит;

Еле доносится песня далекая и замирает...
Редко по улице люди проходят беззвучно, как тени;
Море далекое ластится нежной мечтою.
Легкий туман кисеей укрывает уснувшие доли.
Тихо, тепло... Не могу я ни спать, ни работать.
Все по балкону хожу своему. Он высокий и длинный,
Как пароходная палуба. Вижу я горы,

Неба широкий простор и далекое море.
Мыслям отсюда легко разлетаться по свету...
Так и ходила я взад и вперед; мои мысли сновали,
Словно на ткацком станке, когда нить оборвется и снова
сплетется.

Часто летели мечты мои в край дорогой и родимый —
Снегом покрытый, закованный льдами, лежит он вдали,
за горами.

Горы иные привиделись мне. Там дома, переулки,
Та же луна освещает сейчас этот город сиянием ясным.
Кто там спит? Кто не спит? И чьи светятся окна?..
Вспомнилось вдруг почему-то мне старое мрачное зданье,
Тяжкий замок на воротах, и стража у крепкой ограды,
А за оградю — вы, мой товарищ, в камерке тюремной.
Может быть, спать не удастся вам в эту минуту?
Может быть, та же луна освещает холодные стены
Светом тоскливым и бледным? Вы, может, в окно
посмотрели

И при луне увидали дома, переулки и горы...
Нет, не могу я ни спать, ни работать. Как ночь и ясна
и длинна!

Быстро ушла я с балкона и крепко захлопнула двери.
Тяжко мне стало сегодня пленительной южною ночью.
Дрогнули звезды внезапно и небо померкло, —
Может, туман их закрыл или взор у меня помутился...
Ялта, 1898

НА ПОЛУСЛОВЕ РАЗГОВОР ПРЕРВАЛСЯ...

На полуслове разговор прервался,
И в сердце — словно лопнула струна,
Но все еще трепещет. Звук отдался.
Могильным холодом душа полна.

Тоска, тяжелыми отгрезив снами,
Встает огромная, как туча пред грозой,
Зажглась печаль, и яростное пламя
Взвилось пожаром, бурей огневой.

Пожар тот мог бы силу дать народу,
Казнить тиранов, сжечь Бастилию и трон
И вырвать из оков прекрасную свободу, —
Во мне слова, слова рождает он.

Товарищ! Не могу хранить молчанье,
Отмечена таким проклятьем я:
Встречаю словом каждое страданье,
Звонка тоскующая мысль моя.

Не заглушат часы глухонемые
Звучащих дум, они звенят, звенят, —
Так руки узников недвижны, чуть живые,
Когда на них оковы загремят.

Там, где на всех устах лежит печать молчанья,
Где скованы проклятья и хулы,
Там, где удушены и песни и рыданья,
Глухих и спящих будят кандалы.

Пускай гремят они слышней, жесточе,
Не буду заглушать. О, если бы могли
Они в сердца людей ударить что есть мочи,
В сердца людей, что мохом поросли.

Чтоб услышали все о тех, кто носит цепи,
Кто терпит лютые побои палачей,
Кто, замурованный в острожном склепе,
Проклял безлюдье каменных ночей;

О, если б звон оков мог поразить, могучий,
Те заспанные, вялые сердца,
Покрыть стыдом чело, не ведавшее тучи,
Напомнить всем, что ждет оружие борца.

О, если б поднялось оружие для боя
И загремело так, чтоб дрогнула земля, —
Умолк бы звон кандалный сам собою
И слов таких бы не сказала я.

14/VII 1898

ЗАБЫТАЯ ТЕНЬ

Суровый Дант, изгнанник флорентийский,
Встает из сумрака времен средневековых,
И песни у него — как те века.
В мистическом лесу он отыскал их
Средь хаоса причудливых видений.
Чей дух осмелился б за ним итти, скитаться
В таком лесу, какие б там, меж терний,
Цветы, красясь, вечно ни цвели?
Собрал певец искусною рукою
Все те цветы и сплел из них венок,
Росой его небесною обрызгал
И положил на раннюю могилу
Прекрасной Беатриче Портинари,
Что раз ему когда-то улыбнулась,
А во второй прошла и даже не взглянула,
А в третий раз он видел Беатриче,
Когда она в гробу лежала неподвижно.
И для него она была — как солнце,
Что свет, и радости, и жизнь дает,
Не ведая, кого дарами дарит.
И хоть зашло то ласковое солнце,
Он не забыл его ни в сумраке угрюмом,
Ни у домашнего огня в приветном свете,
Ни на земле, ни в небе, ни в аду
Он не забыл прекрасной Беатриче.
Она одна живет в его созвучьях:
Ведь в том краю, где Данте жил душою,
Другой жены себе он не нашел.
Такими он ее венчал цветами славы,
Какими ни одна из женщин не гордилась.

Вовек бессмертны Данте с Беатриче,
Владыка смерть не разлучила их.
Зачем же ты, мое воображенье,
Мне женщины другой рисуешь бедный образ,
Как будто сон томительный, неясный?
Нет ни венца на ней, ни ореола,
Ее лицо закрыто покрывалом,
Как бы густым туманом. Кто она?
Ведь ни один певец ее не славил,
Художник ни один не рисовал.
Лежит на дне истории глубоко
О ней воспоминанье. Кто она?
Жена поэта. Имени другого
Не сохранило время нам, как будто
Ей собственного имени не дали.
И не была она звездою путеводной,
Лишь тенью верной шла она за тем,
Кто был поводом «Италии несчастной».

Она делила с ним изгнанья черствый хлеб,
Она огонь веселый разжигала
Ему в чужом жилище. И не раз
Его рука, ища себе опоры,
Ей на плечо с надеждой опускалась.
Ей дорога была поэта слава,
Но рук она не протянула к ней,
Чтоб взять себе хотя бы луч единый.
Когда погас огонь в очах поэта,
Она их набожной рукой своей закрыла.
Тень верная! А где ж ее судьба,
Где собственное счастье, радость, горе?
История молчит, и вижу в грусти я
Всю горечь дней далеких, одиноких,
В тревожном проведенных ожиданьи,
Ночей бессонных, темных, как забота,
И долгих, как нужда, я вижу слезы. . .
По тем слезам, как по росе жемчужной,
Прошла в отчизну славы Беатриче.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мечта далекая, надежда золотая —
Моя страна, к тебе стремлюсь душой,
Страшусь и радуюсь, высоко залетая...
Так птицы возвращаются домой.

Не кажется ли им, что в край родной с собою
Они иные песни принесут,
Что песни новые над темной их землею
Светлее молний в небе расцветут.

Уже бывало так... уже не раз бывало:
Искала я надежд в стране чужой —
На родине моей их слишком не хватало,
И силы не хватало молодой.

И все же вновь и вновь о миге возвращенья
Я грезила в далекой стороне,
Но долгожданные, желанные мгновенья
Одни лишь тернии дарили мне:

Я стражу видела, оружие блестело,
Была граница хмурой каждый раз,
И сердце вновь и вновь задать вопрос хотело:
«К родным мы едем иль ссылают нас?»

Вокруг опять была знакомая сплошная
Родной неволи старая стена.
И мысль свободная, как будто крепостная,
Бледнела вдруг, на скорбь обречена.

И мести ангел злой, суровый дух темницы,
Глазами жгучими пронзал меня,
Высокие мои мечтания орлицы
Своим неправедным мечом гоня.

Обезображены мои напевы были,
Те песни, что манили новизной,
И мысли в ужасе метались и скользили,
Как бабочки ночные над свечой.

Как в голой роще в дождь, не раз мне было
скверно
Мне было горестно и тяжело,
Я содрогалась вся, как в темноте безмерной,
И сердце слезы вновь и вновь лило.

И на чужбину я мечтала возвратиться,
Я думала: вот песен край живой.
Так перелетная измученная птица
О солнце грезит осенью глухой.

5/VI 1899

ИМПРОМПУ¹

Когда цветет никотиана
И точно светит из тумана,
    Как будто падшая звезда,
Вся бледная от тайной страсти,
    Все вокруг становится тогда
Покорно непонятной власти.
    И если вы тогда вдвоем,
И возле вас сияют очи,
    Горя таинственным огнем,
Как отраженье звездной ночи,
    И голос милый вам звучит,
    Как будто в тишине журчит
Струя волшебного фонтана, —
    Бегите прочь от этих чар,
    Они зажгут в душе пожар,
Когда цветет никотиана.
Когда цветет никотиана,
Все, все тогда полно обмана,
    Опасна ночи тишина,
Как то затишье роковое,
    Когда коварная волна
Хранит молчанье гробовое.
    Вот-вот нахлынет звуков рой,
И встрепенется мысль, как птица,
    И вспыхнет в темноте порой
Воспоминания зарница,
    Как будто неизвестный друг
Страницы развернет вам вдруг

---

¹ Импровизация (франц.).

Давно забытого романа, —
О, если дорог вам покой,
Не прикасайтесь к ним рукой,
Когда цветет никотиана.

ЧАСЫ ТРУДА

Как я люблю часы моей работы,
Когда кругом все затихает вдруг,
Все сковано очарованием ночи,
И только я одна, непобедима,
Торжественную службу начинаю
Перед моим незримым алтарем.
Летят минуты — я им не внимаю,
Вот полночь бьет — работы лучший час, —
Так звонко бьет, что тишь затрепетала,
Быстрее в моих руках забегало перо.
Идут часы. Куда они несутся?
И ночь осенняя мне кажется короткой;
Ночное бденье не страшит меня,
Оно мне не грозит, как некогда грозило
Неверною и черною рукою,
А манит ласково, как юное виденье.
Перед рассветом ночь еще чернее,
Пора и свет гасить, чтобы его
Рассвет не пристыдил своим сияньем.
Погаснет лампа, но глаза пылают.
Когда же сумерки в окно тихонько
Заглядывают, серые, и вещи
Вдруг начинают выступать из мрака,
Меня внезапно побеждает сон.
А утром в зеркале своем я вижу
Глаза усталые и бледное лицо,
И в памяти тревожно промелькнет
Знакомая мне с детских лет легенда
Про «перелесника». Бывало говорила
Нам, малым детям, старая бабуся:

«Жила-была беспечная девица...»
Про девушку беспечную, что долго
За прялкой перед праздником сидела
И не молилась, просьбам не внимая,
И не ложилась спать. И вот за то
К ней по ночам являлся «перелесник»,
Не призраком являлся и не бесом, —
Влетал в окно падучею звездою
И превращался в стройного красавца,
Пленявшего речами и глазами.
Он дорогие приносил подарки,
Дарил ей ленты, убирал цветами,
Невестой звал и косы расплетал ей,
Речами нежными он отравлял ей сердце,
И поцелуями он душу вынимал.
Чуть раздавался возглас петушиный,
Вдруг исчезал коварный «перелесник»,
И девушка, в цветах вся, засыпала
Сном каменным. А после целый день
Ходила бледная, как привиденье,
И все ждала, чтоб вновь настала ночь,
Чтоб с «перелесником» опять вести беседу,
А те беседы кончились бедой.
— Да кто ж, бабуся, был тот «перелесник»? —
Старуху спрашивала я. Она
Всегда крестилась только, повторяя:
«Да не в дому и не при малых детях,
Не при святом бы хлебе называть.
Не думай на ночь ты о нем, — приснится».
И я тебя послушалась, бабуся,
И никогда не думаю я на ночь
Про «перелесника», лишь зеркало мое
Мне про него напоминает утром.

19/Х 1899

ЭПИЛОГ

Печально вас иль радостно читать,
Великой драмы скорбные рассказы?
То хочется над вами зарыдать,
То, вне себя, и петь и плакать разом.

Как будто шел блестящий карнавал,
Свободы пиршество границ не знало,
Казалось, налетел девятый вал
И море бурю загрохотало.

Девятый грозный вал! А в глубине —
Вздыхало море всею бездной черной.
Но гребни ввысь вздымались на волне,
Дыша огнем и силой необорной.

Сплошным пожаром вал на гору наступал,
Упрямой глыбою гора стояла,
Холодной и немой. Разбился вал,
Утихла буря, и валов не стало.

Осталась только пена здесь и там,
Да камешки бессильно тархтели.
Несчастные! Прибрежный этот хлам
Ни море, ни гора принять не захотели.

Девятый вал! То не вода была,
Стекающая каплями по глыбе, —
То соль земли, то молодость ушла
На смерть свою, на верную погибель.

Живою в гроб ложилась молодежь,
Бесстрашия улыбку обнаружив.
Не так ли в Индии и ты, вдова, идешь
В огонь костра вслед за умершим мужем?

Поднявши чару, молода, хмельна,
Идешь в огонь ты к мужу на свиданье.
Ведет тебя огонь иль просто чад вина
На огненное бракосочетанье?

О, как искристо было то вино,
Что молодых героев опьяняло!
По жилам разливалось оно
И с непривычки кровь воспламеняло!

Оно пьянило буйною мечтой,
Святою верой, молодости пылом.
Кто б не пошел, его отведав, в бой,
Кого б кипенья волн не захватило?

Что — слезы иль венки должны нести мы вам,
В расцвете сил погибшие герои?
О, если б было суждено и нам
Сжечь молодость свою и лечь на поле боя!

Удел наш был иным. Былые дни
Своей весны встречали мы уныло;
Тогда как раз погасли все огни
И море пена синяя покрыла.

А камешков однообразный зов
Лишь навевал усталость и досаду:
Час оргий минул, не было венков,
И на вино не стало винограду.

Мечи давно заржавели, других
Не выковали молодые руки;
Все мертвые — в земле, а у живых
Не боевой учились мы науке;

Смолк карнавал; от тех, кто пил вино,
Осталось только тяжкое похмелье.
Нам, рыцарям незнатным, суждено
Свой пир справлять без шума и веселья...

О вы, что жизнь свою сложили тут
В предутренние ранние морозы, —
Потомки вам на гроб венков не принесут,
Вам не цветы к лицу, а только слезы!

8/VII 1900

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

Я помню, что тогда семь лет мне миновало,
А ей, наверно, было двадцать лет.
Сидели мы в саду. Цвело все, расцветало,
С каштанов осыпался белый цвет.

Ничем она меня тогда не забавляла,
Мне все забавы были далеки,
Мне б только с нею быть, — она же знала
Одну забаву лишь — плести венки.

Я подавала листья ей, цветы и травы,
От рук ее не отводя очей.
Казалось, что плела она не для забавы,
А чтоб оправу сделать для речей.

Слова срывались с губ, как гневные угрозы,
Как приговор всем тем, что лили кровь,
И дикие в венке, как кровь, пылали розы,
И, как цветы, слова пылали вновь.

Шумел зеленый сад, а голос пел любимый
О воле золотой весенним днем,
И ряст в венке цвел красотою дивной,
И песни золотым лились дождем.

Давно уже прошло все, что когда-то было.
Тех слов призыв горячий отзвучал.
Наверно, и она о них забыла:
Кто помнит о венках, что в юности сплетал?

И я забыла их, не вспомню даже слова
Из тех бесед в далекие года,
Лишь цвет, звучанье их нежданное, мне снова
Волнует кровь теперь, как и тогда.

Те звуки не умрут, не онемеют, —
Всегда, как только лист от ветра зашумит
Или цветы на солнце запестреют,
Мелодия внезапно зазвучит.

Как будто звуки те на страже встали,
Чтоб душу каждый миг будить от сна,
Чтоб только розы в сердце не увяли,
Покуда вновь не зацветет весна.

9/VII 1900

ВЕЧЕ

И старость не пришла еще, а часто
Минувшее встает перед глазами;
Я пристально смотрю в него, как будто
Боюсь, что никогда уж не вернется
Ко мне воспоминаний светлый сад,
Что красовался пестрыми цветами,
В лучах мечты, как при закатном солнце.
И вновь встает воспоминанье детства,
Зовет меня: «Взгляни еще хоть раз!»

Мы во дворе разрушенного замка
Сошлись на вече важно и степенно,
Все гладкие, курчавые головки.
Мы были уж не маленькие: если б
Сложить всех годы — вышло бы столетье.
Мы собрались все вместе, все двенадцать.
Мы были осмотрительны и знали,
Что мы живем в небезопасный век:
И у ворот поставили мы стражу,
Чтоб, если кто придет, предупреждала.
Совет держали мы. Союз наш тайный
Решили мы создать, чтобы в него
«Большие» доступа не получили.
Торжественно мы дали обещанье,
Что до конца хранить мы будем тайну.

Какую ж цель себе союз поставил?
Какую цель? Большим не обойтись бы,
Наверно, без нее, у нас, однако,
Той цели не было, была отвага,

Решительность, а может героизм,
И с нас довольно было. Вместе с нами
Была и маленькая Жанна д'Арк:
Вся тоненькая, беленькая, голос
Звенел звоночком, а ее глазенки
Зарницы голубые рассыпали,
И золотые кудри развевались,
Как орифламма. Мы ее считали
Оратором необычайной силы.
Она сидела в замковой бойнице,
Как будто в нише, и вокруг нее
Весеннего так много было неба
В той раме каменной; венцом лучей
Ее головку золотило солнце.
Она держала речь, и в ней так много
Больших по смыслу, важных слов звучало:
Свобода, братство, равенство, наш край...
Вот так все это было. Дальше речь
Сменил напев, и сразу все собрание
Его единодушно подхватило.
А песни были «красные» такие,
Каких еще не слышал старый замок
И в дни, когда кровь красная ему
Не раз окрасила седые стены.
«Каленые ножи» в тех песнях были,
А в сердце у певцов была любовь
Ко всем «большим», что малыши считались
На жизненном пиру. Напев летел
За стены, за зубчатые, катился
Зелеными лугами, прямо к речке,
Как будто он хотел уплыть с водою
К тем бедным селам, что вдали виднелись.

С зубцами тень от стен высоких замка,
Все удлиняясь, двор собой накрыла,
В бойнице небо стало темносиним,
Исчез уже и золотой веночек
На голове малютки Жанны д'Арк.
А мы всё пели... Вдруг нам наша стража
Знак подала: «Домой спешите, гуси.
Волк за горою!» Все затихло мигом:
«Большие» шли!.. А мы, к стене прижавшись,

Смотрели, как нескладные фигуры,
Шатаючись и пишучи «мыслете»,
Блуждали долго во дворе у замка, —
Должно быть, расходились из гостей.
Ой, видно, долог был и труден путь —
И во дворе они заночевали. . .

И тайный сход наш разошелся тайно:
Шагали ножки маленькие тихо
В вечерней тьме; никто не отзывался,
Сжимали руки на прощанье молча
И за стеной все порознь разошлись. . .

Где вы, мои товарищи бывшие?
Мы разошлись, как по лесу тропинки.
И разве не припомнится вам замок,
Все наши речи, песни, наша тайна?
Иль, может, вам, «большим» и мудрым людям,
Теперь уже вам не до детских грез?

10/VIII 1901

* * *

Вечно терновый венец будет царской короны прекрасней;
Вечно путь на Голгофу торжественней гордых триумфов;
Было так искони, и навеки останется это,
Люди покуда живут и покуда терновник возрастает,
Но тогда лишь терновый венок в венец превратится,
Если вольный душой человек сам украсится терном,
Гордо, решительно скинув с себя украшения цветные,
Высшей пленен красотой — не той, что кричит на базарах:
«Здесь я, добрые люди; ко мне; я доступна любому!»
Путь на Голгофу тогда величав, если знает идущий,
Что он избрал и зачем и не жаждет иного триумфа,
Высшим величьем плененный, — не тем, что с престола
зывает:

«Милостью божьей я царь, ибо — гляньте — сижу на
престоле!»

Кто ж без отваги охотно тернам дает себя ранить,
Сил не имея в досталь, чтоб защититься от тернов, —
Господи, кровь пожалей, что колючие терны напоит:
Лучше б она на лице заиграла мягким румянцем,
Радую чьи-нибудь взоры в праздничный день
беспечальный!

Зов Прометея сотни веков отзывается в мире;
Он заглушает раскаты мощных громов олимпийских.
Тысячи тронов поникли во прах, человеческих и божьих,
Но титанов утес возносится вечной твердыней
Духа того, что, летя ураганом немолчным,
Искорку, взятую с неба, в могучий огонь раздувает.
Слаще звучат под тем ураганом рваные струны,
Чем, в умелых руках, сребро струнные, в золоте, арфы,
Льстивый свой дифирамб возносящие стройно и ладно.

Было так искони, и навеки останется это,
Люди покуда живут и покуда струны рокочут.

Но на струнах повторить этот зов Прометея умеют
Руки того лишь, кто в сердце таит небесную искру,
От Прометея свой род ведет и наследие предков
Чтит, красоту понимая другую — не ту, что на рынках
Руки к бубнам влечет, а ноги в нелепую пляску.
Внук Прометея, кому наилучшие струны доступны,
До крови руки сотрет о грубые струны воловьи,
Стоном сердца дополнит тех струн недопетые скорби;
Цену музыке зная, и музыкантам, и струнам,
Чистого золота песнь не продаст он за арфу златую.

30/XI 1900

РИТМЫ

1. ВЫ, СЛОВА МОИ ГРОМКИЕ, ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ?..

Вы, слова мои громкие, где вы теперь,
Что без вас мне немая печаль?
Разбежались вы звонкой весенней водой
По оврагам, по рощам, по балкам.
Что не встанете вы, как морские валы,
И отважно не крикнете в небо,
Не заглушите грусти прибором своим,
Не развеете горькой печали моей
Сильным, яростным натиском бури?

Я не затем, слова, растила вас
И кровью сердца своего поила,
Чтоб вы лились, как вялая отравка,
И разъедали души, словно ржа.
Лучом прозрачным, лунными волнами,
Звездой летучей, искрой быстролетной,
Сияньем молний, острыми мечами
Хотела б я вас вырастить, слова!
Чтоб эхо вы в горах будили, а не стоны,
Чтоб резали — не отравляли сердца,
Чтоб песней были вы, а не стенаньем.
Сражайте, режьте, даже убивайте,
Не будьте только дождиком осенним.
Сжигать, гореть должны вы, а не тлеть!

26/VIII 1900

II. ИЛЬ МОЛНИЯМИ ТОЛЬКО ИМ НОСИТЬСЯ. . .

Иль молниями только им носиться,
Словам моим, что родились в печали?
А почему бы не взлететь им к небу
Серебряною жаворонка песней
И не рассыпаться, дрожа, над черной пашней,
Как звонкий дождь, просвеченный лучами?
Зачем не закружиться хороводом,
Как будто листья, что срывает буря,
Как будто выюжные алмазные снежинки?
Иль только тем ясней звезда сияет,
Чем ночи тьма вокруг нее чернее?
Иль только в сказке из людей убитых
Калина вырастает и чарует
Сердца живых чудесною свирелью?
Иль только в сказке лебедь умирает
Не с криком смертным, а с прекрасной песней?

26/VIII 1900

III. КОГДА БЫ СОЛНЦА ЯСНЫЕ ЛУЧИ. . .

Когда бы солнца ясные лучи
Могли бы чудом в струны превратиться,
Я сделала бы золотую арфу;
И все в ней было б светлым — струны, звуки;
Любая песня, что на прочих струнах
Звенит, как голос непогожей ночи,
Звенела бы на золотистой арфе
Той песней, что звучит лишь только в снах
Детей счастливых.

Грусть бы улетела
От звуков тех и уплыла бы вдаль,
Как солнцем озаренные туманы,
Что издали, как золото, сияют
И кажутся не тучей, а мечтою,
И, слитые в гармонию печали,
Запели бы, как хоры в эмпиреях. . .

14/IX 1900

IV. МНЕ ТАК ХОТЕЛОСЬ БЫ УПЛЫТЬ С ВОДОЮ. . . :

Мне так хотелось бы уплыть с водою
Офелией, украшенной цветами.
Мои бы песни плыли вслед за мной,
Как и вода спокойная, качаясь,
Все дальше, дальше. . .

Легкими волнами
Меня б вода укрыла понемногу,
Как нежное мечтанье, колыхая
Так тихо, тихо. . .

Я ж, совсем покорна,
Дала б нести себя и убаюкать,
Плыла бы с тихой, еле слышной песней
И опускалась в голубую воду
Все глубже, глубже. . .

А потом остался б
Лишь только отзвук на волнах чуть слышный
Моих напевов, как воспоминанье
Баллады старой и давно забытой,
Как смутный сон, печальный и кровавый.
Да как припомнить?

Песня та звучала
Давно, давно. . .

Потом и звук исчез бы,
И на воде бы колыхались только
Мои цветы, что не пошли со мною
На дно реки.

Они бы плыли дальше,
Пока в залив спокойный не прибились,
У лилий белых водяных не встали б.
Склонились бы над сонною водою
Плакучие березовые ветви,
И там в затишьи ветер бы не веял;
На лилии спускался б только с неба
И на цветы, что я рвала в безумьи,
Покой, покой. . .

3/XII 1900

У. НЕТ, Я ПОКОРИТЬ. . .

Нет, я покорить ее, видно, не в силах,
Безумную песню, что встала из грусти,
Ни маски надеть на нее не умею,
Ни светлой одеждой ее приукрасить, —
Бьет черным крылом, словно хищная птица,
И ранит, как только хочу я насильно
Ее укротить. Эй, безумная песня!
В кого удалась ты такой непокорной?
Смотри, я смеюсь, когда сердце рыдает,
И взгляд мой и голос мне стали покорны,
И я так спокойна. А ты? — словно ветер,
Безудержна ты. И тебе все равно,
Что, встретив, раздуешь огонь до пожара,
Что волны, столкнувшись, разгонишь до бури,
Что темные тучи запутаешь в хаос,
Что домик убогий, приют мой последний,
Тяжелой лавиной в бездну ты свергнешь.
Тебе все равно! Тот пускай и поплачет,
Кто искру опасную бросил в дороге,
Кто челн ненадежной доверил воде,
Кто темною полночью вышел в дорогу,
Кто домик убогий, приют свой последний,
Поставил высоко, у края обрыва.
Ты стала крылатой — должна ты лететь!

Да, песня, песня вольная! Не знаю,
На счастье иль на горе эта воля,
Но я еще оков ей не сковала;
Не знаю я, где взять для них железа
И на каком огне они куются.
Да, верно, уж ковать иль не ковать их,
Придет пора — и сами распадутся.
И встрепенется песня на свободе,
И вырвется из плена, как рыданье,
Что долго, приглушенное, таилось,
В темнице сердца.

Не просите смеха
Вы все, кому от этой песни грустно,
Вы утешенья не найдете в ней,
Рожденной от отчаянья и скорби.

За горе скрытое она отмщенья хочет
Огнем, отравою, тоски мечом разящим.
Коль страшно вам — идите прочь с дороги!
Пускай промчится песня одиноко,
Как через море ледяное вихрь.
Не надо ей ни слез и ни сочувствий,
Ей надо лишь свободы и простора.
Безумный так свободу добывает,
Чтоб до конца стремиться в неизвестность...
Летит в безумьи песня — берегитесь!
Скорбь жалости не знает, как и смерти!

1/II 1901

VI. КОГДА Б ВСЯ КРОВЬ... .

Когда б вся кровь моя вот так же уплыла,
Как и слова! Когда бы жизнь моя
Исчезла так же вдруг, как исчезает
Вечерний свет!.. И кто меня поставил
На страже посреди руин и грусти?
Кто обязал меня, чтоб на земле я
Будила мертвых, тешила живых
Калейдоскопом радостей и горя?
Кто гордость мне вложил вот в это сердце?
Кто даровал отваги меч разящий?
Кто взять велел святую орифламму
Мечтаний, песен, непокорных дум?
Кто приказал мне: не бросай оружия,
Не отступай, не падай, не томись?
Зачем должна я слушаться приказа?
Зачем уйти не смею с поля чести
Иль, наконец, упасть на меч свой грудью?
И что мне не дает промолвить просто:
«Да, ты, судьба, сильней, — я покоряюсь!»
Зачем при мысли о таких словах
Сжимаю я незримое оружие,
А в сердце зреют крики боевые?..

Кимполуне, 6/VI 1900

VII. КАК ТЯЖЕЛО ИТТИ МНЕ...

Как тяжело итти мне той дорогой
Широкой, битой, пылью сплошь покрытой,
Где люди мне напоминают стадо,
Где нет цветов, где не растет бурьян!
Зовет и манит издали вершина,
Что так пылает золотым пожаром!

Там, на высотах, непреодолимо
Я жажду знамя красное поставить,
Где сам орел гнезда не смеет свить!

Меня влечет горячее желанье
Пойти туда песками и кустами
И там послушать горной чащи гомон,
И заглянуть в таинственную бездну,
И с быстрыми потоками поспорить,
И между льдов пробиться самоцветных,
И эхо песней разбудить в горах!

Проводником пускай мне служит знамя,
Пускай поддержит на дороге скользкой,
Пока меня не выведет к вершине,
Преодолев свирепый горный ветер.

Когда ж меня на полдороге встретит
Лавина тяжкая, судьбой обрушась
На голову мою, — я упаду,
Как на постель, на белый снег нагорный.

Пусть обо мне колокола не плачут,
Пускай поет лишь вольный, звонкий ветер,
Пускай метель веселая кружится,
И звезды снежные вокруг роятся
И поцелуями холодными закроют
Мне пылкие доверчивые очи...

16/VIII 1901

VIII. ЗАЧЕМ Я НЕ МОГУ . . .

Зачем я не могу взлететь к высотам,
Туда, к вершинам ясным, золотым,
Туда, где тучка под луной сияет?
Я видела, как тучка та рождалась,
Как из потока звонкого возникла
Туманом белым, чуть заметным паром,
Как поплыла неслышно над водою,
Глубокими оврагами, все выше,
И тихо поднялась, с трудом как будто,
И устремилась вверх. Она цеплялась
За зеленеющие гребни сосен
И за уступы оголенной кручи,
За шалаши пастушьи, там, на склонах,
Как человек, что, силы напрягая,
Взойти стремится на гору. И вышла,
И улыбнулась месяцу с вершины,
И так стояла девушкою светлой —
И засияла легкой и прозрачной,
Как ясная мечта. Кто в ней узнает
Ту влажную безрадостную тучу,
Что двигалась так тяжело по долине? . .

Ой, горы, горы, золотые кручи!
И отчего я к вам так порываюсь?
И отчего люблю вас так печально?
Ужели мне не суждено подняться
На ваши заповедные высоты?
Когда мне мощных крыльев не дано,
Чтоб я могла туда взлететь орлицей,
Туда, на высочайшие вершины, —
То жажду я пролить потоки слез,
Горячих слез, безудержных, внезапных,
Что рвутся из глубин сокрытых сердца
Источником живительной воды.
Пускай из них душа моя восстанет
И с мукою тяжелой устремится
На ту вершину, что сияет вечно
И кажется глазам издалека
Такой же неприступной, как и горы,

К которым я взлетаю лишь мечтою.
Тогда, быть может, дух мой, словно тучка,
На высоте внезапно изменился б,
Нагорным, чистым светом озаренный.

Буркун, 4/VIII 1901

МГНОВЕНИЯ

I. LIED OHNE KLANG¹

Когда бы стать песней без слова
Могли мои мысли немые,
Тогда б они больше сказали,
Чем все эти речи пустые.

Когда б мои мысли немые
На звонкие струны упали,
То плачем зашлись бы те струны
Иль детским весельем взыграли.

Волною бурливого моря,
Сверкающей, темной, суровой,
И солнцем бездонного неба
Была б моя песня без слова.

Большие прибрежные скалы
Срывает победное море;
Ужели победная песня
Не смоем тяжелого горя?

Зачем не волна моя песня?
О горе! То бредни досуга,
А мысли безгласны, и руки
Бессильно сжимают друг друга.

5/II 1900

---

¹ Песня без слов (нем.).

II. СВЯТАЯ ПОЧЬ

Темной ночью собрались мы выйти гурьбой,
Так степенно, а вправду — без цели.
Нас не праздник манил в этот час за собой, —
Нет, мы просто на звезды глядели.

Тихо-тихо лежали просторы земли,
Лес и поле, уснувшие поздно.
И казалось, мы даже услышать могли,
Как летели падучие звезды.

Все беседы, что были добры или злы,
Там кончались — за звездными снами.
Перед вечностью неба мы были малы —
Все же небо склонялось над нами.

Ночь без тени, сиянье негаснущих звезд —
Было все и далеко и близко,
И сияли нам звезды за тысячи верст
И как будто спускались к нам низко.

И, над нами горя, за звездой звезда
Собирались короной лучистой...
Да и вправду мы были святыми тогда,
Этой ночью и звездной и чистой.

18/VII 1900

III. КАК ВЫ СЧАСТЛИВЫ. . .

Как вы счастливы, чистые звезды,
Ваши речи — немое мерцанье;
Мне бы ваши лучи вместо слова —
Я бы век проводила в молчаньи.

Как вы счастливы, звезды на небе,
Все вам видно — живете высоко!
Если б я так высоко стояла —
Пусть была бы весь век одинока!

Как вы счастливы, как холодны вы!
Вы, наверно, породы хрустальной:
Если б я была звездочкой в небе,
Я не знала бы доли печальной.

18/VII 1900

IV. ТАЛОГО СНЕГА. . .

Талого снега платочки раскиданы. . .
Реденький дождик да неба свинец,
В робкой траве первоцветы чуть видные, —
Это весна? Это счастья венец?

Небо глубокое, солнце лучистое,
Пурпур и золото вялых ветвей,
Поздние розы, все в росах, душистые —
Осени вестники. . . Может, моей?

Что ж, не страшусь я прихода осеннего,
Радует душного лета конец;
Лишь не напомнили б часа весеннего
Реденький дождик да неба свинец.

11/VIII 1900

V. БЫВАЛО ОБОЙДУ. . .

Бывало обойду поля и горы
И моря гулко нежные просторы, —
На сердце сумрак, не видать ни зги
В краю чужом; на горных склонах тени,
Туман в долине, море в смутной пене,
И кажется — вокруг и впрямь враги.

А сердце, закаленное в скитаньях,
В томленьи на чужбине и в страданиях,
Бывало горько плачет и грустит,
И, как дитя, что темноты боится,
Как бедный узник, запертый в темнице,
Все ждет, пока звезда не заблестит.

Тогда стихает плач... И не пойму я,
Что тешит сердце? То, что золотую
    Оно на небе крапинку нашло?
Что пользы сердцу в том далеком мире?
Быть может, он и сам угас в эфире,
    Пока сюда сияние дошло...

Угас, как наши чаянья былые,
Как угасали мысли молодые,
    Надежду разбудившие во мне...
Так что ж! Пускай прошедшее минуло,
Но сердце любит, если не уснуло,
    Свет, без звезды горящий в вышине.

Кимполунг, 20/VI 1901

VI. ПЕСНЯ

Гей, пойду в зеленые я горы,
Где шумит сосновый бор, как море,
Понесу туда я свое горе,
Кину его в горные просторы.
    Кину я кручину
    На сосны вершину,
В бор пушу свою тоску я —
Пусть найдет другую.

Кимполунг, 19/VI 1901

VII. ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ...

Хочешь знать ты, чем было оно,
То, чему было цвель суждено,
Что таило незримые чары,
Золотилось, как отсвет пожара,
Что сияло, как чистый хрусталь,
Но безжалостным было, как сталь.

Хочешь ты в это близко всмотреться,
Разобраться во всем, наглядеться,
Из холста хочешь выдернуть нить
И основу его обнажить —

Вспомни: ткань, вся в цветах, как картина,
А под нею всего лишь холстина!..

Полно!.. Эта работа грустна,
До добра не доводит она.
Видишь, сосен зеленые косы
Нарядились в прозрачные росы.
Ты не спрашивай — может, роса
Многоцветная эта краса,

Может, солнышко вдруг задурило,
На росинки дождинки сменило?!
Или, может, холодный туман
Разукрасил рососою бурьян,
Или, может, сосна в том виною,
Что сверкает рососою цветною.

Буркунт, 10/VIII 1901

VIII. ТЕМНАЯ ТУЧА

Туча, дождь, а радуга дугою.
Что же это, девушка, с тобою?
Пашешь горе, сеешь грусть-кручину...
Перестань! Что толку, сиротина?

Те поля не рутой
Порастут густой,
А отравой лютой,
Горем да бедой.

Пусть тебя печаль бы окружала,
Знай свою пшеницу бы ты жала,
А в пшенице той мак с васильками
Меж колосьев пестрели-мелькали.

Заняла полоску —
Жни, не отставай,
А нагрянет туча —
Дела не бросай.

Буркунт, 12/VIII 1901

IX. ОЙ, КАК БУДТО НЕ ПЕЧАЛЮСЬ. . .

Ой, как будто не печалюсь, все же я не рада,
Что-то смутно-неприятно, на сердце досада.

Я откину ту досаду прочь на бездорожье,
А она взошла, красуясь, словно мак над рожью;

А я мак тот посрываю да сплету веночек,
Кину красный тот веночек в быстрый ручеечек:

Плыви, плыви, мой веночек, до самого моря,
Если буря не утопит, не избуду горя.

Ой, не утопила буря красный тот веночек,
От него ж волна морская покраснела очень.

Горьковата вода в море, пить ее не надо;
Почему же не могу я утопить досаду?

Буркунт, 20/VIII 1901

X. ОЙ, ПОЙДУ Я В БОР. . .

Ой, пойду я в бор дремучий в сумерки, под вечер,
Разожгу костер, чтоб видно было всем далече.

Загорелась, запылала елка смолевая,
И горит моя досада, как хвоя сухая.

И огонь разбушевался, и досада вторит,
Рассыпает, словно звезды, искры на просторе.

Упадет, сверкая, искра звездочкой падучей,
Да как раз вонзится прямо в сердце, неминуче! . .

Ну, лежи, досада, в сердце, если так уж вышло,
Буду я тебя баюкать, колыхать чуть слышно.

И прижмешься ты к сердечку, как дитя родное,
В колыбели теплой сердца будешь век со мною.

От толчка горячей крови колыбель качнется,
Спи, дитя, и днем и ночью, пока сердце бьется! . .

20/VIII 1901

* * *

Тебя, как плющ, держать в своих объятьях,
Укрыв от света, хочется порою;
На жизнь твою не стану посягать я,
Как плющ руину, я тебя укрою.

Обняв ее, он жизнь ей возвращает,
Хранит от непогоды камень голый,
Но и руина тоже охраняет
Товарища, чтоб не упал он долу.

Им хорошо вдвоем, как нам с тобою,
Но час придет рассыпаться руине,
И плющ она укроет под собою...
Зачем он нужен здесь один, в долине?

Ужель затем, чтобы, томясь в разлуке,
Упасть измятым, раненным, без силы,
Иль к тополию прижаться в тяжкой муке
И для него страшнее быть могилы?

О, каждый раз, как я сбирала слезы
Твои, мой друг, на белый лист бумаги,
Я видела то чудо Вероники.
(Должна, любимый, в чудо верить я.)

18/XI 1900

* * *

Вы помните, однажды я сказала
Слова такие: «Если б знала я,
Когда умру, то я бы завещала,
Чтоб с музыкой (в ней жизнь была моя!)

Меня зарыли». Молвить не успела —
Все дружно насмех подняли меня:
«Она б еще, пожалуй, захотела,
Чтоб танцевали, близких хороня».

И разговор зашел о смерти снова.
К чему б, казалось, вспоминать о нем,
Но я его запомнила до слова,
Он что-то в сердце пробудил моем.

Моя душа не будет «со святыми»,
Мне «вечной памяти» не пропоют.
Чужда мне песнь с напевами такими
И колокольный похоронный гуд.

Уж если отпевать необходимо,
Пусть музыка поплачет, но без слов,
Пусть в ней звенит, как в песне лебединой,
Любовь, и смех, и плач былых годов.

А та толпа, что утром погорюет,
В вечернем танце веселится пусть.
Вам странно — после похорон... танцуют!
Но так всегда кончалась в жизни грусть.

Так что ж! Ведь я покой ваш не нарушу,
Уйдя в бездонный мрак небытия.
Пусть смерть моя ничью не ранит душу,
Как сердце ранила мне жизнь моя.

* * *

Уста твердят: ушел он без возврата.
Нет, не покинул, — верит сердце свято.
Ты слышишь, как струна звенит и плачет?
Она звенит, дрожит слезой горячей
Здесь, в глубине, трепещет в лад со мною:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

И в песнях ли хочу избыть я муку,
Иль кто-нибудь сожмет мне нежно руку,
Иль задушевный разговор ведется,
Иль губ моих губами кто коснется —
Струна звенит, как эхо, надо мною:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

Спущусь ли я в таинственные бездны,
В мир образов знакомых иль безвестных,
Видений темных, призраков, кошмаров,
Томящих душу, наводящих чары, —
Вновь голос твой, оваянный тоскою,
Звенит: «Я здесь всегда, всегда с тобою!»

Минутный сон смежит мне тихо вежды,
Уставшие от мыслей безнадежных, —
И сквозь тяжелый полог сновиденья
Я слышу голос милого виденья.
Звенит, оваян тайною тоскою:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

КАЛИНА

Казак умирает, а девушка плачет:
«Ты возьми меня в могилу, она горе спрячет!»
— Ой, коли ты вправду верная подруга,
Будешь славною калиной на могиле друга:
Упадут ли росы рано на покосы,
Не на гроб мой станут падать, а на твои косы...
Станет жгучим солнце, дунет знойный ветер —
Пусть костей моих не сушит, сушит твои ветви. —
«Разве тебе будет, милый, веселее,
Если я в моей печали ярко заалею?
Разве тебе будет, милый мой, отрадней,
Если в горьком моем горе буду я нарядней?
Станут ли милее гроб с могильной тьмою,
Если я зазеленею калиной немой?»
— Ой, и мать не станет так тужить о сыне,
Как ты, моя калиночка, в девичьей кручине... —
Ой, еще над милым трава не взрастала,
А уж бедная подруга калиною стала.
И дивятся люди и малые дети,
Что вовек еще такого не было на свете.
«Чья это могила? — спрашивают люди, —
Что над нею цвет калины и мороз не студит,
Что на той калине и листья кудрявы,
А меж белыми цветами ягоды кровавы?»
Шумела калина над холмом родимым:
«Ой, что ж я стою немой над моим любимым?
Дерева не тронешь — слова не проронит.
А ножом его порежешь — запоет, застонет.
А кто ветвь срезает, на дудке играет —
Тот калиновой стрелою грудь себе пронзает».

20/VI 1901

ГДЕ ЖЕ ТЕ СТРУНЫ...

Где же те струны, где голос могучий,
Где же крылатое слово,
Чтобы запеть про ненастное время,
Время заботы суровой?

Чтоб на просторную вырвались площадь
В камне схороненных стоны,
Чтоб передать человеческой речью
Песню кандалного звона?

Ерусалим, ты обрел Еремию —
Злую оплакивать долю.
Так почему ж Еремии не знает
Наша убитая воля?

Дантова ада, на страх всем потомкам,
Вечное пламя пылает —
Муки мы терпим страшней, чем у Данта,
Данта же край наш не знает.

Молния, молния! Грома сестрица,
Где же удар твой могучий?
Если б хоть раз нам ударить громами,
Словно весенние тучи!

24/V 1902

ИНОБЕЯ

Дети, дети мои, разве я вас навек потеряла?
За что же наказана я? За то, что так верила гордо
В детей моих милых, в волшебную их красоту
И в славный мой род? За то, что я дочь Прометея?
Что же, злая богиня, тобою убитые дети
Разве не были лучшими между людских и господних детей?
Ты убить их могла, красоты же их не запятнала,
И хоть горем измучила, все же я дочь Прометея,
И для себя милосердья просить у тебя я не буду,
Если бы ты и хотела теперь проявить милосердье,
Ты не могла бы, нет власти твоей надо мною.
Вот я стою, вся из мрамора, в каменных тяжких оковах,
Только очи мои льют потоки палящие слез.
Слез моих удержать ты не можешь, о злая богиня,
Ведь Прометеева гордость бессильна была против них.
... Дети, дети мои! Как живыми я вижу всех вас,
Ваши лица в слезах предо мною дрожат, как лучи...
Где ты, старшая, — в белой одежде, пышна, величава,
Ты казалась богиней, была на меня ты похожа.
Но никто б твоей матери нынче во мне не узнал.
В мраморе этом я стала совсем не такую,
Как была я тогда, когда рядом с тобою стояла.
Ныне сестричке твоей, голубке моей сердобольной,
Бедную мать увидав, горько заплакать пришлось бы,
К доченьке третьей моей она бы в объятия упала, —
Та ведь была рассудительной, смелой, настойчивой,
добрый,
Всех от беды защитить готова была своим сердцем,
И потому к ней ласкались мои все малютки,
Слезы свои ей несли, она ж им дарила улыбку.
Дети мои! Вы и в горе и в радостях все были вместе,

Словно пунцовые розы на кустике пышном,
А братья вокруг, словно ветки колючие розы,
Каждый из братьев готов был изранить того,
Кто бы обидел сестричек. Мой старший, мой первый,
Был словно кедр на вершине горы, он не гнулся под ветром.
О, зачем же, за что ж так напрасно погибла та сила,
Что давала всем братьям отвагу в бою и решимость?
Тихо упал его брат кипарисом покорным и грустным,
Третий же, младший, как плющ, крепко обнял руками его,
Самый же младший, как ясный огонь, огонек мой любимый,
О, как он вспыхнул, сгорая! Отцовская кровь отозвалась!
Он победителем был и в последнее жизни мгновенье! . .
Все полегли, как один, лишь оружие да диски остались,
Вон они меж украшений дочерних, меж кукол малюток,
Ныне уже бесполезные, может на то лишь потребны,
Чтоб вызывать из очей моих снова внезапные ливни.
Если б могли эти слезы в очах моих остановиться! . .
Не остановятся, нет! Будут литься вот так бесконечно.
Если же землетрясенье иль бури порыв меня сбросит,
Камень о камень ударит, в мелкий песок разотрет,
Горные русла меня понесут тогда в море, рыдая,
И все волны морские века надо мной будут плакать.
Не умрет моя грусть, моя боль не исчезнет на свете.
. . . Ох, когда б хоть один, самый младший, остался со мною,
Мое милое дитяtko, сердцу родная малютка!
Может быть, он так крепко прижался б своими устами
К моей каменной груди, что в сердце бы жизнь
пробудилась,
И горячая кровь победила бы мрамор холодный,
И застывшие руки, что тянутся в тщетном призыве,
Обняли б снова его золотистое нежное тельце,
И уста мои бледные, оцепеневшие в горе,
Вновь бы могли целовать его глазки, как светлые искры.
Лучше бы сердце разбилось и, как человек, умерла я,
Но не стояла бы страшным созданием, камнем в печали:
Мертвая я и теперь, и одни только слезы живые. . .

* * *

Острым блеском вдруг волны заискрились
После бури в прозрачную ночь,
Будто войско мечами булатными
Хочет снять вражьи головы прочь.

Блеск оружия, рокот раскатистый...
Будто встал возмущенный народ,
Будто сила народа могучая
Непреклонно на приступ идет.

Каждый меч — луч светила небесного —
Вниз упав, снова блещет во мгле,
Каждый звук — отзвук силы бунтующей,
Изменяющей жизнь на земле.

Море, море, людское, народное,
Из чего ж ты оружие скуешь?
Что же будет, что встанет на пустоши,
Вместо мира, что ты разобьешь?..

Сан-Ремо, 8/XI 1902

ДЫМ

Дорогой в дальний итальянский край
В душе я повторяла непрерывно
Слова поэта вечные: «...И дым
Отечества нам сладок и приятен...»
Мне виделись далекие селенья:
Дивчата с песнями идут с полей,
Хозяйки неусыпные хлопочут,
Встречая стадо или гурт овечий,
Хозяева, с работы возвращаясь,
Идут, не прибавляя шагу, чинно,
А все ж посматривают на дымок,
Что стелется над низенькой трубою,
И думают: «Ну, вот и ужин скоро...»
Мне виделись просторы луговые
Волынские: вдали чернеет лес
Зубчатую стеной, и на вершины
Туман беззвучным морем наплывает.
Эй! кто в лесу, кто в поле — берегитесь!
То катится к вам злая лихорадка!
Но путники, спокойно распевая,
Спешат в лесную чащу на дымок,
К тому костру, что разведен друзьями.
Тепло там, сухо, вьются роем искры,
Как пчелы золотые, пламя пляшет...
«Пойдемте на дымок!»

И я смотрела
На села итальянские без дыма
(Огня не много для «поленты» нужно),
Смотрела на туманные «ризацца»,
Где малярия невидимкою летает,

Ни дыма не пугаясь, ни огня,
И в мыслях слово грустное «чужбина»
В такт перестукам поезда звенело.
Туннель! И горьким облачком ко мне
В окно дымок ворвался, едкий дым —
Таков уж, видно, уголь итальянский, —
Так даже и в курной полесской хате
Дым не душил нас, — ведь, бывало, дружка
Так пел на свадьбе, что звенела хата,
И голос чист был, даром что лицо,
Как в облаке, маячило неясно:
Тот дым нам ел глаза, но все ж не так,
Должно быть, потому, что был родной,
древесный. . .

Sampierdarena! ¹ — Вот и слава богу!
Уж близко Генуя, а там и отдых,
Там будет море под веселым небом
И старый город — гордость и краса
Отважного и вольного народа.
— Вот наша Генуя, — старик рукою
Показывает мне куда-то вдаль.
Смотрю я и не вижу — мгла покрыла.
«Скажите, господин, здесь часто с моря
Таким туманом тянет?» — я спросила.
— Туман? То не туман, а только дым.
Здесь так всегда. Да это и понятно.
Взгляните! — Я взглянула: точно мачты
У пристани огромной, там виднелись
Сквозь мглу седую заводские трубы.
Да сколько! Целый лес. . . — Богатство наше
Растет здесь, — важно господин ответил.
Но стены фабрик были непрозрачны,
А из окон богатство не светилось,
За ними что-то темное мелькало.
Мне вспомнился иной приморский город —
Не итальянский, — и другой, и третий,
Четвертый — все над нашими морями, —
И наконец еще один, над быстрой
Большой рекой, гремящей на порогах,

---

¹ Sampierdarena (Сампьердарена) — железнодорожная станция близ Генуи.

Как рейнская скала, где днем и ночью
Глушат колеса рокот водопада...
Затем село, простор полей, курчавых
От свекловицы... А над этим всем
Лес тонких труб, высоких непомерно, —
Как сосны горные, без хвои только...
Мы въехали в предместье. Там стояли
Задымленные, черные домишки,
Суровые, глухие. Окна были
Покрыты пеплом, цепким, точно горе,
Которого не выгонишь из дома.
За окнами мелькали очертанья
Каких-то лиц невольничьих, бескровных,
А надо всем тот дым, тот легкий дым,
Что глаз не ест как будто и не душит,
А только небо ясное скрывает
И у людей крадет сиянье солнца,
Пьет кровь усталых лиц и гасит взоры
И все цвета окрашивает серым.
Никто его не слышит, но всегда —
И день, и ночь, и каждую минуту —
Бесшумно и таинственно, но ясно
Он говорит: «Я здесь, я вечно здесь».
Тот итальянский дым проник мне в сердце,
И сердце больно сжалось, онемело
И уж не говорило мне — «чужбина».

Сан-Ремо, 1903

* * *

В высоте так ярко блещут звезды,
Ни одна не прячется за тучи,
Будто хочет напоить сияньем
Небо, море, землю, мир надземный.
Но темнеет небо, словно бездна,
В хаосе невыразимом море,
А земля печалью вся одета,
Тайна покрывает мир надземный.
И звучат невидимые крылья
Вихря-великана, бьются, плещут,
Море плачет, и трепещет тьма...

Море плачет голосом могучим,
Волны-горы бьются и рыдают,
И вздымаются все выше, выше,
Будто им далеких звезд сиянья
Головами хочется коснуться.
Только белизна едва заблещет
На могучих головах, и сразу,
Будто злая сила их подкосит,
И полягут головы, и злобно
Море бросит волны в непроглядный,
В черный мрак... Не видно, только слышно,
Как они о землю разобьются...
А за ними новая фаланга
Гонится, чтоб устремиться к звездам...
Море плачет, и трепещет тьма...

Для чего тот грозный спор ведется?
Завтра снова встанет в небе солнце,

Озарит лучами горы-волны,
И не только волны — даже струи,
Даже самый маленький, белесый
Пены клоч, оставшийся от бури.
Будет ли опять в волненье море
Иль расстелется бескрайным плесом,
Полным беспредельного покоя?
Солнце все лучи ему подарит,
Отразит в нем небо щедрым светом,
Ночь пройдет, как прежде проходила,
Ведь недаром так трепещет тьма...

Что же море грозно так рыдает?
Разве мало в море волн могучих?
Разве те, что полегли, исчезли,
Были наилучшими волнами?
Столько им уже сияли звезды,
Столько их лучом ласкало солнце,
Столько разогнал их буйный ветер.
Почему не плакало так море
В час, когда те ласковые волны
Попусту растрачивали силы,
Омываячи песок бесплодный, —
Море только улыбалось солнцу,
И сиянье в нем не трепетало.
Почему ж теперь так среди ночи
Море плачет и трепещет тьма?

Почему так жалуется море?
Оттого ль, что волны не вернуться,
Хоть и лучшие придут на смену?
Оттого ль, что белизне чистойшей
Нужно мраку ночи покориться?
Что и завтра день опять погаснет,
Что и завтра ночь настанет снова, —
Оттого борьба вдвойне напрасна
И вдвойне печаль неотвратима?

Не затем ли ввысь так рвутся волны,
Чтобы хоть луча звезды коснуться,
Что не ждут они победы солнца?
Не о том ли так они рыдают,

Что лишь брызги водяные могут
Оставлять другим волнам в наследство?
Или жаль им красоты своей?

Тьма трепещет без конца, без края.
Кто же разгадает этот трепет?
То ли страх ее пронзает лоно
За ее недолгое господство?
Или это только злая зависть
Силе моря, жизни и движенью?
То ли это ненависть бушует
К этой белизне, к сиянию, к звездам?
То ли это радость в ней играет
За свои все темные победы?

Так исканья тщетные проходят,
Словно эти сумрачные волны:
Блеск неверный дальнего сиянья
Упадет, мелькнет, и разобьются
Думы-волны на просторе темном...
Ночь темнеет, и яснеют звезды,
Море плачет, и трепещет тьма...

Сан-Ремо, 24/IV 1903

* * *

Случилось это в дни священной Германдады:
Монахи грешника схватили раз
И привели пред очи Торквемады
На инквизицию. И так гласит рассказ:
Сначала мученик молчал, и только слезы
Текли из отуманенных очей.
Бессильны были все и пытки и угрозы.
Вдруг грешник простонал — и пытки стали злей.

Раз вскрикнул он. «Покается, быть может, —
Промолвил инквизитор, бросив взгляд, —
Железо и огонь вмиг беса уничтожат
В душе его — и вылечится брат!
Усильте пытки!» — Взмыл огонь к лицу мгновенно.
Для нестерпимых мук не знает слов язык.
От ужаса, казалось, рухнут стены.
Молились палачи, чтоб умер еретик.

Но он не умер. И свершилось диво:
Вдруг улыбнулись бледные уста,
В глазах угасших свет блеснул счастливый,
И молвил мученик: «Молю, ради Христа,
Прибавьте мне огня! Огонь — моя отрада...
Огня мне, палачи! Он мне один лишь мил!»
— Сжечь грешника! — изрек сурово Торквемада.—
Надежды больше нет. Дьявол победил!

ДОЧЬ НЕФАЯ

Ты отпусти меня, отец мой, в горы,
Где ряст весенний золотом пылает,
Где осыпает ветер цвет миндальный, —
Пусть он меня дождем своим обрызжет,
Оплачет цветом молодость мою.

Ведь говорят, что с гор весь край наш виден, —
Пусть я в последний раз увижу больше,
Чем видела за весь свой век короткий,
Пусть к солнцу ясному я стану ближе,
Скажу ему: «Веселое, прощай!»

Ты отпусти меня, отец мой, в горы,
Всех соберу подруг я, всех любимых,
Вовек еще я так их не любила,
Как вот теперь, в последний час предсмертный.
Мы не слезами — песнями своими
Веселое девичество помянем.

Я все мечты отдам цветам весенним,
А ветру — всю девическую волю;
Как лепестки, осыплются желанья,
По свету думы с песнями пушу.

Пускай земля сырая мной владеет —
Отдай меня тому, кому обрек, —
А то, что будет на горах пропето,
Оставляю ветру, солнцу и весне;
Кровь канет в землю, песня ж разольется...

Ты отпусти меня, отец мой, в горы!
Не бойся ты, что не приду обратно,
Что уж не в силах буду я покинуть
Веселую и радостную жизнь.
Нет! С гор приду я тихой и покорной,
На камень жертвенный цветком поникну,
Ведь знаю я, хотя б сто лет жила,
Такой бы я уж песни не запела,
Такой бы жизни больше я не знала,
Как в час прощанья на горе высокой.
Так подари мне этот час, отец!

Ты отпусти меня, отец мой, в горы,
Коль хочешь, чтобы дочь твоя отважно
Пошла на преждевременную муку,
Очей в слезах к горам не обращала
И с солнцем не прощалась бы, рыдая,
Тебя, людей и бога не кляла!

Тифлис, 4/II 1904

* * *

Всюду, куда я ни гляну, сухие туманы,
Как кисеею закрыты леса и поляны,
Белое марево виснет внизу над рекой,
Всюду горячая дымка, и ветер, и зной.

Не веселит — ослепляет лучей этих пламень,
Ветер гудит, и удушье гнетет, словно камень.
Так и в разлуке с тобою любовь неизбывна моя,
Буйствует, светит, печалит и не дает мне житья.

Зеленый Гай, 15/III 1904

* * *

Люди боятся ночного кладбища,
Страшных легенд, привидений немых,
Даже и днем катафалки, рыдания,
Ризы и ладан ужасны для них.

Этого я не боюсь, лишь печально
Брошу порой на процессию взгляд;
Милые тени меня провожают,
Если иду я с кладбища назад.

Я не боюсь их, я с горечью руки
Не устаю к ним всегда простирать.
О, если б милых из мира разлуки
Было возможно к нам вызвать опять!

Память живая к нам речь обращает,
Тяжко молчанье могилы немой, —
И погребенные в ней не откроют
Тайны ужасной своей гробовой.

Я не боюсь — молчалива могила,
Ненарушим ее сон и угрюм.
Вас лишь боюсь я, живые могилы
Общей любви нашей, замыслов, дум!

Вас лишь боюсь я — друзей изменивших!
И не враждебных речей или фраз, —
Я не боюсь ни угроз, ни упреков,
Нет, я боюсь ваших ласковых глаз,

Страшен мне голос ваш вкрадчиво-нежный,
Жест благородный и дружеский лик, —
Все, что в душе вашей тайно сокрыто,
Тут же, по ним, прочитаю я вмиг.

Сразу увижу померкшие мысли,
Тени надежд и былую любовь,
Мертвой души вашей призрак увижу,
В жилах моих заморозит он кровь.

Мертвой душе не нарушить молчанья,
Будут лишь речи могилы живой...
Нет, не боюсь я ночного кладбища —
Слов тех боюсь и дневною порой!

15/VIII 1904

НАДПИСЬ В РУИНЕ

(из цикла „ЕГИПЕТСКИЕ БАРЕЛЬЕФЫ“)

«Я, царь царей, я, солнца сын могучий,
Гробницу эту выстроил себе,
Чтоб прославляли многие народы,
Чтоб помнили во всех веках грядущих,
Чтоб знали имя...» Дальше сбита надпись,
И даже самый мудрый из потомков
То имя царское прочесть не может.
Кто сбил ее — завистливый властитель
Иль просто время мощною рукою,
Никто не знает. Росписью узорной
Под нею слов начертано немало
Про славу безымянного владыки,
И царские показаны деянья:
Вот царь сидит высоко на престоле,
Народы с драгоценными дарами
Идут покорно, головы склоняя,
А он сидит, как истукан из камня,
Над ним цветные перья опахал.
Лицо его похоже на Тутмеса
И на Рамзеса, и на всех тиранов.

Вот ухватил он за волосы сразу,
Одной рукою, несколько повстанцев,
И меч кривой над ними он занес.
Лицо его похоже на Тарака,
На Менепфта, как и на всех тиранов.
С лицом все тем же львов он убивает,
Левиафанов ловит, птиц он бьет,
Полями едет по телам убитых,

И веселится по своим гаремам,
И подданных на битву посылает,
И мучит он работой свой народ,
Той страшною египетской работой,
Что имя царское должна прославить.

Народ идет, как волны в океане,
Без краю, без числа, на поле битвы,
Коням тирана стелется под ноги,
А кто в живых из тех людей остался,
Тот гибнет на египетской работе.
Царь хочет для себя на их могилах
Построить памятник — да сгинет раб!
И раб копает землю, тешет камень,
Кирпич для стройки делает из глины,
Возводит стены, статуи большие,
Сам на себе, запрягшись, возит, строит
И создает великое навеки,
Прекрасное творит неповторимо —
Резьбу, картины, статуи, узоры.
И каждая колонна и рисунок,
Резьба и статуя, и даже камень
Незримыми устами произносят:
«Меня творил египетский народ».

Давно в могиле царь с лицом тирана,
И от него осталась только надпись.
Певцы, ученые, мечтая, не старайтесь
Найти царя исчезнувшее имя:
Судьбою создан из его могилы
Народу памятник — да сгинет царь!

28/VIII 1904

* * *

I

Когда мне очи милого сверкают,
В душе цветы, сияя, расцветают,
В душе цветы и звезды золотые,
Но на устах слова не те, другие,
Совсем, совсем не те, что снятся мне,
Когда в ночи лежу я в полусне.
Наверно, нет и языка такого,
В котором было бы такое слово.
Я плачу и смеюсь, дрожу и млею,
Но вслух тех слов промолвить не умею.

II

Как жаль, что не дано мне струн живых,
О, если бы уметь играть на них,
Могучую бы песню я играла,
Она бы собрала богатств немало,
Сокровища, что спят в душе на дне,
Сокровища, что не видны и мне,
Но сердцу дороги, неоценимы,
Как те слова, что произносимы.

III

Когда б я всеми красками владела,
Я их перемешала бы умело
И рисовала б ярким самоцветом,
Как солнца луч рисует жарким летом.

Договорили б опытные руки,
Чего договорить не могут звуки,
Ты видел бы горящий в сердце свет...
Ох, красок, струн и слов у сердца нет...
И то, что тайно в нем цветет весной,
Умрет, наверно, заодно со мною.

Тифлис, 2/XI 1904

* * *

Не погибли золотые терны,
Только почернели.
Не засохли в чистом поле маки,
Только побледнели.

Приди, солнце, под мое оконце,
Свети, свети ясно,
Чтобы черные сверкали терны
Позолотой красной.

Загорись и ты, мое сердечко,
Запылай пожаром.
Коль ношу в тебе цветок кровавый,
Так пускай недаром!

2/XI 1904

ПЕСНИ ПРО ВОЛЮ

I

Люди идут и знамена вздымают,
Словно огни. Словно дым, наплывают
Толпы густые. Колышется строй,
Песня про волю звенит над толпой.

«Смело, друзья!» Что ж так песня рыдает?
«Смело, друзья!» Как на смерть провожает!
Страшно, какой безнадежный напев!
Кто с ним на битву пойдет, осмелев?

Нет, не про волю та песнь! Про неволю
Плачет с какой-то неслыханной болью
Голос печальный. . . Значение слов
Плач погребальный скрывает, суров.

«Смело, друзья!» Провожая на плаху,
Брату ль поют, чтоб не ведал он страху?
Плачут бессильно, рыдая над ним,
Будто его зарывают живым.

В страшное время мы жить начинали,
Шли мы на бой в предрассветные дали,
Нам эта песня твердила, звеня:
«Нет, не дожидаться вам светлого дня!»

Что вам до этого? Вы молодые,
Ныне к лицу вам и песни иные.
С вашей волей живется вольней,
Рано вам петь панихиды по ней!

Пусть расцветает она, величава!
Что вам далась эта песня-отрава?
С этую песней мириться нельзя,
Новую песню слагайте, друзья.

Так, чтоб она засияла лучами,
Так, чтобы ясное красное знамя,
Следом за нею взлетев в небеса,
Реяло гордо, творя чудеса.

II

Откуда льется гимн Марселя?
Неужто славы день настал?
Неужто цепи отзвенели?
Ужель насильник с трона пал?

Где наше оружие?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ведь это песня батальона,
Который в смертный шел поход,
Который под свои знамена
Скликал бестрепетный народ.

А наши где ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ужель разбиты казематы
В твердыне царской вековой?
Коль слышны звуки канонады —
Ужель последний грянул бой?

А где наши ружья?
Воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Быть может, вражды челядинцы
Спешат свободу обуздать?
Иль то решили украинцы
За волю дружно постоять?

Так где ж наши ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ужель средь вражеской оравы
Не реют больше бунчуки?
И пред царем свои булавы
Уже не клонят казаки?

Взгляните ж, где ружья,
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Нет, от Москвы и до Варшавы
Жупаны алые кругом, —
Казаки «добывают славы»
Нагайкой, саблей и штыком.

В кого же из ружей
Прицелился строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

У нас же льется гимн Марселя,
Как будто славы день настал,
Как будто цепи отзвенели
И враг поверженный упал.

Где наше оружие?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Колодяжное, 1/VII 1905

III

«Нагаечка, нагаечка!» — поет иной подчас
И с присвистом, и с топотом в лихой несется пляс.
А что же вас так радует, любезные друзья?
По чьей спине гуляла так «нагаечка твоя?»

Над нами ведь прошла она, родимая земля,
Недаром мы запомнили «восьмое февраля».
Коль будем мы раздумывать о том веселом дне,
Нагайка прогуляется еще раз по спине.

Над собственным позорищем мы шутим иногда.
Неужто мы, друзья мои, без всякого стыда?
Знать, песня не родилась, чтоб волю воспевать,
Коль кое-кто, как бешеный, пустился танцевать.

Неужто, как невольники, мы, упершись в бока,
Под плетками плантатора ударим трепака?
Иль мы хотим, отдав себя на божью благодать,
Такою «карманьюолою» тиранов испугать?

* * *

Мечта, не предай! По тебе я так долго томилась,
Столько безрадостных дней, столько бессонных ночей...
А теперь я молю всей последней надеждой и силой:
О, не угасни, светильник бессонных очей!

Мечта, не предай! Ты так долго лила свои чары —
Жадное сердце насыщено ими до дна.
Не отторгнут меня от тебя никакие кошмары,
Мне ни мука, ни самая смерть не страшна.

Для тебя я давно от других отказалась мечтаний,
А теперь я не грезю, а жизнь я свою отдаю.
Пробил час — и в душе своей я поднимаю восстанье,
Не свернуть мне с пути, на котором стою.

Жизнь за жизнь! Только так! Пусть мечта моя станет
живою!

Слово оденется в плоть, если живое оно.
Кто моря переплыл и кто сжег корабли за собою —
С новым добром возвратиться тому суждено.

Раньше, мечта, ты парила орлом надо мною —
Буду сама я летать, мне свои крылья отдай:
Буду дышать я огнем, твоей лучезарной весною,
Если ж погибнуть придется — пускай!

3/VII 1905

* * *

На пиршествах кровавых опьянев,
Невольники-народы спали долго,
Томились в вековой своей темнице,
И были сны их дики и страшны.
Те сны носились стаей птиц зловещих,
Во тьме крылами громко ударяли,
Рождая страх в незрячих, сонных душах,
То вновь парили, как ночные совы,
Беззвучно, суживая круг за кругом,
К груди истомой тяжелой приникали,
К лицу бесформенным кошмаром липли
И кровь точили из незримых ран.
И вздрагивали узники-народы,
Стонали глухо, корчились от боли,
Метались, нанося себе увечья,
И ранили друг друга в забвении,
От призрачных видений обезумев,
И, в черной мгле придя в себя на миг,
Тяжелые чуть раскрывали веки
И голосом, охрипшим от дремоты,
Во мраке спрашивали: «Скоро ль день?»
А темнота им отвечала смехом,
Раскрывши зев свой черный и беззубый,
И снова их давила тяжким сном.
Но и во сне их посещали грезы,
Как отблески далеких тех миров,
Что лишь сигналы света посылают
И учат нас поверить в свет без тени,
Без пятен. . . О, предутренние грезы,
Как вы прекрасны! Разве есть весна,

Ковер цветов которой был бы равен
Волшебной вашей красоте? Скажите,
Какая радуга не побледнеет
В сравненьи с вами? Разве молний всполох
Затмит сиянье ваших светлых крыл?
Возможно ли, чтоб зарева багрянец
Своею кровью затопил и залил
Пурпурное сиянье ваших мантий
И поглотил пожаром ваш огонь?
И чудилось невольникам-народам,
Что пробужденье к ним пришло весною,
И радостно они встречали утро,
И руки простирали вверх, и к небу
Свой взгляд полуослепший обращали.
Но тут подул холодный ветерок,
Разгоряченные овеял лица,
Омыл глаза холодною росой,
Глаза раскрылись, узники проснулись
И видят — свет в темнице их забрезжил,
Им ясно видны стены подземелья,
Его простор и теснота его,
Вся плесень, грязь и мерзость запустенья,
Вся страшная трагедия на лицах
Невольничьих. . . А где ж багрянец грез?
Как долго длился сон? Весная ли это?
Но где ж ее предутренние зори?
Откуда ждать нам здесь восхода солнца?
Дневной то свет иль сумрак белой ночи,
Той тьмы больной, той бледной темноты,
Что кажется на севере весною? . .

7/VIII 1905

ВЕСЕЛЫЙ ПАН

Скоро сил не хватит, право, —
Ошалели мужики!
Прут оравой, про расправу
Мелют нагло языки!

Ах, дадут ли хамы эти мне хоть час покоя?
Эй, пойдите, приведите музыку с собою!

Слышно, пухнут с голодухи —
Жаль, коль так, не утаю, —
Я б проверил мигом слухи,
Но сегодня бал даю...

Что? пришла толпа голодных? — Хорошо, отстаньте!
Эй, цимбалы! громче, звонче, музыканты, гряньте!

Что там? Бунт? Все страхи бросьте —
Уж казаки у двора...
Славьте, гости, в шумном тосте!
Бал... Шампанского! Ур-ра!

О, уже дают им жару... Что за крики, стон чей?!
Эй, цимбалы! Жарьте, шпарьте, музыканты, звонче!

7/III 1906

ПРАКТИЧНЫЙ ПАН

С бунтовщиками я живу
В согласии отличном.
Казачков я не позову —
То было б непрактичным.

Когда припрется голытьба
Зерно хватать без счета,
Я встречу радостно их! — Ба!
Сам растворю ворота.

Везите вы хоть на возах,
Помочь грузить вам жажду, —
И лишь на собственных весах
Мешочек взвешу каждый.

Ну что ж, товар как раз по вас,
Мои вы «продуценты»!
И вы сполна мне — будет час —
Заплатите проценты.

Сам получать их не пойду, —
То лишь к лицу сквалыгам.
Уж я себе таких найду,
Что их сдерут с вас мигом!

ПАН-БАРОДНИК

Вы послушайте, Иваныч, —
Вам же в пользу это:
Я мужицкую надумал
Издавать газету...

Вам в политике мудреной
Надобность какая? —
Только споры с ней да ссоры,
Трата сил пустая.

Пусть паны стремятся в Думу,
Сушат мозг напрасно —
Я ж хозяйские вопросы
Освещу вам ясно.

Научу вас урожаи
Увеличить вдвое.
Нет земли, вы говорите?
Это чушь, пустое!

Расскажу, какие в мире
У людей покосы...
Нет у вас и сенокоса?
В том ли суть вопроса?!

Расскажу, какие сеять
Для скотины травы...
Пастбища вам не хватает?
Э, неважно, право!

Научу вас, как лесную
Увеличить дачу...
Нет у вас уже и леса?
Эка незадача!

Ну, тогда я обучу вас,
Как сушить болото.
Как? болота нету тоже?
Чертова забота!

Но послушайте, любезный, —
Вам же в пользу это!
Хоть сожгите, а купите
Вы мою газету.

ЛЕГЕНДА

Случилось раз в стране далекой:
Певец больной и одинокий
Построил мысли на парад.
Они стояли, как пехота,
И тут певцу пришла охота
Привесить крылья всем подряд.

На мыслях крылышки повисли,
Летят, не слушаются мысли,
Ряды смешались... Что за вид!
Поднявшись в воздух, стая эта
Летит над домиком поэта —
На поле битвы, в мир летит.

Одна вздымается высоко,
Другая стелется глубоко,
А третья перышко несет;
Та славы ищет, как орлица,
Та чайкой на море стремится
Или кукушкой поет.

Спешит стремительная к солнцу,
Прижалась кроткая к оконцу,
Как ласточка на склоне дня;
Поет влюбленная влюбленной,
Как соловей неугомонный,
Слезами-песнями звеня.

Ловцы, заслышав песни эти,
Искусные соткали сети,
Силки, ловушки, западни.
В кустах расселись птицеловы,
Приманки хитрые готовы,
И птичкам нравятся они.

Случалось, что иной в ловушке
Раздавит голову пичужке,
Покуда вытащит из пут;
Зато, когда живой поймают,
В отдельной клеточке сажают,
Ярлык с названьем пристегнут.

Так, мыслей наловив немало,
Ловцы решили как попало
Для вида их принарядить:
Всех чернокрылых побелили,
Немного белых почернили,
Велели всех позолотить.

Чтоб ни одна не улетела,
Подстригли крылья им умело,
Теперь их вольностям конец!
Связали ножки им шнурками,
Сложили в ящики рядками,
Чтоб был подарку рад певец.

Певец в то время жил не в хате,
И не в гробу, и не в палате —
Но в Вечной Славе обитал.
(Есть, говорят, страна такая —
Подобье сказочного рая.)
Там и гостей он принимал.

Случилось так, что в ту годину
Свою справлял он годовщину,
Покончив с жизненным трудом.
Приносят гости поздравленья
И молвят, вынув подношенья:
«Твоим добром — тебе ж челом!»

Пичужки тонко запищали
И позолотой забренчали. . .
Поэт собранию гостей
Промолвил, кланяясь учтиво:
«Где вы нашли такое диво?»
Он не узнал своих детей!

10/III 1906

* * *

Тихую дрему вечернюю
Дерзкая буря развеяла.
Космы седые взлохмативши,
Сивые брови насупивши,
Грозно из глаз исторгаючи
То пепелящие молнии,
То леденящие градины,
Бешено мчалась она.

И отшумела. Но все еще
Тяжкие слезы льет дерево,
Бережно их опускаючи
С ветви на влажную ветвь...
Грустно в осиновых зарослях
Тени блуждают унылые —
Тени от туч грозových.

Лунным лучом перевитые,
Как кисеей погребальнойю,
Меж деревьями шатаются,
Станы их белые, тонкие
В скорби немой обнимаючи;
Тихо осинки дрожат.

Страшно смотреть, как скитаются
Эти виденья бесплотные,
Слепо, шагами неверными,
Словно тела без души.

Двигутся тени, объятые
Тою тоской беспредельною,
Что человека опутает,
Кровь заморозит навек.

Грустно в лесу успокоенном,
Душною ночью придавленном.
Не так перед бурей жутко,
Как после бури — тоска.

Зеленый Гай, 21/VI 1906

* * *

Холодной ночью брошенный костер
Нашел однажды путник одинокий.
Вокруг чернел непроходимый бор,
При лунном свете полосой широкой
Зола белела. Хворост, щепки, сор
Торчали в ней, и кучкою убогой
Дрова лежали. Видно, кто-то здесь
Залил костер, но он сгорел не весь,

И путник осторожными руками
Потухший пепел начал шевелить.
Вот искорка мелькнула под ногами.
Он, раздувая, стал ее ловить,
Зола затлела звездами, но пламя
Не удалось дыханьем оживить,
И, потрудившись бестолку, прохожий
Ушел ни с чем, унылый и продрогший.

Но искра не угасла под золой
И до рассвета, как живая рана,
Язвила мрак холодный и сырой,
И жар больной чуть тлел среди тумана.

Лишь на заре сквозь тонкий дым струей
Пробилось пламя, ярко и багряно.
Когда же солнце встало поутру —
Огонь, как зверь, свирепствовал в бору.

* * *

За горой зарницы блещут,
А у нас темно и бедно.
Воды черные в затоне
Плещут неприметно.

В небе молния сверкает,
А у нас во мраке тонет,
В черный гроб вода глухая
Светлую хоронит.

Но сверкающему свету
Покорится мрак глубокий
В час, когда все небо вспыхнет
Бурей светлоокой.

В час, когда пронижет волны
Серебристыми мечами,
В час, когда на дно заглянет
Быстрыми очами.

И в ответ на это пламя
Свет в затоне разольется,
Если блеск высоких молний
В глубину прорвется.

Балаклава, 28/VIII 1907

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

(ФАНТАЗИЯ)

В ту ночь сидели мы у очага
Всем обществом, а было нас немало, —
Смотрели мы, как голубое пламя
Дрожало, умирая, и как быстро
Вились над углем золотые змейки
И исчезали вдруг, а черный уголь,
Старая, сединою покрывался.
И комната теснее становилась, —
То из углов давно уж вышла тьма,
Как будто всех осадой обступая.
Последняя уж свечка догорела,
Уже не видно стало нам стола,
Не видно стало красных винных пятен,
И ни бокалов, ни пустых, ни битых,
И никаких остатков пира... Словно
Тот пир последним был на этом свете,
Так все о нем теперь мы грустили.
Один из нас сказал: «Когда погаснет
Последний уголь, станет, как в могиле».
«Пойди за топливом», — промолвил кто-то.
«Пойти? Куда же? Разве ты не слышишь,
Как вьюга разыгралась? Если хочешь
Лишиться жизни, то попробуй, выйди», —
Сказал тут мрачно первый и замолк.
«Ну что ж, мы посидим во тьме покуда, —
Тут самый молодой ответил бодро, —
Запасы пищи есть, питаться будем
Наощупь, а потом настанет день...»
«День, говоришь? День? Ты откуда знаешь?» —

Все на него сердито закричали.
Но все ж не растерялся он нисколько:
«Известно всем, что ночь за днем бывает,
А день за ночью», — да и рассмеялся.
«Вот так сказал! — сердито молвил дед. —
Рад глупости своей, да и смеется.
«Известно всем!» Еще и то известно,
Что смерть, бывает, и в ночи приходит,
И до рассвета. . .» — «Ба! Коль умирать,
То днем ли, ночью ли — не все ль равно, —
Для мертвого черно и солнце в небе, —
Заспорил юноша неугомонный. —
Вы, дедушка, подумали бы лучше,
Как ночь длинна, такой же будет длинный
Полярный, вечный день!» — «Ничто не вечно!» —
Дед проворчал. Никто его не слушал, —
Ведь юноша в нас пробудил надежду,
Его расспрашивали, как пророка:
«Когда ж тот день? И долго ль будет ночь?» —
«Недолго, нет!» — «А ты откуда знаешь?» —
«Темней всего бывает на рассвете,
А тьмы такой еще ведь не бывало!»
И в голосе у юноши звучала
Победа. Кто-то молвил: «Правда, правда!»
А кто-то вслух припоминать тут начал,
Что эта ночь давно нас окружила.
Один сказал: «Неделю», кто-то: «Месяц!»
А кто-то: «Где там! Больше!» — «Нет, недавно!» —
Заспорил кто-то с ним. «Одно известно, —
Вновь проворчал на это дед угрюмо, —
Что дни и месяцы мы потеряли
В проклятой тьме, напрасно нам искать их.
Никто не знает о темнейшей ночи —
Последняя ли. . . Первая, быть может,
Из тех, что без просвета». — «Что вы, что вы,
Хотя б молчали. Правда, вы, как филин,
Вещаете беду». . . И женский голос
Дрожал слезами, говоря об этом.
А детский голос золотистой стрелкой
Вдруг вырвался из уст — и тьма качнулась.
«А я уж вижу день». — «Когда?» — «Не знаю». —
«Какой же он?» — «Хороший! Очень славный!

Весь красный, золотой — ты знаешь, мама,
Какой еще, ведь ты мне говорила». —
«Нет, — равнодушно мать тогда сказала, —
То был не день, то всполох был, и только». —
«А ты ведь говорила!» — «Я ошиблась».
Ребенок уж заплакать собирался,
Как стали вдруг видны скамьи и стены,
И юноша воскликнул: «Солнце всходит!
Я говорил!» И бросились мы к окнам —
И за пустыней снежной в отдаленьи
Сиянье встало полукругом. . . «Где там! —
Сказала женщина. — Вновь только всполох». —
«Нет, ночью снежной всполох не сияет, —
Промолвил дед, — то просто месяц всходит».

ВЕСНА В ЕГИПТЕ

І. ХАМСИН ¹

Хамсин в пустыне рыжей разгулялся.
Томимый страстью, в воздухе он мчится,
Песка своим сухим крылом касаясь,
И обжигает пламенным дыханьем.
Какая-то неистовая свадьба!
Песок поет, как будто в дудку дует,
Тяжелую нарушив неподвижность,
И, вторя, камешки как в бубны бьют.
Так кто же там в слепящей желтой мгле
Затеял править пляску в честь хамсина?
Кто веет покрывалами сквозными,
Кружась так быстро, быстро в легком танце? ..
Таинственные некие плясуньи —
Пустыни скорбной радостные дети!
«Прикрой глаза! Засыплю, иностранка!»
И тут хамсин плащом своим ревниво
От взора моего закрыл танцорок.
Никто не смеет видеть их. Араб
К земле склонился посреди пустыни,
Как в час молитвы. «Так! Молись! Молись!
Я старый бог, я твой могучий Сет,
Я разорвал на части Озириса
И тело разметал по всей пустыне.
Ох, как тогда Изида зарыдала. . .» ²
Былое вспомнив, весел стал хамсин,
И сдвинулась тогда пустыня с места
И в небо ринулась. И в желтом небе
Померкло солнце — око Озириса,
И показалось мне — весь мир ослеп. . .

II. ДЫХАНИЕ ПУСТЫИ

Пустыня дышит. Чистое дыхание.
Песок лежит — спокойный, золотой.
Но каждая гряда и холм любой —
Все о хамсине здесь воспоминанье.

Феллах трудолюбивый строит зданье, —
Здесь мимолетных иностранцев рой
Найдет гостиницу и сад густой.
Феллах могуч: все — рук его созданье.

Одна беда — оазисы в пустыне
Не для него... Вот он узоры пишет
Под самой крышей... Ткань на нем колышет,

Скользит горячий ветер по холстине,
Пот осушает... дальше по равнине
Летит... опять, опять... Пустыня дышит.

III. АФРА⁸

Тишь и безмолвие. Кажется воздух водою стоячей.
Оцепенели бананы, не вздрогнет их треснувший лист.
Даже мимозы — и те изнывают в истоме горячей.
Млеют без грезы...

Откуда же грохот и свист?
Слышится дробь барабана, трубы раздаются звучанье!
Эй, замолчите! Кому эта мука нужна?
Им все равно! Маршируют, гремят англичане,
Грозно вдоль Нила идут, чтобы вся трепетала страна.
Только прошли, тишина опустилась за ними,
Будто завесой упала огромной, тяжелой, глухой.
Пальмы послушно, печально поникли ветвями сухими —
Можно подумать, сам бог придавил эти ветви рукой.
Небо от жара белеет и вот уже в пепле седеет, —
День без остатка сгорел в напоенной огнем тишине.
Бледная ночь; темнота растерялась, не смеет
В жгучую тишь снизойти. Ни единой звезды в вышине.
Мир будто мертв. Перед сном не откликнется птица.
Всюду летучие мыши бесшумно шныряют одни,
Будто восток призывают признать тишину и смириться.
Бархатным, тихим крылом тишину умножают они.

IV. СОИ

Солнышко греет... Это Египет?
Это Египет... Синий шатер
Неба высокого полон сиянья.
Высь-то какая! — Вольно и радостно.
Это Египет...

Тихая ласка... Ты, Украина?
Да, Украина это моя...
Хата и садик, лужайки зеленые,
Пруд за ольхою, затянутый ряскою...
Вот — Украина...

Хватит скитаться, довольно блужданий...
Жизнь станет светлой... Край мой родной,
Вместе со мною от мук ты избавился.
Небо не плачет, и люди не хмурятся.
Спать бы и видеть всегда этот сон...
Жизнь станет светлой...

V. ВЕТРЕНАЯ НОЧЬ

Ночь черным-черна и глубока
(Знаю женские глаза такие),
Крылья ветерка свистят шальные.
Он сюда летит издалека.

Северный мой ветер разыгрался,
Стал горячим, как Сахары сын —
Пылкий и стремительный хамсин, —
С бедным севером давно ль расстался?

Там он, где кончается зима,
Мел снега одеждою сырою,
По глухим лесам стонал совою,
Забирался холодом в дома.

К золотой пустыне, как к подруге,
Может, страстью загорелся он
И несется, жаром опален,
Будто родился на знойном юге.

Будто пепел бросил мне в окно,
В темной комнате моей гуляет,

Зазвенел песком и улетает!
Что же, улетай, мне все равно.

Ты чужой уже — не прежний ныне:
Не принес ты никаких вестей
Из далекой стороны моей,
Только песнь своей любви пустыне.

VI. ВЕСТИ С СЕВЕРА

Недаром ветер прилетал
Страны моей... Передо мною
Все — за туманной пеленою,
Накрапывать и дождик стал.
И ветерок в мое жилище
Влетел холодный. Что ж, дружище,
Утратил ты недавний пыл?
Что ж, добрый молодец, остыл?..
Иль не понравился пустыне,
Иль вспомнил милую свою —
Подружку в северном краю —
Да и заплакал на чужбине?
И ветер шелестит листьями:
«Из бедной стороны твоей
Спешил я с этими слезами, —
Каких тебе еще вестей?..»

VII. ТАЙНЫЙ ДАР

Плачет Египет недолго. Умыл свои ясные пальмы,
Зелень полей плодородных над Нилом слезой окропил,
Возобновил позолоту блистающей светом пустыни
И улыбается снова: таинственны радости Сфинкса!
Вижу, глаза египтянок смеются под черной вуалью, —
Женщин рабынями сделал ислам, но глаза их свободны!..
Песней отечество славят и женщины здесь и мужчины,
Гордые головы их не склонились от ноши тяжелой,
Будто на них почивают Египта двойные венцы.
В красной одежде идет водонос, и как будто он шутит —
Чистой водою звенит и желающим пить предлагает,
Сладкую свежую влагу он льет из большого сосуда,
Шуткой приправив ее, улыбается, плату беря.

Нищие дети феллахов шалят, веселятся на солнце;
Глазки горят любопытством. Повсюду головки детей...
Только завидят туриста — бегут за ним, просят подачки.
Дал или не дал — хохочут, как будто им все нипочем.
Лишь бы тростинка нашлась, а ребята сосут и довольны,
Рады, как будто они государством-богатством владеют.
«Радость откуда такая?» — к себе обращаюсь с вопросом.
Мысль промелькнула в ответ — словно голос забытой

легенды:

«В давние те времена, когда Нил родился здесь в
пустыне,
Мать положила его в колыбель и тихонько качала,
Нежный отец над ребенком склонился, с небес наблюдая,
Как не по дням — по часам вырастает любимое чадо,
Как набирается сил и несет их уверенно в море...
Нил родился, и к нему поспешили с дарами Гаторы.⁴
Семеро было богинь, и даров принесли они семь.
Первая молвила так: «Я дарю тебе тучную землю».
Проговорила вторая: «Три жатвы отбудешь в году».
Третья промолвила: «Ра⁵ никогда о тебе не забудет».
Ветку простерла четвертая: «Это — защита от Сета».⁶
Пятая молча папирус и лотос пред ним положила.
«Тайны свои сбережешь», — прошептала шестая ему.
И, улыбнувшись сквозь слезы, за нею седьмая сказала:
«Боги, завидуя детям твоим, обрекли их на рабство,
Дам я народу оружие — полное радости сердце, —
Ни фараон, ни пришельцы не смогут убить в сердце
радость».

Так вот в начале веков обещали Гаторы!» И верю:
Слово премудрых богинь нерушимо во веки веков.

Египет, Гелуан, 20—30/III 1910

Примечания автора

1. Х а м с и н — южный ветер огромной силы, известный европейцам под именем самума. Зимой его не бывает, он начинает дуть весной.

2. Древняя египетская легенда говорит о том, как злой бог Сет убил доброго брата Озириса и как потом Изиды, жена Озириса, искала своего супруга, чтобы оживить его.

3. А ф р а — тяжелая, горячая тишина.

4. Г а т о р ы — древнеегипетские богини судьбы.

5. Р а — бог солнца.

6. С е т — злой бог.

ИЗ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ

I. PONTOS AXEINOS¹

По берегу в трауре горы
И тучи с каймой снеговою,
Как будто все скрыто от взора
Тяжелой парчой гробовою.

Такая земля! А на море
Лишь хищные чайки рыдают,
И злобная радость в их взоре —
Как будто нам смерть предвещают.

Скрипит и качается судно,
Дрожит, умирать собираясь,
То в гору взбирается трудно,
То в пропасть скользит, содрогаясь.

Страшна всем такая минута.
Молчат пассажиры угрюмо.
И только в пустынных каютах
Полно все невнятного шума.

То ветер за окнами бьется
И снежную хлещет крупую,
И в двери открытые рвется,
Злой холод неся за собою.

---

¹ «Неприветливое (негостеприимное) море» — древнее название Черного моря. — *Прим. авт.*

День, вечер, ночь, утро? Приметить
Не можешь. Светает? Темнеет?
За тучами солнце чуть светит,
Как месяц, но только бледнее.

Корабль, разрезая туманы,
Навстречу метели стремится.
Так тесным летят караваном
На юг запоздалые птицы.

II. В ТУМАНЕ

Боже, куда уплываю
Я в беловейном тумане?
Может, стремлюсь в неизвестность
Легких летучих снегов?

Может быть, только легенда —
Край, осиянный лучами,
Край тот, куда я хотела
Муки свои отнести?

Может, манящая сказка —
Этих лугов изумруды,
Всплески реки тепловодной
И золотистый песок?

Может быть, ведьма-горячка
Все собрала мои грезы
И на огне вдохновенья
Дивный сварила настой,

И напоила мне душу
Непобедимым безумством —
Тем, что ведет человека
По бездорожьям невзгод.

Может, и в снежных пустынях
Царствует Fata Morgana,¹

¹ Мираж (лат.).

Марево зыбкой лазури
Сея по белым снегам.

Может, очнусь я внезапно
От привиденья-обмана
Где-то в безлюдном просторе
И без надежды на жизнь?..

III. НА СТОЯНКЕ

Вот на палубном настиле
Запылал костер высокий, —
То согреть хотят матросы
Коченеющие руки.

И я вижу: в снежной вьюге
Пламя красное пылает,
Словно солнце, что закрыто
Непроглядной белой мглой;

А вокруг него мелькают,
Словно тени птиц огромных,
Итальянские матросы,
Зябко кутаясь в плащи.

Те плащи в родном Палермо
Их неплохо согревали —
Что ж теперь случилось с ними
В этом крае басурманском?

Пропускают зимний ветер,
Словно кружева сквозные,
И дрожит любая жилка...
О, негодные плащи!

В густо-белой сетке снега
Юнга-мальчик пробегает,
Словно рыбка, что попала
В роковой проклятый невод.

Мальчик пробует согреться, —
Верит он палермской крови,
Что в его струится жилах,
Больше, чем чужим огням.

Он не слышит, как большие
На него кричат сердито:
«Все ты вертишься, бездельник! . .
Что за скверное созданье! . .»

От озлобленного крика
Нежный говор итальянский
Стал противным, как прибрежных
Диких чаек хищный крик.

Что ж, пускай! Давно привык он
К этим чайкам и ворчаньям,
Он не думает об этом
И в мечтах его другое:

Скоро он домой вернется,
И на площади под солнцем
Ловко он сыграет в бабки,
Каждый выигрыш возьмет.

И с товарищами вместе
В пыль горячую он ляжет
Среди улицы, так просто,
И начнет болтать, болтать. . .

Даже рты поразевают
Кекко, Джанни, Паолино:
Ведь они всему поверят,
Племя «раков сухопутных».

Сколько он чудес расскажет!
И про змей подводных страшных,
И про турок людоедов,
Про Великого Могола.

А они ему за это
Самых сладких апельсинов
Непрерменно наворуют
У епископа в саду. . .

Тут его матрос ударил
По плечу, ругнув сердито:
«Да уйдешь ли ты с дороги?!
Вот душа без покаянья!»

У костра с другими рядом
Опустился он покорно
И к огню, как на молитве,
Протянул худые руки.

Легкий стан тихонько сгорбил
И застыл с лицом печальным,
Лишь в глазах перебегают
Яркоогненные искры.

Ох, когда б скорее, мальчик,
Все мечты твои свершились,
Чтоб завидовать не стал им
Злой какой-нибудь божок. . .

1911

IV. ГРЕЗЫ В БУРЮ

Лежу я, с ног до головы укрыта,
От холода, чем можно, защищаюсь,
Чтоб не впивался он когтями в тело,
И ветер слушаю. . .

Как тонко свищет
Канат от лота, будто напевает;
Штурвал скрипит по-старчески уныло,
На бурю сетует, на трудный путь.
Машина бухает и тяжело стонет,
Как великана грудь в предсмертной муке. . .
Второй уж день мы по морю блуждаем,

Потерян путь, от берега отбились,
Никто не ведает, куда нас бросят
Шальные волны. И порою мнится,
Что без конца нам суждено скитаться,
Как мореходам проклятым в легенде.

. . . . .

Глаза закрою, сплю — не сплю и грежу:
Мне кажется, что будто мчусь я в санках
Дорогой снежною так быстро-быстро
С сугроба на сугроб, с горы в долину,
Скрипит снежок, поет в нем полозок.
А санки мчатся под навесом белым
Ветвистых елей, мимо колоннады
Высоких стройных сосен, через реки,
Закованные в сталь. Бушует ветер,
А звезды снежные меня целуют
В горячий лоб. И я лечу, лечу
В метелицу шальную, на погибель...
Вдруг санки с кручи ринулись в долину...
Ох!.. Я очнулась. То крепчает буря.
Ревет гудок, тревогу подает.
Стук, грохот, падает все, что попало,
Никто и не жалеет — пусть погибнет! —
И каждый цепко держится, как краб...
Блеснуло солнце, но чернеют волны,
Как будто крылья хищных птиц... А дальше
Покрыло все слепую, белой вьюгой.

И вот я снова в грезы погружаюсь.
Вот я лечу на диком скакуне
И, чуть не падая, держусь за гриву;
Конь мчится вскачь, едва хватает духу.
Как бьется сердце у него! Как будто
Готово разорваться... Конь, быстрее!..
За нами мчится лютая погоня,
Неисчислимая орда большая,
Она кричит, безумствует, хохочет
Злорадным смехом людоедским. Злая,
Поганая орда. Ой, конь мой, конь, быстрее!

То, может, пули тонко так запели?
Что там гремит? То гром или стреляют?
Что так шипит? Бичи из змей живых?
Боюсь я оглянуться, и боюсь я
Вдруг обомлеть, как только их увижу,
Таких противных, чтоб с коня не рухнуть,
Чтоб не достаться им на поруганье...
Скачи, мой конь!.. Перелетели пропасть.
Орда за нами. Вот она все ближе.
Вот бросится на нас и разорвет,
И выпьет кровь горячую до капли,
Накроет черным роем наши трупы...
Споткнулся конь!.. Упал... О сновиденья!
Куда страшней вы настоящей бури.
Уж лучше буду я лежать без сна,
Смотреть на белый потолок и видеть,
Как тени бурных волн перебегают,
И ждать — не заблестит ли луч отрадный,
И слушать буду без видений страшных
Напев могучий моря, — будь что будет!

V. ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ!

О мне чужая земля, какую родною ты стала!
Мать-Земля, защити же дитя от напасти.
Предало море меня, за любовь заплатило глумленьем.
Слышишь? Со злою насмешкою чайки кричат до сих пор.

Что это? Вижу, и ты от измены страдаешь?
Стала земля Византийская грустною бедной вдовою
В тяжком покрове снегов: жарко любившее солнце
Нынче забыло ее и любит соперницу — тучу.
О, не печалься, Земля! Пускай столь коварного друга
Хочет другая пленить — дети с тобою остались,
Горе, измену, печали с тобою они разделяют,
Лишь переполнится чаша — вновь возвратятся они.
Счастье такое вовеки простым матерям недоступно.
Ты же счастливее всех. Радуйся жизни, цвети!

Черное море около Анатолии, 15—21/1 1911

VI. ЭПИЛОГ

Кто не жил средь буйства бури,
Тот не знал цены и силе,
Тот не знал, как вечно люди
И борьбу и труд любили.
Кто не жил средь буйства бури,
Тот не ведал и веселья,
Тот не знал и горькой муки
Обреченных на безделье.
Как я завистью горела
К людям, предавшим боренью,
До поры, пока усталость
Их сражала на мгновенье.
День и ночь они на вахте,
Долог труд, а смена кратка,
День и ночь они в работе
Силы тратят без остатка.
Верно, им тогда казалось,
Что страшней не сыщешь муки...
Ох, борцы, когда б вы знали,
Как томят в бессильи руки,
Как лежать в постели тяжко
Скорбным пасынком недоли,
Положась на милость бури,
На чужой талант и волю.
Чем же тешиться такому?
Только думою своею...
Вы, борцы, ее примите.
Это все, что я имею.

* * *

Кто вам сказал, что я хрупка,
Что я покорна доле?
Трепещет ли моя рука
Иль в песнях нет раздолья?

Вы слышали, как завела
Я скорби песнопенье, —
То буря вешняя была,
Не хмурь поры осенней.

Когда ж суровая зима
Погасит краски лета,
На их гробы она сама
Рассыплет самоцветы.

Черное море, январь 1911

В ГОДОВЩИНУ

Не он один ее любил.
Во славу Украины
Писали звучные стихи
И яркие картины.

Ловили звонкий смех ее,
Улыбки, шутки, пляски,
Сплетали в пестрые венки
Ее живые сказки.

Тот в ней лелеял старину,
Тот грезу молодую, —
Он первый полюбил ее,
Как мать свою родную.

Пусть мать убога и стара,
Бедна, темна, гонима,
Но сыном преданным она
Попрежнему любима.

Пускай она в кромешной тьме
Бредет, полуживая, —
Как рана, в нем горит любовь.
Горит, не заживая.

Видала родина не раз,
Как ветреники эти
Под вечер забывали все,
Что пели на рассвете.

С ее дарами шли к другой,
Спеша склонить колени;
Такие люди не могли
Любить самозабвенно.

В нем первом жгучая любовь
Пылала, словно рана,
Он шел в неволю за нее,
Служил ей без обмана.

Все тяготы перенесла
Любви сыновней сила,
Того великого огня
И смерть не погасила.

1911

**ПОЭМЫ
И
ЛЕГЕНДЫ**

ПОЭМЫ

РОБЕРТ БРЮС, КОРОЛЬ ШОТЛАНДСКИЙ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЯДЕ М. ДРАГОМАНОВУ

ЗАПЕВ

Мы припомним давние былины,
Мы рассказ припомним величавый
Про шотландский дальний край старинный,
Что овеев волностью и славой.

Давний сказ! Легенды речь живая!
Подлинное слито в ней с мечтами;
Только правда, звездочкой мерцающая,
Золотыми всюду бьет лучами.

Правда нам сквозь мглу блеснет густую,
Мы далеко мыслью понесемся,
Поглядим на бурю боевую,
Давней славы памятью коснемся!

I

То было лет пятьсот назад;
На край шотландский вольный
Английский шел король Эдвард,
Властитель своевольный.

Призвал он рыцарей своих,
Весь пышный цвет дворянский,
Чтоб в подданство себе забрать
Свободный люд шотландский.

Гремучим эхом клич летит
Шотландской стороною:
«К оружию все! На нас идет
Король Эдвард войною!

Эй, братья милые! Ужель
У нас оружия мало?
Ужели рыцарей у нас,
В Шотландии, не стало?»

Бойцы идут, земля гудит,
Сошлись два ополченья...
Немало будет в этот день
И крови и мученья!

Сверканье копий, звон мечей
О панцыри стальные;
Клич раздается боевой,
Ржут кони вороные.

Дерутся день, дерутся два,
На третий день, в печали:
«Эдвард над нами верх берет!» —
Шотландцы закричали.

Рать англичан разит и бьет,
Английский меч сверкает,
Шотландский меч к земле поник,
Их рать изнемогает.

Остановился тут Эдвард.
Труба отбой запела,
И стяг над войском поднялся,
Но не цветной, а белый.

Всяк замер и свое копьё
На землю опускает;
Кричит герольд: «Король Эдвард
Шотландцев призывает

Изгнать войну с полей родных
И вновь покой отдать им,
Притти к согласью без борьбы,
Как подобает братьям.

Сказал король наш: «Кто из вас
Помирится со мною —
Поместьем будет и людьми
Тот обладать в покое.

Крестьянина обложим мы
Налогом десятинным,
А рыцарь в вотчине своей
Да будет господином.

Но рыцарь должен к королю
Являться в ополченье,
За что получит он от нас
Почет и награжденье».

И вмиг поникли знаменá
Шотландии дворянской,
Кричат: «Да здравствует вовек
Эдвард, король шотландский!»

Все рыцари сдались ему...
Но нет, не все; остался
С оружием рыцарь молодой —
Робертом Брюсом звался.

Эдварду взором он сверкнул,
Как бы метнул зарницу,
Сорвал и кинул во врагов
Стальную рукавицу.

И тотчас шпоры дал коню,
Конь вороной вздыбился,
Помчался в горы, как стрела,
В ущельи темном скрылся.

Поехал Роберт по шотландской земле
 Народное ладить восстанье;
 Повсюду своих разослал он гонцов
 Крестьян созывать на собрание.

Когда на широкой долине меж гор
 Народное вече столпилось,
 Явился к народу Роберт и сказал:
 «Шотландцы! Измена свершилась!

Ни рыцарей нету у нас, ни дворян —
 Все в слуги Эдварду готовы;
 Но есть еще в селах шотландский народ,
 Носить не привыкший оковы!

Так встанем немедленно все, как один,
 За общее братское дело!
 Оружье скуем из плугов! Что пахать?
 Чтоб нива в неволе хирела?»

Тут все зашумели, как волны в прибой:
 «Идем же бороться за волю
 Иль буйные головы наши сложить
 По вольному нашему полю!»

И там, на широкой долине меж гор,
 Крестьяне все лагерем стали;
 Костры полыхали всю ночь напролет, —
 Всю ночь там оружие ковали.

Наутро повсюду сверкали мечи;
 Кому же мечей не хватило,
 Хватило тем кос, топоров и ножей
 И в сердце отваги и пыла.

У воинов не было светлых знамен,
 Серебряных броней бесценных:
 С крестьянских, с простых не сверкали щитов
 Реченья девизов надменных.

У всех ополченцев один был девиз:
«За волю, за край наш свободный!»
Хоть слов тех никто на щите не носил,
Но в сердце хранил благородно.

И ринулись все они против дворян;
Роберт был вождем их желанным;
Из рыцарей, кроме него, ни один
Не вышел на помощь крестьянам.

Шотландское рыцарство все перешло
На службу английскому трону —
Пошло охранять и мечом и щитом
Английскую власть и корону.

В несчастную пору шотландский народ
Оружье ковал боевое:
Их в первой же битве разбили враги,
И много легло головою.

Второе сраженье — и снова беда!
Шотландское войско разбито.
Бой третий — и снова равнина кругом
Телами шотландцев покрыта.

Дворяне сильны; осторожных вождей
Немало у них отыскалось, —
Ни в горы загнать их, ни в лес заманить
Дружинникам не удавалось.

Широкие доли, просторы полей
Шесть раз были кровью политы.
Шесть раз прозвучал по Шотландии крик:
«Шотландцы, шотландцы разбиты!»

Хотя ни знамен, ни оружия они
Эдварду к ногам не сложили,
Но, волю пытаясь в боях защитить,
Все силы они истожили.

Погибли одни, а другие ушли,
Вернулись к родимому полю.
Без войска и славы остался Роберт;
Какую ж он выберет долю?

Итти ли, как сотни шотландских дворян,
Эдварду надменному сдаться,
Позор ли последний готовясь принять,
В стране побежденной остаться?

Нет, лучше не видеть, не слышать того,
Как родина гибнет безвинно! . .
«О край мой родимый, прощай! Твоего
Прости бесталанного сына!

Свободным хотелось мне видеть тебя —
Судьба же сулила иное. . .
Далеко теперь, на чужих берегах,
Погибну за дело святое!»

Так молвил Роберт и отправился вдаль,
На нищенский берег ирландский;
Он думал — вовеки ему не видать
Бездольной отчизны шотландской.

В Ирландию должен зайти был корабль,
Что рыцарей вез в Палестину;
На том корабле и Роберт порешил
В далекую ехать чужбину.

Он с рыцарством храбрым в крестовый поход
Решился отправиться смело,
Чтоб жизни остаток и силы отдать
Во имя великого дела!

III

У безлюдного берега моря
Одиноко лачуга стоит,
В той убогой рыбацъей лачуге
Рыцарь-латник уныло сидит.

То Роберт. Он глядит сквозь окошко,
Не покажутся ль те корабли,
Что должны отвезти крестоносцев
К берегам палестинской земли.

Нет, ничто не виднеется в море,
Не белеют ряды парусов;
Резво плещет широкое море,
Звучен голос привольных валов.

Но Роберту невесело видеть
Ту веселую буйную даль:
Только вспомнит он землю родную —
И встает в его сердце печаль.

И Роберт, отойдя от окошка,
Лег на лавку и взором повел
По растресканной кровле; под кровлей
Паутину паук себе плел.

И Роберт загляделся неожиданно
На работу того паука:
Видел он, как прялась понемногу
Паутинка, нежна и тонка,

Как по нити паук опускался
И раскачивался все сильнее,
Чтоб до стенки достать и тенета
Закрепить и раскинуть по ней.

Но качнется лишь — нить оборвется
И на землю паук упадет,
Но немедля вползает под кровлю
И опять паутинку прядет.

Так шесть раз тот паук обрывался,
И шесть раз он под кровлю спешил,
Но в седьмой наконец удержался
И к стене свою нить прикрепил.

Тут Роберт, разом вскинувшись с лавки,
За оружие хватается вдруг
И кричит: «Неужели же рыцарь
Меньше воли таит, чем паук?!»

IV

Ой, то не сокол-островзор
Спустился в дол с вершины,
То прилетел смельчак Роберт
В шотландские долины.

На вороном коне своем
Он по стране летает,
В последний раз шотландский люд
На битву созывает.

«К оружию все! Жива ль еще
Былая доблесть ваша?
Мы за свободу пасть клялись —
И где ж присяга наша?»

Кто не зарекся вольным стать,
Готов да будет к бою!
Кто честь и славу не забыл —
К оружию! Кто ж за мною?»

Нет, не угас шотландский дух,
Восстать шотландцы рады!
Крестьяне вновь, в седьмой уж раз,
Сбираются в отряды.

Не ожидал король Эдвард
В Шотландии волнения:
На отдых рыцари его
В свои ушли именья.

И для охраны только часть
Осталась небольшая,
Отвагу дерзкую свою
С беспечностью мешая.

Бойцы о выгодах войны
И о прибытках судят
И сколько подати король
Брать с покоренных будет.

Дворян шотландских тесный круг
Собрался с ними вместе:
Король права им возвратил
И не лишил поместий.

Поедут завтра же они
В родимые усадьбы,
Но все унылыми сидят;
С чего ж им тосковать бы?

Стыд и досада их сердца
Терзают сокровенно,
Им кажется, что целый мир
Кричит вокруг: «Измена!..»

У англичан веселый пир
В разгульных песнях, в кликах,
И так надменно их значки
Колышутся на пиках.

Крестьяне к войску подошли
Неслышно за горою,
Явились, как из-под земли,
И хлынули волною.

Как буря-вьюга, все вокруг
Завыло, загудело;
Роберт летел на вороном,
Как молния б летела.

Свирепый бой, последний бой!
За кем победа? В дрожи
Кричат английские бойцы:
«Спаси нас, добрый боже!»

• Шлет помощь им король Эдвард
Все новыми бойцами —
Встречает их шотландский клич:
«Ну; нет! Победа с нами!»

Хоть помощь сильная пришла —
Напрасно, — слишком поздно!
Шотландцы гонят прочь врагов
И вслед кричат им грозно:

«Не приведется больше вам
Гулять в чужой отчизне!
Бросайте ж на землю мечи,
Чтоб не лишиться жизни!»

И под горою англичан
Шотландцы окружают,
Тем нет спасения — и все
Оружие бросают.

Тут вышел из рядов Роберт
Со словом долгожданным:
«Вот что поведает народ
Шотландский англичанам:

Наш край свободным был всегда,
И быть нам — меж свободных!
Вы видели, как бьемся мы
В защиту прав народных?

Пусть Англию гнетет Эдвард
Налогом десятинным,
Шотландец же земли своей
Да будет господином.

Крестьянам нашим ни к чему
Почет и награжденье,
И уходить не надо им
К Эдварду в ополченье.

Мечи мы ваши отберем, —
У нас верней лежать им,
А вас отпустим по домам,
Как подобает братьям.

Перескажите королю
Вот это наше слово,
И если мир ему не люб,
То в бой мы выйдем снова!»

И без оружия, без знамен,
В безрадостном молчанье,
На родину свою пошли
Обратно англичане.

Сойдя в долину, всяк из них
На гору взор кидает,
И видят все: крестьянский сход
Роберта окружает.

Народ густой толпой покрыл
Весь склон горы зеленой,
А выше всех стоял Роберт,
У ног его — знамена.

Лежали грудями мечи,
Те, что в сраженьи взяли;
Шотландских же знамен ряды
Вокруг него сияли.

Роберт, как видно, речь держал:
Он спорил, горячился,
Потом, блестящий скинув шлем,
Народу поклонился.

И было слышно, как вскричал
Всей грудью сход крестьянский:
«Хвала и честь! Вовек живи,
Роберт, король шотландский!»

Так Роберт за отвагу и твердость
Королем над шотландцами стал,
В Эдинбурге, преславной столице,
Всенародно венец восприял.

Торжество совершилось. На паперть
Выступает король. Как один,
Все кричат: «Слава, слава Роберту!
Здравствуй, наш навсегда господин!»

Но внезапно приветствия стихли,
Ждут шотландцы чего-то, — чего?
Кучка выборных малая вышла
Говорить от народа всего.

И приблизился старший к Роберту,
Поклонился, глазами повел
По столпившимся около людям
И такое посланье прочел:

«Божьей волей и волей народной
Наш король! Поздравляем тебя!
Под высокою властью твоею
Признаем мы охотно себя.

Если ты защищать будешь волю
И единство родимой страны,
Мы вовек уважать тебя будем,
Как отца дорогого сыны.

На войну позовешь ты — все вместе
Под знамена твои мы пойдем:
Мы готовы тебе и отчизне
И мечом послужить и щитом.

Если ты про народное дело
Позабудешь — про волю и честь —
И другие, богатые земли
Пожелаешь в покорность привести,

Мы тогда не пойдем за тобою,
Чтоб чужое добро загрести:
Нам не тесно в родном нашем крае,
Нам не надо в чужие итти!

Если ж ты, ради роскоши, станешь
Продавать свой народ господам,
Защитить мы и сами сумеем
Те права, что присвоены нам.

Ну, а если английской короне
Ты предашь королевство свое,
Знай, что в ту же минуту, с позором,
И владычество сбросим твое.

Мы тебя королем увенчали,
И венец мы, коль надо, сорвем;
А пойдешь на народ ты войною —
На тебя мы войною пойдем.

Дай нам, боже, всегда веселиться,
Что избрали тебя в короли:
Да цветет при тебе, да блистает
Честь и воля шотландской земли!»

«Дай-то, боже, — Роберт им ответил, —
Буду знать я, на что я иду;
Дай нам, боже, в согласьи сердечном
Жить вовеки и в добром ладу!»

VI

Добрый лад, сердечное согласие
Выросли. Роберт берег свободу.
Не погибло, не пошло по ветру
Обещанье, данное народу.

На шотландскую дивились волю
Пришлые, чужие, иностранцы;
Все твердили: «До скончанья света
Под ярмом не станут жить шотландцы!»

Не угас и не погиб вовеки
Вольный дух шотландского народа,
Даже и врагам его старинным
Помогла шотландская свобода.

После англичане и шотландцы
Создали единую державу,
И шотландцы англичан учили,
Как любить свободу, честь и славу.

И за то хвала Роберту Брюсу:
Он борцом за край родной явился.
Да! И он у паука отваге
И упорству в деле научился.

Он покрыл себя великой славой,
И вовек не скроют славу эту;
Жить ей вечно в песне и преданьи,
О себе рассказывая свету.

1893

СТАРАЯ СКАЗКА

Кто желает слушать сказку?
У меня она готова.
Но, пожалуйста, простите,
Что не все в ней будет ново.

Люди добрые! К чему нам
За новинками тянуться!
Иногда полезно очень
На былое оглянуться.

Нет! Никто нам не расскажет,
И таких рассказов нету,
Чтобы кто-нибудь не молвил:
«Э! Мы слыхивали это!»

Если все же интересно,
Эту сказку прочитайте,
Мне же вы не лавров пышных —
Хоть баранок связку дайте!..

1

В дни былые, в дальнем крае...
Выбирайте сами место —
В сказке и в стихотвореньи
Все возможно, как известно!..

В дни былые, в дальнем крае
Проживал поэт когда-то.
Он владел большим талантом,
Напрокат нигде не взятым.

И хоть не был он красавцем,
Но уродом не был тоже, —
Человек обыкновенный,
На других людей похожий.

Наш певец... Да что же делать —
Правду надо молвить смело:
Не певцом был, а поэтом —
Петь, признаться, не умел он!

Но его звучала песня
Звонкой радостью и смехом,
И неслась она по свету
Стоголосым звучным эхом.

Одиночества не знал он...
Под его убогим кровом
Молодежь не раз сходилась
Слушать новой песни слово.

Эта песня утешала
То улыбкой, то советом...
Благодарные за песню,
Помогали все поэту.

Что могли, то и давали —
Наш поэт был всем доволен!
Он был счастлив, оттого что
Не был сир и обездолен...

По весне зеленым шумом
Разговаривают травы...
Каждый день ходил поэт наш
Побеседовать с дубравой.

Так однажды рано утром
Он лежал в траве, мечтая...
Может, слушая дубраву,
Может, песню сочиня...

Вдруг он слышит — шум и крики,
Зов охотничьего рога,
Лай борзых. . . На всю окрестность
Эхом поднята тревога.

Кони быстрые топчут,
Шум все ближе нарастает,
И охотники толпою
На полянку выезжают.

А поэт наш — вот несчастье! —
Оказался на дороге. . .
— Эй! — кричит он, — осторожно!
Дайте мне пожить немного! —

Хорошо, что не за зверем
Кровожадно люди гнались —
О, тогда б они с поэтом
И не очень посчитались! . .

Впереди — сердитый рыцарь
Под кольчугою железной. . .
«Это, — молвил, — что за птица?
Ты не встанешь ли, любезный?»

— Не беда! — поэт ответил. —
Сам уйти с дороги можешь.
Если рифмы разбегутся,
Ты собрать их не сможешь! —

«Вот попался мне охотник! —
Засмеялся громко рыцарь. —
Мой совет тебе — отсюда
Лучше с миром удалиться!»

— Я беды не испугаюсь!
О покое не забочусь!
Уходи-ка! Я — охотник,
На таких, как ты, охочусь!

Ведь ко мне с небес высоких
Рифмы-соколы слетают,
На того, кого мне надо,
Беспощадно нападают! —

«Ишь какой ты, дьявол, мудрый! —
Молвит рыцарь. — Не случилось
Мне встречать тебе подобных! ..
Мало времени осталось,

А не то б еще решили,
Кто кого скорей поймает! ..
Люди! Прочь его с дороги!
Пусть не очень рассуждает!»

— Что ж, — сказал поэт, — спасибо!
На руках меня несите!
Да о песнях не забудьте —
Вон, в траве листки возьмите! —

«Он, наверно, сумасшедший! —
Крикнул рыцарь. — Бог с тобою!
Знай, безумный, нашу милость —
Мы объедем стороною.

Подожди еще немного:
День пройдет и ночь настанет —
Поднесу тебе подарок...
А сейчас я очень занят!»

— Ожидать тебя не буду, —
Так поэт наш отвечает, —
Кто к кому придет с подарком —
Этого никто не знает... —

Ничего на это рыцарь
Не ответил, прочь умчался.
Свист и топот... Лес дремучий
Гулким эхом отозвался.

Разбрелись ловцы повсюду,
Целый день они шумели,
Ни одной поймать зверюшки
За день целый не успели.

А когда к закату солнце
Над землей склоняться стало,
Смолкли трубы, шум и крики,
Тишина на луг упала.

Утомились люди за день,
Потихоньку голод гложет,
Кто еще в лесу блуждает,
Кто найти пути не может...

Едет рыцарь одиноко,
Смотрит сумрачно и строго...
Глядь — поэт лежит, как раньше,
Поперек лесной дороги.

«Ты подарков ожидаешь?
Ждал, бедняга, целый день их! —
Рыцарь шарит по карманам: —
Я не взял с собою денег!»

Но поэт в ответ смеется:
— Золотом не дорожу я!
У меня богатства столько,
Что тебе еще ссужу я!.. —

Загорелся гневом рыцарь —
Очень горд, упрям и смел он!
Только гордость и упрямство —
Все богатство, что имел он.

«Хватит шуток! — крикнул гневно. —
Я с тобой расправлюсь люто!..»
А поэт ему: — Мне тоже
С господами не до шуток.

Видишь ты — стоит дубрава?
Это небо? Море это?
Это всё мои богатства —
Драгоценности поэта.

И при всем богатстве этом
Я свободен, счастлив вечно... —
Тут воскликнул рыцарь: «Боже!
Он с ума сошел, конечно!»

— Может быть, — поэт ответил, —
Мы с тобою в божьей власти!
Но действительно я счастлив,
У меня есть много счастья!

Я на мир гляжу свободно.
Пролетают думы-птицы,
Для которых нет на свете
Ни заставы, ни границы.

Все, что только захочу я,
Сотворю в одну минуту,
И летит над облаками
Мысль моя, на крыльях будто. —

Но в ответ смеется рыцарь:
«Друг! Нельзя ли покороче?
Я тебе не очень верю —
Ты-то счастлив, да не очень!»

Что мне вся твоя свобода? —
Жалкий плод воображенья!
Пышный замок, графский титул —
Вот к чему мои стремленья!

Я бы отдал все богатства
Всей страны твоей незримой
Лишь за сладость поцелуя
Милой девушки любимой!..»

Что-то рыцарю ответить
Наш поэт уже собрался,
Но вот солнце закатилось,
Светлый месяц показался.

Молодежь пошла с работы
Под вечерним тихим светом
И сердечными словами
Поздоровалась с поэтом.

И поэт взял мандолину,
Струны тут заговорили,
И слова чудесных песен
Рядом с музыкой поплыли.

Очарованные песней,
Все задумчиво стояли,
А у девушек безмерно
Очи радостью сверкали.

Очарован, неподвижен,
Долго рыцарь слушал песню:
«Сколько силы в этом слове!
Не иначе, он кудесник!»

2

Летним вечером однажды
Наш поэт сидел без дела...
Целый день в своем жилище
В одиночестве сидел он...

Так сидел он неподвижно,
Слушал песни, что звучали
Всюду в поле — и к поэту
В мирный домик долетали.

Песни смолкли. Скоро ночь
Темнотою все укрыла,
С ветром спорили деревья,
Речка быстрая бурлила.

И поэт в своей каморке
Молча слушал шум далекий,
Он глядел во тьму ночную,
Полон думою глубокой.

Вдруг он слышит — кто-то едет,
Лошадь у крыльца заржала,
Кто-то слез с коня, оружие
Еле слышно забряцало.

Что за чудо? Кто приехал?
Чья-то тень окно закрыла...
Удивлен поэт наш. «Кто там? —
Неизвестного спросил он. —

Если вор, то ты ошибся:
Ты у бедного поэта».
— Это я, — ответил голос, —
За услугой, за советом... —

«Кто же ты?» — опять спросил он.
— Я — Бертольдо, рыцарь славный! —
И поэт узнал тот голос.
«А! Охотник! Друг недавний!

Заходи, хотя, признаться,
Темноват приют поэта, —
Для себя, когда я дома,
Я не жгу напрасно света.

А для гостя мне не жалко...»
Огонечек заискрился —
В гости собственной персоной
Властелин Бертольд явился.

«Добрый вечер!» — Добрый вечер! —
Рыцарь хмуро отозвался...
Посидели, помолчали,
Разговор не начинался...

«Чем могу тебе помочь я?» —
Наш поэт сказать решился.
Рыцарь тихо отвечает:
— Я, мой друг, увы, влюбился! —

И поэт ему: «Скажи мне,
За каким пришел советом?
Может быть, и помогу я
В очень сложном деле этом...»

— Я влюблен, я погибаю, —
Молвил рыцарь, — днем и ночью
Вижу я перед собою
Изумительные очи! —

«Что ж, — поэт ему ответил. —
Взять за ручку да жениться!»
— Ох, другой, как видно, рыцарь
С ней навек соединится!

Под балкон любимой донны
Каждый вечер прихожу я,
И в безудержной печали
Ночи грустно провожу я.

Но в ответ на воздыханья
Ничего не получаю!
Чем привлечь к себе, скажи мне,
Сердце милой?.. Я не знаю!

Может быть, по вкусу милой
Будут больше серенады?.. —
«Да, — сказал поэт, — для птички
Повкусней приманку надо!»

— Голос есть... Но со стихами,
Знаешь, не выходит что-то... —
«Да! — поэт ему ответил, —
Это трудная работа.

Поэтические лавры
Не для каждого, кто хочет, —
Конь поэзии крылатый
Норовист, капризен очень...»

— Помоги! — взмолился рыцарь. —
Для тебя нет дела проще!
Ты — волшебник! Ты — кудесник!
Помнишь дивный вечер в роще?

Ты своим стихом чудесным,
Песней все сердца растрогал...
Ты один найти мне можешь
К сердцу милому дорогу!

И за это все, что хочешь,
Я отдам тебе в награду! —
«Нет, — поэт ему ответил, —
Обещаний мне не надо.

Никакой не надо платы
Мне от друга дорогого!
Подожди — и серенада
Будет в миг один готова.

Но для этого мне нужно
Имя знать твоей любимой...»
— Имя милой — Изидора,
Красоты непостижимой! —

Призадумался поэт наш,
Глядь — и через миг единый
Что-то вывел на бумаге,
Снял со стенки мандолину,

Показал слова Бертольду,
Мандолину сунул в руки
И стихи учил запомнить,
Повторяя для науки:

«Начинаешь петь, а дальше
Струны так перебираешь:
Ut-fa-la-sol-fa, mi-re-sol...
Дальше сам ты подбираешь».

— Вот спасибо! — крикнул рыцарь...
Не успел поэт проститься,
А уж рыцарь в чистом поле
На коне летит, как птица.

Мчался рыцарь через степи,
Через доли, через горы,
И коня остановил он
У окошка Изидоры.

Под окошком у любимой
Мандолина заиграла...
Неизбывных чувств потоком
Серенада выплывала:

«Гордо, пышно и лучисто
Светят звездные просторы —
Ни одной звезде высокой
Не сравниться с Изидорой!

Светят чистые алмазы,
Красотой прельщают взоры,
Но чистейшим бриллиантам
Не сравниться с Изидорой!

Много спрятали жемчужин
Океанские просторы,
Ни одной из тех жемчужин
Не сравниться с Изидорой!..»

И лишь только серенада
Отзвучала по просторам,
Звездами полюбоваться
Тихо вышла Изидора.

И когда, устав от песни,
Мандолина замолчала,
Сверху вдруг к ногам Бертольда
Роза нежная упала.

И исчезла Изидора.
Тихо... Пуст балкон, как прежде,
И прильнул Бертольд устами
К розе — сладостной надежде.

3

Боже, боже! Что наделать
Может с сердцем серенада!
Не томится грудь Бертольда
Томной грустью и досадой.

И улыбка Изидоры
Все приветливей, яснее,
С очарованным Бертольдом
Все любезней и милее.

И колечко Изидоры
На руке его сияет,
Он невестою любимой
Изидору называет.

На богатой, пышной свадьбе
Длилось шумное веселье,
Танцевали, выпивали
За неделю неделю.

Всех приветствовали шумно,
Медом, брагою поили...
Только нашего поэта
Пригласить на пир забыли.

Ясно, — хлопоты большие,
Отдохнуть минутки нету!
Где, кому какое дело
До забытого поэта?

Время птицею летело,
Жизнь, как сказка, протекала...
И не знал Бертольд, что лихо
У ворот его стояло.

Захотел король могучий
Покорить чужие страны,
И герольдов разослал он
Звать бойцов на подвиг бранный.

И среди гостей веселых
В замке рыцаря Бертольда
Рог раздался громогласный
Королевского герольда.

«Ты прощай, моя супруга,
Годы счастья и свободы!
Променять все это надо
На далекие походы».

И осталась молодая
Изидора одинокой, —
В воскресенье утром рано
Вышел рыцарь в путь далекий.

Толпы рыцарей отважных
Вышли в путь порою ранней —
Там, за морем за далеким
Проживают басурмане.

Через дебри и пустыни
Войско шло, не уставая.
Не один вздохнул глубоко
О своем родимом крае.

Но когда уж слишком тяжело
Грусть людей одолевала,
Чтобы грусть рассеять, песню
Начинали запевалы:

«Не печалься, если скучны
Бесконечные скитанья.
О своем родимом крае
Не умрут воспоминанья!

Не печалься — не напрасны
Это горе, эти муки:
Край родной любить сильнее
Учит долгая разлука!»

Над глухой пустыней дикой
Проносилось это пенье,
Проносилось и дарило
Скорбным людям утешенье. . .

Впереди большого войска —
Трое выбранных старейших:
Карлос, Гвидо и Бертольдо,
Трое рыцарей храбрейших.

Едут, едут. . . Видят — дальше
Три пути ведут отдельно.
Здесь расстались командиры,
Каждый выбрал путь отдельный.

Карлос выбрал путь направо,
Гвидо — левую дорогу,
А Бертольд шагает прямо. . .
«Путь счастливый!» — С богом! —
«С богом!»

Счастье храброму Бертольду
Улыбалось поначалу, —
По пути завоевал он
Городов чужих немало.

Вот уже столица вражья
Пред Бертольдом вырастает. . .
Тут-то счастье боевое
Полководцу изменяет.

То ли рыцарство успело
От походов утомиться,
То ль решили басурмане
Не сдавать своей столицы —

Но держался город крепко
Перед рыцарской когортой,
Две атаки отразил он,
Так же с третьей и с четвертой.

И пришлось Бертольду плохо, —
Край чужой, чужие люди,
Страшный голод, войско гибнет...
Что-то будет? Что-то будет?

Месяц тянется осада,
Рыцарей погибло много.
Нарастают среди войска
Недовольство и тревога.

Воины идут к Бертольду,
Подступают с криком грозным:
«Выводи ты нас отсюда!
Прочь веди, пока не поздно!

Ты зачем сюда привел нас?
Это путь прямой к могиле,
Видно, хочешь, чтобы все мы
Даром головы сложили!

Ненавистен этот город!
Надоела нам осада!
Эту славу и победу —
Ну их к черту! — нам не надо!»

И хотел Бертольд утешить
Злое войско умным словом,
Но наполнился весь лагерь
Шумом диким, бестолковым.

Все схватились за оружие,
Смертью б дело завершилось...
Кто-то крикнул громко: «Стойте!»
Войско вдруг остановилось.

И певцы перед войсками
Вышли стройной чередою,
На плечах несут оружие,
Лютни держат пред собою.

И один сказал спокойно:
«Ни к чему шуметь вам боле!
А Бертольд — мы уверяем —
Не уйдет от вашей воли.

Если дело в разговорах,
Знаем мы язык чудесней.
И поскольку нам присуще
Песни петь — затынем песню!»

Тут один из них тихонько
Струны пальцем задевает,
Улыбается лукаво,
Песню тихо начинает:

«Жил да был отважный рыцарь,
Воевал он в жизни много —
Шел он в долгие походы
Лишь от печки до порога.

Языком своим длиннющим
Штурмовал он вражью силу.
Вы слышали, как он хвастал:
«Я — один, их — триста было!»

Этот вот отважный рыцарь
Был в бою и после боя
Жив и цел домой вернулся:
Талисман имел с собою.

Талисман такой известен,
Рассказать о нем несложно, —
Талисман тот — изречение:
«Убегай, пока возможно!»

«Убегай, пока возможно!» —
Все бойцы тут подхватили...
Всем солдатам стыдно стало,
Книзу очи опустили.

И оружие заблестело,
Загремело по просторам:
«Лучше смерть в бою отважном,
Чем притти домой с позором...»

И помчались в наступленье
Так азартно, так свирепо,
Что и ночь не наступила,
А уже сдается крепость.

Басурманский царь сдается,
Вражье логово разбито,
И дорога в край родимый
Широко теперь открыта!

Светел, радостен Бертольдо,
Всех певцов своих созвал он,
И, когда они собрались,
Им такую речь сказал он:

— Вечно будем мы гордиться
Трубадурами похода!
Я обязан дать награду
Вам от имени народа! —

И певцы в ответ: «Спасибо!
Нам наград твоих не надо!
Тот, кто выучил нас песням, —
Тот достоин лишь награды!»

— Где ж он? Где? — спросил Бертольдо. —
Что ж он прячется меж вами? —
«Он не здесь, — певцы сказали, —
На войне он не был с нами.

Он в краю далеком песней
Веселит родные доли,
Утешает наших ближних
Звонкой песнею веселой...»

— Знаю этого поэта
Песню вечно молодую,
И теперь его по-царски
Щедро отблагодарю я!

Дал бы бог теперь счастливо
Нам притти к семье любимой —
Много золота насыплю
Я певцу страны родимой!... —

4

Из намерений хороших
Весь фундамент ада сложен.
Можно думать, что немало
Здесь трудов Бертольда тоже.

Уж давно Бертольд вернулся
В мирный дом, в гнездо родное,
Снова зажил мирной жизнью
Вместе с милою женою.

Расцветает вечный праздник
В освещенных ярко залах...
Много у него богатства,
Много золота в подвалах,

И богатые трофеи,
Что добыл он в схватках жарких,
И награда за победу —
Королевские подарки.

Много денег и сокровищ!
Графом стал наш славный рыцарь!
Будто сам король вельможный,
Он живет и веселится.

И кругом — куда ни глянешь —
Это все его владенья,
Вся округа, каждый житель
У Бертольда в подчиненьи.

Он достоин был вначале
Быть веселым и счастливым,
Он с подвластными своими
Честным был и справедливым.

Но недолго это длилось,
Все менялось постепенно,
И в его огромном графстве
Наступили перемены.

На вино, на угощенье,
На роскошные наряды,
На турниры и забавы
Очень много денег надо.

Граф привык в далеких войнах
Грабить всех без сожаленья,
И теперь в краю родимом
В этом ищет он спасенья.

Бесконечные оброки,
Злая барщина, налоги,
Всюду крепкие заставы
Граф поставил на дороге.

Трудно даже рассказать нам,
Что за плач там раздавался!
Как в аду, страдали люди,
Как в раю, граф наслаждался.

Граф разгуливал по замку,
А в ярме стонали люди...
И казалось — бесконечно
Эта злая доля будет.

Всюду горькою волною
Стон народный разливался
И на сердце у поэта
Тяжким эхом отзывался...

И однажды в пышном замке
Слышит граф плохие вести —
Стража верная доносит,
Что волнуются предместья.

Что певцы бунтарской песней
Недовольство разжигают
И к восстанью за свободу
В этой песне призывают.

И певцов сажают в тюрьмы,
В каземат сырой и тесный,
Но ничто не помогает —
Не смолкают эти песни.

И вскричал Бертольд: — Пустое!
Я возьму их жестко в руки! —
Вдруг он слышит — где-то рядом
Раздаются песни звуки:

«Мужика сыра землянка,
Барский замок — на помосте...
Что ж, недаром говорится:
— У господ белее кости... —

Может ли рука мужички
С белой ручкою сравниться?
— Кровь у графа голубая, —
Так недаром говорится...

Любопытствуют крестьяне:
Всюду ль эти кости белы? . .
Кровь прольется ль голубая,
Если нож вонзится им в тело? . .»

— Что за черт! — Бертольд воскликнул. —
Поскорей певца ловите,
В кандалы его закуйте!
Эй, скорей! Скорей бегите! . . —

Из-за стен огромных замка
Снизу голос вдруг ответил:
«Эй! Бегите, слуги графа,
Да поймайте в поле ветер!

И напрасно так — не стоит,
Граф вельможный, волноваться:
Ныне нас поймаешь десять —
Завтра нас увидишь двадцать!

Нас к боям ведет, к победам
Командир великой рати. . .
Он у нас отважный рыцарь,
Вы же с ним знакомы, кстати. . .»

Как сквозь землю провалился
Тот певец — следа не стало. . .
А Бертольд сидел и думал,
И тихонько прошептал он:

«Командир у них могучий —
Вот всего восстанья корень. . .
Но его забавам злобным
Положу конец я вскоре! . .»

Он к себе двух самых верных
Слуг покорных вызывает
И к поэту с порученьем
Прямо на дом посылает:

«От меня ему скажите:
Помню я еще доньше,
Как его прекрасной песней
Утешался на чужбине.

И теперь вот я желаю
Заплатить ему сторицей —
Я дарю ему прекрасный,
Лучший дом в моей столице.

Пред его большим талантом
Преклоняюсь я покорно,
И его намерен сделать
Я певцом своим придворным.

У меня его, скажите,
Ждут почет, богатство, слава,
Только должен он оставить
Все опасные забавы! . . .»

Слуги выполнили точно,
Быстро это порученье,
Принесли они поэту
В графский замок приглашенье.

И стояли слуги рядом
С улыбавшимся поэтом,
И когда они замолкли,
Тот ответил им на это:

• «Передайте господину:
Платы я не принимаю!
Если что-нибудь дарю я,
Я назад не отбираю.

Я ему его богатства —
Пусть он вспомнит — заработал!
Очень я о том жалею,
Лучше бросил бы в болото!

Нет! Из рук его вовеки
Громкой славы не возьму я!
Могут дать такие руки
Славу лишь одну худую!

Золотых венков не надо,
С ними счастья не добуду,
Буду золотом увенчан —
И поэтом я не буду!

Не поэты те, чьи мысли
Вольно не живут на свете, —
Их опутали навеки
Золотые эти сети.

Не поэт, кто забывает
О страданиях народа,
Золотыми кандалами
Он сковал свою свободу.

Вы пойдите и скажите:
Не боюсь я графской мести!
И, пока я жив, до гроба
Не сложу оружия чести!»

И вернулись обратно
Слуги в замок и сказали:
«Так и так поэт ответил,
Мы напрасно убеждали...»

И вскипел Бертольд, услышав
Слово гордого ответа.
Тех же слуг он посылает
Уговаривать поэта:

«Передайте слово в слово:
Пусть опомнится, покуда
Я терплю, и передайте —
Больше я терпеть не буду!

Если он стихи не бросит
И восставших не покинет —
Я его в тюрьму отправлю,
Пусть он там, проклятый, сгинет!..»

И спешат к поэту слуги,
Вот они у цели скоро.
Слуги ближе, слуги слышат
Мандолины переборы.

Заглянули в окна слуги,
Видят — общество большое,
Все стоят вокруг кровати
Молчаливою толпою.

Третий день лежит поэт наш,
Сокрушенный злым недугом,
Вкруг него сомкнулись люди
Тесным и печальным кругом.

А поэт или играет,
Или пишет торопливо,
Раздает народу песни...
Слуги входят молчаливо.

Мигом все ушли из дому,
Лишь один поэт спокойно
Посмотрел на слуг Бертольда,
Поздоровался достойно.

Молча слушает угрозы,
Улыбается при этом...
Слуги кончили. Певец их
Угостил таким ответом:

«Передайте господину,
Что поэт готов к дороге.
Пусть еще двух слуг, скажите,
Он пришлет вам на подмогу.

Не могу я встать с постели,
Графу вы передадите. . .
Вам нести меня придется
В новую мою обитель.

Но останусь я свободным
В глубине сырой темницы —
Думам вольным нет на свете
Ни заставы, ни границы!

Слово вольного поэта
Не запрете вы в темницы —
Полетит оно по свету,
Полетит крылатой птицей!

Грусть, тоска со мною будут,
И от общества такого
Втрое крепче станет сила
Поэтического слова!

От родимого народа
Не услышу я упрека
В день, когда в тюрьму глухую
Буду брошен я жестоко! . . .»

В тесной каменной темнице,
За решеткой долго жил он,
За народ без сожаленья
Тихо голову сложил он.

Но о нем в его потомках
Не умрет воспоминанье,
И достались им в наследство
Песни бунта и восстанья.

Наступил конец терпенью,
И убили графа люди.
Угнетенья и неволи,
Люди думали, не будет.

Но осталось от Бертольда
Молодое поколение,
Юный граф принял в наследство
Гордость, золото, именья...

А борьба не прекратилась
До сих пор в родимом крае,
И сейчас она ведется —
Страшная и затяжная.

Живы графские потомки,
Всюду тюрьмы воздвигают,
А наследники поэта
В песне слово закаляют.

Слово песни призывает
Добывать на счастье право —
Беспощадна эта схватка,
Хоть она и не кровава!

И когда трубой победы
Боевая песня грянет —
Сказка старая замолкнет,
Правда новая настанет...

12/XI 1893

ВИЛА-ПОСЕСТРА

Боже, то не дивное ли диво?
Не нашел юнак с кем побрататься,
Меж юнцов не встретил побратима,
Не нашел меж девушек посестры.
Вилу белую в горах он встретил,
Вилу белую с волшебным взглядом,
Обменялся с нею перначами.
Белое лицо ее целуя,
Руку ей пожал, назвал: «Посестра!»
— Побратим! — она ему сказала,
И они помчались вместе в горы.
Едут рядом по горе зеленой.
И промолвил побратим посестре:
«Ви́ла, ви́ла, милая посестра,
Видишь ли, что там внизу чернеет?
Воронье ли черное слетелось
Или гору турки обступили?»
— То не воронье внизу чернеет,
Это турки гору осаждают,
Осаждают, тучей окружают,
Скоро к нам со всех сторон подступят. —
«Ви́ла, ви́ла, милая посестра,
Убегай, пока жива, отсюда!
У тебя крылатый конь волшебный, —
Как взовьется — не догнать и туркам
На своих арабских иноходцах».
— Милый побратим, бойся бога!
Что за слово ты сейчас промолвил?
Разве я затем с тобой браталась,
Чтобы изменить тебе позорно?

Хочешь — убежим с тобою вместе, —
Сильный конь мой вынесет обоих. —

Гордо молвил побратим на это:
«Рыцарю бежать не подобает!»

Ничего тут вила не сказала,
Буйные коню связала крылья,
Чтоб один не вздумал вверх подняться,
А потом связала и поводья,
Чтобы кони врозь не разбежались:
— Это судьбы наши я связала. —

Побратим упрашивает снова:
«Вила, вила, милая посестра,
Хоть и разум у тебя волшебный,
Все же сердце у тебя девичье, —
Если нас враги кругом обступят,
Как бы ты, сестра, не испугалась!»

Не сказала вила тут ни слова,
Только взгляд загадочный метнула,
Как пернач сверкающий и острый.
Что-то витязь вновь хотел промолвить,
Но кругом их турки обступили,
Вбóронами хищными закаркав.
Юнака с посестрою схватили,
На спине хотят связать им руки,
Увести в турецкую неволю.
Но глядят они орлиным взглядом
И врагу в неволю не сдаются,
Хоть и знают, что уж нет спасенья, —
Не хотят оружия позорить.

Покарай ты, боже, янычара!
Он рассек коню на крыльях путы.
Конь, почуяв крылья на свободе,
Как шарахнется, как вверх взвывается,
Разорвал шелковые поводья,
И взлетел он с вилой к самым тучам.

Проклял тут юнак свою посестру:
«Пусть тебя господь накажет, вила,
Братское нарушила ты слово!
Пусть вовеки не узнает счастья
Тот, кто побратается с тобою!»
Золотой пернач юнак отбросил,
Надвое сломал кривую саблю:
«Сгинь, оружие, если гибнет верность!»

Видит вила гибель побратима,
Падает с высот стрелой из лука,
Да не на гору она упала —
На зеленую сосну в долину,
Зацепилась белым покрывалом,
Словно тучка, что сплыла с вершины.
Вила саблю острую хватает,
Белое срезает покрывало,
Будто серна, вверх она взбегаёт,
К своему юнаку-побратиму.

Добегаёт до поляны горной...
Горе, горе! — ни следа, ни духу,
Только вся трава черна от крови.
Смотрит вила: скалы да обрывы.
Но какой дорогой скрылись турки
И куда девали побратима?
Жив ли он иль душу отдал богу?

Зарыдала, закричала вила:
— Ой ты, конь, крылатое виденье!
Где ты там под тучами гуляешь?
Загубил ты душу побратима,
Помоги же отыскать мне тело! —

Кличет вила, и зовет, и свищет, —
Говорят в долинах люди: «Буря!»
Кличет вила, а сама блуждает
По горам, заглядывает в бездны —
Побратима своего все ищет.
Помутился с горя вещей разум,
И померк в печали взгляд волшебный —
Не узнать в ней прежней вилы белой.

Так не день, не два она блуждала,
Выкликала все коня из тучи.
Наконец он зов ее услышал,
Прилетел из далей неизвестных
И упал на землю, словно пуля.

Закипело сердце вилы белой:
— Ой ты, конь, изменник ты проклятый!
Если бы тебя убить могла я,
Все бы мне на сердце легче стало!.. —

Вещий конь тогда ответил виле:
«Госпожа, не проклинай напрасно.
Если б я тебя не вынес в небо,
Оба вы тогда бы в плен попались.
Не на то ты вилой уродилась,
Чтоб тебя вязали злые люди!»

Молча вила тут коня седлает,
А в груди змея как будто вьется...
Вещий конь ей говорит словами,
Госпожу свою он утешает:
«Госпожа моя, ты не печалься,
Не печалься, в горе не вдавайся,
Мы найдем с тобою побратима.
Если он живой — его спасешь ты,
Если мертвый — честно похоронишь.
И не будет между вас измены».

Молча вила на коня садится
И пускает по ветру поводья.
Конь под ней рванулся птицей вещей,
Где гора — орлом перелетает,
Мечет в бездну взгляд свой соколиный,
По долинам ласточкою вьется,
По-над городом летит совою,
Темень огненным пронзает взором.
Так три дня летели и три ночи
И в Стамбуле-граде опустились.
Вила здесь турчанкою оделась,
Попросту оделась, как крестьянка,

Улицами ходит, площадями,
Где идет невольников продажа.
Здесь немало юношей увидишь,
Да не встретишь побратима вилы...

У султана белые палаты,
А под ними черные темницы,
Там в неволе пленники томятся,
Света солнца их глаза не видят.
Только ночь укроет все дороги,
Подойдет к стенам темницы вила,
Обволакивает все туманом,
Насыляет крепкий сон на стражу,
Припадает ухом всюду к стенам,
Чтобы хоть единый звук услышать.
Вещий слух у вилы-чародейки,
Но молчит темница, как могила.
Лишь на третью ночь посестра слышит —
Кто-то тяжело застонал в темнице:
«Покарай, господь, посестру вилу!»
Как услышала те стоны вила:
— Горе мне! То голос побратима! —

Поясной кинжал снимает вила,
В стену бьет и твердый камень рушит,
Пробивает узенькую щелку,
Подает свой голос побратиму:
— Не кляни меня, любимый брат мой,
Вспомни бога со святым Иваном!
Я тебе не изменила, милый,
Предал нас обоих конь крылатый.
Враг ему рассек на крыльях пути —
Конь взлетел со мною к самой туче.
Видит бог — того я не хотела!
Вот стою я здесь, у стен темницы,
Я пришла к тебе сюда на помощь. —

Отозвался юный витязь виле:
«Что ж, спасибо, милая посестра,
Что пришла сюда ко мне на помощь.
Только жалко — поздно спохватилась,
Долго ж ты для турок наряжалась!»

Облилось тут кровью сердце вилы:
— Побратим, не гневайся напрасно!
Если б ты меня сейчас увидел,
Не сказал бы — вила наряжалась. . . —

Кротко виле побратим промолвил:
«Что ж, давай помиримся, посестра.
Что прошло, того уж не воротись.
А меня спасать теперь уж поздно.
Вот спасибо — щелку прорубила,
Хоть увижу светлый луч в темнице,
Бог мою пока не принял душу.
Если б он ее скорее принял!
Верно, обо мне и смерть забыла».

И опять ему сказала вила:
— Побратим, к чему слова такие,
О живом живой и думать должен.
Стража спит, на улицах безлюдно.
Я окошко прорублю пошире,
Я спущу тебе покров свой белый,
По нему ко мне ты доберешься.
Только свистну — мигом конь примчится.
Будем мы в горах через минуту. —

Побратим ей снова отозвался.
Говорит он, как ножами режет:
«Что прошло, того уж не воротись,
Больше нет в горах мне прежней воли.
Тело мне ремнями переело,
И железо кости перегрызло,
А темница очи помутила,
Горький стыд повысушил мне сердце,
Что сломал я славное оружие
И живой попался в руки туркам.
Не мила и жизнь теперь мне стала,
Ни в темнице, ни на вольной воле!»

Отвечает вила побратиму,
Заклинает побратима богом:
— Я сама спущусь к тебе в темницу,
Все-таки спасу тебя оттуда.

Лишь бы только нам добраться в горы,
Я тебя там вылечу, мой милый,
Я недаром вила-чародейка,
Исцелю тебе любые раны. —

Ничего не отвечает виле
Побратим и только тихо стонет:
«Жаль трудов твоих, посестра вила!
Не от славных ран я погибаю.
Подойди — и все сама увидишь,
И лечить меня ты не захочешь.
Если ты мне верная посестра,
Сделай мне последнюю услугу:
Жизнь мою возьми чем только хочешь,
Было бы оружие почетным,
Схорони ты страждущее тело,
Чтоб над ним злой враг не издевался.
Если просьбе ты моей откажешь,
У тебя предательское сердце».

Зарыдала, загрустила вила
И кукушкой закуковала:
— Что сказал ты, побратим любимый?
Подыму ли на тебя я руку? —

Тут невольник обратился к богу:
«Ты за что меня, господь, караешь?
Не дал ты мне, боже, побратима,
А послал в посестры эту вилу.
Вот теперь и помощи не вижу,
Слышу только жалобы девичьи.
У меня без них немало горя».

Тут ни слова не сказала вила,
Лишь махнула белым покрывалом.
Молния широкая блеснула,
Ослепила всех турецких стражей,
Все тюремные спалила двери,
Осветила путь посестры к брату.
Только раз на брата посмотрела
Вила белая — и сжалось сердце.
Перед ней лежал не юный витязь,

А старик совсем седой, как голубь,
Весь истертый грубыми ремнями,
А из ран просвечивают кости.
Он не встал навстречу виле белой,
Только тихо звякнул кандалами.
Вновь махнула вила покрывалом,
Осветила ясно всю темницу.
— Вот я здесь, взгляни на вилу, брат мой! —
Огозвался пленник еле слышно:
«Я не вижу — очи помутились!»

Сжала крепко грудь свою посестра,
Чтоб от муки сердце не порвалось,
Не могла она промолвить слова,
Только еле слышно просвистела,
Чтоб к себе коня позвать скорее.
Мигом конь услышал тихий посвист,
Он уже в воротах бьет по камню.
На руки берет посестра брата
И перед собой в седло сажает.
Только не сидит он в нем, как рыцарь,
А дрожит и гнется, как ребенок.
Плача и стеноя, вилу просит:
«Не носи меня, сестра, высоко!
Сердце ноет, жутко мне и тяжко!
Ох, оставь меня в темнице лучше!..»

Тихо, тихо вила отвечает,
Как из-под земли выходит голос:
— Побратим, прижмись ко мне покрепче,
Поддержу тебя я, ты не бойся. —

Обняла посестра побратима,
Крепко левою рукой прижала,
Правой занесла кинжал блестящий
И вонзила так глубоко в сердце,
Что сразил бы он две жизни сразу,
Если б вила смертной уродилась.
Но осталась жить посестра-вила,
Только сердце обагрилось кровью.
Конь почуял запах крови жаркой,
Взвился вверх он искрою кровавой,

В горы дикие стрелой помчался
И в долине вдруг остановился.
Стал копать своим копытом землю,
Быстро яму черную он вырыл.
Вила белая с коня тут сходит,
Подымает вила побратима,
Пеленает белым покрывалом
И кладет на вечный сон в могилу.
Рядом с ним кинжал она хоронит,
Чтобы витязь не был безоружным.
Землю черную полою носит,
Высоко могилу насыпает,
И гора уже до неба встала.

Схоронила вила побратима,
На коня вскочила, закричала:
— Ой, неси меня, неси в просторы!
Горе давит! Сердцу стало тесно! —

Конь взлетел высоко, выше тучи —
Госпожу выносит на просторы.
Погребенья песнь заводит вила,
Люди говорят: «То гром весенний».
Слезы ронит вила в лютом горе —
Люди говорят: «Весенний дождик».
Над горами радуги сияют,
По долинам оживают реки,
В горных долах травы буйно всходят,
И печаль заоблачная тихо
К нам на землю радостью спадает.

ОДНО СЛОВО

Их было трое здесь, чужих людей;
Теперь их нет. Один тогда же умер,
Как только к нам приехал. Был он слаб,
Как девушка, и все дышал он жаром
И ничего не ел, лишь снег да лед,
И умер потому. Другой уехал
Нивесть куда, на родину, быть может,
А может, дальше, — мы не разобрали,
Что он сказал. А третий здесь остался
И долго жил в избе — совсем один, —
Иначе не хотел. К нему бывало
И я, и сын, соседи заходили.
Придем к нему — он говорит: «Садитесь!»
(Бывало так по-нашему и скажет —
И это слово и слова другие.)
И мы садились. Он поил нас чаем,
К огню пускал и так чего-нибудь
Давал, когда попросим, а случится,
Что ничего и нет, — мы так сидим:
Он смотрит в книжку, мы всё — на него,
И долго так, пока не станет скучно.
А спать в избе не позволял с собою:
«Идите, — скажет, — буду спать один,
Один останусь», — и покажет палец —
Один, вот так один в избе он будет.
А кто уйти не хочет, он за плечи
Возьмет его и выведет за дверь.
Не бил, а выводил нас; он ни разу
Не бил нас. А рассердится, тогда
Кричал, ногами топал, что-то много

Леся Украинка и С. К. Мерзвинский (1898 г.)

Все говорил по-своему, но мы
Его не понимали. Иногда
Сердился почему-то наш «чужой», —
Его не разберешь... Но все ж был добрый,
Не то, что наш тойон! Мы говорили:
«Он, может, глупый, потому и добрый?»
Но разве глупый в книжках понимает?
Он знал, откуда и куда идет
Река и кто чем болен, кто умрет,
Кто выздоровеет. Он знал о многом,
О чем не знает глупый. Мы бывало
Все спрашивали: умный ли он, все ли
У них такие? Он смеялся только,
Не отвечал иль не умел ответить,
А может, не хотел. Потом он мог
И говорить по-нашему и наши
Петь песни научился. Смотрит в книжку,
Что сделал сам, и песни напевает,
Как мы когда-то пели, слово в слово.
А невода тянуть, капканы ставить
Не научился он, как ни хотел.
Мороза он боялся. Редко-редко
На холод выходил. Тогда лишь только,
Когда был всполох виден, выходил он;
Он любовался им и на морозе —
В их стороне такого не бывает.
В их стороне зимою светит солнце.
И что-то там растет, чего здесь нет,
И что-то есть еще, чего не знаем.
Он обо всем хотел нам рассказать.
Но здесь никак все это не зовется,
Сказал «чужой» — нет слов у нас таких!
Он говорил по-своему слова.
Как звать и то и се, я знал тогда,
Теперь забыл, теперь уже я стар,
Тогда еще был молод. И «чужой»
Был молодым, а борода большая...
Еще пока здоров был, борода
Была поменьше, а как захворал —
То выросла она по самый пояс,
Как будто в сказке... Наши не такие!
Он ел и пил и спал — все как здоровый.

Хоть не болел ничем, а исхудал!
Сначала все лежал, смотрел на стену,
Ни с кем не говорил и выгонял,
Когда к нему кто заходил. Потом
Он сам зашел однажды к нам. И много
Нам говорил и песни пел свои —
Все о таком, чего у нас не встретишь.
Мы слушали, а после все уснули.
Проснулись мы — он плачет. Мы спросили:
«Обидел кто тебя?» — Нет, — он ответил.
Так и пошел и больше не вернулся.
А мы к «чужому» часто приходили,
Когда лежал он. Он уж не был злым
И никого не выгонял и только
Порою плакал и смеялся вместе,
И все одно какое-то там слово
Хотел сказать нам так, чтобы понятным
Оно нам стало, думал — будет легче,
Когда расскажет. Мы не разобрали:
О чем он говорил, того здесь нет.
Он говорил, что если б то, одно,
Ему кто дал, то он бы стал здоров.
Мы спрашивали, что это — растение
Или еда, одежда, зверь иль птица?
Сказал, что нет! Отец мой раз спросил:
«А если б мать, отец с тобою были,
Брат иль сестра, или жена, — тогда б,
Наверно, ты здоров был, — это их
Здесь нет — не их ли так зовут у вас,
Как не зовется здесь никто?» Подумав,
В ответ он головою покачал
И говорит: — Нет, больше б тосковал я,
Когда б они в пустыне этой были,
Когда бы и они так пропадали,
Как я здесь пропадаю. — И отец
Спросил его: «А в вашей стороне
Есть много этого?» Он вновь подумал,
И стали у него глаза такие,
Как у оленя, что на стуже плачет.
— Нет, — говорит, — у нас его немного,
Мы больше мучимся, чтобы добиться,
Чем радуемся этому; но все же

Порой нам кажется, что мы имеем
Хоть капельку или вот-вот достанем.
Но мы хоть все-таки живем. . . Ну, я не знаю,
Как там по-вашему. . . Не так, как тут, живут! —
На это я сказал: «Да ведь у вас
И пищи больше и всего». — Не то, —
Сказал «чужой», — я о другом!
Вот если кто из юрты выйти хочет,
А тут его не пустят, да привяжут, —
То как по-вашему, где он сидит? —
«Конечно, в юрте», — все мы закричали.
— А если бы не в юрте, а в другом
Каком-то месте, где он сам не хочет, —
То как назвать? — Тут мы не угадали.
Один сказал: «В лесу», другие: «В поле»,
Всё бестолку, не то. А я молчал:
Зачем и говорить, когда не знаешь?
«Чужой» опять заговорил: — Ну, ладно,
А как зовется это, если птица
Есть у кого, что долго не летала,
И если тот ее летать отпустит,
Куда он выпустит ее? — Вновь говорили:
Кто: «В поле», кто: «В тайгу», а кто: «На снег».
Он рассердился и меня спросил:
— Ну вот, когда тебя тойон посадит
В холодную. . . — «За что меня посадит?
Все заплатил я!» — говорю «чужому»,
И рассердился сам. Тот засмеялся:
— Ну, не тебя — еще кого-нибудь,
То что ему всего там тяжелее:
Что не дают ему ни пить, ни есть,
Иль то, что родственников нет в холодной,
Иль что домой его не отпускают
И делать не дают, что он захочет? —
«Да как кому, кто что и больше любит», —
Сказал отец. «Чужой» повеселел
(Не знаю, почему). И вновь спросил он:
— Вот если любит кто, чтобы пускали
Ходить повсюду, делать все, что хочешь, —
То как сказать, что любит он? Но только
Одним сказать лишь словом? Ну, кто скажет? —
Сказали тут: кто: «Делать», кто: «Ходить»,

А кто: «Не знаю». Сморщился «чужой»:
— Нет, — говорит, — не то, — не знаю слова.
Ну, я вам так, без слова расскажу,
Вы только лучше слушайте! — «Ну ладно», —
Сказали мы, хоть нам уж надоело,
Но было жаль «чужого»: он больной.
Стал говорить он: — Лучше для меня бы,
Когда ходить повсюду было б можно
И делать все. Вот этого и нет. —
Мы засмеялись: выдумал «чужой»!
Ходил он всюду, где и мы ходили,
Сам разве не хотел, когда мороз;
А то ходил за рыбой, на охоту,
И раз далеко ездил он к чужим,
К тойону ездил, да и к нам ходил,
Везде бывал и что хотел, то делал;
Смотрел он в книжку, сам он делал книжки,
И шил, и чай варил, ел что хотел,
Что лишь имел, не отнимал никто!
«Кто ж не дает тебе ходить, работать? —
Я говорю. — Не мы?» — Да нет, не вы! —
«Тойон? Так он когда еще приедет!
А ты тем временем везде ходи
И делай все, что хочешь! Мы не скажем
Тойону». — Тех тойонов очень много,
Не только ваш один, — сказал «чужой». —
«Так те живут далеко, не приедут
Они совсем сюда, ты их не бойся,
Ведь не узнают!» — говорим «чужому».
А он махнул рукой: — Что говорить вам!
Не знает! Куда я здесь пойду?
И что смогу я сделать в ваших дебрях?
Я не могу совсем от вас уехать,
Нет у меня здесь... эх, не знаю слова! —
И как умолк «чужой», то так до ночи
И просидел и нам не отозвался.
Не знаю до сих пор, что с ним случилось,
Что злой такой он в этот вечер был.
Зачем ему какое-то там слово?
Ну, нет и нет! Ведь много было слов
В той книжке у него — и говорил бы
Себе, как хочется, а мы не знаем,

У нас и книжек нет и мало слов.
Да, о «чужом» всего не досказал я.
Так, знаете, он умер! Все ходил я
К нему. И вот однажды я пришел,
Спросил я, отчего он умирает:
От стужи или от какой болезни
(Так о других порой он говорил,
Когда кто умирал). «Ведь ты же умный,
Знал о других, так знай и о себе!»
А он мне отвечал: — Я умираю
Из-за того, чему здесь нет названья,
Хоть есть его без меры в нашем крае.
А то, что оживить меня могло бы,
Не называется никак, нет слова,
Но нет и самого его у вас.
Когда б хоть слово было, может я
И жил бы с вами. . . — И «чужой» заплакал,
Сказав о том, и я заплакал с ним.
Ведь было жаль «чужого» — добрый был!
А слово то сказал мне раз «чужой»,
По-своему, но я его забыл.
Оно чужое, что им называть нам!
Не нужно нам оно! «Чужим» вот нужно.
Сказал «чужой», что так вот умирает
Не он один, еще умрет немало. . .
Уж мы им говорили б это слово,
Когда кто из «чужих» так заболает,
Но что же, если нет его у нас!
Зачем оно, что значит это слово?
То, может быть, заклятье или чары,
Что без него и люди умирают. . .

ИЗОЛЬДА БЕЛОРУКАЯ¹

I

Тристан, в лесу блуждая,
Ловил зеленый шум,
Хотел ему поведать
Тоску любовных дум.

Качает ли березу
Приветный ветерок —
Он тотчас вспоминает
Изольды голосок.

Проглянут ли сквозь ветки,
Синея, небеса —
Он вспоминает грустно
Изольдины глаза.

В отчаяньи из чащи
Выходит он — и вот
Над рожью золотою
Звещающий зной плывет.

---

¹ Основой для этой поэмы послужил средневековый роман «Тристан и Изольда», который был широко распространен во многих вариантах, на разных языках, во всех европейских — в том числе и славянских — странах. Содержание романа — роковая и несчастная любовь рыцаря-вассала Тристана к королеве Изольде Златокудрой. Любовь возникает внезапно — от волшебного напитка. В некоторых вариантах упоминается также и вторая Изольда — Изольда Белорукая, которую Тристан любил во время разлуки с первой. — *Прим. авт.*

И он о Златокудрой
Изольде вспомнил вновь,
Упал в траву и плачет.
О, горькая любовь!

Пришла на поле жница,
Свою межу нашла,
Услышала рыданье
И ближе подошла.

Судьбою необорной
Была ее краса,
И черною печалью
Была ее коса.

Был сумрачен и грустен
Ее горящий взгляд.
Забудет рай небесный,
Кто взглянет в этот ад.

А голос — будто скрипка,
Полуночной порой
Скликающая к танцу
Из бездны гробовой.

И вывела Тристана
Она из темных грез
Движеньем рук лилейных,
Умильным током слез.

Спросил он: «Как зовешься,
Скажи, коль тайны нет?»
— Изольдой Белорукой, —
Он услышал ответ.

«Единственное имя
В юдоли и в раю!
Изольда, ах, Изольда!
Прими любовь мою!»

— Так нежно меня ты ласкал,
 Возлюбленный, милый;
 Так в очи печально смотрел, —
 Мне сердце щемило.

Ты губы мои целовал
 И белые руки,
 И слезы на косы текли
 От счастья и муки.

Шептал ты недавно еще
 Так пылко и страстно,
 Зачем же, зачем же ты глух
 На зов мой напрасный? —

«Изольда! Изольда моя!
 В очах твоих черных
 Хотел бы я видеть лазурь
 Обителей горних.

Изольда! Изольда моя!
 Когда бы волною
 Твоя золотилась коса,
 Как поле ржаное!

Твой голос, Изольда моя,
 Порывист, мятежен.
 Когда б он, как шелест берез,
 Был ласков и нежен!»

— Не стоит о том горевать
 И плакать Тристану!
 У матери крестной я все,
 Что хочешь, достану.

Моргана ведь крестная мне,
 Поможет мне фея... —
 «Беги же, Изольда, беги
 К Моргане скорее!»

III

— Ах, крестная, фея Моргана,
Мою измени красоту!
Хочу быть бела и прозрачна,
Как ангелы в божьем саду. —

«Нет, крестница, дочка Изольда!
Я прелесть твою создала
Еще в колыбели, младенцу
Подарок живой принесла.

Ведь в прелести гордой, Изольда,
Земное твое торжество. . .»
— Печален и темен мой облик —
Мой милый рыдал от него.

Дай золота мне и лазури,
Хочу быть светла и ясна.
Чтоб милый смотрел улыбаясь,
Как весело блещет весна! —

«Ну, что ж, моя дочка Изольда!
У солнца ведь золото есть,
Морскую попросим русалку
Осколок лазури принести».

— Позволь еще, крестная фея,
Чтоб нежен был мой голосок,
Чтоб милый, заслушавшись песен,
От них оторваться не мог. —

«Нежнее, чем листья березы,
Волшебная прялка шумит,
И каждый в том звуке услышит,
Что сердце людское томит.

Что хочешь, любимая дочка,
Тебе измененным даю.
Одно изменить я не в силах —
Не трону я душу твою».

IV

Опять в ночном лесу Тристан
Сам-друг с былою мукой
И ждет как будто и не ждет
Изольды Белорукой.

Вспорхнула пташка ли в кустах,
Иль ветерок пронесся —
Внезапно встретился Тристан
С Изольдой Златокосой.

Все те же очи и коса,
И тот же голос милый...
Душа Тристана в небеса,
Ликуя, воспарила!

«Привет, единая моя!
Привет, моя царица!
Из-за моря ли приплыла
Сегодня, чаровница?

Как отпустил тебя одну
Твой муж, король проклятый?
Иль для Тристана своего
Убить его смогла ты?

Но где же кубок золотой,
Где зелье колдовское?
Охотно выпью все до дна,
Не надо мне покоя!

Напиток нам зальет печаль,
Рожденную разлукой». —
— Тристан! Ужель не помнишь ты
Изольды Белорукой? —

«Она забыта навсегда,
Как тень минувшей ночи». —
— А что, Тристан, когда забыть
Она тебя не хочет? —

«Пускай идет в Ерусалим
Босой, простоволосой!
Теперь я встретился с тобой,
С Изольдой Златокосой!»

— Тяжки грехи твои, Тристан,
Их тьма неумолима!
Ты им прощенья не найдешь
В стенах Ерусалима. —

«С тобой, любимая, готов
Итти на смерть и муки!» —
— Тристан, довольно праздных слов,
Смотри на эти руки!

Ты помнишь ли, кого послал
Сегодня в грот Морганы?
Куда теперь меня пошлешь
С моей сердечной раной?

Пускай исчезла тьма очей,
Зато душа темнее,
Чем черный камень гробовой, —
Мне не расстаться с нею.

Пускай же вновь моя коса
Цвет траурный наденет!
Пускай же мне печали цвет
До гроба не изменит. —

v

Тристан, как ребенок, ослаб,
На сердце кручина.
Ему не помогут теперь
Все чары Мерлина.

А фея Урганда ему
Промолвила мудро:
«Изольде тебя излечить
Одной — Златокудрой.

От смерти она отвратит,
Спасет от недуга».
Он слышит и за море шлет
Любимого друга.

И другу дает он наказ:
— Воротишься с милой —
Ты белое на корабле
Поставишь ветрило.

А если вернешься один,
Будь с парусом черным.
Он саваном будет моим
Последним, бесспорно. . . —

VI

«Ступай же, Белорукая, на берег,
Прошу тебя, молю тебя, иди!
Там есть утес, высокая стремнина,
Взойди на кручу, в море погляди,

Где ветер гонит северные волны.
Вернись скорей и расскажи о том,
В тумане нет ли белого ветрила
На горизонте дальнем и седом».

И молча Белорукая Изольда
Взошла на кручу и глядит в туман. . .
Ах, что белеет — парус ли далекий
Иль это гребня пенного обман?

Она вернулась, и спросил он жадно:
«Что там вдали, видны ли паруса?»
— Маячит чей-то парус на просторе. . . —
«Он бел?» — Он черен, как моя коса. —

И вмиг душа Тристана обрывает
Нить ожиданья, горя не тая,
И легкокрылой птицею несется
Далеко, в неизвестные края. . .

. . . . .

«За мною, Златокудрая Изольда!
Тебя давно Тристан твой верный ждет.
Не бойся в этих скалах заблудиться, —
Изольда Белорукая ведет.

Мы две сестры. Нас имя породнило,
Как две зари: я — вечер, ты — рассвет;
Мы запылали заревом единым.
Так суждено, и в этом чуда нет.

Однажды в жизни светлый час недолгий,
Как и тебе, мне был судьбою дан. . .»
— Сестра моя! Страшит меня твой голос!
Скажи всю правду! Умер мой Тристан?! —

«Пусть, Златокудрая, господь рассудит,
Чьим был Тристан, твоим или моим,
Но все-таки склониться в час кончины
Досталось мне, а не тебе над ним.

Не подняла ты черного ветрила,
Не траурна — светла твоя краса,
Но милый в гроб не ляжет без покрова —
Его покроет черная коса».

ЛЕГЕНДЫ

ЕГИПЕТСКИЕ ФАНТАЗИИ

1. РА-МЕНЕИС

Дочь фараонова Ра-Менеис была гордой царицей,
Так хороша и страшна, как Урея, змея золотая,
Что обвивала собою венец двух Египтов.
Как из алмаза чело ее было, а очи — из темных рубинов.
Нравом царица была, словно Нила коварные воды,
Что вытекают из тайных ключей, никому не известных;
Власть у царицы была, словно Африки знойное солнце,
Как могучий самум, засыпающий даже руины.
Весь Египет стонал, как могучий колосс над пустыней,
Тяжкою властью томясь царственной Ра-Менеис;
Он порой шевелился, как лев, что цепями прикован,
Глухо рычал иногда, как подземный огонь,
Крепко придавленный гнетом горы каменистой.
Стоило ж только народу увидеть царицу
С гордым, как будто алмазным челом, и как только
В темных карих очах начинали искриться рубины,
Мигом лев тот народный царице к ногам припадал,
С улыбкою сфинкса царица ему наступала на шею.

Ра-Менеис даже в храме хотела быть равной богам.
Изваянья богинь по ее создавались подобью,
И мастера поселили возле Египта в пустыне
Толпы колоссов, похожих на гордую Ра-Менеис.
И не осталось единой струны на египетских арфах,
Что не звучала б хвалой полновластной царице Египта.
Строила Ра-Менеис для себя пирамиду в пустыне —
Больше легло там людей, чем камней раскаленных под
солнцем.

Но не успела еще заостриться вверху пирамида,
Как над Египтом осталось одно только солнце на небе:
Ра-Менеис на пурпурное ложе легла и не встала.
Тихо лежала царица в свивальниках, полных бальзама,
С бледным лицом золотистым, как будто из кости
слоновой,

А над челом, как и прежде, сияла корона,
Двух Египтов венец, и змея золотая Урея. . .

Ра-Менеис положили в высокую красную барку,
И понесли ее, тихо качая, все дальше и дальше
Мутные воды священного желтого Нила.
В белых одеждах жрецы на серебряных систрах играли,
Черные женщины, плачем великим рыдая,
Платья свои разрывали и ранили тело до крови;
Красные капли густые падали в желтую воду;
Арфы печально рыдали, египтянки жалобно пели,
Лотоса цвет голубой к земле, увядая, склонялся.
И плыла эта красная барка, как солнце, на запад.
Но как только на берег песчаный, где были видны

издалека

Царские горы-могилы, вынесли тело царицы,
Встал на дороге народ. Видел лев, что разорваны цепи.
Белых жрецов разогнал, утопил чернокожих невольниц,
Лотоса цвет растоптал и предал сожжению барку,
Тело царицы забросил далеко в пустыню, в пески.
Год за годом ей вихри могилу сыпучую там возводили,
Солнце палящий бальзам на умершую дочь проливало.

Время шло, пронеслись над Египтом века за веками.
Уж могилы царей превращаться в развалины стали,
Уж царей имена предавались в народе забвенью,
Разрушать стали руки безбожных гробницы и храмы,
И как только рука, или воздух, иль солнце касались
Тысячелетнего трупа, он, словно пыль, рассыпался.
И смеялись потомки тогда, что и мумии предков не вечны.
Как-то к северу шел караван, чтоб отправить за море
Драгоценную кладь из руин фараонов забытых.
Саркофаг впереди возвышался пустой и огромный;
Черный камень на солнце блестел раскаленной бронзой,
Еле двигали десять верблюдов тот груз накаленный.
Вдруг человек, погонявший верблюдов, споткнулся,

Вниз посмотрел и отпрянул, ужаленный страхом, —
Он головку змеи у себя под ногами увидел,
И в глазах ее красные искры пылали на солнце.
«Ля илляга! — сказал ему шейх каравана. —
Не пугайся ее: правоверным она не опасна.
Видишь, она золотая, глаза ж у нее из рубинов».

Стал поднимать он руками с земли ту змею золотую,
Но неожиданно вслед за змеей поднялась над песками,
С мертвым лицом и с двойною короной Египта,
Ра-Менеис поднялась, нетленная в смерти, царица.
И казалось, что взгляд ее тайный скрывают недвижные
веки

И злая улыбка дрожит на устах ее бледных.
И застыли погонщики перед нетленной царицей.
Только шейх правоверный остался, как прежде,
спокоен, —

Никогда не боялся он женщин живых или мертвых,
Только привык он оценивать их на базарах.
«Нет цены в нашем крае, — подумал он, — женщине этой;
Значит, безумные джавры заплатят безумные деньги».
И приказал ту царицу с песка он поднять осторожно,
Положить в саркофаг и не грабить камней самоцветных.
Царским ложем гробница тяжелая стала казаться,
Чуть заблестала над нею змея золотая Урея.
Но опустилась со скрежетом крышка из камня,
Скрылась навеки царица от ясного солнца пустыни...
Дальше песками сыпучими к морю пошел караван.
Без приключений он прибыл в порт многолюдный и
шумный.

Шейх не ошибся в расчетах: и вправду безумные джавры
Деньги безумные дали за мертвое тело царицы
И повезли ее вдаль, через море, на север.
В северном крае далеко, в том городе вьюг и туманов,
Где так стремительна жизнь, как холодная горная речка,
Храм для богов всего мира поставили севера люди.
Он же гробницею был для всего, что когда-то царило,
Только уж не были боги богами, а все неживое
Там потеряло навеки надежду воскреснуть для жизни.
В этот храм положить захотели гордую Ра-Менеис.
Плыл, пробиваясь сквозь волны, корабль и ночами и
днями,

Выдержал бури, не сбился в тумане с дороги,
В море он штиль переждал, миновал все подводные скалы,
Дальше и дальше все мчался, пронизанный ветром
холодным.

И чем дальше на север плыла неживая царица,
Тем холодней становилась гробница, нагретая солнцем,
И выступали по черному камню соленые слезы.
И привезли саркофаг к преддверию нового храма;
Был он холодный, тяжелый, как льдина на северном море;
Подняли руки рабов его белых, чтоб в храм отнести и
поставить,

Но удержать не смогли — он упал, и земля застонала.
Десять рабов искалечил и надвое сам раскололся.
Горе! То ложе разбилось царственной Ра-Менеис.
И друг другу промолвили новых времен фараоны,
Те, что безумной ценой за нее заплатили арабам:
«Пусть этот гроб раскололся, но наша царица осталась,
Тысячелетья прошли, но она и сейчас неизменна,
Наша царица прекрасная, гордая Ра-Менеис», —
И приоткрыли разбитую крышку того саркофага.
Что же там было? Остатки свивальников тонких, тугих
от бальзама,

Желтые кости, покрытые влажною пылью,
Черные пряди волос; между прядями темн
Матовым блеском сияла двойная корона Египта,
Рубинами глаз полыхала змея золотая Урея.
Холод жестокий безжалостен был к той нетленной
царице,

Что пролежала века под египетским солнцем палящим,
Черпая в волнах лучистых свою красоту и бессмертье.
Ра, бог полдневного солнца, в полуночном крае не
правил,

Правил там холод свирепый и едкая сырость туманов.
В землю навеки вернулась гордая Ра-Менеис.

Зеленый Гай, 25/VII 1900

2. СФИНКС

Давным-давно под солнцем полуденным,
Среди немой пустыни беспредельной
И безысходно-мертвого простора

В душе раба, что в злой неволе вырос,
Вдруг родилась мечта и овладела
Своим творцом уверенно и сильно,
Сильней, чем власть могучих фараонов,
И принести ему велела камень
С горячих скал из Ливии пустынной,
И вытесать из камня изваянье —
Загадку вечную векам грядущим.
И начал раб тесать горячий камень,
И все вокруг пылало в час творенья:
И небо, и земля, и камень, и резец,
И сердце мастера; и огненной золою
Из-под резца летели прочь осколки.
И наконец над знойными песками
Созданье встало, как живое чудо, —
То тело льва лениво распростерлось,
Как бы жарой придавленное в полдень,
И человечья голова загадкой
Вздымалась гордо и смотрела прямо
Окаменевшим взглядом пред собою,
А на губах была улыбка злая.
Взгляд и улыбка та страшнее были
Убийственного солнца над пустыней.
И то созданье людям стало богом.
Ему веками возводились храмы
С колоннами, и жертвы приносили
Украшенные лотосами барки;
О нем слагали смутные легенды,
Густым, кровавым крашенные цветом,
И пели песни в честь его поэты,
И пирамиды книг нагромождали
Ученые, чтоб разгадать загадку
Очей таинственных и злобных уст.
А в книгах имена перечислялись
Того созданья: Солнце, Правда, Счастье,
Жизнь и Любовь и многие другие;
Но лучше всех пристало слово Сфинкс —
Таинственное, как само созданье.

Зеленый Гай, 24/VII 1900

САУЛ

(МОНОЛОГ)

...А от Саула отступил дух господень, и возмущал его злой дух от господа... И когда дух от бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл — и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него.

...Когда они (воины) шли, при возвращении Давида с победы над филистимлянином, то женщины из всех городов израильских выходили навстречу Саулу царю с пением и плясками, с торжественными тимпанами и с кимвалами. И восклицали игравшие женщины, говоря: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!..» И с того дня и потом подозрительно смотрел Саул на Давида. И было на другой день: напал злой дух от бога на Саула, и он бесновался в доме своем, а Давид играл рукою своею на струнах, как и в другие дни: в руке у Саула было копье. И бросил Саул копье, подумав: «Пригвожду Давида к стене». Но Давид два раза уклонился от него.

(Книга Царств, I, гл. 16, ст. 14, 23; гл. 18, ст. 6—7, 9—11)

Играй, мой мальчик, пусть рыдает арфа
И струны, словно плакальщицы, стонут,
Я сам себя оплакать не могу,
Нет больше слез. Так пусть рыдает арфа —
Пусть неоплаканным я не останусь.
Играй, мой мальчик! Пусть рыданье арфы

Заглушит в сердце вопли голосов
Пророческих, призывных, беспокойных...
О! Не на счастье стал Саул пророком,
Господь его карает вещим духом!
Саул не знает страха среди боя, —
Кто видел, чтоб рука его дрожала,
Чтоб он бледнел и отступал в сраженьи?

Приди же и взгляни, как среди ночи
Блуждаю я в своих покоях царских,
Безлюдных, темных, и вздымаю руки,
И голову безумную сжимаю,
Бледнею и дрожу, и падаю на землю,
И перед мыслями своими отступаю,
И слов своих пророческих пугаюсь...
То не мои слова — то дух лукавый
Вещает мне через мои уста,
Что должен я... Не слушай же, играй,
Не допусти, чтоб вновь я стал пророком.

Играй, играй, не глядя мне в лицо.
Хоть черные глаза твои спокойны,
Но что-то я враждебное в них вижу...
За что же ненавидишь ты меня?
Иль виноват я в чем перед тобой?
Не говори, не говори ни слова!
Не я спросил тебя, то дух лукавый...
О, зачаруй его, заморози!
Против него бессильны все заклятья,
Но в музыке сокрыта божья сила.

Не громко — нежно, ласково играй,
Пусть твой напев звучит, как ручеек,
Что тихо, нежно точит камень твердый.
На сердце у меня тяжелый камень,
Пусть твой напев его подточит, сбросив
В провал забвения...

Мой милый мальчик,
В тот час, когда так сладко напевают
Мне тонких струн серебряные звоны,
Я голосам пророческим не верю,
Не верю я твоим враждебным взглядам.

Нет, так играющий не может ненавидеть.
Да и за что б меня ты ненавидел?
Что значат все великие победы
Против движенья юных рук твоих?
Умел людей я побеждать — и только,
Ты побеждаешь духа самого.

Завидуешь ли ты короне этой,
Иль скипетру, иль багрянице? Мальчик,
Поверь ты мне, без них я был счастливей
И лучше был в те дни, как пас отары
Среди отеческих лугов зеленых.
В те дни мой стан высокий не сгибался,
Не омрачался взгляд веселый мой,
И был я прост и сердцем и душою.
Увы! Кто мог подумать, что пророком
Когда-нибудь Саул безвестный станет?

Так, так играй! Пусть плачущая арфа
Звучит легонько. Это — как звоночки
Моих отар. . . Как горные потоки. . .
Я стал уж забывать их шум любимый.
Я во дворце иные слышу звуки,
А в горы выхожу я лишь на бой;
Тогда не слышно, как шумят потоки,
Их заглушают дикий лязг оружия
И клич военных труб. . .

О, что за звук?

Я слышать не хочу военной песни!
Я не хочу! Постой! Не спорь! Я знаю,
За что так ненавидишь ты меня.
Не вспомнил ли, что был я пастухом,
И стал царем, а ты пастух и ныне?
Не вспомнил ли, как в славном поединке
Ты филистимлянина сбил пращою?
Ребенок ты — ребячье и оружие!
Хотел ты, может, в воробья попасть,
Но дал господь — попал ты в Голиафа.
О, что за взгляд! Как камень из пращи!
Так вот за что меня ты ненавидишь:
Что не оружием ты понравился Саулу,
А только арфою, что я тебя держу

Не только поневоле, ты ведь сам
Святым огнем горишь, когда играешь
Перед царем безумным. Жаль тебе
Того, кого врагом своим считаешь.
Но так тебя я музыкой твоею
Сковал, связал, как бы железным путем.
Я царь не только тела, но души,
Души твоей, черноволосый мальчик!
И ты восстать против меня не можешь!

Что ты опять так смотришь на меня?
Зачем твой взгляд коварен, как отравы?
Ты, может быть, со мной бороться хочешь
Отравую? О, не дождешься, нет!
Эй, где мое копьё? Прибью тебя к стене,
Проклятая ехидна!..

Мой ребенок,
Что это — я убил тебя? Нет, нет, копьё
Тебя не зацепило.. Боже правый,
Какой же я несчастный и безумный!..
Рабы, возьмите этого певца
И наградите — пусть идет домой, —
Играть он больше никогда не будет!

Играть он будет, но не в этих стенах!
А может быть, и здесь, когда на троне сядет.
О Адонай! За что меня караешь
Пророческою силой и надежду,
Последнюю защиту, отнимаешь?
О Адонай!

Ребенок мой любимый!
Мой мальчик ласковый! Откликнись! Где ты?
Ужель никто, никто мне не поможет?

ПРО ВЕЛИКАНА

(СКАЗКА)

Когда ребенком я была,
Мне сказку рассказали,
Лишь раз я слышала ее —
Забуду же едва ли.

Был деревенский мальчуган
Рассказчиком — и ясно,
Что в ней тенденции искать
Поэтому напрасно.

В своем рассказе сохранил
Он простоту святую.
Моя ошибка, может, в том,
Что сказку я рифмую.

Мы в садике сидели с ним
Вечернею порою,
В тот час, когда закат пылал
Пожаром за горою.

Вечерний ветер шевелил
Над головами грушу,
И что-то темное тогда
Нам волновало душу.

Нас все пугало: и трава,
Что тихо шелестела,
И леса дальнего стена,
Что от зари алела.

И даже в старой груше той
Мы друга не видали, —
Кто б мог сказать, о чем ее
Листочки лепетали?

Но всех сильнее тополя
Страшили нас собою,
Что в длинный выстроились ряд,
Наверно, с целью злою!

Все это, уверял Лаврин
(Так мой приятель звался),
Растет на великане том,
Что с богом состязался.

Когда-то очень был силен
Тот великан, — не даром
Любые цепи разбивать
Он мог одним ударом.

Его осилить не могла
Ничья другая сила,
Но божья кара наконец
Пришла — и поразила.

За что — Лаврин того не знал.
Я спрашивала старых,
Но мне никто не объяснил,
За что такая кара.

Господь не сжег его огнем,
Громов не посылал он,
А только сном его накрыл,
Как мягким покрывалом.

Сон, говорят, есть божий дар,
Нет — божье наказание.
Ведь великану этот сон
Принес одни страданья.

Лег отдохнуть он на часок,
А спит уже столетья,
Оброс землею и во сне
Все видит лихолетье.

То овладели им враги,
Охваченные злостью,
Пьют даром кровь его они,
Ему ломают кости.

Стянули накрепко его
Железными цепями,
К глубоким ранам, торопясь,
Припали жадно ртами.

До сердца самого не раз
Их проникали руки,
Но спит, как прежде, великан,
Хотя и терпит муки.

Когда ж болезненно во сне
Он брови вдруг нахмурит,
Шумят по рощам, по лесам
И по дубравам бури.

А если боль его дойдет,
Слегка он шевельнется,
И дрожь по телу пробежит,
Земля же содрогнется.

«Нас призрак этот не страшит!» —
Враги ликуют хором.
Но стихнет скоро божий гнев,
Беда минует скоро.

И встанет великан тогда,
Расправит плечи снова
И разорвет в единый миг
Железные оковы.

Все то, что мучило его,
Вмиг станет горсткой праха.
Смолк мальчуган. Сидели мы,
Едва дыша от страха.

— Скажи, — спросила я, дрожа, —
Когда ж случится это? —
«Иль через год, иль через сто,
А может, до рассвета...»

Тут разом ветер налетел,
Деревья зашатались,
Как пташки испуганные, мы
Домой скорей помчались...

Любимый мой далекий край!
Страна моя родная!
Когда я вспомню про тебя,
Ту сказку вспоминаю.

Египет, Гелуан, 5/II 1913

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПОЭМЫ**

В КАТАКОМБАХ

*Посвящается уважаемому другу
А. Крымскому*

Катакомбы близ Рима. В подземелье, слабо освещенном масляными плошками и тонкими восковыми свечами, собралась небольшая христианская община. Епископ кончает проповедь. Слушатели и слушательницы стоят набожно, покорно и тихо.

Епископ

Восславим, братья, господа Христа,
Что посадил с собою одесную
Замученного брата Хариклея.

Хор

На небе слава господу Христу,
Что от земных оков освобождает,
Что из тюрьмы грехов выводит души
К престолу света вечного.

Диакон

Аминь.

Епископ

Наш брат был у язычника рабом.
Он ныне раб господень, раб ничей.

Раб - не о ф и т

Господень раб? Там тоже есть рабы?
А ты мне говорил, что в царстве божьем
Нет ни хозяев, ни рабов!

Епископ

Да, правда!
Мы все равны пред богом.

Р а б - н е о ф и т

И рабы?

Е п и с к о п

Рабы господни, брат мой, не забудь!
Сказал Христос: мое не горько иго,
Не тяжко бремя. Понимаешь?

Р а б - н е о ф и т

Нет.

Не в силах. Этих слов не понимаю.

Р а б ы н я - х р и с т и а н к а

(внезапно прорицает в беспмятстве)

Уже легла у дерева секира! . .
«Я ввергну древо срубленное в пламя», —
Сказал господь. . . Приди, приди, приди,
Исус, сын божий! Преклонилась долу
Твоя пшеница, ждет она серпа. . .
Доколе, господи? . . Рахиль рыдает, —
Нет у нее детей. . .

Бессвязная речь переходит в иступленное бормотание. Некоторые женщины тоже начинают плакать. Не выдерживает кое-кто и из мужчин.

Е п и с к о п

(властно и громко)

Прочь, сатана!

Ты здесь бессилен.

(Подходит к пророчице, бьющейся в корчах и кладет руку ей на голову.)

Дочь моя, да будут
Тебе защитой вера и молитва
От навождений дьявола.

Постепенно под его взглядом женщина стихает и бессильно склоняется на руки подруг, поддерживающих ее.

Х р и с т и а н к а

(одна из тех, что поддерживают пророчицу, робко отзывается)

Вчера,
Святой отец, ее ребенка продал
Хозяин греку из Коринфа.

Е п и с к о п

Смолкни!
Апостол нам на благо заповедал:
«Пусть женщина на собраниях молчит».
Между тем пророчицу уводят. Молчание.

Р а б - н е о ф и т

(подходит к епископу; голос его дрожит, он полон отчаянной решимости)

Прости, отец, но я не понимаю,
Как это может быть не горьким иго
И легким то, что тяжело?

Е п и с к о п

Мой сын,
Когда ты добровольно склонишь выю
В ярмо Христово, сладостно то будет
Душе твоей; когда захочешь сам
Взять крест на рамена, ужели тяжек
Покажется тебе он?

Р а б - н е о ф и т

Но зачем же
В ярмо нам добровольно запрягаться
И крест нести по своему желанью,
Когда и так замучила неволя?
Так натрудили душу и загривок
Кресты и ярма нам — терпенья нет!
Не для того пришел я в вашу церковь,
Чтоб новый крест или ярмо найти.
Нет, я пришел сюда найти свободу
По слову: несть раба — несть господина.

Епископ

И ты найдешь свободу эту, сын мой,
Как только встанешь под ярмо Христово.
Равны рабы господни меж собою.
Свой путь мирской ты под ярмом пройдешь
И в царство божье внидешь. В оном царстве
Иных владык не будет, кроме бога,
Отца всевышнего. Твоя гордыня
Сравнилась бы с гордыней сатанинской,
Когда бы ты отцовой божьей власти
Не признавал.

Раб-неофит

Святой отец, помилуй,
Какая у раба еще гордыня!
Пусть будет так, пускай отец всевышний
Царит над нами! Но когда ж настанет
То царство божье? Где его искать?
Тот говорит: на небе царство божье,
А этот: на земле...

(Страстно ждет ответа, глядя на епископа.)

Епископ

Прав тот и этот.

Раб-неофит

Но где же на земле оно?

Епископ

Вот здесь.

Раб-неофит

Как, в Риме?

Епископ

В нашей церкви.

Раб-неофит

В катакомбах?

Епископ

Не говори «вон тут» иль «где-то там».
Оно везде, где бог в смиренных душах.

Раб-неофит

Когда ж он будет в душах всех людей?

Епископ

Тогда, когда Христос сойдет на землю
С небес еще раз.

Раб-неофит

(грустно)

Брат один сказал,
Что миновать должно тысячелетье
До нового пришествия Христова.

Епископ

Он еретик. Никто из нас не знает
Ни дня, ни часа...

Раб-неофит

(радостно перебивает)

Значит, царство божье
Начаться может каждый день и час?

Епископ

Конечно, да.

(Раб-неофит задумывается и снова мрачнеет.)

Что загрустил ты, сын мой?

Раб-неофит

Я думаю... ты говоришь, что здесь
Меж нами царство божье... Почему же
Меж нами есть патриции, плебеи,
Да и рабы?

(Оглядывает собравшихся, многие из них потупились.)

Х р и с т и а н и н - п а т р и ц и й

(выступает несколько вперед)

Душа твоя, мой брат,
Смущается напрасно. Я патриций,
А он мой раб.

(Показывает на старика.)

Но то мирское дело,
А пред всевышним оба мы — как братья.

Р а б - н е о ф и т

(старик)

Ты раб ему для видимости только?

Р а б - с т а р и к

Нет, господину верно и смиренно
Служу я не за страх, но и за совесть,
Как бог велел.

Р а б - н е о ф и т

Но если вы равны,
Зачем же ты служить ему обязан?

Р а б - с т а р и к

По божьей воле он рожден владыкой,
А я рабом.

Р а б - н е о ф и т

Есть, значит, в царстве божьем
Владыки и рабы?

Раб-старик молчит.

П а т р и ц и й

Он здесь не раб.
Я ноги здесь ему согласен вымыть.
Вкушали мы Христову плоть и кровь
С ним рядом, за одним столом.

Р а б - н е о ф и т

А дома
Вы тоже за одним столом едите?

Р а б - с т а р и к
Нет, этого, мой брат, совсем не нужно.

Р а б - н е о ф и т
А почему?

Р а б - с т а р и к
Да так... Неподобает...

Е п и с к о п
(рабу-неофиту)
Не искушай его. Он духом прост.
А царство божье для таких ведь близко.
Кто терпит все смиренно, те блаженны.
Им все равно, как их зовут в миру —
Рабы или владыки.

Р а б - н е о ф и т
Нет, отец мой,
Не все равно!

(С порывом.)

Когда бы ты услышал,
Как плакало вчера мое дитя,
Покорный этот, тихий наш младенец,
До вечера без молока оставшись, —
На оргии прислуживала мать,
Не удалось ей забежать домой,
Чтоб накормить ребенка. И теперь
Ребенок захворал. Но и заплакать
Жена не смеет: господин не любит
Слез на глазах рабынь своих красивых.

Е п и с к о п
Не надо плакать, если б и скончался
Ребенок ваш. Ему большое счастье
На небе уготовано.

Р а б - н е о ф и т
А детям
Господским разве меньше будет счастья,
Когда в невинном возрасте умрут?

Епископ

(несколько смущенный)

Невинные пред господом равны.

Раб-неофит

(мрачно)

Двойное счастье у детей господских:
Один раз на земле, второй на небе.

Раб-старик

Брат, не завидуй, не губи души,
Не загрязняй ее святости чистой.
Хозяин твой язычник пусть глумится
(А христианам это не пристало) —
Он вашей чистоты не оскорбит,
Пока жена и ты смиренны духом.

Раб-неофит

Эй, ты, старик, не жги словами сердце!
Прости, но знаешь... вымолвить мне стыдно...
Да что там стыд рабу!.. Скажу всю правду:
В чем «чистота» или «смиренье духа»?
Душа воспалена, когда я вижу,
Как с оргии порой жена приходит
В угаре пьяном и с огнем в глазах
От непристойных песен. В косах свежий
Венок цветочный, — кажется, что ярче
Пылает он в жилище нашем грязном.
Жена спешит господскую тунику
Скорей сменить на рабские лохмотья,
Чтоб в нашей «чистоте» не замараться.
И у жены не раз в минуты эти
Я слезы видел. К роскоши привычка,
Как ржавчина, ей разъедает сердце.
Ей тяжело... И я не мог, старик,
Не мог не бить ее за эти слезы,
Хотя и знал я, что еще противней
Ей станет бедный дом наш.

Патриций

Слушай, брат,
Ты обратил бы лучше в нашу веру

Жену свою, — рассталась бы не плача
Она с мирским весельем.

Р а б - н е о ф и т

Господин, —

Иль брат мой, как здесь принято, — ты знаешь,
Что обращагь жену в другую веру
Я не решаюсь. Пусть уж лучше плачет
О чистых платьях и домах господских,
Чем станет слезы лить о чистоте
Души своей и тела. Так иль этак,
Ей все равно спасенье недоступно.
Что в ней изменится, когда узнает
Про грех и святость? Лучше пусть не знает!

Е п и с к о п

Кто не по воле согрешил, невинен.

Р а б - н е о ф и т

А мы, рабы, и сами ведь не знаем,
Что делаем невольно, что по воле.
Грех или нет, а му́ка остается.
Признаться трудно... Я не знаю сам,
Мой ли ребенок иль господский отпрыск.
Люблю его, но чаще ненавижу.

С т а р у х а

Грех ненавидеть, ведь дитя невинно.

(Посмотрев на епископа, замолчала.)

Е п и с к о п

И женщина порою скажет мудро.

Молодая, изможденная, бедно одетая женщина шепчет что-то на
ухо почтенной вдове-диакониссе.

Д и а к о н и с с а

(епископу)

Дозволишь ли сказать, честной отец?

Е п и с к о п

Да, но короче.

Д и а к о н и с с а

(показывает на молодую женщину)

Юная сестра

Желает оказать услугу брату.

(Показывает на раба-неофита.)

Е п и с к о п

Но чем же?

Д и а к о н и с с а

Просит, чтоб его жена
Ребенка заносила к ней в то утро,
Когда на оргию служить уходит.
Сестра сама ребенка кормит грудью
И молоком поделится охотно;
Она старательно за ним присмотрит.

Е п и с к о п

(молодой женщине)

Благое дело, дочь моя, пред богом.

Молодая женщина покорно склоняет голову.

Д и а к о н и с с а

(рабу-неофиту)

Жене скажи, чтоб принесла ребенка
На Малый Форум. Пусть она отыщет
Дом Теодата-плотника и с верой
Отдаст дитя сестре Анцилодее —
И может быть спокойна за присмотр.

А н ц и л о д е я

(молодая женщина, тихо говорит рабу-неофиту)

Ты мне окажешь милость, добрый брат!

Б р а т - н е о ф и т

(смущен)

Благодарю, сестра!

П а т р и ц и й

Ко мне придешь,
Я дам тебе одежды, хоть не новой,

Поношенной рабынями, но чистой.
Мы выдаем им больше, чем иные, —
С твоей женою могут поделиться.
Ваш господин, как видно, не из щедрых.

Р а б - н е о ф и т

(сдержанно)

Спасибо, господин!

П а т р и ц и й

(поправляет)

Твой брат...

Р а б - н е о ф и т

(равнодушно)

Пускай!

К у п е ц - х р и с т и а н и н

Жена, сказал ты, любит чистоту,
А в доме грязь. Придешь ко мне ты в лавку —
Я мыла дам бесплатно. Господин ваш
Для вас жалеет мыла.

Р а б - н е о ф и т

(едва скрывает насмешку)

Видно, так...

Д и а к о н

Ты, верно, часто голоден бываешь.
Язычники, конечно, плохо кормят
Рабов своих. Так можешь приходить
По воскресеньям на агапы наши, —
Так называются у нас обеды
Для бедняков. Получишь пищу, брат мой,
Для тела и для духа, ибо часто
По окончании трапезы нашей
Епископ и старейшие приходят
Христовой плоти с нами причаститься,
Подать нам благочестия пример
И ноги братьям вымыть. Приходи же
Ко мне на крытый двор. Я маслодел,

Зовусь Агатофилом. Возле терм
Мое жильё. Тебе покажет каждый,
Где проживает «тот чужак-богач,
Что любит угощать всю голытьбу», —
Так обо мне язычники болтают.

Р а б - н е о ф и т

*(ничего не отвечает диакону и некоторое время стоит молча,
схватившись за голову)*

Вот до чего я дожил! Стыд и горе,
Что смолоду, как нищий, собираюсь!
Кого же мне проклясть? Отца ль родного,
Что продал за долги меня в неволю,
Иль те долги, иль богача того,
Торгующего душами людскими,
Иль день, когда на свет я родился?

Е п и с к о п

Одумайся, несчастный! Успокойся
И отгони от сердца злобный голос
Гордыни, ибо это смертный грех —
Твои проклятья, да еще в то время,
Когда так щедро братья предлагают
Свою благую помощь.

Р а б - н е о ф и т

Помощь, помощь!

Взгляни на эту женщину больную!
Сама в нужде, куда уж помогать!
Сама, как тень. Моя жена здорова
И молода. И только сын мой бедный,
Как сирота, без молока остался.
Чужую грудь придется взять младенцу,
Не то умрет, пока родная мать
На оргиях прислуживает пьяным.
А мне придется нищие обноски
Сбирать с рабов по тряпке для рабыни,
Для женщины, что с горя загуляла.
Ведь некогда и пряхь рукам здоровым,
Нет времени, — ведь что ни день, то праздник.
Ты говоришь: грешны мои проклятья,

А то не грех — голодных объедать
И голых обирать? Да и кого же?
Работников, рабов, своих же братьев...

Д и а к о н

У нас дают и бедный и богатый.

Р а б - н е о ф и т

Да, я забыл, что раздобуду мыло
У брата-торгаша совсем бесплатно,
Чтобы слегка прикрасить рабский облик,
Чтобы не так уже глаза колол он
Богатым братьям в царстве вашем божьем.
А то еще придет наш бедный брат
Хотя бы раз в неделю на агапу,
Разложит грязные свои лохмотья
На мрамор рядом с белой туникой
И той же вышитой.

(Патрицию.)

Благодари

Товарища за даровое мыло, —
Ведь, может быть, захочешь вымыть ноги
Мне ради христианского братанья —
Пускай хотя бы выгледят почище.
Я дома их чуть-чуть обмою мылом,
Честь окажу патрицианским ручкам.

Патриций вспыскивает, но сдерживается и только посматривает
на епископа.

Е п и с к о п

(еще тихо, сдержанно, но сурово)

Какой злой дух тебе смущает сердце?
За что ты братьев собственных поносишь
Обидными и едкими словами?
Чем провинились мы, что против братьев
Имеешь ты?

Р а б - н е о ф и т

Я с жалобой пришел,
С великой жалобой. Я был рабом,

Невольником. Я продан был в неволю,
Насильно был захвачен. А теперь
Меня вы нищим сделать захотели,
Чтобы спокойно руку я тянул
За коркой хлеба. Вы мне навалили
Сверх горького ярма — другое, слаще,
Сверх тяжкого — другое, чуть полегче.
И вы хотите, чтобы вам я верил,
Как будто легче станет мне от веры.

Епископ

Мы искренно с тобою говорили,
По слову божьему.

Раб-неофит

А я не верю
Ни искренности вашей, ни словам.
А если искренно помочь хотите —
Вот ваш алтарь, там много серебра
И золота. Взамен агап могли бы
Вы из неволи выкупать рабов.

(Патрицию.)

Ты, господин, и даром отпустил бы,
А мы тогда добудем сами хлеба,
Сошьем одежду...

Епископ

Кто такие мы?
Как изменить посмеем волю божью —
Кому рабом, кому свободным быть?
О чем печешься? «Не единым хлебом
Жив человек, но также всяким словом,
Из божьих уст услышанным»...

Раб-неофит

Но мало
Мне слов и хлеба. Мне нужна свобода,
А иначе не жизнь, а прозябанье.
Я потому и с жалобой явился,
Что вы, взамен той жизни и свободы,

Обетованной людям в царстве божьем,
Даете пищу, платье и слова.

Епископ

Не все слова равны друг другу, сын мой.
Слова господни нам спасают душу,
А не дела людские.

Раб-неофит

Где ж они?

«Терпи да покоряйся», — я услышал
От вас сегодня. Именно они
Спасают наши души? И за них
Идут на крест, на казни, на мученья,
На растерзанье в цирках христиане?

Епископ

Идут с великим словом на устах,
Которого людской бессильной речью
Не передашь.

Раб-неофит

Какое ж это слово?

Епископ

То слово «бог». Он альфа и омега,
Начало и конец. Им мир наш создан,
Им все живет. Иных же во вселенной
Богов не существует, кроме бога.
Бог — это слово, это жизнь и сила.
А те, что некогда звались богами
В язычестве, то идола слепые
Иль злые духи, слуги князя тьмы.
За то и мучат нас и распинают,
Что не хотим мы идолам служить,
Что князя тьмы не почитаем богом,
Что ходим не во мраке, а в сиянье.

Раб-неофит

(страстно подхватив последние слова)

«Что ходите не во мраке, а в сиянье», —
И, значит, послушанье и терпенье,

Как маску мима, вы с лица сорвали,
Не служите, не слушаетесь кротко
Того, чьей власти не признали души,
С кем вам велит бороться ваша совесть?
Я верно понял речь твою, отец мой?

Епископ

Да, лишь одно мне следует прибавить:
Бороться послушаньем и терпеньем.

Раб-неофит

(упавшим голосом)

Я снова ничего не понимаю.
Бороться послушаньем, — как же это?

Епископ

Мы с духом боремся, а не с людьми.
Мы подати беспрекословно платим,
Мы цезаря смиренно почитаем,
Не восстаем ни действием, ни словом
Против земных властей. Но князю тьмы
Ни жертв, ни преклонений не справляем.

Раб-неофит

А кто же этот цезарь, эти власти,
Да разве же не слуги слуг того,
Кто вами наречен был князем тьмы?

Епископ

Да, если служат идолам. В ином же —
Начальники, поставленные богом.

Раб-неофит

Каким же это богом?

Епископ

Бог единый

На небеси, бог слово, бог любовь,
Господь наш, бог отец, бог сын, бог дух.

Р а б - н е о ф и т

Так это он нам цезаря поставил,
Патрициев дал и преторианцев
И поднял над рабами богачей?

Е п и с к о п

«Нет в мире власти, еще не от бога».
Господь наш бог — предвечный наш владыка
Над прочими владыками земными.
Они в его руке. И он карает
Владык неправедных, отнюдь не мы.
«Отмщенье мне, и аз воздам», — сказал он.

Р а б - н е о ф и т

Когда ж случится это?

Е п и с к о п

Кто постигнет

Пути господни?

Р а б - н е о ф и т

Может быть, когда
Наступит во вселенной божье царство,
Когда Христос придет вторично к людям?

Е п и с к о п

Тогда, мы верим, будет божий суд.

Р а б - н е о ф и т

А что потом?

Е п и с к о п

Единое стадо,
Единый пастырь.

Р а б - н е о ф и т

А при нем не будет
Помещиков, наместников господних,
Неправедных начальников над нами?

Тогда уже не будут больше люди
Свободны в мыслях и рабы телесно?

Епископ

Не знаю, не дано обетованья
Ни от Христа, ни от его посланцев.

Раб-неофит

Ах, вот как! Так пускай не наступает
То царство божье и вовеки!

Раб-старик

(в невыразимом ужасе)

Боже!

Спаси нас от греха! Что говорит он!

Вся христианская община выражает возмущение; отдельных слов не слышно, но говор и гул нарастают, как волны, наполняя все подземелье, и отголоски достигают темных переходов катакомб.

Епископ

(поднимает руку вверх, громко)

Мир, братья, вам!

(Рабу-неофиту.)

Покайся, нечестивец!

Назад возьми безумные слова.

Тебе на том придется свете горше,

Чем было в жизни. Кто на этом свете

Не хочет царства божьего дожидаться,

Утратит царство божье и на небе,

Он будет ввергнут в лютую геенну,—

Там пламень негасимый, плач и скрежет,

Там точит червь бунтующее сердце.

Раб-неофит

(страстно)

Нет, не покаюсь. Ты, отец, напрасно

Геенною страшишь меня. Я вижу

Геенну ежечасно, ежедневно,

Со мною рядом слышу плач и скрежет,

И точит червь мне сердце и сегодня.
Тот лютый червь привел меня и к вам
Искать свободы, правды и надежды.
А что я здесь нашел? Слова пустые
Да смутные мечты о божьем царстве
И о царе царей в трех ипостасях,
Который над владыками владычит
И им дает владычествовать нами
Отныне до пришествия второго,
А может, и потом, и после смерти,
Там, в небесах, в грядущем царстве божьем
Жизнь временную вечная продолжит.
Придется, может быть, бесплотным душам
Бороться «послушаньем и терпеньем»,
И рабская душа

(показывает на раба-старика)

не перестанет
Служить смиренно, не за страх, за совесть
Душе патрицианской всемогущей.
Он

(на торговца)

взвесит на весах добро и зло
И чистоту разделит по крупнице.
Тот

(на диакона)

раз в неделю будет угощать
Духовной пищей голых и голодных,
Таких, как мы. А мы-то, бедняки,
Стоять мы будем тихо и покорно,
Как нищие стоят пред господином,
Пока нам знак подаст отец епископ
Или хоть слово вымолвить позволит,
А может быть, велит пропеть осанну
Царю царей, всевышнему отцу,
Владыке всех рабов своих небесных.
Нет, право же, не лучше ли гореть
В геенне лютой до скончанья века,
Чем оставаться в рабстве беспросветном,
Откуда смерть освободить не может.

Епископ

(уже несколько раз пытался прервать эту речь и стучал посохом, гневно и грозно заглушает голос раба-неофита)

Прочь! Уходи от нас, исчадь тьмы!
Оставь собранье! Для чего ты здесь
Общину христианскую смущаешь?
В нору сокройся, отпрыск злой ехидны,
Откуда вылез на погибель душам!

Р а б - н е о ф и т

О, нет! Ты прогонять меня не смеешь!
Я к вам пришел по слову твоему,
Поверивши лукавым обещаньям,
Что будто бы найду любовь и мир.
Вы отняли навеки у меня
Последний мир, последнюю любовь
Навеки отравили. И теперь
Душа моя погибнет. Я не знал,
Что значит грех, я знал одно несчастье.
Вы научили, что такое грех
Бесчестный перед богом. Я-то верил,
Что смертию кончаются все муки.
А вы передо мной открыли вечность
Мучений адских за проступок легкий.
Так подарите же теперь защиту
И от бесчисленных грехов тяжелых.
Вы ближнего любить меня учили —
Так научите защищать его!
А не любуйтесь, опустивши руки,
Как в тяжком рабстве погибают братья.
Все ваше милосердьё как заплата
На вретище дырявом и гнилом, —
И оттого еще заметней бедность.
Или чужого молока довольно
Ребенку вместо материнской ласки?
Иль чистая туника даст, как прежде,
Жене моей былую чистоту?
Иль я забуду на собранье вашем
Позор и горе моего жилища?
Не хлеба я прошу у вас, не слова,
Но жадно жду любви неоскверненной,

Без зависти, без подлых помышлений.
К надежде ясной сердцем порываюсь
Хоть издалека увидеть свободу,
Чтобы мой сын, мой внук, мой дальний правнук
Дождался дня, когда само название,
Позорное название «раб» исчезнет.
Хочу уверовать в святую силу,
Что просветит и самый темный разум,
Сберет людей в свободную общину,
Без пастыря, без сторожа-владыки,
Не в стадо с пастухом своекорыстным,
С овчарками, трясущееся вечно
От воя львов, волков, лисиц, шакалов,
Гиен и прочих хищников коварных.
Не я один томлюсь духовной жаждой,
Не я один изголодался сердцем.
Немало нас таких. Мне говорил
Один товарищ, раб, что здесь, за Тибром,
Недалеко от гнилой мареммы,
Восставшие рабы разбили лагерь.
Они решили разорвать оковы
И сбросить с шеи вековое иго.

П а т р и ц и й

Ты думаешь, они надолго сбросят?

Р а б - н е о ф и т

Хотя б на миг, а постараться стоит!
Я среди вас на вечную свободу
Рассчитывал. Но, видно, и на миг
Вы «легкого ярма» не в силах сбросить.
Так лучше не печалиться *о вечном*,
На *временном* пока остановиться,
Взамен агап — на оргии кровавой.

П а т р и ц и й

Скажи уж — на позорной крестной казни!

Р а б - н е о ф и т

Эй, христиане! А с какой поры
У вас позорной эта казнь зовется?

Зачем же вы пугаете крестом?
Ведь и Мессия ваш не устыдился
Висеть с двумя разбойниками рядом
На том кресте.

П а т р и ц и й

Он освящает крест,
А не разбойники. Он спас их души,
А не они его. . .

Р а б - н е о ф и т

Ого! Да так ли?
А может, он и не царил бы в небе,
Над душами людскими не владычил,
Когда бы эта кровь не проливалась
Разбойников, восставших и мятежных,
На страх рабам и всем, кто «духом прост»?
А может, «послушанье и терпенье»
С лица земли давным-давно б исчезли,
Когда бы призрак этих двух распятых
Разбойников кровавых не страшил нас
Угрозою гибели напрасной!

М о л о д о й х р и с т и а н и н

Кто терпит и покорен, не страшится
Итти на смерть во имя сына божья,
За всех за нас распятого.

Р а б - н е о ф и т

Так, значит,
Он был распят, чтоб распинали нас?
Так где ж оно, в чем искупленье было
Вселенского греха, когда и ныне
Кровавое творится искупленье?

Е п и с к о п

Грех искуплен на небе. Не от мира
Сего господне царство. Смертно тело.
Душа блаженна присно и вовеки.
Спаситель отдал кровь и плоть свою

Насытить верных. А таким ничтожным
Рабам, как ты, совсем не пригодился
Тот дар святой, и гибнет он напрасно.

Р а б - н е о ф и т

А разве мало гибли мы напрасно,
Закланные пред идолом неправым,
Да и доньше гибнем за царя,
Нам присудившего навеки рабство?
Кто путь, уставленный крестами, смерил,
Путь, что рабами пройден был в веках?
Кто взвесил кровь, что и досель не пала
На палачей и снова отягчает
Потомков тех замученных героев?
По этой крови, как по багрянице,
Разостланной для цезарских триумфов,
Прошла богов бесчисленных фаланга
С земли на небо. Сколько же ей стлаться,
Чтоб шли и шли бесплотные тираны,
Чтоб мертвенные, призрачные боги
Бесценный пурпур крови попирали?
Своей же крови я не дам и капли
За кровь Христову. Если это правда,
Что был он богом, пусть хоть раз прольется
Напрасно божья кровь и за людей.
Мне все равно, один ли бог на небе,
Три бога, или триста, хоть мирьяды, —
Ни за какого гибнуть не хочу,
Ни за царя в неизвестном Эдеме,
Ни за тиранов на горе Олимпе.
С меня довольно рабства в этой жизни.
Я честь воздам титану Прометею.
Своих сынов не делал он рабами,
Он просветил не словом, а огнем,
Боролся не покорно, а мятежно,
Не трое суток мучился, а вечно,
И все же не назвал отцом тирана,
Но деспотом вселенским заклеил,
Предвозвещая всем богам погибель.
Я вслед за ним пойду. Но я погибну
Не за него, — не требует он жертвы, —
Но лишь за то, за что и он страдал.

Пусть никого мой крест не ужаснет.
И если только запылает в сердце
Святой огонь и хоть короткий миг
Я проживу не как несчастный раб,
А вольный, непокорный, богоравный, —
Тогда и на смерть весело пойду,
Тогда без жалоб на кресте погибну.

Внезапно Анцилодея раздражается безудержными рыданиями.

Р а б - н е о ф и т

(ласково)

О чем, сестра? Что так тебя смутило?
Иль это я обидел дерзким словом?

А н ц и л о д е я

Нет, брат... ты не обидел... только грустно...
Мне жаль тебя... Наверно, ты погибнешь.

Е п и с к о п

Не плачь. Лукавый раб не стоит слез.
Он поклонился духом Прометею,
А это Сатана, предвечный змий,
Что искушал на грех и непокорность.
Рабу такому нет у нас прощенья,
Нет благодати. Он уже погиб.
Оставим нечестивца. Отречемся.
Уйдем от зла и благо сотворим!

Р а б - н е о ф и т

Я встану за свободу против рабства,
Я выступлю за правду против вас.

Вся община двинулась со свечами в руках. Епископ впереди. Раб-неофит уходит один, другим переходом, в другую сторону.

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ДРАМА

I

Темница без окон, без дверей. Рыцарь - узник лежит в углу на соломе и спит; на него с низкого потолка падает едва заметный луч света, пробивающийся сквозь маленькую щелку в форточке, сделанной для передачи пищи. Издалека, откуда-то сверху, слышен чей-то приглушенный расстоянием или толщею стен голос, поющий песню.

Г о л о с

О, где мой защитник, мой витязь любимый?
Куда же он скрылся?
Его ожидая, стою у окна я, тревогой томима!
Погиб он, с тоской ли сдружился?
Навеки сдружился, надежду теряя
Ко мне возвратиться.
На миг повстречались, навеки расстались!
И жду я, страдая,
И людям не смею открыться. . .

Голос затихает, и в ту же минуту рыцарь просыпается.

У з н и к - р ы ц а р ь

Вновь голос тот иль сновиденье?
Моя утеха и мое страданье!
Откуда этот голос долетает?
Чего он хочет и чего он просит?
Что делать мне? И что я в силах сделать?
Что я могу в глухой темнице этой?
Могу о стены биться головою,
Упасть на землю в горе и печали
И грызть ее от голода, какмышь;
Могу застыть в страдании немом
И стать холодным, словно гад тюремный,

Слепой и равнодушный к этой жизни...
Вот что могу я, и не больше, право.
Хотя б весь свет... Да есть ли свет? И где он?
Здесь тихо все, темно и одиноко.
Уж лучше б — цепи, чтобы в тишине
Звенели громко, лучше бы палач
Пришел сюда вести меня на пытку.
Пусть бы вся темница озарилась
Огнями мук и ожила от крика!
О мученик великий, Прометей,
Завидую тебе! В твоей темнице
Небесный свод был крышей, горы — стены,
А море было словно пол широкий.
Звонка, просторна и светла темница!
Палач — орел, а деспот — громовержец.
На каждый крик твой отзывалась слава
Многоголосым эхом... Нет, Зевес
Тираном низким не был, он почетно
Карал своих противников великих,
А может быть, и не умели руки,
Привыкшие к громам, позор обрушить
На голову разбитого врага.
О, наш король, пигмей слепорожденный,
Бессильный трус, умеет превосходно
Противников позорить и бесчестить.
Проклятый знал, как покарать меня!
В тот день, когда я брошен был в темницу,
В тот самый день подписан был указ,
Что отменяет пытки он и казни.
В своей стране, презренный лицемер!
Пусть бы мне клещами рвали тело,
Я был бы рад: быть может, эта боль
Заставила б меня забыть темницу
И крик такой исторгла из груди,
Что стены задрожали б и распались.
О, как бы я пошел на казнь охотно!
Толпа шумела б, словно океан,
И расступалась перед осужденным,
Давая путь величю страданья.
В тот миг, когда бы голова моя,
Подъятая рукою палача,
Заговорила вновь кровавым словом,

Тиран бы дрогнул, слыша приговор,
Народный приговор: позор убийцам!
Но тишина царит теперь в стране,
Как и в темнице. Кровь людей молчит
И не взывает к небесам о мести,
А тихо стынет в ослабевших жилах. . .

Слышен тихий стук и шорох над потолком. Тоненькая полоска света исчезает, наступает полная темнота.

Что это? Свет погас? И ночь настала?
Быть может, это пищу принесли?

(Ждет.)

Нет, нет, не пищу. . . Горе! Закрывают
Последнее отверстие! Хоронят
Живым! Спасите! Иль убейте лучше,
Убейте сразу! Мертвым хороните!
Вы, звери! Ой, спасите!

Внезапно полоска света снова появляется, более широкая, нежели прежде, и чей-то приглушенный голос неожиданно шепчет.

Г о л о с

Тише, тише!

О, замолчите, или мы погибнем!

У з н и к

(тише)

Спасенье? Счастье! Звездочка! Ты здесь!
Пришла, сочувствуя моим мученьям.
Ты вспомнила несчастного? . .

Г о л о с

Молчите!

Все пропадет, и оба мы погибнем.
Ни звука!

Молчание. Спустя некоторое время наверху, в потолке, открывается крышка люка, и сноп света падает оттуда в темницу. Слепленный необычайным светом, узник закрывает лицо руками. В это время сверху спускается веревочная лестница, и по ней сходит в темницу женщина, закрывая за собой крышку люка. У женщины около пояса потайной фонарь, связка ключей и небольшая котомка. Сойдя с лестницы, женщина прикрывает фонарь так, что снова наступает темнота.

У з н и к

Мрак? И снова я один?

Ж е н щ и н а

Прислушаюсь и свет сейчас зажгу.

У з н и к

Позволь хотя б взглянуть мне на тебя.
Позволь поцеловать, благоговей,
Твоей одежды край!

Ж е н щ и н а

Нет, господин мой,
Такая честь не для служанки.

У з н и к

Как?

Ты не принцесса?

Ж е н щ и н а

Нет, я судомойка!
Я здесь служу на кухне! И над вами
Моя каморка.

У з н и к

Кто же там, скажи,
Кто песни пел как будто надо мною?

С л у ж а н к а

Простите, это я.

У з н и к

Ты? Невозможно!
Где эти песни петь ты научилась?

С л у ж а н к а

Я слышала, как их поет принцесса.

У з н и к

Но где ж она?

С л у ж а н к а

Простите, господин,
Нет времени у нас на разговоры,
Должны уйти скорее мы, покуда
Меня там не хватились.

У з н и к

Но куда?

С л у ж а н к а

По лестнице, прошу вас, господин!

У з н и к

А дальше что?

С л у ж а н к а

А там уж будет видно.
Вам только б выйти из темницы.

У з н и к

Правда!

Мне только б из темницы, ну, а там
Хоть и на смерть! Прости меня, что мало
Благодарил тебя я за спасенье.
Хоть и служанка ты, но благородна
Душа твоя!

С л у ж а н к а

Скорее, господин! . .

(Вынимает из котомки какие-то лохмотья.)

Вот вам тряпье, переоденьтесь нищим,
Все будет лучше, чем в одежде вашей.
Увидит кто, так, верно, не узнает,
Подумает, что нищий. Все же лучше,
Когда б никто нигде вас не увидел.

У з н и к

Никто, нигде? Прикажешь умереть?

С л у ж а н к а

О господин! Скорее!

У з н и к

Хорошо же!

Куда иду я? Все равно! Хоть в ад,

Лишь только б выйти! Ну, веди! На волю!

Служанка лезет наверх и светит фонарем узнику, следующему за ней. Перед тем, как поднять крышку люка, она закрывает фонарь, прислушивается, потом слегка открывает крышку, всматривается в щель и неожиданно выпрыгивает, совсем открыв люк в свою каморку. Узник спешит за нею. Лестница падает на землю. Люк беззвучно закрывается.

II

Комната в королевском дворце, в башне, где живет принцесса. В решетчатые окна врывается молодая поросль дикого винограда. В комнате много диковинных тепличных цветов; везде расставлены и разложены принадлежности для рукоделия: кросна, пальцы, прялки и пр.; по стенам и на столах гусли, цимбалы, бубны, бандуры и много других инструментов. В окраске предметов преобладает белое и красное. В комнатном беспорядке чувствуется какое-то бурное нетерпение. Три девушки сидят за работой: одна прядет, другая ткёт, третья шьёт.

П р я х а

Как долго не идет принцесса наша!

Т к а ч и х а

Не кончилось, должно быть, состязанье;
Принцесса там должна быть до конца,
Чтобы достойнейшего наградить
Своим венцом.

Ш в е я

Какая честь для них!
Вчерашняя простая босоножка,
Незнатного сословия и рода,
Судьей будет в рыцарских делах.

П р я х а

Что в прошлом босоножка — ничего,
Зато теперь светлейшая принцесса
И дама сердца нашего владыки.

Ш в е я

Ох, это сердце знало «дам» немало,
И не таких! Не первая она!

Т к а ч и х а

Не говори, таких ведь не бывало.
Не первый год живет она меж нами,
А короля любовь к ней все растет,
Она же равнодушна и горда,
Уже не как принцесса, как богиня.

Ш в е я

Капризничает перед старым, знает,
Что больше тот возьмет, кто дорожится.

Т к а ч и х а

Сдается мне, что ничего она
Не хочет взять, но если бы хотела,
То кто бы помешал ей хоть сегодня
Стать нашей королевой?

Ш в е я

Не болтай!
У ней уж, верно, что-то на уме.

Т к а ч и х а

А я ее совсем не понимаю.
Пришла к нам наниматься на работу,
Король ее взял тотчас во дворец
Придворной дамой к нашей королеве,
Берег ее, не требуя работы,
И отыскал какой-то герб забытый,
Как будто благородною она
Была от прадеда, чего ж еще?
Но вот скончалась наша королева,
Король и траура не доносил,
А к ней посватался. . .

Ш в е я

Да так ли это?
Уж не она ли распускает слухи?
Не слева ли посватался он к ней?

Т к а ч и х а

Нет, это я уже наверно знаю!

III

Вершина стеклянной горы. Светелка из матового стекла без потолка, откуда далеко видно небо и совсем не видно земли. В светелке блестят хрусталь, самоцветы, дорогие металлы, но в ней как-то холодно, неуютно.

Принцесса в белой одежде сидит и прядет золотую кудель на серебряной прялке; нитка внезапно обрывается, принцесса срывает кудель и бросает в угол.

Принцесса

Противна мне ненужная работа!
Зачем мне прясть? Кто это будет ткать?
Да и к чему? Лежат здесь горы тканей,
И золотых, и вышитых в мережку,
А кто их носит? Ха-ха-ха! Смешно!
Мечтала я когда-то день и ночь,
Что стану я нарядною принцессой,
Богатою и гордою такою,
Чтобы ко мне не смели подступить.
Ну вот, принцессою пастушка стала,
К тому же неприступною...

Голос

(где-то далеко внизу)

Сто пятый!

Принцесса

Сто пятый обреченный пал на землю...
Ох, как же страшно на гору им лезть,
Слепящую, высокую, крутую,
И вниз катиться... Сколько здесь отважных
Из-за меня погибло... Что я им?

Быть может, раз они меня видали
Иль слышали об участи принцессы,
Помолвленной неволею с тираном.
Неволею? А кто мечтал о царстве?
Кто знает, если б на моей помолвке
Я не влюбилась в рыцаря и с ним
Не научилась презирать тирана,
Была бы я, быть может, королевой,
Счастливою, и гордою, и злою,
Такою, как и тот мой нареченный.
Теперь же. . .

Г о л о с

(снизу)

Сто шестой!

П р и н ц е с с а

О, боже правый!

Зачем идут? Чего они хотят?
Моей свободы? Иль моей неволи?
Желает каждый в жены взять меня,
А я хочу свободно остаться.

Через стену светелки перелетает голубка, садится принцессе на плечо и на колени ей роняет письмо из клюва. Принцесса читает.

«Принцесса, время позабыть о сказках!
Хотим тебе простить мы благосклонно
Поступки недостойные твои,
Чтоб нашу супругой объявить,
Венчая королевой всенародно,
Коль ты смиришься, милости попросишь
И в знак того отправишь нам колечко
С голубкою.

Король, твой нареченный».

(Мнет и бросает письмо, прогоняет с плеча голубку и гонит ее платочком.)

Бесстыдная, лети отсюда, птица,
Насилью служишь ты, а не любви!

Голубка вьется вокруг нее и воркует; когда же принцесса ударяет ее по крылу, из-под крыла падает маленькая бумажка. Принцесса наклоняется, берет бумажку и читает.

«О гордая принцесса-босоножка,
Припомни дни, когда пасла гусей,
С девчонками с крутой горы каталась,
Отважно перепрыгивала лужи,
И вылезай из своего чулана,
Чтобы с горы хрустальной вниз скатиться
Не тем путем, что все зовут господским,
А только тем, что называют скотским.
Там, на болоте, ты не разобьешься,
И рыцари тебя встречать не будут,
Но... все равно, зато свободной будешь,
Хоть грязною немножко.

Верный шут».

(Принцесса задумывается.)

«Припомни дни, когда пасла гусей...»
Те дни ко мне уже не возвратятся...
И к туфелькам привыкла босоножка,
Да к золотым еще и королевским...
Как тяжело мне, оставив пол хрустальный,
Опять бродить по этим грязным лужам!
А «скотский путь» — противное название!
Мой верный шут, ты очень плохо шутишь!
И с кем же я там встретиться могу?
Со свиньями, быть может? Но довольно!
И думать не желаю я об этом!
Леги, голубка!

(Машет голубке, она летит и исчезает.)

«Будешь ты свободной,
Хоть грязною...» О белые одежды,
Оковами вы стали для меня
И не осмелюсь вас я запятнать
Уж ни за что! Ужели ни за что?
Знал мой мучитель, как меня сковать!

(Садится вышивать серебром фату.)

IV

Большой хлев с несколькими загородками для разного скота, к нему пристроены конюшни и загон. Слышно ржание, мычание и блеяние скота. На переднем плане два помещения для свиней, между ними узкий проход, где сложены лекарственные травы, корм и корыто для кормления скота. В хлеве довольно темно, только кое-где сквозь небольшие щели пробивается со двора свет, и поэтому темнота в углах кажется совсем черною, так что едва видно, как ворочаются свиньи.

С л у ж а н к а

(входит через дверцу из соседней загородки в проход между помещениями для свиней)

Ну, где же ты? Я принесла еду.

У з н и к

(выходит из темного угла и останавливается на свету)

Ох, мне не до еды! Пусти на волю!

С л у ж а н к а

Какой ты прыткий! Воли захотел!
Нет, лучше ты на свет не выходи,
Не то придут, увидят, будет худо.

Р ы ц а р ь

Доколе же мне прятаться в углах?
Доколе угнетать меня ты будешь?

С л у ж а н к а

Освобожу, когда настанет время.
Ведь я теперь уже не судомойка,
Приставлена за хлевом я смотреть.

Но, погоди, я ключницею стану,
А там, увидишь, буду экономкой,
А тут и до дворца недалеко,
И попаду к царевичу я в няньки.
Не век же королю на свете жить,
Умрет и он когда-нибудь, а там
Царевич, мой воспитанник, наверно,
Тебя помилует, чтоб няньке угодить.

Рыцарь

Да что ты мне рассказываешь сказки,
Зачем в глаза смеешься надо мною?
Нет ничего нигде еще, она же
Несет на постном масле чепуху
И груши мне на вербе обещает.

Служанка

Не любо, так не слушай! Вот беда!
Пойду-ка я! Минуты нет свободной!

(С досадой поворачивается, чтобы идти.)

Рыцарь

(хватает ее за руку)

Нет, погоди! Ты мне должна ответить,
Зачем меня упрятала сюда?

Служанка

Куда ж тебя еще могла я спрятать?
Тебя везде и стар и млад узнает,
Как только встретит. Бунтаря такого
Кто б не узнал? Вот только выйди, сразу
В свое ты подземелье попадешь!

Рыцарь

Ох, там не хуже!

Служанка

Жалко — так вернись!

Рыцарь

Тебе смешно? Как можешь ты смеяться
Над рыцарем?

С л у ж а н к а

Целую вашу ручку
И в ноги падаю, благодарю,
Что вы служанке подлой разрешили
Себя из ямы вытащить на свет
За благородное ушко, и даже
Так снисходительны к своей холопке,
Что и теперь из рук ее берете
Мужицкую еду. Поклон вам низкий!

(Насмешливо кланяется.)

Р ы ц а р ь

Молчи! Не смейся! Я пренебрегаю
Тобой не потому, что ты холопка,
А потому, что в услуженье совесть
Ты потеряла. Где теперь твои
И льстивые и масляные речи?
Пока меня сюда не заманила,
Была нежна, хоть к ране приложи,
Когда ж меня в свинарник заперла,
То стала ты ругаться, как торговка.

С л у ж а н к а

Доколе же мне нянчиться с тобою?
И то тебе не так и это тоже.
«В свинарник заперла», а то куда же,
По-твоему, тебя могла я спрятать?

Р ы ц а р ь

Хотя б в конюшню!

С л у ж а н к а

Вишь, чего он хочет!

Р ы ц а р ь

Ужель мне честь такая велика?

С л у ж а н к а

Честь иль не честь, а там тебе не быть, —
В конюшне свет, и каждый день выводят
Поить коней, и сам король приходит
Взглянуть на них.

Рыцарь

Тогда к овечкам, что ль,
Или к быкам, там все-таки почище.

Служанка

Какой чистюлька! Отвяжись, придира!
Из ямы вывела, какой еще ты воли
Себе хотел? Рожна тебе какого?
Какой хворобы иль беды какой?
Чумы, холеры?

Рыцарь

Прикуси губу ты!
Скажи по-человечески, тебе
Что надо от меня? Зачем спасала
Меня ты из тюрьмы? Чтоб здесь держать?

Служанка

И дурень же ты, право!

Рыцарь

Нет, скажи,
Ужель тебе не все равно, где буду
Я мучиться: в темнице или хлеве?

Служанка

Конечно, нет!

Рыцарь

Но почему?

Служанка

Да так!

Не понимаешь будто?

Рыцарь

Слово чести,
Не понимаю!

Служанка

(подходит и берет его за рукав)

Все-таки подумай,
То был ты там, а то ты здесь, со мною,

Хоть и тайком, а можем мы встречаться,
Хотя бы на минутку.

Рыцарь
Мы с тобой?

Служанка
Чему ж ты удивился? Я давно
Заметила тебя. Припомни день,
Когда созвал король на обрученье
Все рыцарство свое.

Рыцарь
Ох, этот день!

Служанка
Еще тогда я слугам помогала
В палатах и увидела тебя.
Ты что-то говорил там о народе
И требовал свободы для него.
В ту пору я подумала: ну, вот!
Король посватался к простой пастушке,
А рыцарь защищает мужиков, —
Так отчего б служанке-судомойке
Вдруг госпожой не сделаться? Скажи,
Когда отсюда выйдешь ты на волю
И вновь в своих поместьях утвердишься,
Ужель меня не поблагодаришь,
Ужель забудешь?

Рыцарь
Ох, забыть мне трудно! ..
Скажу тебе по правде, не забуду
И все отдам, чтоб только с глаз ушла.

Служанка
Чтоб с глаз ушла? Такая благодарность?
Ах, чтоб тебе и с места не сойти!

Рыцарь
Кляни, кляни, бери себе ты плату
За все твои постылые услуги.

Моя тюрьма мне очи ослепила,
Моя неволя разум омрачила,
Да так, что сдался я на уговоры
И позабыл о мудром, вещем слове,
Что некогда седой колдун сказал:
«Кто сам освободится — тот свободен,
Кого освободят — возьмут в неволю».
Мне эти речи темными казались,
Теперь я смысл их понял хорошо.
Кто выручит, тот требует награды,
А для людей нет дара драгоценней
Чужой свободы. О родном ребенке
Отец и мать пекутся и за то
Хотят покорности — неволи, значит.
Сойдутся добровольно молодые
И жаждут свадьбы, или вновь неволи.

С л у ж а н к а

А ты как думаешь? Свести с ума
И бросить? Умница какой! Без свадьбы
И каждый захотел бы!

Р ы ц а р ь

Что ты знаешь?
Вот я и без любви и без венчанья,
А все с тобою связан.

С л у ж а н к а

Милый мой!
(Хочет его обнять.)

Р ы ц а р ь

(отступая)

Ой, не спеши натянуть мне хомут!
С тебя довольно, что твое клеймо
На лбу носить я буду до конца.
И я того до смерти не забуду,
Что сам себя не вывел из тюрьмы
И не погиб, а, как бараң безмозглый,
Дал увести, куда, зачем — не знаю!
Нет, это слишком!

Г о л о с
(со двора)
Кто там?

С л у ж а н к а
(рыцарю, тихо)
Помолчи!

(Громко.)

Пришла я покормить свиней.
(Тихо, рыцарю.)

Ступай
В тот угол, не вертись, а если вдруг
Кто станет на тебя глядеть, ты хрюкни,
Подумают — свинья.

Р ы ц а р ь
С ума сошла ты!

Служанка толкает его в угол, он падает туда через низкую загородку; в ту же минуту дверца в загородке открывается, входит п а с т у х.

П а с т у х
Зачем ты здесь со свиньями воюешь?

С л у ж а н к а
Да ведь они, проклятые такие,
Как вырвутся, назад их не загонишь.

П а с т у х
Хотят и свиньи, видно, на прогулку.
Сегодня же я выпущу все стадо
Проветриться. Пустить вас, поросята?

С л у ж а н к а
Куда пустить? Да кто ж их выпускает?
Уж лучше б подождал ты до весны.

П а с т у х
А чем же не весна теперь? Гляди,
Как светит солнце над безлистным лесом.

И кажется, что скоро лопнут почки.
Я даже на прогалине нашел
Среди подснежников одну фиалку.
Еще немного, и гора растает.

С л у ж а н к а

Стекланная растает? Постыдись!
Она ж из хрусталя, не ледяная.

П а с т у х

Да кто там знает? Люди говорят,
Что если б жарко солнышко пригрело,
То все-таки растаяла б немножко.
Там, говорят, и лед есть и хрусталь.
Она ж не настоящая гора:
Строители большие деньги взяли,
Чтобы ее построить. Кто ж поверит,
Чтоб так-таки ни крошки не украли?
Ну, ты сама подумай, что дешевле,
Лед или хрусталь?

С л у ж а н к а

Известно всем, что лед!

П а с т у х

Вот то-то же и есть. А если солнце
Сквозь тот хрусталь прогреет глубоко,
И поплывут сокрытые потоки,
Да сдвинется хрусталь и, словно льдина,
Завалит хлевы нам и все конюшни,
Загоны и свинарник? То-то будет!

С л у ж а н к а

А разве прежде солнце не светило
Над нею?

П а с т у х

Нет, светило, да не так.
Ее построили порой осенней,
Холодной ночью, при студеных росах,
А там пошли дожди, метели, ветер.

Уж где там солнце? А теперь, гляди,
Не съехала бы на хрустальной глыбе
С горы своей прекрасная принцесса.

Рыцарь

Принцесса!

Пастух

Что там?

Служанка

Только эхо.

Пастух

Эхо?

Как эхо? Тут, в свинарнике? Вот чудо!..

Там сотни их разбились —

(тише)

Ты слышала? —

О мраморные плиты. С той горы
Скатились рыцари, все — храбрецы,
Страны своей опора. Вот несчастье!
Там, где «господский» путь, там больше круча,
А там, где «скотский», меньше, но известно,
Что рыцари не любят грязи; жаль,
Отсюда все же было б легче влезть
К принцессе-узнице в ее тюрьму.

Рыцарь

Тюрьму!

Пастух

Как! Что я слышу? Снова эхо?

Тут что-то да нечисто... Я слышал

О чем-то стороной...

(Смотрит служанке в глаза.)

Служанка

Вранье и сплетни!

Какая может быть сейчас весна?

П а с т у х

Увидим! А сказать тебе всю правду,
Погода-то погодою, а только
Велели для того нам выгнать стадо,
Чтобы почистить хлевы.

С л у ж а н к а

Тут же чисто!

П а с т у х

Не знаю, но везде в народе ропот,
Что от свиарника идет зараза
И что дышать немисливо, вода
Испортилась в колодцах и ключах —
Все оттого, что через хлев течет.
Король немало получает жалоб, —
Ты знаешь, люди стали непокорны!
И говорят еще, что в темном хлеве
По закоулкам спрятаться нетрудно
Тем рыцарям, что грязи не боятся.
Ну, вот король и приказал почистить
Хотя бы так, на глаз, да и пощупать
Во всех углах как следует.

С л у ж а н к а

Не дам

Откормленных свиней отсюда выгнать,
Так вся кормежка даром пропадет —
Не будут есть, когда почуют волю.
Не допущу я!

П а с т у х

Так тебя и спросят!

Свиарнику тут все равно не быть.
Король желает выстроить больницу
И всех людей лечить. Больница эта
Служить им будет также и тюрьмой.
Тюрьма для сумасшедших! Ну и штука!
Ее придумал наш ученый лекарь,
Он написал увесистую книгу,
А наш король его вознаградил,
И вот уже указ готовит новый,
Кого считать отныне сумасшедшим,

Кого держать пожизненно в больнице.
Сейчас я выгоню твоих свиней,
А чтоб они назад не возвратились,
На хуторе другом их помещу.
Я приказал подпаскам открывать
Загоны и конюшни. Слышишь рев?
Ну, отойди, я этот хлев открою.

Идет к воротам и хочет отомкнуть замок, служанка бросается к нему, хватая за руки и не дает отомкнуть, сопротивляется.

С л у ж а н к а

Не дам, не дам!

П а с т у х

Да отвяжись, чертовка!

С силой отталкивает ее от себя. Открывает ворота. Свет внезапно врывается в хлев, всюду светло, только в дальних углах попрежнему полумрак. Пастух открывает дверцы обоих помещений в проход, ведущий к воротам. Одни свиньи бросаются стремглав в ворота, другие собираются в кучу по углам, третьи кружатся на месте, задерживаясь в проходе.

Пастух выпускает их и гонит прочь, чтобы не толпились, потом выталкивает из углов ленивых, спрятавшихся в хлеве. Рыцарь-узник, увидев, что пастух приближается к нему, прячется в темный угол, но пастух толкает его палкой. Рыцарь издает неопределенный звук, нечто среднее между людским криком и звериным, потом неожиданно вскакивает и бежит к воротам. Служанка преграждает ему путь, он отталкивает ее и бежит дальше.

П а с т у х

Ой, кто это? Постой!

С л у ж а н к а

(зло)

Держи! Лови!

(Бросается в ворота за рыцарем.)

С т р о и т е л ь

(входит)

Ну, что ломать? Откуда начинать нам?
Ребята!

Входит толпа работников и помощников строителя.

П а с т у х

Подожди! Беда стряслась!
Тут убежал какой-то плут, бродяга.

С т р о и т е л ь

(около ворот)

Не этот ли, что на гору полез?

П а с т у х

Он! Он! Тот самый!

С т р о и т е л ь

Это что за баба

Там голосит? Глядите-ка, глядите!

Работники толпятся около ворот и смеются. На зов служанки
приходит толпа под п а с к о в.

С л у ж а н к а

(к подпаскам)

Скорей, ребята, на гору идите
И беглеца поймайте!

С т р о и т е л ь

Постыдись!

Того, кто лезет на гору, не ловят.
Ведь знаю я, что есть у вас обычай:
Лежачих бить, как только сорвались.
Покуда ж лезут на гору, пусть лезут.
Ломайте стену, чтоб светлее было!

Работники ломами, топорами ломают стену, она вскоре падает.
Открывается вид на стеклянную гору. Рыцарь карабкается на
гору, цепляясь за хрустальные выступы. Вскоре на крыше хру-
стального замка появляется принцесса.

П р и н ц е с с а

Как далеко, как широко
Виден божий свет!

Р ы ц а р ь

(на середине горы)

Что же там звенит высоко?
То ее привет!

П р и н ц е с с а

(заметив его)

Не губи ты жизнь бесцельно,
Уходи назад!

Р ы ц а р ь

Не житье мне в подземелье,
Я ему не рад!

П р и н ц е с с а

Здесь тебя, помилуй боже,
Снова ждет тюрьма.

Р ы ц а р ь

Мне возврата быть не может.
Ты пойми сама!

П р и н ц е с с а

Светит солнышко пригоже,
Кончилась зима,
С нею я погибну тоже.

В эту минуту налетает порыв холодного ветра, рыцарь прячется в углублении горы.

П р и н ц е с с а

Но погибнет тьма.

(В отчаянии всплескивает руками. В вышине слышны крики лебедей и диких гусей, улетающих большими стаями в теплые края. Принцесса протягивает к ним руки.)

Гуси, лебеди, летите,
Нас на крыльях унесите
Из страны, где дышат вьюги,
К солнцу жаркому на юге!

Гуси и лебеди отвечают жалобным криком; подымается большой ветер, надвигается белая туча, солнце прячется, и начинается метель. Птицы исчезают в белом хаосе.

Р ы ц а р ь

О, горé! Стынут и немеют руки!

(Опускает руки и скатывается с горы в долину.)

Принцесса

Я дважды не снесу разлуки!
К тебе иду,
На волю и беду.

(Бросается с крыши и тоже скатывается в долину.)

В долине рабочие-строители, пастух, служанка и подпаски, напряженно ожидавшие до сих пор конца сцены.

Вся толпа

Ох!

Служанка

Что, разбились?

1-й работник

Принцесса умерла!

Служанка

О, слава богу!

А он? Живой?

Строитель

(стоящий близ тех, что упали)

Смотрите, оба дышат!

Пастух

(подпаскам)

Несите же в больницу их!

Подпаски хотят взять рыцаря и принцессу. Строитель делает знак своим, те окружают его и упавших.

Строитель

Постойте,

Мне этот путь известен хорошо:

Тюрьма, больница и опять тюрьма,

И так всю жизнь. Ребята, не давайте,

Довольно с нас и тюрем и больниц!

Машет рукой и, пожав плечами, идет прочь. Пастух и служанка с подпасками наступают, строитель и работники отбиваются; сначала борются руками, потом пускают в ход палки, колья и камни.

Рыцарь

(слабым голосом)

Не надо, все напрасно... Мы умрем.

1-й работник

Теперь уже не вас мы защищаем —
Самих себя.

2-й работник

Да что там, надоело
Свинарники и тюрьмы вечно строить.

3-й работник

А после разрушать их...

4-й работник

Чтобы снова
Все то же строить.

5-й работник

А кому? Наверно,
Самим себе.

Рыцарь

Напрасна, ох, напрасна
Борьба!

Строитель

Хотя б и захотели мы,
Нам нет уже возврата. Сам ты видишь!

Подпаски отступают и издалека бросают не очень метко комья
земли и палки.

Служанка

Я королю пожалуюсь на вас!

(Идет; с нею уходит часть подпасков.)

1-й работник

Ну и катись!

Строитель

(работнику-подростку)

А ты беги скорее

Да позови товарищей на помощь:
Пускай гонцов повсюду разошлют,
Чтоб знали все, как это трудно сделать.
Беги!

Парень идет, но тотчас же, испуганный, возвращается.

П а р е н ь

Ах, мастер! Нам нельзя в свинарник
Пройти никак. Смотрительница там
Вернуть подпаскам стадо приказала.
Бежит весь гурт от страха в беспорядке —
Поломаны повсюду загородки.
Тот прет сюда, другой куда попало,
А впереди и свиньи и быки,
Да жеребцы, да с козами бараны.
Я убежал... едва не растоптали...
Ох, мастер!

Слышен дикий рев, треск уцелевших загоронок, крики подпасков.

Ой, они бегут, бегут!

Парень бросается на гору и останавливается на выступе. Стена, которая отделяет свинарник от остальных хлевов, трещит. Стадо столпилось перед узкою дверцей, ведущей из загона в свинарник, и вот-вот прорвется в нее.

С т р о и т е л ь

Скорее, братья, надо что-то делать!
Ведь если стадо сунется сюда,
Растопчет сразу нас и их.

(Показывает на рыцаря и принцессу.)

П р и н ц е с с а

(слабым голосом)

О боже,
Не дайте нам пропасть в болоте этом!
Такая смерть позорна...

(Силится встать.)

Помогите!

Рыцарь

(тоже хочет встать)

Ой, помогите!

1-й работник

Ну, вставайте сами,

Нам не до помощи. И мы боимся смерти.

Рыцарь и принцесса, помогая друг другу, поднимаются. В эту минуту толпа ремесленников увлекает их за собою, и неожиданно людская волна выносит их на первый выступ горы. В это время скот выламывает дверцу и часть перегородки и врывается на передний план. Люди, не успевшие подняться на гору или сорвавшиеся с нее, падают на рога и под копыта скота и погибают, раскопанные в болоте. Рев стада, вопли и стоны погибающих и крики стоящих на горе сливаются в дикий гул. Подножие хрустальной горы забрызгано грязью и кровью.

Строитель

(мастерам, которые кучками жмутся по уступам горы)

Скорее, братья, надо что-то делать!

1-й мастер

Полезем в гору!

2-й мастер

Ну, а дальше что?

1-й мастер

Там будет видно.

Принцесса

Там неволя, братья, —

Я знаю это.

1-й мастер

Одному неволя,

Всем вместе будет воля.

3-й мастер

Нет, не так,

Без помощи погибнуть мы должны, —
Послать нам за товарищами надо.

4-й мастер
Кого? Уж не тебя ли?

3-й мастер
Хоть меня!

Несколько голосов
(звучит)
Куда ты? Сумасшедший! Стой! Вернись!

Строитель
Вот мой совет: мы вырубить должны
В горе ступени, чтоб стоять нам твердо
И чтоб взобраться на вершину. Братья,
Орлы недаром гнезда вьют в горах.
Влезть на гору бывает нелегко,
Зато с горы обороняться легче.

2-й мастер
Эй, за работу!

3-й мастер
Эй, за дело, братья!

Рыцарь
(с самого нижнего уступа)
Святой порыв — и все-таки напрасный!
Чего добьемся? На гору мы влезем,
А там и власти явятся и войско,
И нас заставят снова слезть с горы.

1-й мастер
Так и послушаем!

Рыцарь
А вот заставят,
Не силою, так голодом заставят.

1-й мастер
Еды нам хватит.

Рыцарь
А надолго ль хватит?

1-й мастер

Да на два дня, пока придет к нам помощь.

Рыцарь

Откуда ж эта помощь?

1-й мастер

Бойся бога!

Да что мы за несчастные сироты?
Небось, у нас товарищи найдутся,
Небось, откликнутся на зов наш братский
И нам они погибнуть не дадут.
Добрался ли к ним посланный, кто знает...
А если нет, кто весточку доставит?

Строитель

Кто весточку доставит? Наши ружья,
Сраженья грохот, красные знамена.
Товарищи! Кто красную рубаху
Или платок имеет, пусть скорее
Привяжет к палке — это будет знамя.
На каждой же ступени, что мы выьем,
Воткнем мы также красные флажки,
Чтоб издали их люди увидали.
Пускай по ним товарищи узнают,
Где нашей кровью заалелась воля
И где нужна нам братская их помощь.

Мастера вынимают из-за поясов топоры и начинают вырубать в горе ступени. Кое-кто разрывает свою красную одежду и раздает товарищам на знамена.

Принцесса

Вот покрывало красное возьмите!
Не день, не два его я вышивала
И подрубала золотом в неволе,
Когда невольничьи я пела песни,
Минуты светлой долго ожидая.
Теперь пора настала красоваться
Моим узорам.

Строитель

Будем на вершине —
Твой дар мы водрузим.

Молодой парень

(рубя)

Нет, на вершине
Мы водрузим наш цеховой значок,
На диво людям! А себе на славу!

1-й мастер

Ого! Да ведь его здесь нет у нас.

Молодой парень

Недолго новый вышить.

Принцесса

Кто же тут

Умеет вышивать?

Молодой парень

Да хоть бы вы,

Ясновельможная!

1-й мастер

Ишь, как учтиво

Пастушку величаешь!

Принцесса

Перестаньте,

Теперь уж и почтенье и насмешка

Не для принцессы-босоножки. Знатность

Осталась там

(показывает на долину)

и не светла уже,

Замарана, затоптана, забита.

Сияла некогда она вверху,

Да не на радость ни себе, ни людям.

Хоть для нее построена гора,

Но понести зато пришлось мне кару,

Большую кару. Тот, кто не достиг

Вершины, не поймет, как падать страшно;

Кто чистоты не знает хрусталя,

Тот не поймет, как тяжело загрязниться.

Не так меня тревожит боль, как грязь.

Молодой парень

(1-му мастеру)

Что хочешь говори, а мне вот жаль
Принцессу-босоножку.

1-й мастер

Ясно — краля,

Вот и раскис ты!

Молодой парень

Нет, не в этом дело,

Ее судьба, по правде, необычна...

(Задумывается.)

1-й мастер

Вот черт принес принцессу-замарашку,
Ребята только слюни распускают.

Молодой парень встрепенулся и начал упорно рубить гору.

Молодой парень

Да я тебя в работе обгоню,
Но не сердись, когда я не тебе
И не таким, как ты, пробью дорогу.

1-й мастер

Кому ж тогда? Принцессе, может быть?

Молодой парень

Хотя б и так!

1-й мастер

Зачем она нужна?

Молодой парень

Чтоб вышила нам цеховой значок.

(Принцессе.)

Согласны ли?

Принцесса

От всей души согласна.
В моей светлице спрятано немало
Узоров, шитых серебром и золотом,
И кисей и пряжи, хоть на выбор.
Я и сейчас могу на память вышить
Любой узор на цеховом значке.
Недаром же сидела я на вышке —
Теперь пастушка мастерицей стала.
И если я могу вам пригодиться,
То помогите на гору взобраться.
Самой мне сделать это не под силу:
Немало ран и зримых и незримых
Я получила, падая с горы.

Молодой парень спускается и подает принцессе руку.

Рыцарь

Уходишь? Ты меня бросаешь?

Молодой парень

Рыцарь,
Никто и вам итти не запрещает.

Рыцарь

Бессилен я.

Принцесса

И я бессильна, милый,
Но в душу новая приходит сила
И в сердце просыпается отвага,
Когда я вижу новой жизни свет.
Взгляни, как ожила моя темница,
Холодная и мертвая гора!
Как мак, цветут пурпурные знамена,
И искорки трещат под топорами!
Как весело!

Рыцарь

Недолго веселиться!
Заплакать бы вам скоро не пришлось!

Молодой парень
Тогда мы и заплачем, как придется,
Ну, а пока не будем ждать, идем!

Рыцарь

Я не пойду, и вам идти не надо.
Подумайте, в какой вы путь пустились.
Вы со скотиной сладить не могли,
Что ж будет, если вдруг нагрянет войско?
Ведь вам король, наверно, не простит,
Что вы ему всю гору ископали
И начатую бросили работу,
Да за другое дело принялись.

Молодой парень
За это отвечает наш строитель
И все товарищи.

Рыцарь

Но я слышал,
Что и сама гора растаять может,
Что у нее подножье из льда.

Принцесса

Когда ж она растает?

Рыцарь

Да весною.

Принцесса

Ты видишь сам, что осень на дворе.

Молодой парень

Скорей мы докопаемся до льда,
Коль там он есть, чем ты весны дождешься.
Когда же докопаемся, увидим,
Что делать нам, его рубить ли дальше
Иль ждать весны.

Рыцарь

Тогда уж будет поздно!
Открытый лед и осенью растает,
Гора обрушится и нас задавит.

Молодой парень

А что, по-твоему, должны мы делать?
Уйти отсюда свиньям на съеденье?

Рыцарь

Нет, здесь присесть, на первом же уступе —
Здесь безопасно, стаду не добраться, —
И ждать. Не вечно ж будет беспорядок.
Уже идут с собаками подпаски,
Чтоб все устроить, приготовить стойла
И стадо в них загнать.

Молодой парень

Опять назад!

Опять зараза, грязь и нечистоты!

Рыцарь

Проветрилось уже за это время,
Быть может, скоро хлевы все разрушат.
К тому ведь шло... Пожалуй, я виновен,
Что дело до конца не довели.
Сначала я, а там и вы, конечно,
Испортили все дело.

1-й мастер

Вот те на!

Мы «дело все испортили»! Ну, рыцарь,
Жалею я, что я тебя не отдал
Той бабе. Славная была бы пара!

Принцесса

(дрожащим голосом рыцарю)

Да что же ты? Чего теперь ты хочешь?
Ужель тебе неволя не постыла?

Рыцарь

Постыла, оттого-то и боюсь,
И впредь уже я снова не отважусь
Пойти на легкомысленный поступок.
Я думаю, что наш король не зверь

И что увечных он не покарает.
И ты, и я — мы оба пострадали.
На что же мы ему? Он нас простит.

П р и н ц е с с а

А мастеров?

Р ы ц а р ь

Их? Может быть, простит!

(Совсем тихо, смущенно, но с обожанием глядя в глаза принцессе.)

И, наконец, что нам до них теперь?
Устали мы...

М о л о д о й п а р е н ь

Так пропадай один!

И нам теперь нет дела до тебя,
Ничтожество! Ты должен быть доволен,
Что мастера лежачего не бьют.
А то б я первый...

(Плюет и поворачивается к принцессе.)

На гору пойдём!

П р и н ц е с с а

Одну минуту! Ты не знаешь, парень,
Как трудно *так* с любимым расставаться.

(Рыцарю.)

Скажи мне, рыцарь, друг мой, что с тобою?
Душа ль разбита, сердце ли мертво?
Где речи пылкие, где та отвага,
Которыми меня ты чаровал?
Гремело слово, как поток весенний,
Как божий гром с небес...

Р ы ц а р ь

(мрачно)

Все миновало!

П р и н ц е с с а

Светила мысль, как яркая зарница,
Как утренняя звездочка во мгле,
Горела радостно.

Р ы ц а р ь

(мрачно)

Все миновало!

П р и н ц е с с а

Отвага в сердце рдела, словно пламень,
Ей не были страшны крутые горы,
Ущелья, пропасти. . .

Р ы ц а р ь

Все миновало

И не вернется. . . Я устал смертельно.

М о л о д о й п а р е н ь

Ты, ты устал? А от какой работы?

Р ы ц а р ь

Ох, без работы больше устают.
Не знаешь, парень, как томит неволя.

П р и н ц е с с а

Я знаю, друг, но знаю я и то,
Что соколов подрезанные крылья
На воле орастают.

Р ы ц а р ь

Вот беда!

Не сокол я, иль, может быть, неволя
Сожгла мне крылья, — чувствую душой,
Я чувствую, что им не отрасли.

П р и н ц е с с а

Недавно все-таки они парили
Так широко.

Рыцарь

То был порыв последний,
Он показал — нет крыльев у меня.
Была мечта лишь и самообман,
Как будто я носил их за плечами,
И... слушай... признаюсь я, не отвага —
Отчаянье вело меня вперед.
Казалось мне, что нет уже возврата,
Хоть я и знал, что нету и спасенья.

Принцесса

Неправда, нет, ты на себя клеветешь,
Тогда ты так не думал, а *теперь*
Чернит тебя предательская память.

Рыцарь

Возможно... Все ж... поверь ты мне теперь,
Что я устал смертельно. Тот порыв
Увлек мою заржавленную душу,
Ее неволя ржавчиной покрыла,
Что ж увлекло — отчаянье, геройство, —
Сама реши!

Принцесса молчит, и слезы выступают у нее на глазах.

Молодой парень

(тихо)

Пойдем!

Принцесса

(рыцарю, умоляя)

Пойдем, любимый!

Рыцарь

Нет, не пойду!

Принцесса

(рыдая)

Прощай!

(Поворачивается, чтоб идти, парень берет ее за руку.)

Рыцарь

(неожиданно с бессильной злобой)

Ах ты, злодейка!

Бесстыдница! Меняешь, как перчатки,

Ты женихов! Был рыцарь, был король,
А раньше всех пастух был или конюх,
А кто теперь? Не парень ли кудрявый?
Ну, мастер, поздравляю! Ненадолго!

Молодой парень

(подымая обломок хрустала)

Не вытерплю и череп раскрою!

Принцесса

(удерживая его за руку)

Постой, лежачего не бьют! Мой рыцарь,
Благодарю за дерзкие слова, —
Теперь тебя нетрудно мне покинуть,
Ты будешь вновь и крепким и здоровым,
Но для меня ты умер. Я сегодня
Похоронила друга. Может быть,
Врага я завтра встречу. Будь здоров.

(Парню.)

Идем! Пора! Напрасно тратишь время,
Смотри — вперед товарищи ушли.

Молодой парень

Я нагоню.

(Рубит.)

Скажите нам, строитель,
А скоро ли мы будем на горе?

Строитель

Какой ты прыткий! Нет, еще не скоро,
Длинней осенней сказки это дело.

Принцесса

Зато оно окончится весной.

Рыцарь

(мрачно, сидя неподвижно на низком уступе)

А после осени зима настанет.

Строитель

Но и зиме на свете есть конец.

—

Конец, может быть, когда-нибудь и будет.

Тифлис, 25 января 1905 г.

РУФИН И ПРИСЦИЛЛА

ОТРЫВОК ИЗ ДРАМЫ

Темница, довольно просторная, но очень низкая, с небольшими, скорее широкими, чем высокими, окнами под самым потолком. Свет падает скупо, и только привычный взгляд может рассмотреть много людей, которые сидят и лежат на полу или же ходят из угла в угол размеренным шагом, звеня кандалами. Среди узников находятся Теофил, Парвус, Фортунат, епископ, диакон, Редививус, Рената и все, кто был на собрании у Руфина. Нартал короткой цепью прикован к столбу посредине темницы. Кандалы сильно препятствуют всем его движениям, однако он очень спокойно ведет себя и передвигается, сколько может.

Диакон

Как долго не приводят их назад!

Фортунат

Наверно, снова их на пытку взяли.

Люций

Зачем все это?.. Ведь Руфин сказал
Одну лишь правду, что обязан судьям
Сказать любой из честных римских граждан.

Парвус

(сквозь зубы)

И может, даже больше...

Люций

Что сказал ты?

Как это понимать?

Парвус

(угрюмо)

Да ничего я...

Одно мне только странно, что Руфин,

Один из «справедливых римских граждан»,
Не объявил, как все мы, так же просто:
«Христианин я», а крутил, крутил
Сюда, туда, и так, и сяк...

Люций

Неправда!

Никак он не крутил, ответил сразу:
«Я знал, зачем собрания бывают,
И сам, без уговоров с кем-нибудь,
Я пригласил к себе общину». Вот что
Префекту он сказал, я слышал все
И все слова запомнил.

Парвус

Что ж, неплохо
Иметь такую память! Но открой мне,
Коль ты запомнил все его слова,
Что он сказал судье, когда был спрошен,
Сторонник ли он веры христианской?

Люций

Что ж! Он сказал: «Пусть судят по деяньям».

Парвус

Правдиво ль это? Ты ответ припомни,
Когда его спросили, почему он
Култ цезаря в своем доме забыл:
«Его не чтут не только христиане!» —
Сказал Руфин, прегордо усмехнувшись,
И больше слова не хотел прибавить.
Нет, он сказал еще, и это хуже,
Когда его про умыслы спросили,
Какие он имел, нас приглашая.
Ответил он: «Что замышлял, то сделал».

Люций

Я ничего плохого здесь не вижу.

Парвус

(вспыхнув гневом)

Конечно! Ведь и ты с ним вместе был,
Те исполняя «замыслы».

Люций
(не понимая)

Что значит...

(Вдруг догадываясь.)

Ты, слушай, говори все до конца,
Коль начал, иль совсем не начинай,
А то шипишь змеею подколодной.

Парвус
(остальным)

Так говорит христианин-патриций,
Приветливый и добрый.

Люций
(немного пристыженный)

Нет, по правде,
Когда в чем обвиняешь, то скажи
Открыто, так, как подобает братьям.
Ведь все мы вместе кандалы здесь носим,
И всех нас участь ждет одна и та же...

Парвус

Ну, это неизвестно, кто как долго
Носить оковы будет и кому
Какая участь выпадет...

Люций

Известно,
Что мы осуждены на смерть.

Парвус

Тогда уж,
Как приговор свершится, станет ясным,
Кто осужден был подлинно, кто только
Для виду. Я вовеки не поверю,
Чтоб тот, кто страже путь к нам указал,
Мог в самом деле тоже быть казненным.
Предательством заплатят разве судьи
Тому, кто предал нас?

Фортунат

Нас Круста предал,

Известно это всем нам, для чего же
Небратские ведете разговоры?

П а р в у с

Да, Круста Крустою, а где был Люций,
Пока центурион к нам не пришел?

Л ю ц и й

Отправив Крусту, я вернулся. После
Руфин и я вели беседу.

П а р в у с

Странно!

Патриции, взамен собраний наших,
Заводят разговоры по углам!
Однако на суде что ж промолчал ты,
О чем была беседа между вами.

Л ю ц и й

Я не хотел никак вредить Руфину,
Пусть о себе свидетельствует каждый:
Я обращал Руфина в нашу веру,
Его хотел вот-вот ввести в общину...

П а р в у с

(иронически)

И что ж? Центурион вам помешал?

Л ю ц и й

(не совсем уверенно)

Я думаю, что так.

П а р в у с

Все можно думать.

Л ю ц и й

(вновь раздражаясь)

А ты что думаешь?

П а р в у с

Пусть лучше мысли
Мои останутся при мне.

Люций

Вас, братья,
Зову я в судьи между ним и мною.

Фортунат

(миролюбиво)

Ну, для чего судиться? «Не судите —
И не судимы будете», — господь
Сказал, и, зная, что предаст Иуда
Его, господь не осудил Иуду
И не велел апостолам своим
Судить.

Люций

(дрожащим голосом)

Ты, Фортунат, я знаю,
Душою прост, и ты не понимаешь,
Что за отравка есть в твоих словах.

Нартал

(внезапно отзывается хриплым голосом)

Что там «душою прост»? Доколе будешь
Ты, Люций, с ними нянчиться, все время
Водиться с ними? Если бы я мог
На месте быть твоим, хоть с кандалами,
Но только не прикованным к столбу,
Тогда давно бы этим «братьям» нашим
Я братство показал свое, чтоб знали,
Как жалить втихомолку да шипеть им!
Гнездо змеиное! Перед врагами
Под ноги стелются, как будто сдохли,
А перед братом на дыбы встают
И закусать готовы! Скорпионы!

Епископ

(подходит медленно из дальнего угла к Нарталу)
Смирись, мой сыне...

Нартал

(резко)

Я тебе не сын.

Отец нашелся!

Епископ

(со страхом к остальным)

Что в него вселилось?

Нартал

Что? Желчь! Которой вы не позволяли
Бурлить и выкипать, — сейчас она
В меня вцепилась, задушить готова,
Я выплуну ее тебе в лицо!

Плюет на епископа, тот уклоняется, христиане с грозным звяканьем
кандалов бросаются к Нарталу.

Епископ

(быстро опомнившись от оскорбления)

Не трогайте! Стерпел я оскорбленья.
Вы за меня стерпите, умоляю.
Одна овца плохая пусть не губит
Христово стадо все своей заразой.

Нартал, дико, пронзительно закричав, забился, словно в корчах.

Тюремный сторож

(вбегая в темницу с ременной тройчаткой)

Что здесь у вас?

(Нарталу.)

Вновь этот бесноватый?
Ты замолчишь ли? Выродок проклятый!

Бьет его несколько раз тройчаткой, тот хрипит, сжав зубы. Сторож
выходит за двери, оглядываясь и погрозив на ходу тройчаткой.
Некоторое время в темнице царит тяжелая тишина.

Люций

*(подходит к Нарталу, который как-то весь опустился, словно
умерший на кресте)*

Кто даст воды? Он в обмороке будто.

Рената

*(подает воду в глиняной кружке и помогает Люцию привести
в чувство Нартала)*

Уже глядит. Ему как будто легче. . .

(Уходит снова к своему жениху Редививусу.)

Люций

(тихо, Нарталу. Весь дальнейший разговор ведется вполголоса, едва слышимый остальным)

Мой дорогой, поймешь ли ты, как трудно
Мне знать, что за меня ты пострадал.
Но все же ты встревожился напрасно,
Ведь я совсем не так уж опечален
Тем, что здесь Парвус говорил недавно.
Я верю: если не теперь, так после,
А правда нашим всем глаза откроет.
И я прошу тебя во имя дружбы,
Во имя власти той, что я когда-то
Имел над чистою твоей душою...

Нартал

(тихо, но горько)

Не говори со мной, не вспоминай ты
Об этой власти. Я и сам ведь знаю,
Что был твоим рабом, что ты, патриций,
Богач и римлянин, купил меня,
Несчастливого и дикого номада,
И с телом и с душою.

Люций

Мальчик милый,
Я выкупил тебя, а не купил!
Ты был моим рабом минуту разве,
И то формально.

Нартал

Был всегда рабом!
Ведь римляне вовеки не давали
Рабам освобожденья. Ты купил
Меня с душою. Я у господина
Знал, что мне римлян надо ненавидеть,
А здесь я должен полюбить тебя.

Люций

(с мягкой усмешкой в голосе)

Что ж, это зло?

Н а р т а л

(качает головой, при этом кандалы тихо бренчат)

О, зло, большое зло!

И хуже нет, чем это!.. Был я дикий,
Горячий, гордый, словно зверь в пустыне.
Попавши в клетку, грыз, ломал решетку,
Как лев, как барс, и рвался вновь в пустыню,
Как на врага, на господина рвался
И вырвался б на волю иль погиб,
Когда б не ты.

Л ю ц и й

Тебя не принуждал я,
Ты мог домой итти, когда б хотел.

Н а р т а л

Когда хотеть бы мог! Теперь я знаю:
Тем хитрый Рим и властвует над нами,
Что он от нас желанья отнимает.
Здесь римлянин любой скорей погибнет,
Чем варвару даст волю, — так и ты!
Не ты ли мне показывать стал сразу
Не сквозь решетку, а на вольной воле
Красу Италии, богатство Рима, —
Дух захватило! И совсем забыл я
Мою пустыню и шатер отца
Для нечисти блистательной. Потом
Ты мне открыл сокровища другие —
Свет философии, наук, таланты, —
И я, несчастный варвар, думал,
Что римлянином сам навеки стал,
Да что и Рим меня за сына принял.
Ошибся я, и скоро показали
Сограждане твои ошибку эту,
Патриции да выскочки-плебеи, —
Всегда они презреньем вызывали
Со дна души моей бывшего зверя,
Я становился вновь номадом диким,
Душою поворачивался к дому.
Но снова сплел ты для меня силок:
Ты обратил номада в христианство.

Тогда-то власть и стала беспредельной,
Господство надо мной твое — безмерным.
Ох, как же тяжко я тогда страдал!
Не знал ты, как рыдал бывало горько,
Как я в ночах оплакивал неволю.
И я жалел о той железной клетке,
Где был я телом раб, душой свободный,
А возвращенья не было уж мне.
Красы Италии, богатство Рима
И разума сокровищ не хватало.
Дал ты мне волю и меня изнежил, —
Душе растленной захотелось неба,
Блаженства вечного, богатств надземных,
И продал я за них и честь и гордость.

Люций

Но получил любовь и мир душевный.

Нартал

Неправда! Сам ты знаешь, что неправда.
Нет, я врагов любить не научился.
Я лгал себе, что я люблю врагов,
Чтоб хоть обманом, но достигнуть неба.
Но все ж неправдой неба не достигнуть,
И я сломал себя совсем напрасно
И ни за что в бесславье погибаю!
Как будто пес, к столбу прикован я, —
Вот мне награда за житье собачье!
И, никого не полюбивший в жизни,
Как пес хозяина, тебя любил я,
Не зная, что ты враг мой самый страшный,
А то бы ненавидел и тогда
Так, как теперь. Однако здесь я только,
В темнице, на таком большом досуге,
Постиг всю тяжесть своего позора
И твоего злодейства.

Люций

(с глубоким сочувствием, искренно)

Мальчик бедный!

У Нартала вырывается короткое рыдание, но он немедленно усилием воли прекращает его.

Н а р т а л

Молчи! Молчи! Ты вновь меня опутать,
Поймать в ловушку хочешь? Знаю я
Теперь все злое римское коварство.
Сейчас я понял, что же заставляет
Вас, воинов жестоких, обратиться
К религии любви и всепрощенья, —
Еще свободных вы сковать хотите,
Без войска подчинить себе всю землю,
На варваров на всех надеть ярмо,
Все Карфагены без войны разрушить.
Ну что, не правда?

(Люций молчит.)

А, молчишь, молчишь?
Ага, я наступил тебе на горло?

Л ю ц и й

Нет, подожди! Что за ярмо такое?
Пусть Рим и будет властвовать над вами,
Он не мечом вас покорит — любовью.

Н а р т а л

Желал бы ты увидеть покоренным
Рим Карфагеном, хоть бы и любовью?

(Люций молчит.)

Теперь меня ничем ты не обманешь,
Ничем не свяжешь душу ты мою!
Ох, если б только кандалы мне сбросить,
Я так бы Риму отомстил!

Л ю ц и й

Несчастный!

Что б сделал ты?

Н а р т а л

(вдруг выкрикнул на всю темницу)

Я этот Рим поджег бы!

Среди заключенных слышны вскрики ужаса.

И по ветру бы я развеял пепел.

И соль посеял бы на пепелище,
Чтоб и трава не выросла!

Кто-то из христиан
О боже!
Чего не скажет здесь безумный варвар!

Фортуна т
Не услышала б стража этих слов. . .

Люций
(уже несколько сурово)
Ты лишнее сболтнул — неправду, видно.
Ты никогда бы не пошел на это.

Нартал
Я не пошел бы?
(Вдруг замолкает, потом, глухо застонав.)

Верно это! Верно!
Сгноил, сгноил мою отвагу Рим!
Громко рыдает от ярости и боли. Люций молча стоит возле него,
опустив руки; потом, вздохнув, отходит.

Нартал
(начинает так, что его речь напоминает восточный надгробный плач)

Ой, горе, горе мне! Шатры в пустыне!
Зачем вас предал? О мое оружие,
Зачем тебя не поднял на врага?

Флегон
(с суеверным страхом)
Кто меч поднимет, от меча погибнет.

Нартал
(с внезапным порывом, словно с радостью)
О боги, боги! Смерти нет честней!
Как жаль, что раньше я не догадался!
(Смеется судорожно, потом обрывает смех.)

Эх, есть о чем грустить мне? Вот возьмут нас —
И варваров, и римлян, черных, белых, —
Возьмут, да засмолят, да подожгут всех,

Как щепочки. И станем мы светить там,
В садах у цезаря

(вновь со смехом),

как светоч правды!

Епископ

Безумный молвил мудро ненароком:
Светить мы будем светом божьей правды.
Запомним и обрадуемся сердцем,
Что бог сподобил нас такого счастья.
Споемте аллилуйя!

Диакон, а за ним хор христиан

Аллилуйя!

Осанна в вышних! Слава в вышних богу! . .

Безумный смех Нартала покрывается громким, иступленным пением христиан. Открываются двери, и стража вводит скованного Руфина в одной тунике, без тоги; он, бледный, измученный, едва переступает ногами; следом за ним вносят Присциллу со слабыми признаками сознания.

Начальник стражи

(заключенным)

Эй, вы! Что здесь вы так развеселились?
Молчать!

(Все замолкают, кроме Нартала. Страже.)

Его заprite в подземелье

На эту ночь.

(Указывает на Присциллу.)

Ее здесь положите.

Ей жить, наверно, только ночь осталось.

(Указывает место в нише, куда и кладут Присциллу на солому. Руфин садится возле нее на полу, прислонившись к стене. Руфину.)

А ты подумай, да попробуй вспомнить,
А то как завтра вновь начнем пытаться,
Живым не выпустим. Спокойной ночи!

(Выходит со стражей и Нарталом.)

В ПУЩЕ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ричард Айрон — скульптор.

Эдит — его старая мать.

Кристабел — его сестра, вдова.

Дэви — сын Кристабел, подросток.

Джонатан — скульптор, товарищ Ричарда.

Джошуэ Кембл — старый приятель семьи Айронов.

Жоанна (Дженни) — его дочь, молодая девушка.

Жена Риверса

Годвинсон — учитель и проповедник.

Калел Педдингтон — старший по возрасту гражданин в колонии.

Иеремия Отвин

Джон Милс

Метью Филдинг

Абрагам Смит

} наиболее уважаемые граждане
в колонии Массачузета.

Магистр — учитель арифметики в Род-Айленде.

Брайд — органист и учитель пения там же.

Брукли — швея.

Чарли — ученик Ричарда.

Второй ученик.

Мак Гарди

Джонс

О'Патрик

} граждане в Род-Айленде.

Мессер Антонио — торговый посол из Венеции.

Индианка — дикарка, молодая девушка.

Граждане в Массачузете, школьники в Род-Айленде.

Действие происходит в XVII столетии в Северной Америке; первые два действия — в небольшой фермерской колонии в Массачузете, последнее — в Род-Айленде.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дом, грубо сколоченный из бревен; большой камин, на нем бюст, статуэтки и несколько обломков античной скульптуры. Эдит и Кристабел моют стол и скамьи и тихо напевают мелодию гимна без слов. Со двора слышен стук топоров, свист пилы, возгласы работающих людей. Наконец раздается голос:

Пора на отдых! На сегодня хватит!

Ричард и Дэви входят в дом усталые. Ричард в фартуке с инструментами каменщика, у Дэви в руках ведро и кисть.

Р и ч а р д

Ну, печь готова, даже побелили.

(Снимает фартук и вешает вместе с инструментами на гвоздь.)

Конец!

(Садится на скамью перед камином.)

Как я устал! А ты, мой мальчик?

Д э в и

Я? Так, не очень. Дядя, подожди,
Я принесу дровец, в огонь подбросим,
И славно будет! Напечем каштанов,
Есть у меня еще, — стрельба начнется!

(Выбегает.)

Р и ч а р д

(расправляет усталые руки)

Туман сегодня, холодно и сыро,
Как там у нас, над Темзою.

К р и с т а б е л

(вздыхает)

Ох, Темза!

Теперь ее не видеть нам вовеки...

За что господь нас покарал изгнанием?

Э д и т

Ты не ропщи на бога, дочка, — грех!

Ведь не в изгнание он нас отправил,

А в край обетованный. Так когда-то

Израиля он в Ханаан повел

Из рабства, из Египта. И тогда

Такие тоже были, что роптали

На трудный путь. Что им за это было?

Ты лучше вспомни и смирись душою...

Входит Дэви с хворостом и растапливает камин.

К р и с т а б е л

Я покоряюсь, мама. Только тяжело

Бывает мне порой, когда я вспомню,

Что где-то Джона моего могила.

Э д и т

«Оставьте мертвым мертвых погребенье».

За морем гроб, а здесь — твой сын живой,

Брат, мать, вся христианская община.

(Кристаллел, вздохнув, начинает прибираться комнату.)

Сегодня нам почтенный Годвинсон

Публично разъяснение прочитает

О том, что значит «новый Ханаан».

Пойдешь ли, сын, послушаешь?

При этих словах Дэви тихо, но проворно укладывается на скамью и укрывается плащом.

Р и ч а р д

Нет, мама.

Э д и т

А почему?

Р и ч а р д

Устали... так сказать...
Мне кажется, что в этом разъяснение
Не много будет нового...

Э д и т

Ой, сын мой,
Дух суемудрия в тебя закрался.
Отец покойный совершил ошибку,
Послав тебя в далекий папский край...
Лукавым Римом ты отравлен.

Р и ч а р д

Мама!
Лукавый Рим совсем не виноват,
Что Годвинсон почтенный не оратор.

Э д и т

Для искренней души, простого сердца
Не красноречье нужно — только правда
Да слово божье.

Р и ч а р д

Я и сам читаю
Священное писание. Там есть
И красноречие.

Э д и т

Твои слова
Просты как будто, а звучат лукаво.

Р и ч а р д

Ну, так забудь их, мама, не сердись.
Да разве же ты Ричарда не знаешь?
Немного он в отца пошел.

К р и с т а б е л

Отец —
Ты помнишь — был всегда шутлив и весел...

Э д и т

Но он ведь был всегда богобоязнен.

К р и с т а б е л

Я это и сказать хотела, мама.

Э д и т

Пойдем, пора, а то без нас начнут
Читать господне слово. Ведь уж скоро,
Как только отдохнем мы от работы,
Придется нам небесное оставить
И за земное взяться. Не упустим
Господня часа.

К р и с т а б е л

Да ведь я готова.

А Дэви где?

(Замечает его.)

Что это? Он заснул?

Вставай, мое дитя!

Р и ч а р д

Оставь в покое,

Сестрица, мальчика, — хоть он и мал,
А ведь работал он, совсем как взрослый.

Э д и т

(пробует разбудить Дэви, но тот крепко спит)

Сном молодым заснул, и не разбудишь.
Бог с ним, пойдем, а то мы опоздаем.

Р и ч а р д

Нет, подождите. Белла, где мой воск?

К р и с т а б е л

Зачем тебе?

Р и ч а р д

Лепил бы на досуге.

Э д и т

Вот для забав находишь и досуг.

Р и ч а р д

Нет, для меня все это не забава,
Ты знаешь, мама, не к чему нам спорить.
Так где же воск? Ты, Белла, не видала?

К р и с т а б е л

Ты так давно не вспоминал о нем...

Р и ч а р д

Да всё минуты не было свободной.
Сам о себе я забывал не раз.
Работал днем, а ночью спал, как мертвый.
Я стал волком, как вавилонский царь,
Не знаю только — за какой проступок.
И вот на время стал я человеком.
Так где ж мой воск?

К р и с т а б е л

Ох, братец мой, прости!
Они просили, мама приказала...

Р и ч а р д

Я ничего не понимаю, Белла.

Э д и т

Твой воск община для свечей взяла,
Чтобы при них читать господне слово.
Почтенный Годвинсон испортил зренье,
Читая при лучине.

Р и ч а р д

Мама, мама!

Э д и т

Послушай, сын!

Р и ч а р д

Я не хочу и слушать!
Уйдите от меня, я сам не свой!

Э д и т

Как с матерью ты говоришь?

Р и ч а р д

С тобой

Я говорю, с другим не говорил бы,
А просто...

Э д и т

Что? Ну, говори! Побил бы?

Р и ч а р д

Оставьте вы меня!

К р и с т а б е л

Оставь его.

Он, мама, успокоится. Пойдем же.

Э д и т

(посмотрев на сына, идет к двери)

Так оскорбить родную мать! За что же?
За этот воск! Пусть бог тебя простит!

Эдит и Кристабел выходят.

Р и ч а р д

(один; некоторое время молчит)

Пусть бог простит — кого? Того, наверно,
Кто сам не знает, что творит. Да что там!
Прощать или карать — господне дело,
А людям это ни на что не нужно.
И если б отомстил я за обиду
Или простил, как наш закон велит,
Обида б от того не изменилась,
Она бы угнетала, словно камень,
И — грешное иль праведное сердце —
Все грызла бы. Теперь вот мне сидеть,
Смотреть на неприкаянные руки,
Лишенные любимейшей работы,
Единственной, что украшала жизнь, —
Все это горше мне и тяжелее,
Чем муки совести...

Дэви

(как только женщины вышли, вскочил со скамьи; крадучись, подошел к Ричарду, пытаясь обратить на себя его внимание, но тот не слышал)

Послушай, дядя,
Из воска только можешь ты лепить?

Ричард

А что тебе?

Дэви

(садится на полу у его ног и внимательно смотрит в глаза)
Нет, дядюшка, скажи!

Ричард

Могу из глины, но ее ведь нет.

Дэви

Да как же нет! А печь-то мы лепили?

Ричард

Та глина не годится. Ты ведь знаешь,
Что печь — не статуя.

Дэви

(обиженно)

Я знаю, дядя.

Да я хотел сказать... Нет, не скажу,
Опять рассердишься.

Ричард

Не на тебя.

Не обращай вниманья.

Дэви

Вот что, дядя, —
Я как-то пробовал лепить из хлеба...

Ричард

Ты пробовал лепить? Не пробуй, Дэви.

Дэви

А почему? Ты думаешь, что плохо?
Мне кажется — не хуже, посмотри!

(Вынимает из кармана и показывает Ричарду фигурку из хлеба.)

Вот видишь — Годвинсон. Он длиннополый,
Круглоголовый, с книжкой в руках,
Широкий рот от уха и до уха,
А уши, вон, торчат. Такой он, правда?

Ричард

(начинает присматриваться, потом берет у Дэви фигурку)
Дай рассмотрю.

(Улыбается.)

А правда — Годвинсон!
Ты что — впервые вылепил фигурку?

Дэви

Нет, я лепил, когда мы были в море,
Лепил все время.

Ричард

Как же я не видел?

Дэви

Я прятался от бабушки и мамы,
Они не любят этого.

Ричард

Зачем

Ты от меня скрывался? Ишь какой ты!

Дэви

Да как-то стыдно было показать,
Все выходило плохо.

Ричард

(присматриваясь к фигурке)

Вот что, Дэви,
Нос у него длиннее должен быть...
А голова опущена...

Дэви

И правда!

Так можно ведь поправить, хлеб-то свежий.

Ричард

...и набок склонена,

(поправляет)

вот так, а руки

На книжке сложены.

Дэви

Нет, в книжку палец

Заложен, будто бы закладка в тексте.

(Передразнивает гнусавым голосом.)

«Раздел десятый, первый стих Осии»...

(Смеется.)

Вот если б я умел лепить, как ты!
Я вылепил бы всех: старуху Стокли,
Сову в больших очках, что в воскресенье
Не позволяет в бабки нам играть,
И Дика толстого, что гимн поет,
Как яблоко печеное, наморщась.

Ричард

Зачем тебе все хочется таких?

Дэви

Люблю смешное.

Ричард

Разве ты не любишь

Красивого?

Дэви

Конечно, я люблю,

Да только это выдумать все надо,

Куда уж мне...

(Ласкается к Ричарду.)

Дай посмотреть мне, дядя,

На то, что ты лепил на корабле.

Р и ч а р д
Что — интересно?

Д э в и
Очень!

Р и ч а р д
Ну, достань
Вон там, в шкафу.

Д э в и
(возле шкафа)
А можно мне достать
Что из Италии привез ты?

Р и ч а р д
Нет.
Ты что там делаешь?

Д э в и
Читаю надпись,
Да по-латыни трудно разобрать.

(Медленно читает.)

«Pereat mundus, fiat ars». Что значит?

Р и ч а р д
«Пусть мир погибнет, но живет искусство».

Д э в и
Искусство?

Р и ч а р д
Ну конечно — и ваянье,
И музыка, и живопись...

Д э в и
Понятно.
Кто ж так сказал?

Р и ч а р д

Да эта поговорка
В Венеции у скульпторов была,
В их круг и я был принят.

Д э в и

Вот, наверно,
Там весело жилось!

Р и ч а р д

Да, да, мой мальчик...

Д э в и

И как ты мог покинуть этот круг?

Р и ч а р д

А кто же мог бы от нужды избавить
И кто заботился бы в этом крае
О бабушке, о маме, о тебе?

Д э в и

И сам себе я как-нибудь помог бы.

Р и ч а р д

Как твой отец?

Д э в и

О, бедный мой отец!
Скажи, за что они его убили?

Р и ч а р д

За книжку.

Д э в и

Что ж в ней было?

Р и ч а р д

В ней писал он,
Что не к чему иконам поклоняться,
Что церковь англиканская греховна...

Д э в и

Но это ж правда! Бабушка сказала,
Что так и по священному писанью!

Р и ч а р д

Ты думаешь, за правду не карают?

Дэви с фигуркой в руках молча задумался.

Д ж е н н и К е м б л

(молодая девушка в очень простой одежде; входит и останавливается на пороге)

Ах, извините! Вы одни? . .

Р и ч а р д

Прошу вас!

И мать и Белла скоро возвратятся.

Дженни стоит и мнет край фартучка, но не входит.

Д э в и

(смотрит на фигурку, которую держит в руках, потом на Дженни)

Смотрите-ка, мисс Дженни, ваш портрет!

Д ж е н н и

Где?

(приближается)

Д э в и

Вот.

Д ж е н н и

(делает вид, что не находит сходства)

Да разве это мой портрет?

Одета, как принцесса.

Р и ч а р д

Разве дело

В одежде? Ведь и вы могли б одеться Принцессою.

Д ж е н н и

Да что вы! Где же мне . . .

Я девушка простая . . .

Р и ч а р д

Но поверьте,
Никто не удивился бы, увидев
В такой одежде вас.

Д ж е н н и

Да что вы, мастер,
Вы говорить привыкли комплименты.

Р и ч а р д

Вам кажется, что я привык?

Д ж е н н и

А как же,
Ведь вы бывали в обществе блестящем.
И даже при дворе у короля.

Р и ч а р д

У живописцев короля, скажите!

Д ж е н н и

Не все ль равно! К вам приходили дамы,
Заказывали вам свои портреты...

Д э в и

Ну, это что! Вот если б вы слышали,
Что дядя рассказал нам о балах,
Комедиях и разных маскарадах,
Что он на свете повидал, — вот это
Есть что послушать!

Р и ч а р д

Не болтай-ка, Дэви!

Д ж е н н и

(Дэви)

Ты думаешь, что дяде интересно
Об этом мне рассказывать.

Р и ч а р д

Но, Дженни,
А вам-то — интересно ли вам слушать?..

Д ж е н н и

Людей бывалых каждый рад послушать.

Д э в и

Ну, дядя, расскажи про карнавал,
Про город на воде... Как он зовется?

Р и ч а р д

Венеция?

Д э в и

Да! Да!

Д ж е н н и

А там красиво?

Р и ч а р д

Царицею морей зовут тот город —
Я колыбелью красоты назвал бы.
Когда бывало голубою ночью
На этот город мраморный смотрел я,
Казалось мне, что не людские руки
Дворцы вот эти белые творили,
Что сами поднялись они из моря,
Подобные серебряным туманам...

Дженни слушает внимательно, опершись на камин. Ричард за-
смотрелся на нее и остановился.

Д э в и

Ну дальше, дядя! Что же ты молчишь?

Р и ч а р д

Дай дерево и ножик.

Д э в и

А зачем?

Р и ч а р д

Так, постругать, чтоб легче говорилось.

Дэви подает, Ричард строгаёт, взглядывая на Дженни.

...Бывало в дымке черные гондолы,
Вдали серебряные паруса,
Что к городу плывут от горизонта, —
Казалось мне — таинственные звезды
Венеции в подарок посылают
Все лучшие мечты, и принимает
Она их бережно, качая тихо,
Тихонько, чтобы их не напугать...

(Дерево вдруг ломается у него в руках, он с досады бросает его в огонь.)

Дай глины, Дэви.

Дэви

А какой? Простой?

Ричард

Хотя бы той.

Дэви выходит и быстро возвращается с глиной.

Ричард

(говорит сначала без Дэви, потом, не прерывая рассказа, берет глину и говорит дальше, вылепляя что-то из глины)

Бывало, так и утро
Придет, а я красавицей любуюсь,
Что все зовут Венеция. Как только
Ударит в стены первый солнца луч,
Вдруг стены вспыхнут золотым пожаром,
А море сразу будто засмеется,
Проснувшись и увидев красоту
Царицы пышной. Как она прекрасна
В тот ранний час, когда восходит солнце,
Пока еще не пробудились люди,
А кое-кто еще недавно лег, —
Венеция не любит ночью спать —
Ведь в это время мрамор оживает
И на строеньях каменные люди
Какую-то мистерию играют.
И мраморные лица, изменяясь,
Вдруг оживают в солнечном сиянье.
Они красивы. Говорит не даром

Простой народ, что никсы и русалки,
Из моря выплыв, поднялись на стены,
Чтоб посмотреть, насколько мир широк,
И так на этот город засмотрелись,
Что не заметили, как скрылся месяц.
Тут солнце выстрелило в них лучом,
И вмиг русалки все окаменели, —
Ведь им не велено смотреть на солнце.

Дэви

А есть русалки в море?

Ричард

Для того,

Кто в это верит, есть.

Дэви

Я буду верить, —

Тогда увижу их?

Ричард

Увидишь, Дэви.

Дженни

А мне отец сказал — грех в это верить.

Ричард

Но как же быть?

Дженни

Читать господне слово —

И станет ясным разум.

Ричард

Но мечта

Останется.

Входят Эдит и Кристабел; за ними Годвинсон и Джошуэ Кембл, оба коротко остриженные, Годвинсон в длиннополой одежде не то ученого, не то духовного лица, Кембл в простой пуританской одежде.

Г о д в и н с о н
Мир сему дому.

Ричард встает молча, кланяется. Дэви и Дженни отходят в сторону; Дженни здоровается с женщинами, Дэви прячется за перегородку.

К е м б л

Мир вам!

Р и ч а р д

Почтенный мистер Кембл, как вы живете?

К е м б л

(не отвечая Ричарду, обращается к Дженни)

Ты здесь зачем?

Д ж е н н и

Я только что пришла...

Я к госпоже... пришла...

К е м б л

(посматривая на Ричарда)

Послушай, дочка,

Ты это «госпоженье» мне оставь.

Ведь во Христе все братья мы и сестры,

И говорить всем надо просто «ты»,

Хотя бы даже королю. Понятно?

Д ж е н н и

Я понимаю...

К е м б л

(Ричарду)

Слушай, молодец,

Хоть ты не свыкся с нашей простотой,

Привычки нечестивые забыть

Тебе пора бы.

Р и ч а р д

У меня и нет их.

Г о д в и н с о н

Тот, кто три года жил среди папистов,
Тот, верно, их привычки перенял.

Р и ч а р д

Италия от нас отстала в вере,
Однако может научить и нас
Обычаям.

Э д и т

(Кристабел)

Готовь для брата завтрак.
Коль мы пойдем, то надо собираться.

Кристабел хлопочет около печи. Дженни помогает ей, они тихо разговаривают.

Р и ч а р д

Куда? Я никуда не собираюсь.

К е м б л

Мы только что решили на собрание —
Построить дом для нашего отца,
Для Годвинсона.

Р и ч а р д

Мне казалось...

Г о д в и н с о н

Дом

Есть у меня, но вот община хочет
По доброте своей построить мне
Дом каменный. Не столько для меня —
На это бы я сам не согласился, —
Как, собственно, для блага всей общины,
Чтоб в этом доме люди по субботам
Встречались для божественной беседы.
Сейчас так неудобно в тесноте,
Хоть я сказал общине: жаль труда...

К е м б л

Что там, отец, ведь если вся община
За дело дружно примется, то скоро

Окончится работа. До зимы,
Наверно, выстроим.

Р и ч а р д

Зима уж скоро.

К тому же вряд ли, чтобы все могли
Приняться за работу.

К е м б л

Почему же?

Р и ч а р д

Да не у всех ведь есть еще жилища.

Э д и т

Зато для всех огонь духовный будет
Гореть в жилище, где живет учитель.

К е м б л

Бери с собою, Ричард, инструмент
И мальчика...

Р и ч а р д

Он очень утомился,

И мал он для общественной работы.

К е м б л

Ну, приходи один.

Р и ч а р д

Да я не знаю...

Приду ли.

К е м б л

Почему?

Р и ч а р д

Я буду занят.

Давно уже я обещал соседке
Поставить печь в ее убогом доме;
Управлюсь вот с домашними делами
И к ней пойду.

Э д и т

Я думаю, что все же
Соседка эта может подождать.

Р и ч а р д

Я думаю совсем иначе, мама.

К е м б л

Община ведь решила, чтобы браться
За дело всем.

Р и ч а р д

Я не был на собрание.

К е м б л

Ты мог притти.

Р и ч а р д

Меня никто не звал.

Э д и т

Нет, я звала.

Р и ч а р д

Но ты мне не сказала,
Что на собрание будет обсужденье...
Я думал, что собрание для молитвы.

К е м б л

А так и было. Только заодно
Мы и дела решили обсудить.
Да все равно ведь — был ты или не был,
Но если уж община вся решает,
Обязан каждый выполнять решение.

Р и ч а р д

Кто может с принуждением бороться,
Тот делает все только по желанью.

К е м б л

А разве нет желанья у тебя?

Р и ч а р д

Позвольте мне уже об этом думать.

К е м б л

Общину не интересуют мысли
Тех, кто противится ее решениям.
Что хочешь думай — должен подчиниться.
Общины власть — ведь это власть господня.
Иные мысли пусть молчат при ней.

Р и ч а р д

Так говорить не должно пуританам.

Г о д в и н с о н

Но почему не должно? Поясните!

Р и ч а р д

Ведь если мы не за свободу мысли,
Тогда не знаю я — за что боролись.

Г о д в и н с о н

За слово божье и за власть общины.

Р и ч а р д

А в чем, скажите, эта власть общины?

К е м б л

А в том, что ни король и ни парламент
Менять не смеют приговор общины,
Свободной, независимой от них.

Г о д в и н с о н

(с угрозой в голосе)

Община все негодные наросты
Рубить имеет право и бросать
В огонь, никто их защищать не смеет.

Р и ч а р д

(Годвинсону)

В такой общине полная свобода
Всем фарисеям.

Г о д в и н с о н
А к чему вы, Ричард,
Сказали это?

Р и ч а р д
Sapienti sat.¹

Г о д в и н с о н
(встает)
Вот это вежливо!

Э д и т
Сын, ты забыл,
Что младший ты, что говоришь ты с гостем.
Простите, уважаемый учитель,
Его за неразумные слова.

Р и ч а р д
Я, мама, не сказал ведь: mea culpa!²

К е м б л
К чему здесь католические речи?

Г о д в и н с о н
(берется за шапку)
Ну, оставайтесь с миром!

Э д и т
О, учитель,
Вы от меня не отойдете в гневе,
Не станете наказывать сурово
Меня за невоздержанного сына.

Г о д в и н с о н
Я очень уважаю вас, Эдит, —
И я останусь.

Входит и останавливается у порога очень бедно одетая женщина,
несколько раз кланяется присутствующим.

¹ Умный поймет (лат.).

² Моя вина! (лат.).

Ж е н щ и н а
Мир честнóму дому.

Р и ч а р д
Мир, женщина, и вам.

Женщина все стоит у порога, вид у нее приниженный, забитый.

Входите, просим.

Г о д в и н с о н
(Кемблу)
Я что-то не могу ее припомнить.

К е м б л
(Годвинсону)
Она давно не ходит на собрания.
Ведь это Риверса того жена,
Что после выборов бежал в Род-Айленд.

Г о д в и н с о н
Лукавый человек. Мутил общину.
Зачем она пришла?

Ж е н щ и н а
(Ричарду)
Почтенный мастер,
Я к вам пришла, хочу спросить...

Р и ч а р д
Я знаю,
Я не забыл. Сегодня я приду.

Ж е н щ и н а
Простите... Я надоедаю вам...
Но бедность, горе... Осень наступила,
А даже негде развести огонь,
Чтобы согреть своих детей несчастных!

Г о д в и н с о н
У вас нет дома?

К е м б л

Дом, конечно, есть.

Ж е н щ и н а

Да дом-то есть, еще мой муж построил
Лачужку, но без печи, — видит бог,
Там сыро, как в подвале; лихорадкой
Болеет самый маленький, самой же
И головы мне не поднять утрами.
И так беда была, — теперь, как видно,
Совсем конец пришел... нет ниоткуда
Ни помощи, ни доброго совета...
Община сердится... А что поделать?
Ну, уж пускай бы я... а то ведь дети...

(Плачет.)

Р и ч а р д

Так, значит, отвечают и младенцы
За грех отца?

Г о д в и н с о н

Я, мастер, за общину
Не отвечаю. Пусть она решает.

К е м б л

(женщине)

Ты знаешь что, бедняга, — подожди.
Вот выполним общинную работу,
Подумаем и чем-нибудь поможем.

Ж е н щ и н а

(боязливо глядя то на Ричарда, то на Годвинсона и Кембла)

Я подожду... да только вот беда
С ребенком... как бы он не умер...

Р и ч а р д

(зовет)

Дэви!

Дэви выходит из-за перегородки.

Где инструмент? Пойдем-ка, сложим печь!

Дэви собирает в углу инструмент, принесенный в начале действия.

К р и с т а б е л

(стоя у печи)

Да ты поел бы хоть сначала, Ричард.

Р и ч а р д

Нет, я не голоден, потом. Быстрее, Дэви!

Д э в и

Да я уже готов.

Р и ч а р д

(женщине)

Ну, так идем!

(Молча кланяется Годвинсону и Кемблу и выходит вместе с Дэви.)

Ж е н щ и н а *

(кланяется всем низко)

Ну, оставайтесь с господом.

К е м б л

Прощай.

Женщина еще раз кланяется всем и выходит вслед за Ричардом и Дэви.

Г о д в и н с о н

Эдит, ваш сын вступить, как видно, хочет
С общиной в поединок!

К е м б л

Нет, отец,

Мне кажется, ты слишком строго судишь.
В том, что несчастную он пожалел,
В том нет греха. Ведь милосердье к бедным
И есть обязанность христианина.

Г о д в и н с о н

Семья страдает за свое бесчестье.
И женщина в беде как будто стала
Овцой покорной... Но душа в ней волчья.

(Кемблу)

Ведь вот она не слушала тебя!
Ей, видишь, мастер нужен — не община.

Господь ее накажет, как Сапфиру,
Ананья нечестивую жену,
Что покрывала мужа прегрешенье
Перед общиною. И Ричард, верно,
Пошел помочь ей не от доброты.

К е м б л

Не придирайся так, отец, — он храбрый, —
Сказать по правде, храбрых я люблю;
Что ж, он горяч, как молодой бычок,
Ходить в ярме еще не научился,
А все ж характер у него хороший,
Я знал его ребенком. С давних пор
С покойным Джеком мы хлеб-соль делили.
Эдит, ты помнишь, как со стариком
Мы англиканцам задавали жару?

Э д и т

Брат Джошуэ, да разве я забуду,
Каким ты был товарищем для Джека.

Г о д в и н с о н

*(сел у камина, собираясь помешать угли; нагнулся за кочергою
и неожиданно увидел фигурку из хлеба, валяющуюся на полу;
поднял ее, присмотрелся, потом встал. Эдит)*

Эдит! Ваш сын, наверно, это делал?

(Показывает и кладет перед нею на стол фигурку.)

Э д и т

(подавленная)

Я ничего с ним не могу поделаться,
Учитель. Сердце рвется у меня
Из-за того, что он идет на гибель.

Г о д в и н с о н

Жалею я, что набожную мать
Господь карает нечестивым сыном,
Но больше не могу я оставаться
В том доме, где хозяином ваш сын.

Э д и т

Отец! Учитель!

Г о д в и н с о н

Нет, я не могу.
Уйду. Бог с вами!

(Уходит быстро.)

Э д и т

(всплескивает руками)

Господи, за что ты
Караешь нас?

К е м б л

Да что он там нашел?

(Присматривается к фигурке.)

Ха-ха-ха-ха! И здорово похоже!
Как вылитый отец наш Годвинсон!
Сказать по правде, может нечестиво,
А хорошо. Вот посмотри-ка, Дженни.

Д ж е н н и

(подходит, улыбаясь)

Из-за чего разгневался учитель?
Людей же ведь рисуют на портретах —
Так почему лепить нельзя?

К е м б л

Да видишь,
Портреты нарисованы, а то,
Что леплено и резано, — кумир,
А не портрет.

Д ж е н н и

Я думала, отец,
Что лишь богов подобия — кумиры.

К е м б л

Нет, сказано, чтобы никто не резал
И не лепил «подобья никакого», —
Все это мерзко богу.

Д ж е н н и

Ну, а если
Фигурку кто-то слепит для забавы,
И это грех?

К е м б л

Да как тебе сказать?
Не то что грех, но все ж нехорошо...
А почему ты спрашиваешь?

Д ж е н н и

(смущенно)

Так...

К е м б л

Я удивляюсь Ричарду! Хороший
И честный человек, а все не может
Он эти глупости оставить.

Э д и т

Брат,
Ты слишком добр, — не глупости, а грех,
Великий грех все это, крест мой тяжкий
И сердца моего живая рана.

К е м б л

И ты, сестра, уже впадаешь в грех
Отчаянья. Еще ведь Ричард молод,
А так как он и пьянствовать не любит
И с девушками не гуляет, должен
Развлечься он — ведь кровь-то молода.
Вот женится да гнездышко совьет,
Оставит все забавы.

Э д и т

Дай-то, боже,
Мой брат, чтобы пророческими были
Твои слова — ведь стынет кровь моя,
Когда я вижу все забавы эти.

(Показывает на фигурки в открытом шкафу.)

К е м б л

(присматривается и узнает в фигурке Дженни)

Эге! Джоанна, что это такое?

Д ж е н н и

(смуцненно)

Я, папочка, не знаю.

К е м б л

(сурово)

Ну, так знай,

Что я забав таких не разрешаю,

Чтоб я о них не слышал!

Д ж е н н и

Хорошо.

К е м б л

А Ричарду скажи, чтобы не смел он,

Чтоб уничтожил все!

Д ж е н н и

(невольно)

Ах, папа!

К е м б л

(сурово)

Дженни!

Д ж е н н и

Я ничего.

(Тихо, Кристабел.)

Послушай, Кристабел,

Как я грешна, — мне очень жаль фигурку!

(Идет к перегородке.)

К е м б л

Куда ты, Дженни? Нам пора домой,

Я ничего не ел с утра.

Э д и т

Останься,
Брат Джошуэ, позавтракай у нас
Чем бог послал.

К е м б л

Нет, я пойду, сестра.
Пора уже итти мне на работу,
Ведь мой топор за мною не придет,
А сам за ним итти домой я должен.

Э д и т

Брат Джошуэ, а может, и меня
Ты проведешь туда, где будут строить?

К е м б л

Зачем тебе туда?

Э д и т

Пойду работать
С общиною.

К е м б л

Но женщин не зовут,
Строительство — не женская работа.

Э д и т

И женщина все сможет, если надо.

К е м б л

Ну, в этом крайней надобности нет.

Э д и т

Зачем мне крайней надобности ждать?
Мой род привык всегда, во всем быть первым.
Не служит сын мой богу и общине —
Я, мать, пойду за сына, но позор
На род мой не падет.

К е м б л

Эдит, сестра,
Прекрасно сказано, но сила женщин
На деле не равняется словам.

Э д и т

Носить кирпич и глину замесить
И я сумею. Братья по общине
Не будут презирать меня, надеюсь.

К е м б л

Решай сама, как знаешь. Заходи,
Сестра, ко мне, и если ты так хочешь,
Я проведу тебя. Мир вам!

Э д и т и К р и с т а б е л

Ну, с богом!

Кембл и Дженни выходят.

Э д и т

Дай, дочка, мне позавтракать, потом
Найди отвес, лопату и рогожу.

К р и с т а б е л

Так, значит, мама, вправду ты пойдешь?

Э д и т

Когда же говорила я неправду?

К р и с т а б е л

А можно, мама, мне пойти помочь?

Э д и т

Кому же хочешь ты помочь?

К р и с т а б е л

Тебе.

Э д и т

Останься дома...

К р и с т а б е л

Почему?

Э д и т

Так надо.

Молчанье. Кристабел готовит завтрак. Эдит раскрывает библию и читает. Ричард и Дэви быстро входят, запыхавшись.

Р и ч а р д

Дай, Беллочка, позавтракать скорее.

К р и с т а б е л

Как быстро ты вернулся!

Р и ч а р д

Из-за Дэви.

Я вижу, он от голода томится,
А без меня итти домой не хочет.

Пока Кристабел готовит кушанье, Ричард быстро ходит по комнате,
видимо, взволнованный.

О боже, сколько на земле несчастья!
Ты, Беллочка, не можешь и представить,
Как обнищала Риверса жена
В сырой землянке и с детьми больными.
И не она одна... таких немало.

(Ходит молча, затем останавливается перед Эдит.)

А знаешь, мама, может быть и правда
Грешно так жить, как я сейчас живу.

Э д и т

(радостно)

Ах, наконец ты, Ричард, понял это!
Благословен господь!

Р и ч а р д

Сегодня я

Увидел близко горести людские.
Я только знал художников лишения,
Я видел бережливость, труд бессонный,
Но корчей голода еще не видел
И не слышал его ужасных воплей,
Не обращал вниманья. Разве, мама,
Не тяжкий грех такое равнодушие?
Но жил я среди грез и красоты.
Все выше я и выше подымался
На крыльях грез — и вот упал на землю.
Ох, мама, как же я ушибся страшно!
Как будто эти крылья надломились.
А как они плескали буйно!

1901 г.

Э д и т

Сын мой,
Но этих грез тебе как будто жалко.
Хотя ты понял сам, что вместо грез...

Р и ч а р д

Да, вместо грез здесь думают о хлебе,
И я за это камня в них не брошу...

Э д и т

Не хлеба одного здесь люди просят —
И слова божьего, — не забывай!
И мы служить обязаны всем сердцем
Тем, кто дает нам слово божье.

Р и ч а р д

Мама!
Христос давно нам дал его. То слово
Он под замком не спрятал в тайнике,
И каждый может взять его свободно,
А передатчиков не нужно нам...

Э д и т

Так говорят род-айлендцы, тебя же
Сбивает Риверса жена, — так пусть
Накажет бог ее!

Р и ч а р д

Не проклинай!
Судьба и так беднягу наказала.
Подумай, мама: люди, что назвали
Себя «святыми», «божьими сынами»,
Не хлеб, а камень братьям подают!
Они ломают крылья грезам ясным!
Их надо проклинать бы...

Э д и т

Хватит слов,
Ведь что ни слово — новый грех.

Р и ч а р д

Да, хватит.

Ведь что ни слово — новая отравка
Для нас обоих, мама.

К р и с т а б е л

Завтрак стынет.

Эдит, Ричард и Дэви садятся к столу, Кристабел им прислуживает, едят в молчании. Эдит встает первая, берет отвес и лопату, вскидывает на плечо рогожу и направляется к двери.

Р и ч а р д

(Кристабел)

Куда уходит мама?

К р и с т а б е л

На работу...

Э д и т

(оборачиваясь, стоя на пороге)

Я, сын мой, за тебя иду работать.

(Медленно выходит.)

К р и с т а б е л

(Дэви)

Пошел бы ты, да бабушке помог.

Д э в и

Как скажешь, дядя Ричард?

Р и ч а р д

Как ты хочешь...

Д э в и

Хочу пойти с тобой.

Дэви начинает снова старательно есть. Ричард сидит, не прикасаясь к еде.

К р и с т а б е л

Ты, Ричард, ел бы...

Р и ч а р д

Не естся что-то, Беллочка...

Молчание.

Кристабел

Тут Кембл
Кричал на дочь за эту вот фигурку,
Ее велел он уничтожить.

Ричард
(гневно)

Нет!

Мне этого никто велеть не может!

Кто-то стучит в дверь.

За мной, должно быть.

(Встает.)

Кристабел

(открывает и выглядывает за дверь)

Боже! Джонатан!

Ты видишь, Ричард?!

Ричард

(бросается и горячо здоровается с Джонатаном)

Ты откуда взялся?

Я думал, ты в Голландии осел.

Джонатан

Осел, да вот не усидел. . .

Ричард

Что ж так?

Рассказывай-ка, что с тобой было.

Сядь, Джонатан!

(Усаживает за стол, придвигает ему еду.)

Да вот покушай с нами.

Джонатан

Спасибо, я не голоден, я ел;

Мы сделали с женой себе шатер

И кое-как покушали.

Кристабел

Да что вы!

Сейчас ведь невозможно жить в шатре;
Пока постройтесь, у нас живите.
Согласен, Ричард?

Р и ч а р д

Ну конечно, Белла.

Д ж о н а т а н

А ваша мать...

К р и с т а б е л

О, наша мама будет
Вам очень рада. Я сейчас пойду
И приведу сюда супругу вашу.
Где вы остановились?

Д ж о н а т а н

Как сказать вам?
В том месте, где община что-то строит,
Там рядом и раскинули мы лагерь.

К р и с т а б е л

Я разыщу.

(Выходит.)

Р и ч а р д

Так почему ж ты, друг мой,
Не усидел в Голландии? Там, что ли,
Работы не было?

Д ж о н а т а н

Да нет, не то.

Я разочаровался в старом мире.
Тот, древний мир состарился в грехах,
Закостенел в привычках нечестивых,
И даже новой веры дух живой
Его, как труп, не воскресит веки.
И понял я, зачем в далекий край
Израиля бог вывел из Египта, —
Не стал бы он избранником иначе.
Египетская скверна вековая

Его бы одолела, как проказа.
Я расскажу когда-нибудь подробней
О всех моих несчастьях, а теперь
И вспоминать не хочется. Как рад я,
Что можно мне теперь о них не думать.

Р и ч а р д

А все ж дорогу новому искусству
Голландия открыла. Я простил бы
«Египетскую скверну» ей за это.

Д ж о н а т а н

Ты только говоришь, а не простил же
Венеции ты всех ее грехов
За чистоту прекрасного искусства.

Р и ч а р д

Простил не меньше, чем Христос блуднице.

Д ж о н а т а н

Все ж признаешь ты, что она блудница.

Р и ч а р д

Нет, этого сказать я не хотел, —
Так было бы, мой друг, неблагоприятно.

Д ж о н а т а н

Зато правдиво. Побоялся я,
Что если там останусь, то погрязну
В ее распутстве.

Р и ч а р д

Этого совсем
Я не боялся.

Д ж о н а т а н

Так зачем бежал ты,
Как от жены беспутной Потифара?

Р и ч а р д

Припомни инквизицию. К тому же
Ты знаешь сам, что нас обоих ждали
Важнейшие обязанности.

Д ж о н а т а н

Правда,
А все ж покинул ты без сожаленья
Венецию.

Р и ч а р д

Тебе так показалось?
Я этого и сам тогда не понял. . .

(Немного задумался.)

Но это правда! Я оттуда рвался,
Я сыт был этой пышностью, пирами,
Венецианок нежной красотой,
Венецианцев льстивыми речами,
И, как ни горько, пуританской шеи
Я гнуть по-католически не мог,
И я не в силах был переступить
Через высокие пороги дождей
И во дворцах богатых меценатов
На ровном месте спотыкался. Там
Заморскими цветами расцветают
Избранников таланты, но в теплице
Скорее увядают, чем цветут.
Потомки великанов измельчали,
Изнеженная гибнет красота.

Д ж о н а т а н

Художники там, правда, разленились,
Как женщины продажные в безделье,
Те, что от солнца божьего отвыкли,
Живя в лучах искусственного света.

Р и ч а р д

Как видно, все слова искусство это
Договорило — и вот-вот как будто
Готово онеметь.

Д ж о н а т а н

Да, это верно.
Как это страшно, Ричард! Вот и мы,
С искусством мы судьбу свою связали.

Р и ч а р д

О, наши судьбы, брат мой, не погибнут!
В Италии еще остался свет.
А здесь у нас едва-едва светает.
Еще поборемся. Мы, слава богу,
Родились не холопами магнатов,
Иные звезды в нашем гороскопе.
Плывя сюда, я многое продумал,
То был великий мыслей океан...
Мне не забыть, как часто вечерами
На корабельной палубе сходилась
Община наша, как семья большая,
И там, при свете вечного костра,
Что сам господь зажег высоко в небе,
Певала гимны. И казалось, будто
Из черной бронзы отлиты фигуры
Певцов, такой исполненные силы,
Что в свете звезд гигантскими казались,
И столько новой красоты в них было
Неведомой в том мире итальянском,
Где я учился азбуке искусства!..
И как мечтал я, что, в общине этой,
Я разожгу в далеком новом крае
Живой огонь извечной красоты...
О, это были жаркие мечтанья...
Когда б ты знал...

Д ж о н а т а н

И что ж, они погасли?

Р и ч а р д

Нет, не погасли, но чуть-чуть померкли.
Я вижу — в этом новом крае надо
Сначала дебри дикие расчистить,
А после можно разжигать огонь.

Д ж о н а т а н

Какие дебри? Эту пушу, что ли?

Р и ч а р д

Нет, нет, беда совсем не в этой пуще,
Хоть и она немало силы губит.

Тут даже не найти хорошей глины.
Да неизвестно — может, и отыщем...
Среди людей здесь терний злых немало.

Д ж о н а т а н

А кто ж они такие?

Р и ч а р д

Обживешься,
И сам увидишь... Ох, мой Джонатан,
Как этот день был для меня тяжел...
Да, слава богу, он принес мне радость!

(Кладет руку на плечо Джонатана.)

Мой друг сердечный, мой товарищ верный,
В святом искусстве мы с тобою братья!
Сам бог тебя привел ко мне на помощь,
Перевернем теперь мы горы! Правда?

(Смеется радостно и шутливо трясет Джонатана за плечи.)

Д ж о н а т а н

Ой, ой, пусти! Я ж не гора!.. Ну, братец,
Ты тут набрался силы Голиафа,
Тебе идет на пользу эта пуща!

Р и ч а р д

На пользу всё! И тернии, и пуща,
На пользу всё! Ничто не страшно мне!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же самый дом, что и в первом действии, только лучше обставленный. На камине много эскизов, миниатюр и разной скульптуры. По стенам инструменты скульптора и живописца. Много полок, на одних — скульптура, на других — новая посуда. В одном углу гончарный станок. Весь дом имеет вид не то студии скульптора, не то гончарной мастерской; много неоконченных работ. На движущихся подставках стоят бюсты, накрытые мокрыми тряпками. В глубине устроен альков; вместо постели в нем маленькая эстрада; на эстраде стоит молодая девушка, индианка, в своей дикарской одежде. Ричард лепит с нее статую в натуральную величину; он работает с большим рвением, то приближается, то отходит от статуи, присматривается, поправляет то позу девушки, то позу статуи. Движения его быстрые, энергичные, в них видно увлечение, вдохновение.

Р и ч а р д

(про себя)

Вот так... так будет лучше. Нет, вот так!
Так хорошо!.. Стой, девушка, спокойно!
Устала, может?

Девушка качает отрицательно головой.

Ну, еще постой,
А я тебе за это дам монисто
Хорошее, блестящее. Ты любишь
Монисто?

(Сняв с полки, показывает девушке монисто. Та улыбается и всплескивает руками.)

Эх, испортила всю позу!

(Идет и поправляет ее позу.)

Ты смейся, только не маши руками!

(Показывает жестами, что руками махать нельзя, и сам смеется.)

Стучат в дверь.

Г о л о с

(за дверью)

Что, дома мистер Ричард?

Р и ч а р д

Дома, дома!

Как только послышался стук, дикарка бросилась и задернула занавес алькова.

Д ж о н а т а н

День добрый, Ричард!

Р и ч а р д

Здравствуй, Джонатан!

Давно тебя не видел я. Ты что-то
Мой дом обходишь стороной.

Д ж о н а т а н

Да нет,

Не обхожу.

Р и ч а р д

Садись же, будешь гостем,
А я тем временем работать буду.

Открывает девушку. Джонатан сразу поворачивается спиной к Ричарду и девушке.

Р и ч а р д

Ведь глина сохнет. Некогда лениться.

Джонатан молча раскрывает большую книгу, которая лежит на столе, и склоняется над нею.

Р и ч а р д

(придает позу девушке, берет ее за работу, напевая и разговаривая)
(поет)

«Ой, белый цветик на лилее
увидел я.
Лети за милую мою,
душа моя!»

(говорит)

А у меня, дружок, сегодня праздник.
Смотри, какую глину я нашел!
В Италии цены такой бы глине
Не знали скульпторы.

Д ж о н а т а н

Да, глина хороша.
Достать бы мне.

Р и ч а р д

Ты, видно, стал работать?
Ну, слава богу, очень рад, что снова
К работе ты вернулся.

Д ж о н а т а н

Я вернулся,
Да с новым сердцем и с иной душою, —
Отбросил спесь и со смиренным духом
На службу господу себя я отдал.

Р и ч а р д

В чем служба эта?

Д ж о н а т а н

Да в делах общины.

Р и ч а р д

В каких?

Д ж о н а т а н

Приносит день свои заботы.

Р и ч а р д

(работая, слушает невнимательно; поет)

«В долине цветики-звоночки
Увидел я.
Кому, скажи, плетешь веночки,
Краса моя?»

Д ж о н а т а н

Что ты поешь там?

Р и ч а р д

Песню флорентинцев.

(Поет.)

«Как пламя, красный цвет граната...»

Девушка опускает руку.

Снова?

Устала, что ли? Ну, постой минутку,
Я скоро отдых дам.

(Поправляет позу.)

А знаешь, друг мой,
В ней будет что-то новое, наверно,
Вот в этой статуе, — давно я сердцем
Так не горел, как нынче. День и ночь
Не отступал бы от работы. Правда,
Что не всегда модель найдешь такую!
Искал я целый год — нашел сегодня.
Как это дикое дитя прекрасно!
Взгляни-ка, Джонатан!

Д ж о н а т а н

Послушай, Ричард,
Сказать по правде, я совсем не думал,
Что можешь ты до этого дойти.

Р и ч а р д

Что ты в виду имеешь?

Д ж о н а т а н

Ты же знаешь.

Р и ч а р д

Нет, право, я не знаю.

Д ж о н а т а н

Успокойся!

Да кто ж не знает, что модель такая
Для молодого скульптора? Хотя бы
Ты христианку взял! . .

Р и ч а р д

(бросает работу, удивленный)

О Джонатан,

Когда бы Годвинсон сказал мне это,
Не удивился б я. Но то, что вдруг
Мне, мастеру, ты, мастер, говоришь,
Меня, сказать по правде, удивляет.
Когда б ты был художник настоящий,
Ты был бы чист в фантазии и в мыслях,
Ты б знал, что в час торжественной работы
Живем мы не на этом грешном свете, —
Что мы тогда в краю мечты прекрасной,
В том царстве божьем, о котором долго
И тщетно люди на земле мечтают!

Д ж о н а т а н

Ты думаешь, что ты его нашел?

Р и ч а р д

Да, думаю и знаю.

Д ж о н а т а н

Ты счастливый.

Р и ч а р д

Ну что ж, довольно мне уж быть несчастным!
Довольно скорби, плача и рыданий,
Довольно стона, скрежета зубов.
Земля не ад, не прокляты ведь люди,
И радости не грех, а божий дар!

Д ж о н а т а н

А если вправду радости от бога,
То что в тебе теперь их породило?

Девичье тело, грешная краса!
И этим соблазнить других ты хочешь.
И это — «царство божье на земле»? . .

Р и ч а р д

(подходит молча к девушке, дает ей монисто, нанизанное на нитку, задерживает альков, закрывает мокрой рогожей статую и возвращается к Джонатану)

Пусть грешная краса не соблазняет
Твоих святых очей. О Джонатан!
И кто бельмом глаза твои окутал?
Другой был взгляд когда-то у тебя.
Я так был рад, когда ты к нам приехал
В колонию. Приветствовал я друга
В тебе, мой Джонатан! Ужель теперь
В тебе врага перед собою вижу?

Д ж о н а т а н

(задумался, затем подает Ричарду руку)

Нет, не врага перед собой ты видишь, —
Так быстро не становятся врагами,
И я надеюсь, что еще с тобою
Мы общею дорогою пойдем.
Тебе вот я кажусь теперь ослепшим,
Мне кажется — ты не прозрел еще.

Р и ч а р д

Ну, хорошо, не будем больше спорить.
Ты что читал тут?

(Заглядывая в книгу.)

Библию? «Исход»?

Д ж о н а т а н

Хотел я у тебя просить совета...

Р и ч а р д

Да что ты, брат? Я богослов плохой.

Д ж о н а т а н

Нет, здесь не богословье, здесь другое:
Община для молитвенных собраний

Подсвечник заказала. Здесь возможно
Художника как будто примирить
С христианином. Но община хочет,
Чтобы подсвечник был похож на тот,
Что в библии описан. Вот, послушай:
«...И ты резной подсвечник должен сделать,
А стебель, чаши, и круги, и листья
Должны быть у него...» Не понимаю —
И сколько чаш и что там за круги.
Не разберу! Вот прочитай и ты.

Р и ч а р д

(читает про себя, потом отстраняет книгу)
Вот мой совет: закрой ты эту книгу
И не гадай над этим текстом, если
Еще ты хочешь мастером остаться.

Д ж о н а т а н

Остаться я хочу христианином.

Р и ч а р д

Ведь ты себя в неволю отдаешь
Египетскую! Ведь община наша
Вся с Годвинсоном вместе понимает
Прекрасное, как эта вот дубина
И даже меньше!

Д ж о н а т а н

Ричард, будь доволен,
Что это при товарище сказал ты, —
Ведь если вдруг слова твои услышат
Община и учитель...

Р и ч а р д

Испугал!

Все это я готов в глаза сказать им:
Что правда, то не грех. Я и сказал
Им то же самое, когда хотели
Они, чтобы я финики лепил
Над окнами и над дверями в школе, —
Так Годвинсон все выдумал премудро,
В писанье где-то вычитав об этом.

(Смеется.)

Джонатан

Хотел тебе сказать я, между прочим:
Напрасно ты поссорился с общиной,
Особенно же с Годвинсоном.

Ричард

Что мне

Твой Годвинсон?

Джонатан

А то, что он в общине —
Большая сила.

Ричард

Пусть большою силой
В общине будет он, а я — один.
На том и кончим.

Джонатан

Что ж, против общины
Один итти ты хочешь? Для чего
Твой этот труд, скажи?

Ричард

Для красоты.

Джонатан

Кому она понадобится?

Ричард

Мне

И тем, что вслед за мной пойдут.

Джонатан

Но где же

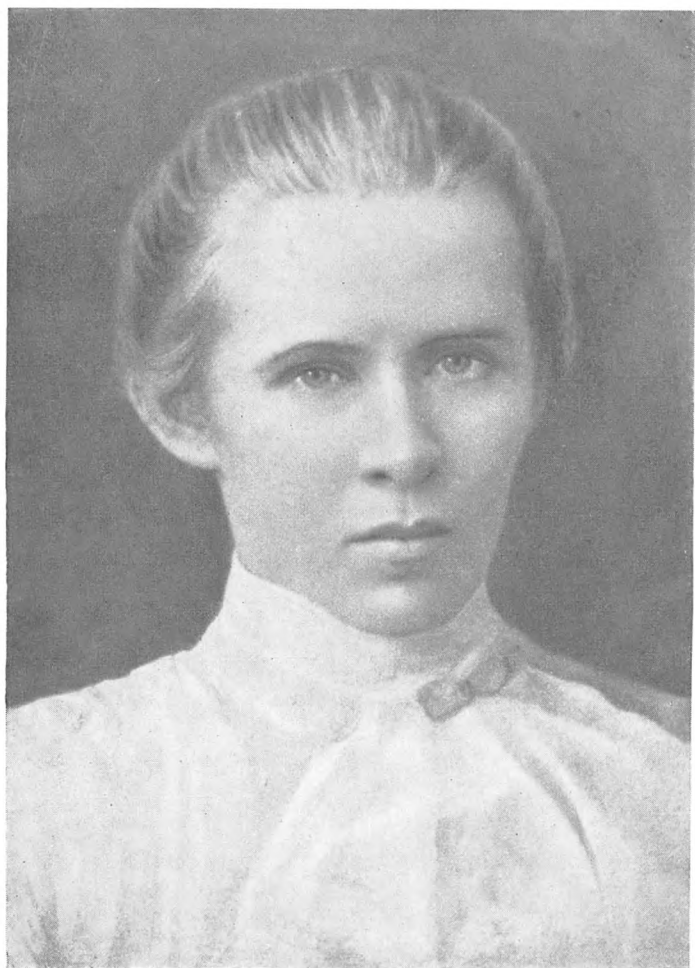
Ты видишь их?

Ричард

Да вот хоть Дэви наш.

Джонатан

Кто? Этот мальчик?

Последние годы жизни

Р и ч а р д

Мальчик, да. Но больше
Улыбка Дэви значит для меня,
Чем все проклятья Годвинсона. Что же
Касается общины, я даю
Ей то, что нужно.

(Показывает на посуду.)

Вот мы и в расчете.

Д ж о н а т а н

Нет, Ричард, нет, еще не все расчеты.
Твоя почтеннейшая мать...

Р и ч а р д

Довольно!

Об этом я не говорю ни с кем.
Хочу, чтоб только знал ты, что вовеки
Я в доме у себя рабом не буду.

Д ж о н а т а н

В кого такой отчаянный ты, право?

Р и ч а р д

Такой весь род: виклифовцов, лоллардов,
И «независимых», и «равноправных»,
И всех, кто были предками моими.
И все они свободы добивались
От короля, парламента, от церкви,
А я — от них. Кровь наша такова.

Д ж о н а т а н

Твои слова горды, но в них душе
Покоя нет.

Р и ч а р д

На что он мне, покой?
Я жив еще, и рано мне на отдых.

Д ж о н а т а н

Скажи мне: неужели ты всегда
Уверен так в себе? И неужели
Не знаешь ты ни муки, ни сомненья?

Р и ч а р д

Нет, как не знаю! Все, что говоришь ты,
Я говорил себе не раз, не два,
Но победил все муки и сомненья,
Они все пережиты навсегда.
Мне говорят и разум мой, и сердце,
И вера, что мой путь правдив. Но есть
Сомнения другие — победить
Гораздо их труднее в одиночку.
Ты, Джонатан, мне руку дал недавно
На дружбу. Ты один лишь в этой пуще
Помочь бы мог мне, если б захотел.

Д ж о н а т а н

О, если б смог я, дело не в желанье.

Р и ч а р д

Так вот что, брат, прошу тебя: скажи,

(открывает статую)

Скажи мне, чем грешит моя работа?

Д ж о н а т а н

Мне кажется, что всем она грешит.

Р и ч а р д

Грешит или греховна?

Д ж о н а т а н

Да, греховна.

Р и ч а р д

Забудь на время, что ты стал святым,
И посмотри, как ты смотрел когда-то.
Вот если бы в те дни, когда мы вместе
С тобой в дворцах бродили итальянских,
Увидел бы ты где-нибудь неожиданно
Вот эту статую, — что б ты сказал о ней?

Д ж о н а т а н

Сказал бы я: «Прекрасное создание».

Р и ч а р д

А если бы тогда тебя спросили,
Что изменить в ней?

Д ж о н а т а н

«Ничего!» — сказал бы.
Да только я сказал бы как язычник.
А как христианин я говорю:
Разбей ее!

Р и ч а р д

О нет! Я отолью
Ее из бронзы!

Д ж о н а т а н

Ричард, должен я
Предостеречь тебя, пока не поздно...

Входит Дэви.

Д э в и

Тебя там, дядя, спрашивают люди.

Р и ч а р д

Зови их в дом.

Д э в и

Я звал, да не идут.
Они хотят поговорить с тобой
В саду, в прохладе.

Р и ч а р д

Что они за люди?

Д э в и

Да из Род-Айленда. Ты выйди к ним.

Р и ч а р д

Иду. Ты, Джонатан, еще побудь здесь.

(Выходит.)

Джонатан
Твой дядя ничего еще не знает?

Дэви
Да вы ж сказать хотели.

Джонатан
Не успел я.
Ты сам скажи.

Дэви
Скажу, не беспокойтесь!
Без вас я знаю, что мне надо делать.

Джонатан
Сегодня ты не очень вежлив, Дэви.

Дэви
Отстаньте от меня.

(Направляется к двери.)

Джонатан
Куда ж ты, Дэви?

Дэви
Пойду узнать, над чем они колдуют.

Джонатан
Стой, подожди, и я с тобой пойду.

Оба уходят. Индианка выходит из алькова, расхаживает по комнате и рассматривает, улыбаясь, свою статую.

Дженни
(внезапно вбегает)
Ой, горе! Где же Ричард? Ради бога!

(Видит индианку.)

Ты кто такая? И зачем ты здесь?

Индианка молчит, враждебно смотрит на Дженни, прислонившись к пьедесталу статуи. Дженни вдруг посмотрела на статую.

Ах! Значит, правда у него живешь ты?

(Злобно наступает на индианку.)

Прочь, прочь отсюда, я тебя убью!

Хватает попавшуюся под руку палку и замахивается на индианку. Та с резким криком хватается скульпторский молоток, замахивается им, как томагавком, и, в свою очередь, наступает на Дженни. Эдит и Кристабел вбегают на крик со двора. Индианка мгновенно прячется в альков. Дженни плачет.

К р и с т а б е л

Сестрица Дженни, что с тобой, родная?

Э д и т

Что здесь случилось? И о чем ты плачешь?

Подходят обе к Дженни.

Д ж е н н и

(отстраняет их, по-детски сопротивляясь)

Уйдите прочь, не трогайте, оставьте!

Я больше не приду к вам никогда...

Отец недаром не пускал... О, горе!

Какая я несчастная!

(Рыдая, выбегает из комнаты.)

Э д и т

Что с нею?

К р и с т а б е л

Ох, эта Дженни, ну совсем ребенок,

И слезы ей недороги.

(Задумывается и вздыхает.)

Ой, мама!

Э д и т

О чем вздыхаешь?

К р и с т а б е л

Ты же знаешь, мама!

Э д и т

К чему здесь жалость!

К р и с т а б е л

Мамочка! Родная!

Так, значит, к нам они придут сегодня?

Э д и т

Да.

К р и с т а б е л

Ричарда должна ты защищать.

Э д и т

Нет, защищать должны мы только правду,
Ее одну.

К р и с т а б е л

Но он ведь сын твой, мама,
Он — кровь твоя. Вот, если бы на Дэви
Кто нападал, я б кинулась, как пламя.

Э д и т

Я потеряла сына, а теперь
Еще и дочь мою ты отнимаешь.

К р и с т а б е л

Что говоришь ты, мама, бойся бога!
Как можешь от детей ты отречься?
Ведь это грех! Христос нам завещал...

Э д и т

(берет со стола евангелие, раскрывает его на закладке)

Христос нам завещал... Вот посмотри-ка.

Читай внимательно и вслух. Вот здесь.

К р и с т а б е л

«...Не думайте, что я пришел принести мир на землю. Не мир пришел я принести, но меч. Я пришел отлучить сына от отца его, и дочь от матери ее, и невестку от свекрови ее. И враги человека домашние его...»

(Останавливается со стоном.)

Понять все это, мама, я не в силах!

Э д и т

Читай, читай же.

К р и с т а б е л

О Христос, сын божий!

(Читает ослабевающим голосом.)

«Кто любит отца или мать более, нежели меня, недостойн меня; кто любит сына или дочь более, нежели меня, недостойн меня. . .»

(Голос ее срывается.)

Э д и т

(дочитывает сама суровым печальным голосом)

«. . . И кто не примет креста своего и не пойдет за мною, недостойн меня».

Р и ч а р д входит. Кристабел при его появлении быстро уходит за перегородку. Эдит остается над книгой, но не читает, смотрит перед собой печальным невидящим взглядом.

Р и ч а р д

(садится на скамье у камина, посматривает на мать; тихо говорит сам с собою)

Какая мать печальная сегодня. . .

Наверно, это я ее печалю. . .

Но маме грусть, по-моему, к лицу.

Красива старость у нее! . . И взгляд,

И линии простые, и одежда —

Ну, прямо Mater Dolorosa! ¹

(Берет с камина воск и лепит, всматриваясь в мать.)

Э д и т

Сын!

Что делаешь?

Р и ч а р д

Так, забавляюсь, мама.

(Быстро продолжает лепить.)

---

¹ Скорбящая мать, название богоматери в католической религии (лат.).

Э д и т

Опять забавы...

Р и ч а р д

Что же в них плохого?
Христос любил играющих детей.

Э д и т

Но у тебя не детские забавы,
И сам ты не ребенок.

Молчание.

Слушай, сын!

Снова молчание. Сын все лепит.

Р и ч а р д

Я, мама, слушаю. Ты говори!

(Лепит все быстрее.)

Э д и т

Ты как-то сам сказал, что грех так жить,
Как ты живешь.

Р и ч а р д

Давно уж это было.
Теперь я думаю совсем иначе.

Э д и т

Что ж именно?

Р и ч а р д

Я думаю, что в мире
У всех свое призванье и — свой крест.

Э д и т

Какое же, скажи, твое призванье?

Р и ч а р д

Искусство и мечта.

Э д и т

Ты говорил,
Что не мечты, а хлеб насущный нужен.

Р и ч а р д

Но я потом другому научился.

Э д и т

Где ж научился ты?

Р и ч а р д

Вот в этой книге,
Что у тебя в руках. Я прочитал
Одну в ней как-то притчу.

Э д и т

Про таланты.
Наверно, понял ты ее не так.

Р и ч а р д

Нет, та, что я читал, гораздо проще.
Она понятна малому ребенку.
Про Марфу и Марию я читал.

Э д и т

Но разве это притча?

Р и ч а р д

Пусть не притча.
Все дело в том, как понимать ее.

Э д и т

А как ты понимаешь?

Р и ч а р д

Очень просто:
Заботы дня над Марфой тяготели,
Мария жаждала того, что вечно.

Э д и т

Ты думаешь...

Р и ч а р д
Итти вслед за Марией.

К р и с т а б е л
(из-за перегородки заплаканным голосом)
Брат, подойди ко мне.

Р и ч а р д
А что там, Белла?
(Оставляет работу на стуле перед камином и идет за перегородку.)

Э д и т
(быстро подходит и смотрит на оставленную Ричардом работу)
Мое лицо! О господи, спаси!
Помилуй... Он погиб, погиб навеки...
Ричард и Кристабел выходят, взявшись за руки.

К р и с т а б е л
Послушай, мама, посмотри на нас.
Эдит делает отстраняющее движение рукой и, наклонив голову,
выходит из комнаты.

Р и ч а р д
Что это с матерью сегодня, Белла?
Ты тоже странная...

К р и с т а б е л
Нет, ничего...
Теперь уж все прошло... скажи мне, Ричард,
Что там к тебе за люди приходили?

Р и ч а р д
Купцы род-айлендские.

К р и с т а б е л
А зачем?

Р и ч а р д

Они меня в Род-Айленд приглашают
Учителем. Дают большую плату.

К р и с т а б е л

Ты согласился?

Р и ч а р д

Нет.

К р и с т а б е л

Но почему же?

Р и ч а р д

Ты удивляешься?

К р и с т а б е л

Нет... так... но все же

Ведь хорошо заплатят... может, стоит.

Р и ч а р д

Чтоб я оставил здесь свою семью
За эту плату?

К р и с т а б е л

(с героическим усилием)

Ты о нас не думай

И согласишься. Тебе ведь будет лучше.

Р и ч а р д

Да ты меня как будто выгоняешь?

Я и тебе, как видно, надоел?

Кристабел закрывает лицо фартуком. Ричард, удивленный и взволнованный, подходит к ней. Неожиданно входит Джонатан, при входе осматривает всю комнату.

Д ж о н а т а н

Никто сюда не приходил?

К р и с т а б е л

Никто.

Джонатан быстро выходит.

Р и ч а р д

О ком спросил он? Кто же быть здесь должен?

К р и с т а б е л

Кто?.. Я не знаю... может... нет, никто!

(Взволнованная, мечется по комнате, затем начинает покрывать статую рогожей.)

Р и ч а р д

Да что ты делаешь, сестра? Опомнись!

К р и с т а б е л

Засохнуть может ведь.

Р и ч а р д

Я очень рад,
Что ты о ней заботишься, да только
Не трогай, Беллочка, я сам накрою.

Накрывает статую рогожей. Что-то стукнуло. Кристабел вздрогнула.

Р и ч а р д

Чего ты? Это ставня.

Молчание.

К р и с т а б е л

Может, лучше
Тебе бы, Ричард, все-таки поехать.

Р и ч а р д

Куда?

К р и с т а б е л

В Род-Айленд... Так, хоть ненадолго.

Р и ч а р д

Зачем это? С какой же стати?

К р и с т а б е л

Видишь,
Не все тебя в общине любят, Ричард.

Р и ч а р д
Вот новость! Я все знаю, я привык.

К р и с т а б е л
Ты так непримирим. Хоть иногда бы
Ты уступил.

Р и ч а р д
Но как я уступлю?
Я не могу отречься от искусства.

К р и с т а б е л
Да не совсем... а, может, так, на время...

Р и ч а р д
Как Петр отрекся от Христа?

К р и с т а б е л
Не знаю!
Когда захочешь, сам найдешь и способ.
Так было б хорошо тогда... И мама
Была б такой счастливой...

Р и ч а р д
О, я знаю!
Вам хочется, наверно, чтоб скульптуре
Я изменил? Не изменю вовеки.
А если изменил бы, как Иуда,
Повесился б, наверно, как и он.

Дэви внезапно вбегает в комнату.

Д э в и
Они уже идут.

К р и с т а б е л
Ой!

Р и ч а р д
Кто?

Дэви

Все старики

И Годвинсон.

(Убегает за перегородку.)

Ричард

Так вот что! Понимаю...

Ну что ж, пускай идут. Не бойся, Белла!

Входят: Годвинсон, Кембл, Калев Педдингтон, Абрагам Смит, Джон Милс, Иеремия Ортвин, Метью Филдинг и еще несколько стариков. За ними Эдит и Джонатан. Момент неловкого молчания.

Кембл

День добрый, Ричард, ты не ожидал нас?

Ричард

Не ожидал, но я прошу вас, будьте Гостями.

Годвинсон

Мы пришли сюда не в гости,
Но высший долг заставить может нас
И в капище зайти.

Ричард

(вскипел, но сдержал себя)

Подобной речи

Я в этом доме не слышал. По правде,
Когда бы я всех этих честных граждан
Не видел здесь, я знал бы, как ответить.

(Присутствующим.)

Отцы мои, прошу садиться.

Старики садятся в ряд на скамьях, за столом. Эдит стоит в стороне. Джонатан садится на последней скамье ближе к Ричарду.

Калев Педдингтон

(Ричарду)

Сын мой,

Ты должен граждан поблагодарить,

Что, о тебе отечески заботясь,
Они пришли и, среди них старейший,
Я потрудился сам к тебе прийти...

Р и ч а р д

(сдержанно)

Благодарю за честь.

К а л е б

Хоть мы должны бы
Тебя на суд общественный позвать...

Р и ч а р д

На суд? Я не преступник!

Д ж о н а т а н

(тихо Ричарду)

Разве можно
Речь старшего перебивать!

К а л е б

(Ричарду)

Напрасно
Вскипел ты, Ричард. Мы вот и решили
Тебя на суд общественный не звать,
А вместе всем прийти к тебе сначала
И посмотреть самим, как ты живешь,
Все разузнать. Немало разговоров
Мы разных слышим.

(Кемблу.)

Джошуэ, скажи!

К е м б л

Мне легче было бы молчать об этом.
Ведь это все... Ну, как сказать яснее?..

(Ричарду.)

Вот видишь ли... родную дочь мою
Ославил ты...

Р и ч а р д

Я, Джошуэ? Да что ты!
Я уважаю дочь твою, ни разу
Ей даже слова не сказал пустого,
Я сам считал бы это непристойным.

К е м б л

Не знаю... О тебе и сам я думал,
Что ты достойный юноша. Однако
Смутил ты Дженни все-таки.

К р и с т а б е л

(входит из-за перегородки)

Отец,

Побойся ты греха! Да что ж плохого
Могло случиться с Дженни в нашем доме?
Ты знаешь и меня и нашу мать.
Да разве б мы обиду допустили?

Э д и т

Община знает — я не покрываю
Ошибок сына. И однако я
Скажу, что обольстителем он не был,
Насколько мне известно, никогда.
А чтоб он свел с ума твою Джоанну...

К е м б л

(торопливо)

Да я не говорю, что свел с ума,
Совсем не такова моя Джоанна.

(Останавливается, словно размышляя сам с собой и ища выражения своим мыслям.)

Но все-таки смутил ее он душу
Тем, что он вылепил ее подобье
И нарядил принцессою. С тех пор
Она совсем как будто помешалась.

(Овладев мыслью, оживляется и говорит быстрее, растерянность его исчезает.)

Знать ничего не хочет, лишь наряды;
Все в воду смотрит, на себя любуясь.
А в статую свою она влюбилась

Так, будто бы душа ее навеки
Переселилась в дьявольскую куклу.

(Ричарду.)

За это я тебя и обвиняю,
Что статуи проклятой не разбил ты,
Как я просил, и тем поставил Дженни
На путь соблазнов гибельных.

Ричард собирается что-то сказать. Джонатан встает перед ним.

Д ж о н а т а н

(общине)

Отцы,
Позвольте мне промолвить слово!

К а л е б

Если
По существу сказать ты хочешь, можно.

Д ж о н а т а н

Признаюсь я, что говорить об этом
Не так легко. Не виноват же Ричард,
Что на уме у девушки наряды?
И статуя тут ни при чем, конечно.
Как видно, такова натура женщин.
И ты, отец, ничем не доказал,
Что Ричард будто бы ославил Дженни.
Зачем же ты сказал такое слово?

К е м б л

Знай, что на ветер слов я не бросаю...
А почему «невесткою Эдит»
Все женщины дразнить Джоанну стали?
Да что и говорить? Я видел сам,
Как на нее засматривался Ричард.
Зачем же он слепил с нее подобье?
Да разве мало девушек у нас?

К р и с т а б е л

Отцы мои, поверьте мне, что брат мой
Не сватал Дженни.

К е м б л

То-то вот и есть!
Не сватал, а смушал ее.

К р и с т а б е л

Вы лучше
Ее спросите. Коль боится бога,
Она сама должна сказать вам правду!

К а л е б

Брат Джошуэ, пусть Дженни к нам придет
И скажет всем нам, обещал ли Ричард
На ней жениться. Если Дженни скажет
И подтвердит, что вправду обещал,
То должен будет он на ней жениться.
Община не простит ему обмана.

К е м б л

Но девушке, пожалуй, будет стыдно
Публично здесь рассказывать об этом.

А б р а г а м С м и т

(говорит отрывисто, решительно, строго, но с оттенком добродушия)
Обязана. Общественное дело.
Так молодежь распустится — что ж будет?

К е м б л

Кого-нибудь послать бы.

К р и с т а б е л

Я пошлю.

(За перегородку, Дэви.)

Беги, сынок, за Дженни, да скорее.

К е м б л

Скажи, что ей отец велит прийти.

(Общине.)

Иначе не осмелилась бы, знаю.

Дэви уходит.

К а л е б

Пока она придет, займемся делом;
У нас ведь есть о чем поговорить.

(Ричарду.)

Так вот, слух о тебе идет недобрый,
Что с дикарями водишься ты в пуще,
Приводишь их сюда...

Р и ч а р д

Отец, не знал я,
Что нам завещано пренебреженье
К созданьям божьим. Сам Христос ходил
И к самарянам и к ханаанеям, —
Чем дикари здесь хуже тех народов?

Г о д в и н с о н

Смотрите, братья, как себя он дерзко
С Христом равняет!

(Ричарду.)

А скажи, зачем же,
Зачем Христос бывал у тех неверных?
Ведь не затем, чтоб идольскую нечисть
Перенимать у них и подражать ей?
Ведь ты не скажешь сам, что ты ходил
К тем дикарям, чтобы Христову веру
Им передать?

Р и ч а р д

(Калебу)

Отец, ты уверял,
Что вы меня судить не собирались,
А тут уж и судья нашелся. Знайте ж,
Что отвечать ему я не намерен.

Г о д в и н с о н

(встает, собравшимся)

Судите, братья, вы меж ним и мною.

(Показывает на Ричарда рукой.)

Вот этот человек мне сразу стал
Как камень преткновенья на дороге,

Хоть никогда ему я зла не сделал;
Наоборот, я о душе его,
Как о своей, заботился — и что же?
Брат Джошуэ вам может подтвердить,
Как грубо надо мною надругался
Сей ненавистный идолосоздатель.

(Кемблу.)

Ты, верно, помнишь то изображение,
Что он слепил в насмешку надо мною?
Я по одежде в нем узнал свой образ.

К е м б л

(прячет невольную улыбку)

Да как не помнить! Так оно, наверно,
Хранится и поныне.

(Ричарду.)

Покажи.

Г о д в и н с о н

(торопливо)

Я вовсе и не требую показа.

Р и ч а р д

Зачем же? Я могу.

(Идет и достает из шкафа ту фигурку, которую когда-то слепил Дэви).

Вот, посмотрите.

Кое-кто из присутствующих не может удержаться от смеха и прячется за соседа.

И е р е м и я О р т в и н

(тихо своему соседу Филдингу)

А я б узнал не только по одежде.

Г о д в и н с о н

(гневно)

Вы думаете, может, послушанье
Он обнаружил тем, что показал?

Его поступок низкий и бесчестный
Должна сурово осудить община,
А если нет, тогда я буду знать,
Что мне пора искать другого места,
Где преклонить бы голову я мог,
А здесь ее покрыть бесславьем смеет
Любой насмешник, не боясь возмездья.

К а л е б

Почтенный наш учитель, успокойся,
Не отдадим тебя мы на глумленье
Молодчикам.

(Берет в руки фигурку Годвинсона.)

Признайся лучше, Ричард,
Зачем фигурку эту ты лепил.

Ричард молчит. В ту минуту в комнату входят Дженни и Дэви и останавливаются у порога. Дэви остолбенел, увидев свою фигурку в руках Калеба.

К а л е б

Мы понимаем так твое молчанье,
Что ты ничем не можешь оправдаться,
Что понял тяжесть своего проступка.
И наш совет отеческий тебе —
Бесчестье покаяньем искупить.
Учитель наш братолюбив, ты знаешь,
И он тебе простит по-христиански,
Когда его публично ты попросишь.

Г о д в и н с о н

(торопливо)

Фигурку ж уничтожишь.

К а л е б

(Годвинсону)

Да, конечно.

(Ричарду.)

Тут, сын мой, долго размышлять не надо.
Вот подойди да поклонись учтиво,

Скажи: «Отец, я грешен перед богом
И грешен пред тобой». Ну, что ж ты медлишь?

Р и ч а р д

Я извиняться перед ним не буду.

К а л е б

Так, значит, будет суд.

Ричард склоняет голову в знак согласия.

Д э в и

(порывисто)

Но это я,
Я сделал, а не дядя Ричард!

Г о д в и н с о н

(Дэви)

Правда?
Кто ж научил тебя так делать, мальчик?

Д э в и

Никто, я сам! Ну, вот ей-богу, сам!

Г о д в и н с о н

Ты не божись, божиться грех, запомни.

(Общине.)

Судить ребенка я не собираюсь,
Но я надеюсь, что в его семье
И так его за это не похвалят.

Э д и т

За это он наказан будет строго.

К р и с т а б е л

(Калебу)

Простите мальчика, он извинится.

К а л е б

А все же для примера надо высечь.

Дэви
(Кристалел)

Повешусь, если ты меня побьешь!

Кристалел тихо уговаривает его, он качает головой со слезами на глазах.

Ричард

Племянник мой не всю сказал вам правду:
Не он один, а мы вдвоем лепили.

Дэви порывается что-то сказать, Ричард удерживает его жестом.

Как старший, я за все ответить должен,
И я готов. Я сам прошу суда.
Но перед этим разрешить позвольте
Другой вопрос.

(Калебу.)

Вон дочь твоя пришла,
А девушке так долго у порога
Стоять неподобаает.

Калеб

Это правда.

Сейчас ее мы обо всем расспросим.

Во время сцены с Дженни Годвинсон перелистывает библию и отмечает закладками какие-то тексты. Кристалел уводит Дэви за перегородку.

Калеб

(Дженни)

Скажи нам — обещал ли Ричард Айрон
Жениться на тебе?

Дженни молчит, опустив глаза.

Калеб

Что ж ты молчишь?

Община просит — отвечай же.

Дженни закрывает лицо рукавом и всхлипывает.

Р и ч а р д

Дженни,
Я вас прошу на все ответить ясно.
Почтенный ваш отец меня бесчестит,
Публично упрекая в том, что я
Как будто соблазнял вас.

Д ж е н н и

(вспыхнув и преодолевая стыд)

Ну, так что ж!
А кто же называл меня принцессой,
Русалкой... и... и я уже не знаю,
С кем сравнивал еще? Кто вздор болтал,
Чтоб только удержать меня?

Р и ч а р д

Поверьте,
Намеренья мои невинны были,
Но если я смутил неосторожно
Покой сердечный, знать бы мне хотелось...

А б р а г а м С м и т

Да что там! Поженитесь — и конец!

Д ж е н н и

(в порыве злого упрямства)

Нет, ни за что я за него не выйду!

К е м б л

(смущенно)

Ну нет, ты, дочка, говоришь неправду.
Ведь это ты капризничаешь...

Д ж е н н и

Нет!

Я не хочу! Я разве из последних,
Чтоб он меня...

(Снова закрывается фартуком, и благодаря этому слова заглушаются.)

К е м б л

(сердито)

Джоанна, хватит нюнить!

Ну что тебе не по душе — скажи?

Да говори скорее!

Р и ч а р д

Ведь и правда

Вам надо объяснить свои слова,

Меня вы оскорбили.

Д ж е н н и

Хорошо!

Я объясню.

(Общине.)

Послушайте же, люди!

Давно уж есть у Ричарда жена,

Так пусть же с нею остается он!

Бежит к алькову, раздвигает занавески и показывает рукой на дикарку, забившуюся в угол. Община в ужасе. Кое-кто отворачивается, кое-кто плюет с отвращением, кое-кто всплескивает руками.

К е м б л

(встает и подходит к Дженни)

Уйдем скорей. Пусть с этим домом будет

То, что с Содомом и Гоморрой было!

Берет Дженни за руку и выходит в крайнем гневе. Дикарка, улучив момент, пока община еще не опомнилась, стремглав убегает в открытые настежь двери.

Э д и т

Как смел ты в нашем доме греховодить?

Хотя б меня с сестрою постыдился!

Р и ч а р д

Я объяснить могу все это, мама...

Эдит с негодованием отворачивается. Кристабел, закрыв лицо руками, уходит за перегородку.

Г о д в и н с о н

(общине)

О чем еще спрашивать нам, братья?
Все видели мы ясно. Это значит
Поймать на месте преступления.

А б р а г а м С м и т

Правда!

Ф и л д и н г

Неслыханная дерзость!

К а л е б

Святотатство!

Д ж о н М и л с

Мы не допустим этого!

И е р е м и я О р т в и н

Конечно!

Г о д в и н с о н

(берет со стола библию)

Я думаю, что прочитать нам стоит,
Как поступал Израиль с тем, кто так же
С языческой женщиной грешил.

Р и ч а р д

Так ставить вам вопрос я не позволю!

Г о д в и н с о н

(общине)

Не думает ли он еще отречься?
Кем он считает всех нас?

А б р а г а м С м и т

Дураками!

Д ж о н а т а н

Отцы мои, позвольте молвить слово.

Ф и л д и н г

Ну что ж, известно, ты его товарищ,
Ты будешь заступаться.

Джонатан

Я, отец,

Общине был всегда послушным сыном,
Обманывать ее грехом считаю,
А правду я ценю и ставлю выше
Людской приязни.

Каллеб

Что же, говори.

Джонатан

Я говорил с товарищем об этой
Дикарской девушке. Он уверял,
Что он ее привел не для распутства.
Уверен я, что Ричард мне, как другу,
Признался бы по правде.

Каллеб

А зачем же

Она ему нужна?

Джонатан

Отец почтенный,

Я эту цель считаю недостойной,
Однакоже и не такую мерзкой,
Как вам казалось, — он привел дикарку,
Чтоб статую с нее лепить. И правда,
Я видел сам, как он ее лепил.

Годвинсон

И эту цель ты не считаешь мерзкой?
Нет, из язычницы творить кумир —
Тягчайший грех! Он заповедь господню
Великую и страшную нарушил,
Теперь уже на много поколений
Нам будет мстить господь, коль сами мы
Не отомстим. А то, что Ричард делал
Вот это не один,

(показывает на свое изображение работы Дэви)

но и подростка

На эту мерзость подстрекал — все это

Великий грех. Священное писанье
Нам говорит: «Кто малых сих введет
В соблазн, тому бы лучше было
Повесить жернов мельничный на шею
И в море броситься».

Р и ч а р д

(саркастически указывая на изображение Годвинсона)

И это вот кумиром

Считаешь ты?

Г о д в и н с о н

Считаю, что уста

И праведные осквернит беседа
С подобным нечестивцем. Кто скрывает
В своей, бесчестьем скованной, душе
Грехи такие — нет тому прощенья!

К а л е б

Оно как будто бы и так. А все ж
Тут не мешает десять раз отмерить,
И уж потом как следует отрезать.

Д ж о н а т а н

Так, мой отец! Сама святая мудрость
Сейчас твоими говорит устами!
Тяжелые грехи на душу принял
Несчастный мой товарищ!..

Р и ч а р д

Джонатан,

«Целуя, предаешь?»

Д ж о н а т а н

Нет! Подтверждаю

Своею жизнью: я ведь жил не лучше,
Но мне простил господь мои грехи, —
Когда я встал уже у края бездны,
Наставил он меня на путь правдивый.

А б р а г а м С м и т

В последний час господь простить нас может.

Д ж о н а т а н
(Абрагаму Смигу)
Поэтому-то Иисус Христос
Велел прощать не только то, что...

Г о д в и н с о н
(который старательно все время перелистывал библию, порой отрываясь для реплик, делает внезапный жест Джонатану, так что тот от неожиданности замолкает, а Годвинсон обращается к Калебу)

Брат мой,

Ошибся ты, что ты ему позволил
Публично говорить. Вот посмотри,
Что сказано.

(Подсовывает книгу Калебу и читает, делая пропуски и нажимая на особенно важные слова. Калёб следит глазами по книге за чтением и беззвучно шевелит губами, словно повторяет за Годвинсоном, кивая в такт чтению головой.)

«Всякий резчик и строитель... сердце свое отдает, чтобы добиться большей красоты. Так же и кузнец... так же и гончар... сердце свое отдает, чтобы закончить сосуд. Все они на руки свои надеются... Без них город не заселится, но на престолах судей не сядут и закона судебного не поймут, да и не будут выносить решения или приговора...»

К а л е б
(после чтения бьет себя по лбу)

Эх, старческая память!
Здесь ясно сказано, что каждый мастер
На судбищах не должен говорить.

(Джонатану.)

Умолкни, сын, и сядь.

Джонатан покорно кланяется и, вздохнув, садится.

Г о д в и н с о н
(снова придвигает библию к себе)

Еще есть слово:

(Читает.)

«Кто говорит про нечестивого, что он праведный, тот будет проклят людьми и ненавидим народами».

А б р а г а м С м и т
Спаси нас, господи, и заступись!

Д ж о н а т а н
Я праведным его не называл. . .

(Обрывает речь, робко взглянув на Калеба, который делает ему знак молчать.)

К а л е б
(Джонатану, добродушно)
Не бойся, мы по правде все рассудим,
А ты молчи, тебе молчать велели.

Г о д в и н с о н
Чтоб искушенья не было, ты выйди.
Джонатан, с состраданием взглянув на Ричарда, который отвечает ему иронической улыбкой, выходит.

К а л е б
(общине)
Что Ричарда никто не назовет
Здесь праведным — об этом нет и речи,
Но без спасенья нам его оставить
Не хочется.

Р и ч а р д
Да я не погибаю!

Ф и л д и н г
Ну и горяч!

К а л е б
(Ричарду)
Нет, сын, ты погибаешь,
Хоть сам того не понимаешь!
(Общине.)

Братья,
Не следует ли с ним повременить, —
Повременил же ведь господь с Содомом, —
Опомнится он, может.

Г о д в и н с о н

Честный брат,
Ведь он ни в чем раскаяться не хочет,
На что же ты надежду возлагаешь,
В чем признаки раскаянья ты видишь?

К а л е б

(озабоченно)

Да, признаков... как будто незаметно...
А все ж поговорить с ним не мешает.
Его богобоязненная мать
Поможет нам опять направить сына
На добрый путь.

Э д и т

(глухо, но отчетливо)

Должна я вам признаться,
Что потеряла на него надежду,
Он слов моих не принимает к сердцу.

Г о д в и н с о н

Еще одну он заповедь нарушил:
Он мать не почитает.

Р и ч а р д

Что ты, мама!
Зачем поклеп ты на меня возводишь!

Э д и т

Нет, это правда.

Г о д в и н с о н

Вы слышали, братья?

А б р а г а м С м и т

Как очерствело сердце! Жалко парня!
Душа окостенела. Пропадет!

К а л е б

Не будем все-таки терять надежду
Его спасти. Недаром же господь
Его талантом наградил немалым.

Когда мы про подсвечник говорили,
Я притчу о талантах вспоминал.
Так не дадим же, братья, ни растратить,
Ни в землю закопать таланты те,
Что даровал всевышний нашим детям.

Г о д в и н с о н

Но он уже талант свой растерял
И промотал, как пьяница. Да разве
Не мог он научиться на чужбине
Ремеслам нужным? Нет, он предпочел
Постичь искусство дьявола — скульптуру.

А б р а г а м С м и т

А слышал я, что и оно от бога.

Г о д в и н с о н

За все века два мастера известны,
Что с божьего пути не уклонялись:
Веселиил и Элиав из храма
Ерусалимского, а все другие —
Отродье Каиново, все потомки
Сидона, Тира. Их ярмом железным
Сковать бы надо! Кто из них был первым?
Юбал и Тубал-Каин. Кто отец их?

Ф и л д и н г

Конечно, Каин. Это всем известно.

К а л е б

Я вас прошу, как Авраам просил
За грешный город.

(Указывает на Ричарда.)

Эта вот душа

В грехах, быть может, не совсем погрязла;
Быть может, есть в ней хоть одна крупица,
Один порыв, что не противен богу.

Р и ч а р д

(иронически)

Спасибо вам за похвалу такую!

К а л е б

(Ричарду, не замечая иронии)

Да тяжело ведь бросить камень в брата.

(Общине.)

Я предлагаю под надзор общины
Его нам взять. И если через год
Не станет он, как Джонатан, послушен
И воле нашей и господней воле,
То будет он, как мытарь и как грешник.

А б р а г а м С м и т

Так будет правильно.

Д ж о н М и л с

По-христиански.

Ф и л д и н г

Чтоб он покаялся?

А б р а г а м С м и т

Господь всемогущ.

Все может сделать.

И е р е м и я О р т в и н

Взять под наблюденье.

К а л е б

На год.

Ф и л д и н г

На месяц хватит.

А б р а г а м С м и т

На полгода.

И е р е м и я О р т в и н

Три месяца довольно.

Д ж о н М и л с

Сорок дней.

Р и ч а р д

Да долго ль это будет? Как на рынке,
Идет торговля о душе... Впервые
Признать его я должен правоту.

(Показывает на Годвинсона.)

Я до сих пор не изменил искусству
И от него не отрекусь вовеки.
Все победив, теперь моя душа
Свободная подобна горной серне.
А вы ее хотели бы взнуздать
И привести на поводу обмана
К нему

(показывает на Годвинсона)

в ярмо железное?

Г о д в и н с о н

(во время речи Ричарда начинает трястись, затем устремляет взгляд в пространство, протягивает руки, словно к какому-то видению, и, выкрикнув неестественным, экзальтированным голосом, перебивает Ричарда)

О, горе!

Сион мой! Новый Иерусалим!
Куда тебя ведут? Ой, что я вижу?
Ой, что я слышу? Горе! Горе! Горе!
Цимбалы, бубны, гусли и свирели...
И вот подросток в танце непристойном
Кружится перед статуей Молоха!
Вот девушка невинная, роскошно
Одетая, чтобы служить Астарте...
О, плачьте, плачьте!

(Хватается за голову.)

Общиной овладевает волнение, кое-кто плачет, кое-кто дрожит от растерянности; Кристабел рыдает; Эдит, сжав руки, смотрит перед собой взглядом, полным отчаяния.

Ф и л д и н г

(бросается к Годвинсону)

Наш отец! Учитель!
Дай нам совет! Спаси нас! Что нам делать?

Г о д в и н с о н

(меняет плачущий тон на грозный)

Велик господь в правдивом гневе. Слушай,
Сиона дочь! Вот хищники летят —
Ты видишь их, жестоких, медноликих?
Спасенья нет тебе... Твой бог отрекся
За идолопоклонство от тебя...

(Опускает руки; закрывает глаза, словно обессиленный отчаянием.)

К а л е б

Учитель, эти страшные виденья
В предупрежденье нам, а не на гибель?
Наверно, так?

Годвинсон молчит и не открывает глаз.

К а л е б

(пододвигает Годвинсону библию ближе)

Открой святую книгу,
И пусть она укажет, что нам делать.

Г о д в и н с о н

(открывает библию будто наугад, в действительности же на заложенном заранее тексте; читает глухим голосом)

«Будь проклят тот, кто вылепит или выльет противное богу создание рук мастера и положит его в тайном месте».

(Общине, не читая.)

Вы знаете, что отвечал на это
Народ израильский.

К а л е б

(печально и строго)

«Да будет так».

Ф и л д и н г

(фанатически)

Да будет проклят!

А б р а г а м С м и т

Что ж, да будет проклят.

Д ж о н М и л с

Своя душа дороже. Я согласен:
Да будет проклят.

И е р е м и я О р т в и н

Да уж не иначе.

Э д и т

(громко, отчетливо)

И я его клянущ.

К р и с т а б е л

Ой, мама! мама!

Р и ч а р д

(общине)

Все проклял? А знаете, за что?

К а л е б

(показывая на закрытую статую)

За эту мерзость, что от всех скрываешь.

Р и ч а р д

Кто вам сказал, что я свое создание
Скрываю? Вот, смотрите! Вот оно!

(Внезапно сбрасывает покрывало с большой статуи.)

Немая сцена. По лицам присутствующих видно, как религиозное чувство борется в них с естественным удивлением перед прекрасным произведением искусства. На лице у Ричарда появляется выражение триумфа.

Г о д в и н с о н

(общине)

Еще ужасней

Он этим согрешил, чем до сих пор!

Он хочет нас теперь запутать в невод,

Сплетенный князем лжи. С дороги правой
Он хочет сбить, как видно, всю общину.
Община отворачивается, чтобы не смотреть на статую.

Ф и л д и н г

Он слушал дьявола, когда вот это
Творил.

Р и ч а р д

Я слушал только вдохновенье,
А вами правит кто?

(Показывает на Годвинсона.)

Вот этот труп?
Кто ж создал идола? Не я, а вы!
Себя кляните!

Г о д в и н с о н

(общине)

Долго ли терпеть нам
Бесчестье слов и дел? Чего вы ждете?
Припомните, что сделал Моисей
С кумиром золотым?

Ф и л д и н г

Он сжег его
И пепел дал идолотворцам выпить.

Г о д в и н с о н

И мы так сделаем!

(Показывает на статую.)

Сожжем ее!

Сжигайте же всю идольскую мерзость,
Что в этом доме собрана!

Р и ч а р д

Не дам!

В эту минуту Филдинг своей большой палкой сбивает статую с помоста, она падает и разбивается. Члены общины хватают все, что только попадает под руку, все, относящееся к скульптуре, — эскизы, бюсты и т. п., даже инструменты, — топчут, ломают, бросают в камин, в котором Калед разжигает и раздувает огонь.

Г о д в и н с о н

(бросается к шкафу, около которого уже стоит Ричард, готовый к защите)

Здесь идола страшнее! Посмотрите!

Ричард борется с ним, не пуская. Члены общины бросаются на помощь Годвинсону. В дверь из-за перегородки уже в течение нескольких минут, с тех пор как началась драка, пытается вырваться запертый там Дэви. Кристабел и Эдит подпирают дверь, но на минуту Эдит опускает руки, пораженная тем, что делается около шкафа. Дэви прорывается в дверь, схватывает скульпторский молоток возле разбитой статуи и, пробившись к Ричарду, подает ему молоток.

Д э в и

На, дядя, молоток!

Р и ч а р д

(крепко прижимает одной рукой единственную статуэтку, которую ему удалось спасти, — статуэтку с девизом «Pereat mundus, fiat ars», — а другой берет у Дэви молоток и замахивается им)

Эй, отойдите!

Легко ранит Годвинсона, тот пронзительно кричит; поднимается крик: «Он сумасшедший! Прочь его! В пущу! Гоните его! Гоните его!» Община наступает на Ричарда с палками, кое-кто бросает кусками глины от разбитой статуи.

Р и ч а р д

(громким голосом)

Молчать, отродье подлое! Невежды!
Я сам уйду от вас! Там, в дикой пуще,
Есть дикари — они не хуже вас!
Прочь! Дайте мне дорогу! А иначе
Я сам себе дорогу проложу!
Эй, берегитесь!

(Устремляется сквозь толпу, прокладывая себе молотком дорогу к двери.)

К р и с т а б е л

Что ты, брат! Опомнись!
Вернись! Ой, мамочка!

Э д и т

Он проклят богом.
Он мне не сын, тебе не брат.

Д э в и

(пробиваясь к Ричарду сквозь толпу)

Ой, дядя,

Возьми меня с собою!

К р и с т а б е л

Дэви, сын мой!

Постой! Не уходи! Я без тебя

Умру! .. Ой, Дэви. . .

Голос ее срывается. Она пошатнулась. Дэви после минутного колебания возвращается на ее крик и бросается в ее объятия.

Д э в и

Мама, я с тобою!

Кристабел порывисто прижимает к себе Дэви. Ричард пробился к порогу и открыл дверь.

Г о д в и н с о н и о б щ и н а

(вслед Ричарду)

Будь проклят!

Р и ч а р д

(оборачивается с гневным смехом)

Нет, на вас проклятья ваши!

(Исчезает за порогом.)

Община провожает его озлобленными криками и бросает вслед ему куски глины и щепки.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Школьная комната в Род-Айленде; она же является и комнатой Ричарда. Большая часть ее занята школьными скамьями, кафедрой, досками и тому подобными вещами; меньшая часть, примерно четверть комнаты, отделенная от первой занавесом и перегородкой, заставлена вещами Ричарда и скульпторскими инструментами: в одном углу шкаф, в другом — небольшая незаконченная статуя женщины, тут же стоит и скелет для изучения анатомии. Р и ч а р д сидит на кафедре, перед ним ученик читает по книге; другие ученики — кто помоложе, кто постарше — сидят на скамьях.

Ученик

(читает)

«E disse lei: nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria!»

Р и ч а р д

Переводите.

Ученик

(переводит)

«И молвила она: нет большей боли,
Чем вспоминать счастливые минуты
В дни горя». Может, лучше: «В дни несчастья?»

Р и ч а р д

Одно и то же.

Ученик

Странные слова!

Мне кажется, приятное припомнишь —
И станет легче на душе.

Р и ч а р д

Дай бог,
Чтоб вы своей не изменили мысли.

У ч е н и к

Читать еще или анализ сделать?

Р и ч а р д

Нет, на сегодня хватит.

Ученики собирают книги и, поклонившись, расходятся. Один ученик остается и подходит к Ричарду.

Р и ч а р д

Что вам, Чарли?

Ч а р л и

Я показал отцу фигурку вашу,
Да говорит он, что такой товар
Ему не пригодится для торговли,
Здесь этого никто не покупает.
Так вот я вам принес ее назад.

(Делает движение к сумке.)

Р и ч а р д

(останавливает рукой его движение)

Возьмите же ее себе на память.

Ч а р л и

Вы разрешите маленькой сестренке
Отдать ее? Она просила куклу.

Р и ч а р д

Sancta simplicitas! ¹

Ч а р л и

Что вы сказали,
Учитель?

---

¹ Святая простота! (лат.).

Р и ч а р д
Что сказал? Так. Ничего.

(Задумывается.)

Ч а р л и
(подождав)
Так разрешите подарить фигурку?

Р и ч а р д
Пожалуйста...

Ч а р л и
Спасибо.
(Кланяется, уходя.)

До свиданья.

Чарли выходит.

Р и ч а р д
(один)
Ужели нет такой на свете силы,
Такой могучей, чтобы здесь к искусству
И красоте людей могла приблизить?
Ведь если оживлять умел я камень,
То почему я оживить не в силах
Сердца людей? Они ведь не из камня.
Они так храбро бились за свободу,
За правду, за святое божье слово,
И не единым хлебом здесь живут.
Я видел сам, как на глазах суровых
Росой прозрачной трепетали слезы,
Когда орган напевом величавым
Людские души потрясал и стены.
И жалко было мне и так завидно,
Что музыка царит и над стенами
И над людьми, а вот мое искусство
Любимое в презренье, как царица
Развенчанная... Не хочу я верить,
Что власть моя царица потеряла.
Я виноват, моя мечта бессильна.

Да, слаб мой разум, неспособны руки
Создать, придумать что-нибудь такое,
Что б волновало всех, как гром органа.
Но где оно и как его найти мне?

(Раздвигает занавес, идет к статуе и открывает ее.)

Что недостойного в моем созданыи?
Кто может дать совет? Приходят люди,
Уходят молча, как глухонемые,
Как с темною водой в глазах незрячих,
Что смотрят и не видят. Лучше было,
Когда фанатики в ожесточеньи
Мои созданыя разбивали в прах!
Ведь это было все-таки признаньем,
Что может сильным быть мое искусство,
Для них враждебным, злым и нечестивым,
А все ж великим! Как они боролись
Тогда со мной, как с ними я боролся! . .
Да, и врагу я был бы рад теперь,
Но нет его. . .

(Статуе.)

Так отзовись хоть ты,
Ответь хоть ты мне, глина неживая!
Чего тебе и мне недостает,
Чтоб были мы среди людей живыми?

(Делает поправки.)

Вот так не станет линия вернее? . .
А этот жест, быть может, интересней?
А этот взгляд не опустить ли книзу?
Но что-то лицемерное в нем есть. . .
Похоже это на богинь античных. . .
А это — на мадонну. . . А вот это —
На ту, разбитую. . .

(Бросает работу.)

О, если б знал я,
Что людям надо, я бы дал им. . . Нет,
Чтобы душа с душою говорила,
Наверно, надо, чтоб сроднились души.

А что их может породнить? . . . О боже!
Молю тебя: вдохни в мое создание
Иную душу иль мою возьми! . . .

Тихий стук в двери. Ричард сначала не слышит. Стук повторяется.

Р и ч а р д

Прошу вас!

Входит швея Брукли и несет какой-то сверток.
Молча здоровается.

Р и ч а р д

Это вы?

Б р у к л и

Я принесла

Работу вам.

(Вынимает и разворачивает длинную скульпторскую блузу.)

Р и ч а р д

Спасибо. Вот вам деньги.

(Вынимает деньги.)

Здесь и за то, что вы мне шили раньше.

Б р у к л и

(прижимает руки к груди, отказываясь от денег)

Нет, господин учитель, не брала
И не возьму.

Р и ч а р д

Да что вы! Почему же?

Б р у к л и

Я очень благодарна вам за сына:
Ведь мальчик мой вас уважает больше,
Чем всех учителей.

Р и ч а р д

Я очень рад,
Что у меня ученикам неплохо. . .

Но деньги вы возьмите, а иначе
Я не могу принять от вас работу.

Заворачивает блузу и подает Брукли, та кладет сверток на стул.

Б р у к л и

Нет, господин учитель, если так,
То я вас попросила б... Только где там!
Дороже это выйдет... Ну, так что ж,
При случае могла б я отработать...

Р и ч а р д

А что же мог бы сделать я для вас?
Охотно сделаю без отработки.

Б р у к л и

Не отдали б вы мне фигуру эту?..

(Показывает на статую.)

Она, как видно, зря стоит у вас?..
А мне бы пригодилась.

Р и ч а р д

Для чего?

Б р у к л и

Да вечно дамы мною недовольны,
Все им не угодить. Кто ж виноват,
Что не хотят они стоять?

Р и ч а р д

Так что ж?

Простите, что-то я не понимаю.
Шел разговор о статуе...

Б р у к л и

Так вот,
На ней я платья примерять могла бы,
Чтобы не мучить дам...

Р и ч а р д

Что?! Как?!

(Немеет от гнева.)

Б р у к л и

(испуганно)

Простите...

Я... я не знала... я...

Р и ч а р д

Нет, ничего...

Оставьте одного меня, я болен...

А деньги вы возьмите. До свиданья...

Брукли, смущенная, берет деньги, кланяется приседая и выходит, оставив дверь незакрытой. Едва она вышла, входят трое колонн-стов: Джонс, О'Патрик и Мак Гарди.

В с е т р о е

Привет вам! Добрый вечер!

Р и ч а р д

(отвернулся к статуе, чтобы скрыть свое еще не совсем утихшее волнение)

Добрый вечер!

Д ж о н с

Работаете?

Р и ч а р д

Да...

О'П а т р и к

(смотря на статую)

Что ж это будет?

Вы делаете это по заказу

Какой-нибудь общины?

Р и ч а р д

Нет.

Д ж о н с

Наверно,

Хотите вы продать свою работу
В какую-нибудь церковь?

Р и ч а р д

Нет, куда там!

Едва ли кто ее купить захочет.

М а к Г а р д и

Тогда зачем вы лепите ее?

Р и ч а р д

Сказать по правде, я и сам не знаю.

М а к Г а р д и

Для развлечения, значит.

О'П а т р и к

Это кто же?

Святая?

Р и ч а р д

Как бы вам сказать? Мечта.

О'П а т р и к

Ну, хорошо, мечта, но для чего же
Она нужна?

Р и ч а р д

Да как мне объяснить вам?
Зачем нам, собственно, нужна мечта,
И что она такое, но, пожалуй,
Никто на свете без мечты не прожил.

М а к Г а р д и

Да, это так: конечно, молодому
Какие-то мечты на ум приходят.

О'П а т р и к
Понятно, молодость!..

Р и ч а р д
Но ведь с мечтою
Светлее жить не только молодым.

М а к Г а р д и
Иной и правда, хоть и седоусый,
А забавляется.

Р и ч а р д
Нет, не всегда
Мечта — забава. За нее порою
Потоки крови люди проливают.

М а к Г а р д и
Храни господь от этого безумья!

Р и ч а р д
Храни господь, хоть нас и не хранил.
Ведь даже в нашей Англии веселой
Из-за мечты лилось немало крови.

О'П а т р и к
Да разве же мечты — вся наша церковь
Епископальная и десятина?
И наш молитвенник?

М а к Г а р д и
А наших «прав
Петиция?» А «пункты»?

Р и ч а р д
Все мечты!

М а к Г а р д и
Что говорите вы? Побойтесь бога!

О'П а т р и к
И мы гнались по морю за мечтою?

Р и ч а р д

Да, нас мечта вела за океан,
За нею мы сквозь пущи пробивались
И для нее терпели мы невзгоды.

О'П а т р и к

Так что ж за навождение это было
По-вашему?

Р и ч а р д

Великая, святая
Мечта, что люди могут быть свободны...

Молчание.

Д ж о н с

(давно отстав от разговора, до сих пор, скучая, прохаживался по комнате; теперь, воспользовавшись перерывом, обращается к Ричарду)

А я по делу к вам, почтенный мастер.
Недавно тут земельку я купил,
И глина есть на ней, а я не знаю,
Хорошая ли глина. Вот смотрите —
Принес я вам образчик.

Р и ч а р д

Для скульптуры
Не пригодится.

Д ж о н с

Нет, я не об этом...
А на горшки она не пригодится?
Мы все втроем решили основать
Союз гончарный. Мы бы и хотели
Посуду продавать, но не простую,
А деликатную. Ведь, слава богу,
Все богатеют, — может, нам торговля
Пойдет на пользу. У меня вот глина,
Он

(показывает на О'Патрика)

дом дает, а он

(показывает на Мак Гарди)

дает нам деньги.

А вас мы просим образцы лепить, —
Вы человек умелый и бывалый,
Вы видели ведь всякую посуду
В Италии — хороший там товар!
Я думал так, что если мастер Ричард
Здесь от безделья может куклы делать...

Р и ч а р д

(вскочил с места, схватил шапку)

Простите, господа, пора мне в школу...
А там и в церковь... я пойду... простите!

(Быстро выходит.)

Д ж о н с

С ума сошел?

О'П а т р и к

Обиделся.

М а к Г а р д и

Чудак!

Ведь говорил я, что не будет толку.

Д ж о н с

За что же он обиделся?

О'П а т р и к

За куклу.

Д ж о н с

Какая ж тут обида? Ишь какой!
Ну, может быть, немного пошутили...

М а к Г а р д и

А он совсем не понимает шуток.

О'П а т р и к

(смотря в окно)

Смотрите-ка — вон повстречался мастер
В воротах с органистом и магистром...
О чем-то говорят.

Ма к Гар ди

(смотря в окно)

А вот как будто
Сюда направились.

Д ж о н с

Уйдем отсюда,
Мне с этим мастером не по себе.

О'П а т р и к

Уйдем, пожалуйста. Нам с людьми такими
Учеными и говорить-то трудно.

Д ж о н с

Да, может, кто-нибудь из нас и смог бы,
А только время не к чему терять.

Все трое уходят. Входят магистр и Ричард впереди, продолжая оживленную беседу, начатую на улице. Органист идет вслед за ними; он сначала не вступает в разговор, а только прислушивается и ходит, осматриваясь, по комнате. Ричард, войдя, закрывает занавес, отделяющий спальню от комнаты.

Ма г и с т р

...Вы, мастер Ричард, посмотрите шире,
Ваш кругозор так тесен.

Р и ч а р д

Нет, магистр.
Все дело в том, что смотрим мы различно:
Я вверх, а вы — вокруг себя.

Ма г и с т р

Ну пусть,
Хоть вряд ли так, — построим параллель:
Вам дорого искусство — я не спорю,
Достойно ли оно, речь не о том, —
Вам дорого искусство, мне — наука.

Р и ч а р д

Конечно.

Магистр

Так. Non dubitandum est.¹

Пойдемте дальше: вы в своем искусстве
Дошли когда-то до высот...

Ричард

Когда-то!..

Магистр

(делает движение рукой, словно успокаивая Ричарда)

При диспуте спокойствие хранить —
Conditio sine qua pop.²

Ричард

Простите.

Магистр

Известно вам, почтенный мой коллега,
Что Universitas³ меня магистром
Именовал...

Ричард

И что ж — honoris causa⁴?

Магистр

Nunc prosequor⁵: вот вы преподаватель
Вокабул итальянских, я — учитель
По арифметике, хоть я — ученый,
А вы — художник.

Ричард

Это так, к несчастью

Для нас.

---

¹ Нет сомнения (лат.).

² Непременное условие (лат.).

³ Университет (лат.).

⁴ В знак чести (лат.).

⁵ Теперь продолжим (лат.).

Магистр

Что ж, пусть для нас — не для науки,
Не для искусства. Люди, поколенья —
Все это звенья малые в цепи
Всемирной жизни. Никакая сила
Порвать ее не сможет. Архимед
Повержен был рукою негодяя.
Он не успел окончить теоремы,
Но через год, а может, через сто
Нашлась рука, что дописать сумела
Ту теорему. И никто не скажет,
Где предка дело, где потомка труд —
Они слились в единой теореме.

Ричард

Позвольте мне, магистр, и вам ответить
Одним примером. Некий славный мастер,
По имени неведомый, оставил
Нам статую без рук. Прошли года,
Века, тысячелетья... И доньше
Та статуя без рук. Пришлось мне видеть
Немало проб закончить эти руки —
Художники известные трудились —
И что ж? Попытки эти неудачны,
Работа поколений не слилась.

Органист

(вступает в беседу)

Но это значит, что сама скульптура
Окончила свой век. И слава богу!

Ричард

А если так, какая же тут радость?
Когда бы музыка исчезла, я бы
Не радовался.

Органист

Музыка бессмертна.

Какая-нибудь песенка, и та
Живет века, меняется и снова

Звучит и в церковь божью переходит.
То христианское искусство.

Р и ч а р д

Разве
Скульптура проклята Христом?

О р г а н и с т

Да нет,
Но все ж скульптура в христианском мире,
Когда она язычеству не служит,
Одна забава.

Р и ч а р д

Как? Буанаротти,
По-вашему, трудился для забавы?

О р г а н и с т

Я никогда его работ не видел,
И мало кто их видит. Те же гимны,
Что в церкви я играю на органе,
Весь христианский мир поет.

М а г и с т р

Но это
Не доказательство.

О р г а н и с т

Что ж, может быть.
Не мастер я на диспуты. Но только
Никто на свете не живет без песни,
А статуи для богачей стоят.

Р и ч а р д

Роса сверкает на былинке каждой,
А бриллиант — на дорогих уборах;
Но оба — дар господень.

М а г и с т р

Это тоже
Не доказательство.

Р и ч а р д

Но если бриллиант
На перекрестке положить иль в церкви,
То каждый мог бы на него смотреть,
Как на росинку.

О р г а н и с т

Нашей бедной церкви
Не покупать брильянтов драгоценных. . .

М а г и с т р

Коллеги, мы от темы отклонились.
Начнем ab ovo, и ad hoc¹ мы примем
Без доказательств, что скульптура вечна.
А может, в самом деле, мастер Ричард,
Вы здесь, как скульптор, перестали жить.

Р и ч а р д

Не лучше ли тогда, чтобы я умер? . .

М а г и с т р

(не обращает внимания, продолжает спокойно дальше)

Вы, как анатом, знания несете
Той молодежи, что своим талантом
Вас может превзойти, и труд ваш долгий,
Упорный, незаметный подготовит
Искусства вашего расцвет блестящий,
Когда для этого пора настанет.
И в этом храме будущем искусства
Вы будете фундаментом незримым.

Р и ч а р д

По-вашему, людские души — камни,
Которые годятся на фундамент?
По-вашему выходит — только тело
Бойтся смерти, а живой душе
Не страшно умирать?

---

¹ С начала и применительно к этому (лат.).

Магистр

Нас вера учит,
Что наши души вечны.

Ричард

Ах, магистр!
Я в это верил, но теперь я вижу,
Что душу можно раздавить. И даже
Скорей, чем тело.

(Отходит немного в сторону и склоняется к окну, охваченный грустью.)

Магистр

(не смотря на Ричарда)

Кто ж у нас, коллега,
Здесь душу давит? То в чужих краях, —
У нас, в Род-Айленде, не надевают
Ярма на душу. Вы скажите сами,
Какую же неволю здесь вы знали?
Пришли вы и живете здесь свободно.

Ричард вздрагивает при последних словах.

Органист

(шепотом)

Оставим же его, он, как струна
Расстроенная, весь дрожит.

(Вслух.)

Магистр,
Я тороплюсь домой, а там и в церковь
На репетицию пора. Мы вместе
Пойдем?

Магистр

Пойдем, коллега.

Органист

Приходите,
Я буду ждать вас, мастер, я сыграю

Вам «Stabat mater»¹, что когда-то вам
Понравилась.

Р и ч а р д

Спасибо, только я
Прошу, чтоб вы мне Requiem сыграли.

О р г а н и с т

Но я прошу вас, мастер, не грустите!

Р и ч а р д

Я не грущу...

О р г а н и с т

Ну, до свиданья, мастер!

Магистр и органист подают руки Ричарду и идут к двери.

М а г и с т р

(уходя)

А диспут мы когда-нибудь закончим.

Магистр и органист выходят. Ричард минуту стоит опечаленный,
затем быстро подходит к окну, открывает его и кричит.

Р и ч а р д

Коллега Брайд! Почтенный органист!

О р г а н и с т

(подходит к окну)

Что, мастер?

Р и ч а р д

Вы не помните ли песню
О том, как жил да был в траве кузнечик:
Скрипел, хрипел, никто его не слушал,
А умер — все забыли. Там припев —
«Ой горе, о кузнечике забыли!»

---

¹ «Предстояла мать божия» — начальные слова католического гимна.

О р г а н и с т

К чему спросили вы меня об этом?

Р и ч а р д

Да так... Уж очень песня хороша.

О р г а н и с т

Я органист, а не певец. Прощайте!

(Оскорбленный уходит.)

Р и ч а р д

Коллега Брайд!.. Пойдите!.. Рассердился!
Я вовсе не хотел его обидеть.
Не понял он... Но это не впервые,
Что здесь меня не понимают люди.
Да и зачем им понимать? Они
И вправду дали мне приют, работу
И... и свободу. Кто же виноват,
Что у меня так беспокойно сердце,
Что опалил его огонь какой-то,
Тот, что ни печь и ни варить не может —
И мог бы только жертвы всеожженья
Сжигать дотла на алтаре великом...
Где ж эти алтари? Я словно воин,
Что на чужбине почитает бога,
Которого никто вокруг не знает...

(Задумывается. Потом смотрит в окно.)

Смеркается... Ложится тень от пуши...
Вон там дорога лентою белеет...
И кто-то, кажется, идет иль едет...
Вот так и я сюда пришел когда-то...
Тяжел был путь, не выдержал бы Дэви...

(Поет вполголоса.)

«Куда собрались вы так поздно в дорогу,
Мой Ричард, все море в тумане».
— Моя королева, молитесь вы богу,
И легче на сердце вам станет. —

«Куда вам спешить, подождите рассвета,
Мой Ричард, все море в тумане».

(Перестает петь.)

Забыл слова, мотив я только помню, —
Бывало часто мой отец певал. . .
А мать — та ненавидела баллады. . .

(Поет.)

«Куда собрались вы так поздно в дорогу,
Мой Ричард, все море в тумане».

(Снова перестает.)

Как здесь внезапно наступает вечер. . .
А впрочем, так бывало ведь и в пуще. . .
Нет, я дороги этой не забуду. . .

(Поет.)

«На море темно — подождите рассвета,
Мой Ричард. . .»

(Прерывает пение, всматривается в окно, затем вскакивает, внимательней всматривается в даль.)

Кто там в самом деле едет?
Сюда? . . Мне кажется. . . О, боже мой!
Да это Джонатан!

(Бросается к двери, встречается с Джонатаном. Они вадают друг другу в объятия.)

Друг! Джонатан!

(Ухаживает за Джонатаном, приглашает его к столу и угощает, вынув из шкафа еду и питье.)

Садись, мой брат, и отдохни с дороги!
Ты долго проблуждал, наверно, в пуще!
Путь отыскать в ней трудно.

Джонатан

Нет, не очень.
Теперь пути в ней проторили люди.

И лет уже прошло с тех пор немало,
Как ты покинул нас.

(Присматривается к Ричарду.)

А все же, Ричард,
Как рано эти годы положили
Тебе на кудри столько серебра.
И я, я так же изменился?

Р и ч а р д
(смотрит на Джонатана)

Нет,
Не очень... Как же ты сюда заехал?
Уж не из-за меня ли?

Д ж о н а т а н
Да, конечно,
Еще и Риверса хотел я видеть,
К нему и дело есть. Он нам недавно
Прощение прислал через людей, —
Не разрешим ли мы ему вернуться.

Р и ч а р д
И что же?

Д ж о н а т а н
Разрешили.

Р и ч а р д
Да?... Ну, как там
Живут твои?

Д ж о н а т а н
Спасибо, хорошо.

Р и ч а р д
(с видимым усилием и беспокойством)
А как мой?

Д ж о н а т а н
Все живы и здоровы.
Просили передать тебе привет.

Сестра узнать мне у тебя велела,
Не хочешь ли ты к ней сейчас вернуться.

Р и ч а р д

Душа моя к ней рвется постоянно.

Д ж о н а т а н

Ну, так вернись!

Р и ч а р д

Как будто ты не знаешь.
Меня изгнал ведь приговор общины.

Д ж о н а т а н

То был не приговор, скорей — порыв.
Когда б ты мог порыв тот переждать...

Р и ч а р д

Не мог...

Д ж о н а т а н

Ты не хотел.

Р и ч а р д

Не стоит спорить.

Д ж о н а т а н

И правда, это все прошло. Теперь
Община приговор забыть готова.

Р и ч а р д

Что ж, может быть... А кто ж ее просил?
Сама сестра?

Д ж о н а т а н

Нет, в сердце материнском
Слезами пробудила Кристабел
Сочувствие, и согласилась мать
Просить общину о тебе.

Р и ч а р д

О, боже!

Она меня своим признала сыном...

Д ж о н а т а н

Надеется, что ты еще придешь,
Как блудный сын...

Р и ч а р д

Она сказала так?

Д ж о н а т а н

Она сказала это при общине.

Р и ч а р д

Меня назвать при всей общине блудным!..

Д ж о н а т а н

К тебе была община благосклонна.
Сам Годвинсон сказал, что если б ты
Пришел покорно, полный покаянья,
С сердечной скорбью, — он тебя простил бы,
Как и община.

Р и ч а р д

Как он мог подумать,
Что я приду к нему просить прощенья?

Д ж о н а т а н

Не требует он покаянных слов.

Р и ч а р д

Так, значит, делом каяться я должен?

Д ж о н а т а н

Конечно, делом.

Р и ч а р д

Да, конечно, делом!

Д ж о н а т а н

Советую тебе я покориться,
В покорности и сам ты мир нашел бы,
Тот мир, которого в твоей душе
Вовеки не было.

Р и ч а р д

Да и не будет!

Д ж о н а т а н

Когда-то о себе и я так думал,
Пока не одолел свою гордыню.
А с той поры, как от себя отрекся,
Обрел я в сердце мир и благодать.

Р и ч а р д

Как я давно подобных слов не слышал!

Д ж о н а т а н

Послушай же! И пусть мой голос будет
Не гласом вопиющего в пустыне.
Прошу тебя я, Ричард: покорись,
Прошу и умоляю!

Р и ч а р д

Не могу.

И пусть господь меня рассудит с ними!
Не гнется шея перед Годвинсоном!
Не может сердце вынести неправду,
Хотя б от матери.

Д ж о н а т а н

А для сестры?

Р и ч а р д

Зачем же нужен ей покорный Ричард?
Затем, чтоб положить его во гроб?

Д ж о н а т а н

Оставь ты, Ричард, гордые слова;
Все это — дым, ты вспомни о живых.
Племянника ведь ты любил, как сына.

Р и ч а р д

Что с ним?

Д ж о н а т а н

Да ничего, хороший мальчик.

Р и ч а р д

Не лепит?

Д ж о н а т а н

Нет, но живопись он любит.
Хотел бы он в Голландию поехать
С товарищами, чтобы подучиться,
Да денег нет. А жалко: пишет он
С большой охотой и совсем неплохо,
Не возражают и родные, — что ж,
Греховного он ничего не пишет.

Р и ч а р д

А что он пишет?

Д ж о н а т а н

Больше все портреты.
Свой собственный он написал. И вот...

(Вынимает небольшой портрет, написанный на дощечке.)

Тебе его в подарок посылает.

Р и ч а р д

(Присматривается. Голос его дрожит.)

Он стал еще красивей... Ус чернеет...
А взгляд все тот же дальнозоркий, чистый,
Все та же искра в нем горит. Мой Дэви!
Мой милый мальчик! Сын души моей!

Д ж о н а т а н

Вернись к нему.

Молчание.

Р и ч а р д

Зачем бы я вернулся?
Чтоб душу молодую погасить?
Теперь он будет помнить, что когда-то
Был у него любимый дядя Ричард,
Свободный, смелый и непримиримый,
Покорный только красоте и правде.
Не омрачу его воспоминанья;
Я не хочу, чтобы мой милый Дэви
И юные друзья его кивали
Мне головою вслед и говорили:
«Был конь, да вот изъездился!» — Обидно!

Д ж о н а т а н

Все это гордость, Ричард. Ты для славы
Готов души спасенье погубить.

Р и ч а р д

Для славы? Где же? Где же эта слава?
Ты не терзай мне сердца!

Д ж о н а т а н

Извини,

Хотел сказать я...

Р и ч а р д

Что там говорить!
Мы всё сказали, что могли, как будто.

Д ж о н а т а н

Послушай, Ричард, дома, кроме близких,
Есть у тебя еще друзья.

Р и ч а р д

Какие?

Кто эти праведники?

Джонатан
Миссис Томсон.

Ричард
Такой не знаю я.

Джонатан
Она — вдова
По Томсону, когда-то Дженни Кембл.
Она недолго замужем была,
Теперь она уже...

Ричард
Не надо больше!..
Будь Томсон или Кембл — мне все равно.
Я этой женщины не знаю.

Молчание.

Джонатан
Что же
Твоей сестре скажу я о тебе?

Ричард
Скажи, что я не возвращусь.

Джонатан
И это
Твое последнее решенье?

Ричард
Да.

(Отворачивается.)

Джонатан
Напрасно ты свои скрываешь слезы.
Я вижу их. Скажу твоей сестре:
Он плакал, это говоря.

Р и ч а р д
(овладевая собой)

Как хочешь...
А Дэви передай, чтоб непременно
В Голландию поехал...

(Идет к сундуку, вынимает оттуда деньги и дает их Джонатану.)

Эти деньги
Отдай ему. Мой заработок горький
На этот раз пусть не на хлеб насушный
Пойдет. Скажи ему: просил твой дядя,
Чтоб мастером он был и не склонялся
Ни перед кем.

Д ж о н а т а н
Я деньги передам.

Р и ч а р д
А слово?

Д ж о н а т а н
Нет. Оно греховно.

Р и ч а р д
Что ж,
Не говори! Без слов поймет мой Дэви.
Молчание. Джонатан прячет деньги.

Д ж о н а т а н
Как видно, большего я не дождусь.
С тем и уйду.

Р и ч а р д
Останься ночевать!

Д ж о н а т а н
Я к Риверсу пойду. Ну, будь здоров!
Пожимают друг другу руки. Джонатан направляется к двери.

Джонатан

(уходя)

Что матери сказать мне?

Ричард

Ничего.

Джонатан выходит. Во время диалога незаметно наступила ночь. Теперь только слабый звездный свет немного освещает комнату.

Ричард

(прислушивается, как затихают шаги Джонатана, затем садится у стола)

Как одинок я! Боже, боже правый!
Что ж, я достиг желанного: свободы,
Разбил все цепи жаждущего сердца
И сердце вместе с ними. Я свободен.
И нет ни остановки, ни дороги,
И цели нет... До края доборолся...
Теперь, когда я все преодолел,
Тоска меня же одолеет? Нет!
То, для чего я от всего отрекся,
Пусть и меня спасает. Искра божья!
Мой дом родной когда-то ты сожгла,
Теперь свети, свети мне на чужбине,
Стань очагом домашним.

(Встает, зажигает лампу, ставит ее на постамент, отодвигает занавес, подходит к закрытой статуе, берется за покрывало, немного приподымает его, но останавливается.)

Что хотел

Я изменить в ней? Что теперь мне делать?
Кончать ее? Приблизить ли к природе?
Нет образца... Фантазии дать волю?
Не бьет моя фантазия крылами
Поломанными...

(Опускает покрывало.)

Что ж ты, мысль, молчишь?

Спаси меня!.. Как сердце замирает...
Устало биться?.. Да... И я устал.

(Садится на край пьедестала статуи.)

А может быть, все это только призрак.
И, может, то была не искра божья,
А только лишь болотный огонек,
Что путника уводит в бездорожье...
И, может, все они не ошибались,
А только я один. Я жизнь свою
Неблагодарному кумиру отдал...
В тяжелый час кумир мне изменил...
Так будь он проклят!..

Что я говорю!

И как не грех до этого дожить?
Прости меня... Кого я умоляю?
Пустыню, что ли?.. Как тут страшно, боже!

Выбегает из комнаты. Убегая, Ричард оставил дверь открытой; от ветра пламя свечи на постаменте дрожит, и черные тени от статуи, от скелета и от скамей пробегают по стенам и по потолку. Комната некоторое время пуста. Потом входят магистр и мессер Антонио, человек пожилого возраста, у него одежда и манеры венецианского *nobile*¹ XVII века.

А н т о н и о

(останавливается у порога и удивленно осматривает комнату)

Позвольте вас спросить, магистр любезный,
Уверены ли вы, что здесь живет он?

М а г и с т р

Ошибки никакой не может быть,
Мессер Антонио.

А н т о н и о

Что ж, это странно...

М а г и с т р

Вы разрешите мне вас здесь оставить?
Уж если так спешите вы покинуть
Род-Айленд наш...

А н т о н и о

Мне надо торопиться!

---

¹ Знатный дворянин (итал.).

Магистр

То должен я собрать общину нашу,
Чтоб обсудить нам пункты о торговле.
Переводить с латинского я должен, —
Не все язык здесь этот понимают.

Антонио

От всей души, магистр достопочтенный,
Я вас благодарю за то, что вы
К моим делам вниманье проявили.
А если же равна ученость ваша
Любезности — а в этом нет сомненья, —
То новая земля гордиться может
Великим, дивным светочем науки.

Магистр

Нет, и ученость и любезность наша,
Признаться надо, далеко отстали
От добродетелей венецианских.

Антонио

Нет слов, чтобы достойно вам ответить,
Сдаюсь на вашу милость, мой магистр.

Магистр

Мессер Антонио, я рад служить вам.

Церемонные поклоны. Магистр выходит.

Антонио

И это студия? О нет, пустыня!
Нельзя сравнить ее с той мастерской
Рикардо молодого, где бывало
Общались дружно грации и музыки.
Вот эта одинокая фигура —
Как памятник могильный, а над нею
Беззвучно усмехается скелет.
Ужели дому этому подстать
И сам жилец? Подумать страшно!..

На пороге появляется Ричард; увидев Антонио, восклицает.

Р и ч а р д

Боже!

Мессер Антонио... Я помешался!
Вы — призрак!

А н т о н и о

Не пугайтесь, милый друг!
Стареет Тонио, но жив и даже
У вас торговлю оживить здесь хочет.

Р и ч а р д

(сначала без слов горячо здоровается с ним)
Мой драгоценный друг! Веселым солнцем
Италии ты в дом ко мне вошел!

А н т о н и о

И во-время — у вас здесь темновато.

Ричард бросается, чтобы зажечь большую лампу. В открытое окно
вдруг врывается громкое звучание органа.

А н т о н и о

Что это? «Gloria in excelsis»?¹
Что там за музыка?

Р и ч а р д

Здесь близко церковь.

А н т о н и о

(прислушивается)

А хорошо играет органист.

Р и ч а р д

Он здесь единственный в искусстве мастер.

А н т о н и о

Я вижу — вы, как истый пуританин,
Смиренью научились.

---

¹ «Слава в вышних богу» — слова церковного гимна.

Р и ч а р д

Не смиренье,
А только правда. Мастера другого
Здесь нет — и лишь один играет в церкви.

А н т о н и о

А этой комнаты хозяин кто же?

Р и ч а р д

Я здесь не мастер. Был я гончаром
И каменщиком, а теперь учитель.

А н т о н и о

И мастер в трудный час берет работу
Случайную. Ведь даже Аполлон
Работу каменщика взял однажды.

Р и ч а р д

Когда бы голос Аполлон утратил
И лиру потерял, и только б строил,
Он звался б каменщиком, а не богом.

А н т о н и о

Ай, ай, маэстро! Это то смиренье,
Что паче гордости. Я не поверю,
Чтоб вы талант свой потерять могли
Здесь, в пуще Новой Англии.

Р и ч а р д

Талант?

О, как давно я слышал это слово!
Мессер Антонио, вам я скажу
О том, что я и вымолвить не в силах...
Мне кажется талант мой метеором,
Давно погасшим. Он блеснул внезапно,
Не дав ни света, ни тепла...

А н т о н и о

Но он

Всем взор очаровал, кто только видел
Его полет блестящий.

Р и ч а р д

Кто же видел?

А н т о н и о

Мы, академия, весь цвет искусства.

Р и ч а р д

Пришли ко мне вы, словно Одиссей,
Что вызвал из Эреба Ахиллеса
Умершего и говорил с виденьем
О давних днях, о подвигах героя.
Меж мертвым и живым лежал порог
Эребовых ворот, и та беседа
Печаль в бескровной тени пробудила,
И плакали погасшие глаза...
Academia delle belle arti!¹
То — свет иной, и мне он стал чужим.

А н т о н и о

Он мог бы вашим быть. И вы, маэстро,
Вы были бы у нас не метеором.
Вы стали бы вторым Буонаротти
И поровнялись славой с Донателло.

Р и ч а р д

Я слышу итальянские concetti.²

А н т о н и о

Нет, не concetti, нет, не комплименты,
Я только говорю то, что запомнил,
Все, что вы говорили, что творили,
Все это память верно сохранила.

Р и ч а р д

Что говорил, того я не припомню.

А н т о н и о

А кто у нас, в сепасоло³, бывало,
Вздымая просветленное чело

---

¹ Академия изящных искусств (итал.).

² Фантазии (итал.).

³ Собрание (итал.).

И кубком золотым звеня, в весельи,
Вдруг восклицал так громко, громче всех:
«Evviva l'arte»? ¹

Р и ч а р д

Это не вернется.

Прочь покатались золотые кубки,
Зря высыхает доброе вино,
Давно чело поникло молодое
И потемнело.

А н т о н и о

Что вам не дает

В Италию вернуться, в край счастливый,
Где путь вам устлала лавры, мирты?

Р и ч а р д

Не только лавры с миртами я помню, —
Там были инквизиции декреты.
И вы их, верно, помните?

А н т о н и о

Не бойтесь,

Теперь все изменилось.

Р и ч а р д

(печально)

Да, конечно.

Не будет ни декретов и ни лавров.

А н т о н и о

Наш разговор печален и напрасен.
Вы лучше покажите мне работу, —
Не верю я, чтоб не было ее.
Ведь если руки мастеру отрубят,
Он все-таки творить не перестанет.

Р и ч а р д

И показать-то нечего, как будто...
Вот это разве...

(Идет и открывает статую.)

---

¹ Да здравствует искусство! (итал.).

Вы, почтенный друг,
Всегда «судьей искусств» у нас ведь были.
Теперь от вас я приговора жду.
Вы и не знаете, как драгоценно
Мне ваше слово каждое, ваш суд!
Как будто до сих пор я был в пустыне,
Где голоса людского не слышал,
А тут нежданно слышу речь родную.
Она мне будет дорога, хотя бы
Я в ней и смертный приговор услышал.

А н т о н и о

О смертном приговоре нет и речи.
Nunc delectandum est.¹

Долго и внимательно смсртит на стацию. Ричард тревожно следит
за его взглядом.

Скажите мне,
Когда вы эту начали работу?

Р и ч а р д

Когда я начал? Как бы вам сказать:
Мысль родилась в Венеции когда-то.
Еще тогда я делать стал эскизы,
Во мне всегда жила идея эта,
Где б ни был я. И вот в Массачузете
Я сделал стацию... но нет ее.

А н т о н и о

А где ж она?

Р и ч а р д

Пожалуйста, прошу вас
Меня о ней не спрашивать.

А н т о н и о

А эту
Вы скоро собираетесь окончить?

---

¹ Теперь подлежит обсуждению (лат.).

Р и ч а р д

Пожалуй, путь мой раньше будет кончен.

А н т о н и о

Что ж, будет жаль. Хорошая работа.
Хоть и немного все же tormentata¹.

Р и ч а р д

Неудивительно. Я сам измучен.

А н т о н и о

Не обижайтесь на меня, маэстро.
Я не хотел сказать, что не хватает
Вам силы творческой, а только то,
Что дали вы господствовать над нею
Рассудку, что видны в создании этом
Сомнения художника...

(Умолкает, подыскивая выражение своей мысли.)

Р и ч а р д

Не надо
Меня жалеть, я не прошу пощады.

А н т о н и о

(стараясь скрыть смущение)

Да вам она и не нужна, мой друг.
Вы знаете, что критика обычно
Придирчива, порою даже слишком...
Вы только что сказали мне о том,
Что вы эскизы делали. Хотел бы
Я их вот с этой статуей сравнить.

Р и ч а р д

(идет и достает из шкафа маленькую восковую фигурку)

Одна из них здесь у меня осталась,
И ту я вынес, словно тело друга,
Убитого в сражении последнем.

---

¹ Вымученная (итал.).

А н т о н и о

(присматривается к фигурке, лицо его быстро принимает восторженное выражение)

Да это ведь жемчужина, маэстро!
И вам грешно ее от мира прятать!
Вы — пуританин, выросли на текстах,
А притчу про таланты и забыли.

Р и ч а р д

Почтенный друг, я эту притчу знаю,
И как никто...

А н т о н и о

Во имя Аполлона
И всех Камен! Скажите мне, когда
Жемчужину вы эту сотворили?

Р и ч а р д

Еще в Венеции. Потом немного
Я изменил ее лицо.

А н т о н и о

Как будто
Фигурой ваша статуя похожа
На Каролину Д'Орси.

Р и ч а р д

Может быть.

А н т о н и о

Недаром иностранец гениальный
На итальянку засмотрелся!

Р и ч а р д

Нет!

Вы ошибаетесь. Не засмотрелся.
Хотел постичь я святость красоты.
Я даже профанацией считал бы
Ухаживанье.

А н т о н и о

А сама синьора

(Ставит тем временем фигурку на стол возле себя.)

Ухаживанье даже одобряет, —
Ведь у нее всегда помимо мужа
Три чичисбея.

Р и ч а р д
Замужем она?

А н т о н и о
Давно. За тем богатым, толстым Фьяски.

Р и ч а р д
Она сейчас попрежнему прекрасна?

А н т о н и о
Да, держится. Хотя, конечно, годы...

Р и ч а р д
Мессер Антонио, зачем об этом
Вы рассказали мне?

А н т о н и о
Мой милый друг!
Не удивляйтесь моему рассказу;
Все, что вы слышали, все это — жизнь,
А то, что здесь, — одна мечта, и только.
Жизнь и мечта в согласьи не бывают
И вечно борются, хоть жаждут мира.
Пока борьба кипит — проходит жизнь,
Мечта же остается. Это значит
Pereat mundus, fiat ars!

Показывает на девиз, начертанный на пьедестале фигурки. Ричард
не отвечает на это и задумывается.

А н т о н и о
(берет Ричарда за руку)

Маэстро!
Как друга и как мастера, я вас
Прошу, искусством вашим заклинаю,
В Италию вернитесь! Я уверен,

Там оживут мечты и ваша слава,
И расцветет талант под нашим небом.
А мой корабль готов к услугам вашим
С его хозяином.

Р и ч а р д

Спасибо, друг мой.

Нет, не могу принять я приглашенье;
Прошу меня понять и извинить.
Хоть солнце итальянское и ярко,
Оно слепому зренья не вернет,
Лишь вызовет в глазах незрячих слезы.
Теперь уж поздно. Как мне возвратиться
В тот край, где видели меня когда-то
В расцвете, где когда-то на меня
Немалые надежды возлагали?
Что я там покажу? Чем похвалюсь?
Так начал я —

(Показывает на фигурку.)

И вот как я окончил!

(Показывает на статую.)

Нет, после этого не воскресают!
Зовете вы меня на свой корабль?
Нет, не берите, друг мой, труп с собою, —
И моряки вам скажут: не годится.

(Горько улыбается.)

Человек

(входит)

Почтенный господин! Там вашу милость
Община на собраньи ждет, чтоб дело
Закончить.

А н т о н и о

Я сейчас приду.

(Человек выходит.)

Я должен

Итти, а там пора мне и в дорогу, —
Давно по Свету Новому я езжу,

А к Старому назад — немалый путь,
Нельзя задерживаться мореходам.
Так что ж, маэстро?

Р и ч а р д

Нелегко сказать
То, что и раз промолвить было трудно...
Венеции прошу вас поклониться
И скульпторам, что помнят до сих пор
Товарища. Синьоре Каролине
При случае прошу вас передать
Привет мой благодарный и почтенье.
Из всех людей, которых знал я в жизни,
Она дала мне больше всех на свете —
Прекраснейшую светлую мечту.
Пусть бог благословит ее за это!
А вас, мой друг, благодарю сердечно
За дружбу верную.

А н т о н и о

Жаль, что она
Вам ни на что, мой друг, не пригодилась!
Пожимают друг другу руки. Антонио идет к выходу.

Р и ч а р д

Мессер Антонио!

А н т о н и о

Что, друг мой милый?

Р и ч а р д

(дает ему фигурку)

Мечту мою возьмите — пусть идет
В тот край святой, где родилась когда-то.
Я не хочу с душою здесь погибнуть.
Возьмите же ее, поставьте там,
Где некогда ее венчали лавром,
Скажите всем: «Вот Ричарда душа»!

Антонио торжественно, словно святыню, берет фигурку в руки.
Молчаливые поклоны. Антонио выходит.

Р и ч а р д

(один)

Моя душа уйдет за океан,
А я останусь здесь бездушным телом
Среди костей, с созданием вот этим
Мертворожденным.

(Статуе.)

Как ты мне противна!
Как ненавистна! От стыда пылает
Мое лицо, что показал тебя!
Так сгинь, проклятая, со мною вместе!
Нет, я себя не в силах пережить, —
Пусть гибнет все, пусть и следа не будет!

(Замахивается, чтобы сбросить статую с пьедестала, но опускает
руки.)

Нет, не поднять руки мне на тебя,
Мое дитя отчаянья и муки.
И жаль тебя, и так мне жаль тебя,
Как жаль отцу несчастного ребенка,
Что родился калекой навсегда...
Тебе не быть ни мрамором, ни бронзой
И своего творца не пережить.
Я не успею в землю превратиться,
Как высохнет и распадется глина.
Так пусть стоит до времени... А я?
Чего мне ждать! Готово завещанье,
Пора бы в вечный путь...

Слышен орган, он играет Requiem.

Мое желанье
Припомнил все же добрый мой коллега
И Requiem играет. Чго ж, спасибо,
Я буду слушать...

(Садится у окна и слушает.)

Грозное звучанье...
Оно мне предвещает муки ада...

Я в нем уже сейчас... О!.. Рая отзвук?
Покой... Покой он вечный обещает...
А я когда-то не хотел покоя...
Слабеет сила. Не могу я жить
Единым хлебом... Вот могучий гром!
То ангела труба! То с неба голос!..
Когда ж меня покличет ангел смерти?
Я чувствую: его недолго ждать...

АДВОКАТ МАРТИАН

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Адвокат Мартиан Эмилий.

Аврелия — его дочь.

Валент — его сын.

Альбина — его сестра.

Люцилла — ее дочь, племянница Мартиана.

Констанций — писец у Мартиана.

Брат Изоген — знатный христианин, принадлежащий к клиру.

Ардепт — молодой христианин.

Мим — немой раб.

Германец — привратник.

Центурион вигилов.

Стража, соседки.

Действие происходит в городе ПUTEОЛЫ у Неаполитанского залива, в доме Мартиана, в III веке н. э.

I

Перистиль (домовый дворик) в жилище Мартиана, окруженный крытой колоннадой, простого, даже строгого стиля, с комнатами, выходящими в колоннаду; с одной стороны комнаты расположены в два этажа, узкая лестница ведет наверх. Дворик посыпан песком и кое-где засажен колючими растениями, главным образом агавами; в разных местах стоят скамейки из серого камня. Посредине круглый бассейн без цветов и украшений; около него большие солнечные часы и меньшие — водяные (клепсидра); там же столб с привязанной к нему медной доской, молотком и большим фонарем сбоку. В глубине перистилья узкие ворота с окошком в одной стороне и калиткой в другой. За воротами открывается красивый вид на море. На переднем плане с одной стороны к перистилью примыкает довольно большой таблин (комната для работы) Мартиана, тоже очень простой, без украшений, заставленный полками и корзинами, где сложены в большом порядке кодексы, таблицы, свитки и подшивки пергаментов, а также письменные принадлежности. В таблине только задняя стена каменная, боковые заменены раздвижными занавесами. Действие происходит одновременно в таблине и в перистиле.

Констанций, молодой человек весьма скромного вида, приготовляет в таблине все для работы: раскладывает разные документы на столике, придвигает к столику кресло со скамейкой для ног и складной стул-треножник, разглаживает восковые таблицы и оттачивает стиль (палочку для писания).

Мим, немой раб, стирает пыль с солнечных часов, смотрит, куда падает на них тень, потом вдруг начинает бить молотком по медной доске громко и резко, словно в набат, но при этом сохраняет спокойный вид, будто вокруг полная тишина.

Сбоку, из прохода за таблинном, выходит Мартиан, пожилой, но еще не старый человек, берет Мима за плечо, улыбается и подает рукой знак — прекратить стук. Мим останавливается, отходит в сторону, берет грабли и разравнивает песок между агавами. Мартиан входит в таблин.

Мартиан

Привет Констанцию.

Констанций

Привет патрону.

М а р т и а н

Мой верный Мим, как рок неумолимый,
Мне не дает проспать часы работы.

(Садится в кресло.)

На очереди что у нас сегодня?

К о н с т а н ц и й

Теперь нам предстоит заняться делом
О конфискации земли церковной
У местной общины.

М а р т и а н

Прекрасно. Дело

Уже я подготовил для защиты,
А ты в законах наших поищи,
На срок какой за погребальным братством
Закреплены права на эту землю, —
Она кладбищенской считалась прежде,
Хотя уже давно там не хоронят.

Констанций достает с полки кодекс, садится на скамейку и просматривает статьи законов. Мартиан берет один из свитков, лежащих на столе, и внимательно читает.

К о н с т а н ц и й

(несмело, не поднимая головы)

Патрон, позволь сказать о частном деле.

М а р т и а н

Каком?

К о н с т а н ц и й

Твоем.

М а р т и а н

Что? Я не понимаю.

К о н с т а н ц и й

Твоя жена...

М а р т и а н

(жестко)

Нет у меня жены.

К о н с т а н ц и й

Прости... Но я сказать тебе обязан,
Что Туллия уже к суду прибегла,

С тебя взыскать желает половину
Имущества, как будто долю после
Развода вашего.

М а р т и а н

(явно пораженный, но владея собой)

Так что ж, пускай.

К о н с т а н ц и й

Ты не поручишь разузнать подробно?

М а р т и а н

Подробности мне скажут на суде.

К о н с т а н ц и й

Я слышал, у нее в суде поддержка,
Ведь муж ее...

М а р т и а н

(сухо)

Мне это безразлично.

Ну что, нашел закон?

К о н с т а н ц и й

Пока не вижу.

Оба читают молча. В это время за воротами раздается какой-то глухой гул голосов, который потом стихает. Открываются ворота, привратник-германец заходит с улицы в перистиль, подает Миму табличку и показывает ему знаками, чтобы он передал ее кому-то на верхний этаж. Мим берет табличку и проходит с ней в таблин. Привратник пробует задержать его, но тот сердито смотрит и качает головой. Привратник машет рукой и снова идет за ворота. Мим входит в таблин и подает табличку Мартиану, а сам останавливается на пороге.

М а р т и а н

Что это? От кого, кому посланье?

Оно без подписи.

(Читает.)

«Я жду тебя

В любое время дня и даже ночи.

Ты будешь, как в раю. Целую крепко,

Так, как люблю тебя».

(Пожимает плечами.)

Не понимаю.

(Усмехаясь.)

А это, может быть, тебе, Констанций?
Тогда меня ты извини.

(Подает ему табличку.)

Констанций

(не беря)

Нет, нет,
Об этом нечего и думать, право!

Мартин

Чего ж ты так пугаешься? Послание
Весьма заманчиво, и не без страсти.

Знаками спрашивает Мима, где он взял табличку. Тот указывает на ворота и повторяет жесты, которые ему делал привратник.

Мартин

(с досадой)

Все это очень странно!

Подает знак Миму, тот уходит.

Констанций

Верно, шутка.

Мартин

Но ведь сейчас не первое апреля!

(Выходит в перистиль и на пороге обращается к Констанцию.)

Пока иди. Я позову попозже.

Констанций с кодексом выходит направо.

Мартин

(зовет, подняв голову)

Аврелия!

Аврелия

(отзывается из верхней комнаты)

Иду!

Сбегает по ступенькам вниз к отцу. Аврелия — молодая, красивая девушка, в ее голосе и движениях чувствуется что-то нервное, порывистое.

М а р т и а н
Скажи, ты знаешь,
Кто это написал?

(Показывает ей табличку.)

А в р е л и я
(быстро взглянув)
Ах!..

(Выхватывает табличку, прячет в одежде и хочет бежать назад.)

М а р т и а н
Стой!

Аврелия останавливается.

Кому же
Послание? Оно без обращения.

А в р е л и я
Я думала... а впрочем... я не знаю...

М а р т и а н
(сурово)

Не понимаю, дочь, что заставляет
Тебя держаться, словно ты росла
Невольницею где-то в гинекее.
Посланья тайные... И кто ж тебя
Так дерзко вызывает на свиданье
«В любое время дня и даже ночи»?..
И почему он не придет сюда,
Чтоб честно попросить твоей руки?
Иль понимает сам, что недостойн?

Аврелия молчит.

Ну! Говори!

А в р е л и я
Да то совсем не «он»...

М а р т и а н
«Совсем не он»?.. Ты неудачно шутишь.

А в р е л и я

Я не шучу... Письмо писала мама.

М а р т и а н

(как громом пораженный)

Что говоришь ты?! О, какая наглость!

А в р е л и я

Не говори про маму так! Какая
В том наглость, что она меня так любит?
И я ее люблю! О да, люблю!
Она меня давно к себе зовет,
И я давно бы к ней уйти решилась,
Когда бы не была я так позорно
И непростительно труслива!

(Рыдает.)

М а р т и а н

Вижу,

Я страшную ошибку совершил,
Что от твоих очей так долго прятал
Твоей ничтожной матери проступки.

А в р е л и я

(перестает плакать, спокойнее)

Да это все равно. Не мне судить вас;
Пускай она виновна пред тобою,
Но предо мной ничем не провинилась.

М а р т и а н

Она покинула тебя ребенком.

А в р е л и я

Она должна была покинуть дом,
А если я здесь и сейчас живу,
То в том виновен только ты.

М а р т и а н

(гневно)

Опомнись!

Виновен я, что дал очаг родимый,

Что не живешь у отчима под кровлей?
Находишь в этом ты вину?

А в р е л и я

Отец мой,
Молчу я, чтобы не гневить тебя.

М а р т и а н

Теперь твое молчанье не поможет.
Уже ты нанесла удар тяжелый.
Так лучше до конца мы объяснимся.
Коль хочешь променять свой дом родимый
На отчима жилище. . .

А в р е л и я

Ну так что же?
Ведь, замуж выходя, сменить пришлось бы
Мне дом родимый на жилище свекра?
И это было б для тебя ударом?

М а р т и а н

Тут разница большая.

А в р е л и я

Я не вижу.
Вот если б девушки стремились замуж
Лишь по любви! Но разве не бывает,
Что под венец они идут, желая
С родительскою кровлею расстаться?
Страшней, чем отчим, нелюбимый муж,
Но для меня, отец мой, дом родимый
Темницей стал. . .

М а р т и а н

Да неужели, дочка?

А в р е л и я

Ты погляди, отец, как я живу:
Сама с собой весь день, и даже слуги —
Иноязычные, глухонемые.
Ты слуг таких нарочно подбираешь,
Чтоб пересудами не занимались,

Чтобы никто не знал, что в этом доме
Обряды христианские...

М а р т и а н

Ты знаешь,
Что должен я таиться.

А в р е л и я

Да, я знаю,
Но мне от этого ничуть не легче.
Ведь ты, отец, был вынужден запретить
Меня за стенами от христианок,
Чтоб я не заражалась от подруг
Мятежным духом и неосторожно
Себя не выдала с тобою вместе.
А если б у меня нашлись подруги
Язычницы, ты был бы недоволен.
Вот потому живу я, как в пустыне.

(С горьким смехом.)

И на пустыню дворик наш похож:
Песком покрыт, репейником колючим,
Агавами! Совсем пустыня!

М а р т и а н

(спокойно)

Дочка,
Что я могу тебе сказать на это?
Лишь то, что в нашей общине ты можешь
Найти немало девушек цветущих,
Которые живут тебе подобно,
От пышности отрекшись и веселья.

А в р е л и я

Они своей живою верой живы,
А я ведь ради мертвой погибаю.

М а р т и а н

(в ужасе)

Как «ради мертвой»? Страшные слова...
Так неужели... ты в Христа не веришь?!

А в р е л и я

(печально)

Я верю, но мертва такая вера.

М а р т и а н

Все это бред какой-то несусветный!

А в р е л и я

А я, отец, не создана для света
Ни для небесного, ни для земного.

М а р т и а н

Аврелия! Меня ты убиваешь
Такою речью!

А в р е л и я

Лучше я умолкну.

(Склоняется, печально и покорно опустив руки.)

М а р т и а н

Нет, дочка, я молю, молчать не надо,
Скажи мне все, откройся, — пусть я знаю
Болезнь твоей души! Ее, быть может,
Удастся вылечить.

А в р е л и я

Нет, это трудно...

Чем может жить, отец, такая вера?
Она, как наш слуга, глухонема,
Ей лишь дано следить, как жизнь тихонько
Передвигается, подобно тени
На солнечных часах. Вот я не смею
Заботиться об узниках и нищих,
Как эти девушки, которых ныне
Ты ставишь мне в пример.

М а р т и а н

На эти средства,
Что должен я потратить для того,
Чтоб двор тебе пустыней не казался,
Я тайно помогаю неимущим...

Тебе ходить не надо к заключенным.
Мне легче вызволять их из темницы
И на суде права их защищать,
Ничем не подорвав к себе доверья
И в судьях подозрения не вызвав.

А в р е л и я

И без меня ты мог бы это делать
Гораздо лучше. Жалкую одежду,
Что я ношу, отдал бы неимущим,
Когда б я умерла...

(Нервно.)

Пожалуй, больше
Я помогла б тебе своею смертью!

М а р т и а н

Речей подобных я не заслужил.
Тобой владеют мелкая досада
И суетность. А «жалкую одежду»
Сменить другою можешь, побогаче.

А в р е л и я

Я не гонюсь за пышною одеждой,
Зачем и для кого мне наряжаться?

М а р т и а н

Ты мне язычницу напоминаешь.
«Зачем и для кого» рядиться? Скоро
У нас пасхальный день, веселый праздник,
Когда и нищий хочет приодеться.

А в р е л и я

Ему среди людей приятно в церкви.

М а р т и а н

Нам разве нужно праздновать на людях?
Ведь то языческие развлечения —
На праздник в шумных оргиях собираться
И дико буйствовать, а христиане
Вдали от глаз людских встречают праздник.

А в р е л и я

Мои, быть может, и греховны мысли,
Но всякий раз, как празднуем мы так,
Замкнувшись ото всех, меж тем как люди
Сбираются веселою толпой, —
Мне кажется, что мы все отщепенцы,
Которых бог признать не хочет в небе,
Как мы не признаем его открыто
Перед людьми.

М а р т и а н

Когда-то я так думал,
Но наша община и сам епископ
Меня уверили, что больше пользы
Я церкви принесу работой тайной,
Чем если добровольно смерть приму.

А в р е л и я

Лишь о себе — не о тебе я мыслю.

М а р т и а н

Ужели ты Христа любить не можешь
Глубокою и тайною любовью?

А в р е л и я

Мертва моя любовь, мертва и вера.

М а р т и а н

Аврелия! Страшны твои слова.

А в р е л и я

Страшнее то, что кроется за ними. . .

(После паузы.)

Отец, припомни праздник Рождества,
Когда ты мне рассказывал впервые
О том, как бог родился в Вифлееме!

М а р т и а н

Да разве я могу забыть об этом?
Мне вновь хотелось бы увидеть радость,
Которая светилась в детских глазках,

И вновь почувствовать тот сладкий трепет,
Что от тебя воспринял я тогда,
Когда ты на руках моих сидела.

А в р е л и я

(мечтательно)

Я долго не могла заснуть той ночью...
И все я думала о сыне божьем,
Родившемся под ангельское пенье,
В сиянии звезды новорожденной.
Я мыслями стремилась к Вифлеему,
Несла дары с тремя волхвами вместе,
Там было золото, и благовонья,
И все, что я могла отдать младенцу.
Я устилала пол ковром пурпурным,
Цветами щедро ясли осыпала,
Ребенка тонкой тканью пеленала,
Дарила самоцветные игрушки.

М а р т и а н

Безгрешны эти мысли для ребенка,
Но взрослая, мечтая так, впадает
В язычество.

А в р е л и я

А ты, отец, не бойся!

Мои мечты погасли... Помнишь, ты
На следующий день сказал мне тихо:
«Дитя мое, знай, никому не надо
Рассказывать, что я тебе поведал...»
Об этом с горечью припоминала
Недавно я, когда обряд свершали
Не в церкви, а в убогом доме. «Боже! —
Я думала. — Так вот мои дары!..»

М а р т и а н

Христос не ждет от нас великолепья.

А в р е л и я

А все же я слыхала, что в церквах
Иконы есть, торжественное пенье,
Но это все, увы, не для меня.

Я только без запрета вижу в окна
На улицах языческий обряд:
Веселье сатурналий, и весталок
Процессии, и шествие жрецов,
И думаю: «Хоть ложна эта вера,
Но почему в ней столько красоты,
А наша правда выглядит так жалко?»
Любовь моя от этих дум мертвеет. . .

М а р т и а н

Аврелия! Умей как христианка
Значенье высшей красоты постигнуть,
Которую язычники не знают.

А в р е л и я

Я этой высшей красоты не вижу! . .
Нет, впрочем, раз я видела ее,
Но ты сказал, что мне не надо было. . .

М а р т и а н

О чем ты?

А в р е л и я

С мамою я как-то в цирк
Пошла. . . Ты на нее еще сердился. . .

М а р т и а н

Я знал, что повело ее туда
Пустое любопытство. Для тебя же
То был удар — ты заболела ночью,
В жару металась, в ужасе кричала. . .

А в р е л и я

И все-таки один я только раз
Могла тогда воочию увидеть
Той высшей красоты живую мощь,
Такую страшную. . .

М а р т и а н

Ты вся дрожишь,
Едва припомнишь это. Нет, напрасно
Тебя туда водили!

А в р е л и я

А быть может. . .

Зачем мне было видеть, в самом деле,
Как девушка, вся — красота и юность,
В одежде белой встала на арене,
Как расцвела средь поля золотого
Лилея белая? Зачем пришлось мне
Услышать, как эоловою арфой
Звенел девичий голос «Аллилуию»?
Зачем, зачем тогда я пурпур этот
Живой увидела? . . Я понимаю
Тех обезумевших людей, что вдруг
Потоком на арену устремились,
Крича: «Мы христиане! . .»

(Голос ее звучит истерически.)

М а р т и а н

Тише, тише,

Дочь, успокойся.

А в р е л и я

(нервно смеясь)

Что? Услышат люди

На улице, как мы, от всех укрывшись,
Кричим, что мы приверженцы Христа?

М а р т и а н

Я должен укрываться.

А в р е л и я

Да, я знаю.

И ты б хотел, чтоб я уста сомкнула,
А только сердцем обращалась к богу?
Не так ли?

М а р т и а н

(тихо и покорно)

Да, конечно, дочка.

А в р е л и я

Знай же,

Что так я не могу. Чтобы молчанье

Хранить, забыть все нужно. Если ж надо
Забыть мне все, что видела я в цирке,
Тогда тебя покинуть я должна.

М а р т и а н

Зачем же, доченька?

А в р е л и я

Тогда забуду
Лилею белую, когда раскроюсь
Прекрасной розою, хоть не святою.
И для того, чтоб я легко забыла
Арену золотую, пусть коврами
Мне златотканными устелют путь.
Пусть гром трубы святой притушит голос,
Эоловою арфою звучащий.
Я позабыть могу кровавый пурпур,
Когда мой стан оденет шелк багряный
И лучших юношей толпа в безумстве
Твердить мне будет: «Мы твои рабы!»

М а р т и а н

(с ужасом смотрит на нее)

Аврелия! Откуда эти мысли?

А в р е л и я

От матери.

М а р т и а н

Она тебя учила? . .

А в р е л и я

Она мне с кровью все передала,
Ведь я ее дитя!

М а р т и а н

А не мое?

А в р е л и я

Ты сам хотел лишить меня наследства.
Уста замкнувши, ты замкнул и сердце,
Я не хочу прислушиваться больше

К тому, что стонет в сердце, как в темнице.
Пусть даже стон замолкнет. . . Отпусти же
Меня ты к матери.

М а р т и а н

Ты ожидаешь,
Что отчим твой тебя тотчас нарядит
В багрец и золото?

А в р е л и я

Мать говорила,
Что деньги, и немалые, получит
Откуда-то.

М а р т и а н

Откуда, ты не знаешь?

А в р е л и я

Не спрашивала я. Мне безразлично.

М а р т и а н

Она с меня взыскать судом желает
Владений половину.

А в р е л и я

(неприятно удивленная)

Так ли это?

М а р т и а н

Тебя она затем зовет, как видно,
Чтоб требовать имущество вернее.

А в р е л и я

Не говори так! Я не буду слушать! . .
Нехорошо, что мать отнять решила
Имущество. . . А впрочем. . . Если взвесить. . .
Она действительно имеет право.

М а р т и а н

(резко)

Недурно взвесила!

А в р е л и я

Отец, подумай,
Все ж мать тебе и жизни половину
И молодость когда-то отдала.

М а р т и а н

Стыдись! Зачем бросаешься словами?
Ужель ты думаешь, что так и надо
Жизнь продавать за звонкую монету
И отдавать ее тому, кто купит?
Иди! И впрямь ты не мое дитя!

А в р е л и я

(тоже разгорячившись)

Да! Не твоя! Твоей быть не хочу я!
Твоею быть и значит все отдать:
И молодость, и красоту, и душу,
Замкнуться и от жизни отказаться,
А что же мне взамен? Лишь рабский жребий,
Тоска, бесцельное существованье!

М а р т и а н

Все это можно вытерпеть за деньги,
По-твоему?

А в р е л и я

Я все уже сказала,
Все, как я думаю, и мне теперь
Уж нечего добавить.

(Поворачивается, чтобы уйти, но останавливается.)

Мама завтра

В Египет едет, потому что отчим
Туда легатом цезаря назначен.
И если к ней приду еще сегодня,
Она меня возьмет в Александрию,
Где буду в роскоши я жить царевной
Египетскою.

М а р т и а н
Дочкой Клеопатры?

Аврелия молча метнула в отца взгляд, полный ненависти, и быстро пошла вверх по ступеням.

М а р т и а н
(бросился было за ней, но остановился)
Нет... Что я ей скажу?..

(Обессиленный опускается на каменную скамейку.)

Как недостойно,
Как низко все! Зачем сказал я это?

Из комнаты, что в глубине перистилия, выходит Валент, молодой человек, напоминающий Мартиана не только красивой внешностью, но и движениями, хотя у него и нет отцовской сдержанности и самообладания.

М а р т и а н
Ах, сын мой, если б знал мое ты горе!

В а л е н т
Я слышал все, что вы тут говорили.

М а р т и а н
И что ж?

В а л е н т
Сестра кой в чем была права.

М а р т и а н
Да?..

В а л е н т
(мягко, но решительно)
Разумеется, она по-женски
Несдержанно с тобою говорила,
Но нелегко дался ей разговор.
Аврелию я понимаю. Сам я
Себя считаю в этом доме лишним.
Отец, зачем мы здесь нужны тебе?

· М а р т и а н

Так не спросил бы ты, детей имея.

В а л е н т

Я знаю, ты нас любишь. Мы тебя
Ведь тоже любим.

М а р т и а н

Но твоя сестра
Не доказала этого.

В а л е н т

Что делать?

Не виноваты мы, что ты не видишь
От нас с сестрой ни помощи, ни счастья.
Мы у тебя лишь можем н а х о д и т ь с я,
А ж и т ь не смеем, потому что станем
Камнями преткновенья на пути
Твоём тяжелом. Разве не разумней,
Чтоб мы из дома твоего ушли?
И если ты нас любишь, неужели
Тебе не тягостно и самому,
Что для тебя мы губим наши жизни?

М а р т и а н

Зачем ты говоришь все «мы»? Конечно,
Я воспитать твою сестру не мог,
Но ведь тебя я воспитал иначе:
Ты в школе был и окружен друзьями,
Тебя ведь я не прятал от людей.

В а л е н т

От этого не легче. Ведь не знает
Аврелия, как тяжело с людьми,
А то б не жаловалась на «пустыню»...
Терпел я в школе ежедневно муки,
Нет, пытки подлинные! Школяры
На «римлян» и на «христиан» делились,
Раздоры, драки часто поднимали;
Два лагеря непримиримых были,
Как на войне. И эти и другие

Меня дразнили «междуверцем», даже
Теперь за мной осталась эта кличка, —
Все потому, что, твой завет храня,
К религии кажусь я равнодушным,
Среди язычников и христиан —
Холодным и бесстрастным отщепенцем...
Никто не знает, что кипит во мне!

М а р т и а н

Мой сын, господь во все проникнет тайны,
За все воздаст тебе.

В а л е н т

За что, отец?
И чем я заслужил почет у бога?
Чем сам себе я славу заслужил?

М а р т и а н

Кто научил тебя тщеславью?

В а л е н т

Ты.

Я трепетал, когда ты вел рассказ
О входе господя в Иерусалим,
И там толпа огромная народа
«Осанна сыну божьему!» — кричала,
И лес ветвей над нею колыхался,
То был триумф!

М а р т и а н

Не наивысший, сын мой.
Терпя и надругательства и муки,
Сын божий возносил венец терновый
Над царскими. Вот это был триумф.

В а л е н т

И то не наивысший. Там на небе
Воссел Христос направо от отца,
А в судный день, при громогласных трубах,
Пришествия второго явит славу...

М а р т и а н

(набожно)

Да будет так, Валент. Но все же слава
Принадлежать должна Христу — не людям.

В а л е н т

Но был апостол Павел человеком,
И все же он прославился везде.
Ареопег и мудрецы седые
Склоняли головы пред ним. Народы
Различных стран его твердили имя.
Он светочем был веры. Ах, отец мой,
Все мог бы я стерпеть за эту жизнь!

М а р т и а н

Не всем дано такое.

В а л е н т

Знаю, слава

Святая мне вовек не суждена, —
Ведь сыном-проповедником не вправе
Обзаводиться Мартиан Эмилий.

М а р т и а н

Сын адвоката может приучиться
К делам отцовским. Правда, тут задача
Скромней. . .

В а л е н т

А я, отец, не отвергаю
Твоих задач, но не влечет меня
Законов свод и комментарий к ним.
К тому же христианские дела
Встречаются не часто.

М а р т и а н

Слава богу!

В а л е н т

Так вот. . . С тобой я буду откровенен. . .
Я б не насытился такою славой,

Какая у тебя. Был я в суде,
Когда ты выступал. Мне непонятно,
Как мог ты говорить! И на трибуну
Еще ты не вступил, как там клепсида,
Холодный часомер, роняла капли,
Ведя неумолимый счет минутам,
Которые короткий час слагали,
Что для защиты правды предназначен.

М а р т и а н

Так что ж, Валент? Небесные светила
И те имеют свой порядок точный,
И знают, как, когда светить им надо.
К порядку я привык. Быть может, речь
Плохой тебе казалась?

В а л е н т

Нет. Напротив.

Она была прекраснейшей на свете.
И что же? Перед кем ты сыпал перлы
Ума? Засушенные старики
Тем временем в пергаментях искали
Параграфы карающих законов,
А ты взывал к сердцам и душам судей!

М а р т и а н

Ведь судьи соблюдать должны законы,
А я к народу с речью обращался,
И отклик я как будто находил.

В а л е н т

Толпа рукоплескала не тогда,
Когда ты достигал вершин искусства,
А лишь когда ты становился плоским,
И я краснел от тех аплодисментов.

М а р т и а н

Всегда ли так бывает?

В а л е н т

Может, нет,

Но все ж, отец, я за тебя обижен.

Последний проповедник из предместья
Добился большей славы у народа,
Чем ты, у нас первейший адвокат!
Я б этого не потерпел.

М а р т и а н

Послушай,
Неужто слава — высшая награда?
И ничего почетней лавра нет?
Священный дуб, оливковая ветка
И пальмовая ветвь — не равноценны ль
Они все лаврам славы?

В а л е н т

Может статься,
Кому что нравится. Моя сестра
Лилеей хочет быть, а то и розой.
А я желаю лавров. Вот какой я!
Я исходил уже дороги к славе:
Писать стихи пытался, прозу, драмы,
Наукой занялся, но все напрасно,
К писанью нет таланта у меня.
Живое дело и живое слово —
По мне. Я сын оратора недаром!
Но предо мной стеной, сырой и серой,
Вставала на дороге осторожность.
Пробить я эту стену не старался,
Твои, отец, советы почитая,
И вот теперь нашел я путь окольный,
Который повредить тебе не может...

М а р т и а н

Какой же это путь?

В а л е н т

Пойду я в войско.

М а р т и а н

О боже мой!

В а л е н т

Отец, ты ужаснулся?

А разве мало христиан военных?

М а р т и а н

Но христиане служат поневоле,
А ты лить хочешь добровольно кровь,
Под цезарским орлом, приняв венцы
Из рук нечистых!

В а л е н т

Руки, что почище,
Венцы не держат для таких, как я.
Людские души я спасать не смею
От дьявола, так буду отгонять
От нас германцев варварские орды.
Пойду туда, где закипает битва,
А там меня никто уже не спросит
Про веру. Там нужна одна отвага
И крепкий меч, а это все найдется.
Сегодня запишусь я в легион.

М а р т и а н

Сегодня?!

В а л е н т

А зачем мне дольше медлить?
В поход когорты выступает завтра.
И все готово у меня.

М а р т и а н

Ах, сын мой!

К о н с т а н ц и й

(входит)

Прости, патрон, что я тебя тревожу.
Брат Изоген пришел к тебе по делу.

М а р т и а н

Проси в таблин.

Констанций уходит.

Валент, поговорю
С тобой потом. Прошу, не отлучайся.

В а л е н т

Пожалуй, час еще я здесь побуду.

Идет через перистиль в свою комнату. Мартиан направляется в таблин, где встречается с Изогеном, старым, степенным, сдержанно-строгим человеком.

И з о г е н

Мир брату моему.

М а р т и а н

Мир и тебе.

(Указывает Изогену на кресло. Тот садится. Мартиан — против него на скамейке.)

И з о г е н

(всматриваясь в Мартиана)

Мне кажется, ты в тяжком горе?

М а р т и а н

Брат мой,

Ох, гибнут мои дети!

И з о г е н

Что же с ними?

Я видел их здоровыми недавно.

М а р т и а н

Они больны не телом, а душою.

Я их обоих потеряю. Дочь

Уходит к матери, а сын — в войска.

Обоим — гибель верная.

И з о г е н

Ужасно!

Зачем же ты пускаешь их на гибель?

Ты им отец — сдержи своею властью!

М а р т и а н

Не смею, брат мой. Говорил я с ними,

Но не как власть имеющий, — как тот,

Кто в глубине души вину скрывает.

Изоген

А в чем твоя вина?

Мартиан

Я, как язычник,
Детей обрек на жертвоприношение
И их держал на медленном огне —
Теперь они бегут.

(Замолкает, тяжело подавленный.)

Изоген

Брат Мартиан,
Тебя я все еще не понимаю,
Хотя готов помочь тебе советом.

Мартиан

(с внезапным порывом надежды схватил Изогена за руку)

Да, брат мой, дай совет и помоги
Моих детей мне привести к спасенью!
Ты из любви к Христу спаси нас, брат мой!

Изоген

Я ль не хочу помочь, но что мне сделать?

Мартиан

Проси епископа, чтоб он позволил
Мне к церкви приобщить моих детей.
Я буду сам просить, ты поддержи.

Изоген

Теперь не время.

Мартиан

Брат мой, ни минуты
Ждать больше не могу.

Изоген

И мы не можем:
Епископа в темницу заточили.

Мартиан

Когда?!

Изоген
Сегодня. Завтра будет суд.

Мартин
Как это, так внезапно?

Изоген
Ты ведь знаешь,
Что вновь для нас пришло плохое время,
Закон для христиан — уж не отец,
А отчим злой. Затем я и пришел
Тебя просить, чтоб к завтрашнему дню
Ты подготовился к защите.

Мартин
Трудно.
Короткий срок. И я не знаю дела.

Изоген
Со мной все относящееся к делу,
Я передам тебе. Прочти и взвесь,
Как повести защиту.

Подает Мартиану груды пергаментов. Тот внимательно рассматривает их. Тем временем Аврелия быстро и осторожно сбегает вниз и идет к воротам. Посредине перистилия останавливается и хочет направиться в таблин, но, решительно тряхнув головой, идет к воротам. По дороге срывает лист агавы, накаляется, но, сдержав боль, прячет листок под покрывало и, не оглядываясь, выбегает в калитку за ворота.

Мартин
(рассмотрев пергаменты)
Очень трудно,
Но выполнимо, если бог захочет.

(Решительно.)

Что ж, брат мой, я готов с большим усердием
Всю ночь до утренней зари трудиться,
Чтоб сделать все, что только в наших силах.
Но удели мне времени немного,
Позволь сюда позвать моих детей,
Сам расспроси ты их о нашей вере —

Я их учил, как наш закон велит, —
И тут же, коль они достойны будут,
Введи их в общину.

Изоген

Нет, не могу.
Как раз теперь особенно высоко
Стоять в глазах язычников ты должен.

Мартин

Но это ведь не я вступаю в церковь!

Изоген

Ты думаешь, никто и знать не будет,
Чьи дети в общину со мной придут?
Известие о том молниеносно
Весь город облетит! И только выйдешь
Ты на трибуну, как толпа завоюет:
«У адвоката дети — христиане!»
Тебе и слова не дадут промолвить.
А где ж теперь защитника найти нам?
Ты знаешь сам, что нет у нас другого,
Да и к другим нельзя нам обратиться:
Все адвокаты здесь — не христиане,
И ни один из них тебе не равен.
Из Рима звать нет времени у нас.
К тому же ты влиятелен в столице,
Друзей имеешь при дворе, в сенате,
Лишь ты — никто другой нам не поможет!

Мартин

Подумай, брат мой, я же человеком,
Отцом обязан быть! И как покинуть
Своих детей, чтобы во мраке гибли?

Изоген

Но ты их просветил Христовым словом.

Мартин

Зерно пустило буйные побеги,
Упавши в благодатную целину.

Коль не собрать посева, колос ляжет
И загниет. Принявши слово, дети
Стремятся к делу. Ты ведь знаешь, брат,
Когда не может путник отыскать
Родник для утоленья жажды, должен
Хотя б из грязной лужи он напиться,
Чтобы не умереть. Вот так и дети
На все готовы. Их за это бог
От сердца не отринет. Дочь моя
Высокою мечтою одержима, —
Бывают мученицами такие.
У сына моего отважный нрав,
Он был бы проповедником хорошим.

Изоген

Весьма возможно. Только наша церковь
Теперь уже не тем сильна, чем прежде.
В часы борьбы и проливалась кровь,
И крик стоял, но время миновало.
А вот теперь приходится нам кровь
Щадить, ее во млеко претворяя.
И стала церковь, ласковая мать,
Теперь благоразумна. Наш епископ
Учил всех наших девушек смиряться,
Не добывать себе венцов терновых
И бога почитать лишь послушаньем.
А проповедников у нас хватает, —
Тебя не могут дети заменить.
Теперь ты наш краеугольный камень,
Поддерживаешь все строенье наше,
Хоть ты сокрыт от всех; но чуть качнешься,
Опора рухнет и падет наш дом,
Епископа осудят на изгнание,
Церковное имущество изымут, —
Чем будут жить тела и души наши?
Враг точно знает, в чем опора церкви,
Не гонится за овцами, а целит
Он в пастырей, чтоб разогнать все стадо;
С земли он верующих не сгоняет,
А вырывает землю из-под ног.
И против этого помочь не могут

Кровь, пролитая на арене цирка,
И проповедей гром.

Молчание.

Как знать, быть может,
Твои бы дети вред нам принесли. . .

М а р т и а н
(удивленно)

Как?

И з о г е н

Трудно нам справляться с молодежью.
Она, как буйный конь, поводья рвет
И ни за что ходить не хочет в шорах.
Вчера епископ на собрании шумном
Решил от церкви отлучить Ардента.

М а р т и а н
Ардента?! Да возможно ли? За что?

И з о г е н

За неповиновенье, ясно. Знаешь,
Что там, на конфискованных угодьях,
Где некогда часовенка стояла,
Теперь для культа цезаря воздвигли
Алтарь и статую?

М а р т и а н
Я это знаю.

И з о г е н

Ардент задумал статую разбить.

М а р т и а н
Мой бог! Ему грозит такая кара!

И з о г е н

Он кары не боится. Но опасно,
Что он беду на христиан обрушит.
Его молили этого не делать,
Но ведь Ардент настойчив и упрям.

М а р т и а н

Таким же был его отец покойный —
«Орканом» мы его прозвали в школе, —
И мой горячий друг родному сыну
Чистосердечие принес в наследство.
Мой ум никак не может согласиться,
Что церковь отказалась от Ардента. . .

И з о г е н

Решенья нет другого, разве только
Он отречется от своей затеи.
Но я, надежд на это не питая,
Заблаговременно составил письма,
Об отлучении оповещая,
И я готов их разослать повсюду —
По общинам и разным учреждениям,
Языческим, а также христианским, —
В тот день, когда он замысел исполнит.
К тебе ж с большою просьбой обращаюсь —
И лично и от клира: не берись ты
Защитником Ардента выступать,
Хотя б его суду предать решили.
Тебе же лучше будет сделать вид
Перед людьми, что ты его не знаешь.

М а р т и а н

Но ведь отец Ардента был мой друг
И перед смертью отдал мне его
На попечение.

И з о г е н

Ты формально не был
Опекуном. В твой дом Ардент не вхож.
Легко ты можешь в стороне стоять,
Когда захочешь. Брат мой, ты обязан
Повиноваться нам, как раб господень,
Как церкви-матери покорный сын.

Молчание.

М а р т и а н

(в тяжком раздумье)

Но разве мне под силу эти жертвы?
От друга отказаться. . . и позволить

Любимым детям души погубить...
Кто из людей все это мог бы сделать?

Изоген

Когда твой друг сожжет твое жилище,
Что ж, и тогда останется он другом?
И разве в час осады не бывает,
Что и отец ворота не откроет
Родимым детям, гибнущим от жажды,
Не пустит их воды напиться в поле,
Чтоб враг не мог ворваться в те ворота?

Мартин

Ох, брат мой! Это души, души гибнут!

Изоген

Их души господу ты поручи, —
Он может их спасти от львиной пасти,
От печи огненной.

Мартин тяжело вздыхает и молча опускает голову.

Изоген

(после паузы)

Так что же, брат мой?
Епископа возьмешь ты под защиту?

Мартин

(упавшим голосом, словно все ему безразлично)

Об этом даже спрашивать не надо.

Изоген

(встает)

Не буду отнимать я время. Брат мой,
Останься с миром.

Мартин

Мир тебе, мой брат.

Когда Изоген вышел, Мартин, откинув занавеску, зовет.

Валент!

Валент входит в таблин и останавливается перед отцом. Мартин молча смотрит вниз, не поднимая глаз на сына.

Молчание.

В а л е н т

Что ты хотел сказать, отец, мне?

М а р т и а н

Я думал, что найду совет благой...

В а л е н т

Какой?

М а р т и а н

Просил я брата Изогена
Ввести вас в общину.

В а л е н т

(радостно)

Его просил ты?

О! Мой отец!

(Целует отцу руку.)

М а р т и а н

Не радуйся, Валент, —
Брат Изоген не хочет.

В а л е н т

А мы сами
Туда вошли бы, если б ты позволил.

М а р т и а н

Не примет церковь.

В а л е н т

Разве Изоген
Принять иль отказать имеет право?

М а р т и а н

Он знает хорошо, что надо клиру.

В а л е н т

(в запальчивости)

Когда губить угодно клиру души,
То мы всей общине объявим это!

Пускай рассудят сами прихожане!
Я речь произнесу. И ты увидишь —
Я имени отца не опозорю!

М а р т и а н

Нет, сын, не наноси удара церкви,
Не делай жизнь мою совсем напрасной.

В а л е н т

Отец, ведь это рабство духа!

М а р т и а н

Нет,
Прошу не из слепого послушанья
Тебя пред волей братскою смириться.
Брат Изоген настаивал сурово
На принесеньи жертвы, и осталось
Склонить мне только голову.

В а л е н т

Пугал он
Тебя гоненьем новым?

М а р т и а н

Сын, поверь мне,
Я ни своей бы жизни не щадил,
Ни вашей молодой, цветущей жизни,
Когда бы знал, что то во славу веры.
Но господа пути неизъяснимы,
Кто их постигнет? Может быть, нужны
И господу рабы глухонемые.

В а л е н т

(печально)

Утешиться я должен этим.

М а р т и а н

Сын мой,
Утешься тем, что ты еще так молод, —
Когда господь возьмет меня к себе,
Ты будешь волен. . .

В а л е н т

Пусть другие тешат
Себя такой надеждой, но не я.

Молчание.

Теперь, отец, с тобой я прощаюсь.
Благослови меня.

(Склоняется перед отцом.)

М а р т и а н

(едва владея собою)

Зови сестру.
Ее благословить хочу я тоже.

В а л е н т

(тихо)

Она ушла.

М а р т и а н

Ушла?! Не попрощавшись!

(Закрывает лицо рукой.)

В а л е н т

(еще тише)

Отец, ты плачешь?

М а р т и а н

Я хотел бы плакать,
Но не умею.

В а л е н т

(падает на колени перед отцом)

Мой отец, прости!
Я вижу, мы тебе разбили сердце!

М а р т и а н

(поднимает его)

Я больше виноват: разбил вам души.
Пускай господь помилует вас всех!

Молчаливое прощанье. Валент уходит через перистиль за ворота, вытирая слезы. Мартиан, отдернув занавес в табличке, провожает его долгим взглядом.

II

То же место действия и тот же день, только немного позже. Мартин один работает в таблине. По временам его взгляд блуждает в пространстве и затуманивается от тяжелых мыслей, но он большим напряжением воли принуждает себя работать и наклоняется над пергаменатами. За воротами слышится гул голосов, сначала тихий, но постепенно усиливающийся. Потом прорывается тоненький, дрожащий, но встревоженно-резкий голосок девочки: «Ой, мама! Я боюсь! Что с нами будет? Куда же мы приехали?» Другой, более спокойный и глухой женский голос отвечает: «Подожди». Потом за воротами слышен стук, который тотчас же обрывается, словно не по своей воле. Мартин, услышав голоса, насторожился, выглянул из таблина, пошел к воротам, обойдя Мима, наклонившегося над клепсидрой, и открыл окошко в воротах.

М а р т и а н

(выглянул в окошко на улицу)

Сестра моя! Альбина!

Быстро открывает калитку и выбегает за ворота. Слышны радостные возгласы. Через минуту привратник-германец отпирает ворота и делает знак Миму; оба вносят в перистиль легкую лектику (носилки с балдахином и с занавесками, на четырех ножках, как ложе). В лектике сидит, откинувшись на подушки, Люцилла, тоненькая, очень болезненная девочка-подросток. За лектикой идет рядом с Мартианом Альбина, еще не старая, но очень бледная женщина с седоватыми волосами и печальными, усталыми глазами. По знаку Мартиана слуги ставят лектику вблизи бассейна, вносят вещи прибывших в комнаты в глубине дома; Мим остается в комнатах, а привратник возвращается за ворота и запирает их за собой.

А л ь б и н а

Мартин мой,

Что у тебя такой привратник странный?
Не хочет отпирать, не разрешает
Стучать в ворота.

Люцилла
Да еще кричит
По-варварски, я даже испугалась!

Мартин
Германец он, по-нашему не знает.
А не пускал вас потому, что я
Гостей не принимаю, если занят,
И стука не люблю. А все клиенты
В другие двери входят.

Мартин с Альбиной садятся на скамейку недалеко от лектики, но не рядом с ней.

Люцилла
Дядя, где
Аврелия?

Мартин
(нагнулся, словно поднимая что-то)
Ее нет дома.

Люцилла
Жалко!
Я так хотела повидать сестренку!

Альбина
Еще увидишь, верно ненадолго
- Она ушла.

(Мартину.)
Не правда ль?

Мартин
Я не знаю.

Альбина
А мы, идя сюда, там под горою
Вдруг юношу увидели. Похож он
Был на тебя. Не твой ли то Валент?

М а р т и а н
Должно быть.

А л ь б и н а
Если б я наверно знала,
Остановила бы его, а так
Я не решилась.

Л ю ц и л л а
(*Мартиану*)
Скоро ль будет братец?

М а р т и а н
Не думаю.

А л ь б и н а
(*взглянув на брата, тихо*)
Ты хочешь...

М а р т и а н
(*тоже тихо*)
Нет, не стоит.
Потом скажу...

Л ю ц и л л а
Ах, дядечка, скажи,
Сегодня день счастливый?

М а р т и а н
Да, счастливый,
Раз вы приехали.

Л ю ц и л л а
Нет, ты не знаешь...
Боюсь я, чтобы не был день феральный.

А л ь б и н а
Да нет же, доченька, ведь я сказала.

Люцилла

Три корабля мы, дядя, пропустили
В Александрии — все они отплыли
По дням феральным.

Альбина

Ну, и пропустили.
И все равно нас на море качало.

Люцилла

Пускай! Зато доехали живыми,
Могло бы хуже с нами быть!

Мартиан

(тихо)

Альбина,
Ужель язычица твоя Люцилла?

Альбина

(тоже тихо)

Да боже сохрани, из-за болезни
Она слаба душою.

Люцилла

Мама! Дядя!

Что вы там шепчетесь? Скажите правду:
Феральный день?

Альбина

Да что ты!

Люцилла

Календарь!

Ой, дайте календарь! . .

(Болезненно кривится и хватается за сердце.)

Альбина

(в тревоге бросается к ней)

Дай, Мартиан,

Прошу тебя. Сейчас, сейчас, дочурка!

Мартиан идет в таблин и приносит календарь — мраморный кубик с текстом, написанным в три столбца на каждой стороне.

Люцилла

(просмотрев один столбец)

И вправду день Венеры... Слава богу!

*(Успокоенно откидывается на подушки, но снова встревоженно
начинает что-то искать.)*

Где, мама, булла?

Альбина

(вынимает из мешочка за поясом небольшой медальон на цепочке)

Вот!

(Хочет снова спрятать.)

Люцилла

Нет, дай сюда,

Ты можешь потерять.

(Берет буллу и надевает на шею.)

Мартин

Что ж в этой булле?

Люцилла

Там камешек — «змеиный глаз» зовется, —

Что дал жрец Эскулапа в Сиракузах,

Там мама в храм ходила.

Мартин

(Альбине)

Так, Альбина?

Альбина

(незаметно для Люциллы сделала отрицательный жест)

Она заставила... Что с нею делать?

Люцилла

А в храм Либитины пойдём мы вместе,

Когда я отдохну. Не хочет мама,

Но женщина одна мне говорила,

Что там недуг снимают как рукою.

М а р т и а н
Да ты и так поправишься, Люцилла.

А л ь б и н а
Вот на поправку я и привезла
Ее к тебе. Всегда весна в Египте
Приносит вред ей; раскаленный ветер —
Дыханье ада.

Л ю ц и л л а
Тут я, как в раю, —
Мне так легко дышать. . .
(Глубоко дышит, радостно улыбаясь.)

А л ь б и н а
(тоже улыбается)
Вот видишь, дочка, —
Я говорила — хорошо у дяди!

Мим приходит, видит, что круг солнечных часов покрылся тенью, и поднимает молоток, собираясь ударить в доску, но Мартиан подает ему знак, чтобы не делал этого, и указывает рукою на ворота. Мим, оставив молоток, открывает калитку, толкает привратника и показывает ему на боковой проход во дворе; тот выходит во двор, закрывает калитку, запирает ворота тяжелым засовом и удаляется направо через двор в боковой проход. Мим возвращается и наливает кружкой воду в клепсидру.

Л ю ц и л л а
(тревожно ищет что-то на груди, с отчаянием)
Ой, мама, горе! Потеряла рыбку! ¹

А л ь б и н а
Как, доченька? Она ж была на шее.

---

¹ Р ы б к а — известная эмблема первых христиан; она возникла следующим образом: греческое слово ἰχθῆς (рыба) складывается из начальных букв греческих слов, что означает — «Иисус Христос, сын божий — спаситель». — *Прим. автора.*

Люцилла
Шнурок, наверно, оборвался. . .

(Ломает руки и поднимает их.)

Боже!
Прости меня! Прости! . . Ой, мама, мама!
Зачем же я тебя в тот храм послала!
Господь прогневался на Эскулапа
И рыбку отобрал, чтобы не смела
Я, грешная, позорить знак Христов.
Ох, мамочка, наверно я умру!
Напрасно ты ходила к Эскулапу!
Альбина беспомощно смотрит на Мартиана.

Мартиан
(тихо Альбине)
Скажи, что не ходила.

Альбина
(так же, качая головой)
Хуже будет.

Люцилла
(неожиданно замечает в руках у Мима свою рыбку; радостно)
Дай, дай сюда! Ты где ее нашел?
Мим не двигается, спокойно разглядывая искусно сделанную
рыбку.

Она моя, отдай!
(Мартиану, раздраженно.)

Не понимает?
Он тоже варвар?

Мартиан
Нет, глухонемой.
*(Берет у Мима рыбку и подает Люцилле, она радостно прижимает
рыбку к сердцу и целует ее.)*

Люцилла
(взглянув на Мима)
Какой он страшный!

М а р т и а н

Нет, совсем не страшный.
Мим — добрый и послушный. Если хочешь,
И на руках тебя носить он будет.

(Знаками спрашивает Мима, будет ли он носить Люциллу на руках. Мим кивает головой и приветливо улыбается Люцилле. Она тоже улыбается.)

Л ю ц и л л а

(Мартиану)

Скажи ему, чтоб отворил ворота.
Мне кажется, отсюда видно море, —
Я посмотрю. . .

М а р т и а н

Там улица, там люди,
И любопытные во двор заглянут.

Л ю ц и л л а

(испуганно)

А ты боишься? Тут, наверно, люди
Камнями побивают христиан?

(Матери.)

Ты никуда отсюда не ходи,
Я не пущу на улицу и в церковь.
И никого не надо прятать в доме!
Ты слышишь? Никого! Я не хочу!
А то я заболею и умру!

А л ь б и н а

Храни тебя господы! Ты не тревожься.
Куда ж я тут пойду? Кого я спрячу?
Я не знакома тут ни с кем.

Л ю ц и л л а

Но в церкви
Ты скоро познакомишься со всеми.

(Мартиану, нервно, постепенно все больше возбуждаясь.)

Ты, дядечка, не знаешь, что случилось. . .

Когда я маленькой была... отец мой
Ходил все в церковь и ходил... И люди
У нас скрывались... И однажды ночью...
Явилась стража, забрала людей...
А с ними и отца... Его в темницу
Упрятали... пытали... жгли железом...
Его к столбу жестоко пригвоздили
И... и...

(Задыхается, хватается себя за грудь и стонет.)

А л ь б и н а
(бросается к ней)
Люциллочка!

Л ю ц и л л а
Воды! Воды!

Мим по знаку Мартиана подает ей воду.

Л ю ц и л л а
(напившись и полежав некоторое время молча, матери)
Так не пойдешь ты?

А л ь б и н а
Не пойду, родная.
Я не пойду, всегда с тобою буду.

Л ю ц и л л а
А люди? Может быть, их дядя прячет?

М а р т и а н
Нет, у меня не прячется никто.
И ты не бойся, нас никто не тронет.
Меня здесь уважают.

Л ю ц и л л а
(облегченно вздыхает)
Хорошо!

(Закрывает глаза.)

Пожить бы мне хоть годик так спокойно,
Я стала бы здоровой.

М а р т и а н
Дай-то, боже!
Не год, а до замужества живи тут.

Л ю ц и л л а
Какой ты добрый!.. Право, нет счастливей
Аврелии! Есть у нее отец...

(В голосе ее дрожат слезы.)

А л ь б и н а
(Мартиану)
Позволишь в комнату ее внести?
Уже темнеет.

М а р т и а н
Для нее готовы
И комната удобная и ужин.
Вы у себя поужинать хотите
Или в триклинии?

А л ь б и н а
С тобою вместе.

М а р т и а н
Я ужинать не стану. Надо срочно
Исполнить неотложную работу.
Сейчас велю внести Люциллу.

Л ю ц и л л а
Нет!
Сама пойду.

А л ь б и н а
Тебе же трудно, дочка.

Л ю ц и л л а
Сама пойду! Дурная есть примета,
Коль в новый дом приносят на руках.

А л ь б и н а
А кто тебе сказал?

Люцилла
Сама я знаю, —
Так девушку в дом жениха относят
Или в могилу.

Альбина
Бог с тобою, дочка!

Мартин
Уж если верить в эти предрассудки,
То думай, что ты скоро выйдешь замуж,
Гостя в моем дому.

Люцилла
Ах, нет, не то!
У христиан ведь к жениху не вносят,
Как у язычников, — я ж христианка.

Мартин
Тогда не надо верить предрассудкам.

Люцилла
(упрямо)
Я все-таки сама пойду.

(Сходит с лектики; Альбина помогает ей. Сделав несколько шагов, останавливается и вскрикивает.)

Ой, боже!

Альбина
Что? Что с тобой?

Люцилла
Зачем я разрешила
Внести себя сюда?

(Стонет и всхлипывает.)

Альбина
Пустое, дочка, —
Ведь это в перистиль, а не в жилище.

Люцилла

(спокойнее, но недоверчиво)

Ты вправду думаешь?

Альбина

Конечно, дочка!

Не думаю, а твердо это знаю:

Зовут в Египте домом все строенье,

Но перистиль здесь домом не считают.

Уводит дочь, тихо успокаивая ее, через боковой проход во внутренние комнаты. Мартиан, проводив Альбину и Люциллу, тотчас возвращается и знаками дает Миму приказание подать гостям ужин, а сам идет работать в таблин, но убедившись, что там уже темно, а в лампе нет масла, снова выходит в перистиль. Пока Мим носит через перистиль ужин гостям из кухни, Мартиан, оставшись один, заходит в комнаты своих детей; из комнаты Аврелии выносит щепочку и лилию, из комнаты Валента — какие-то таблички, которые несет, прикрывая тогой, и прячет в ящик в таблине.

Альбина

(подходит к занавесу в таблине; в руках у нее миска с какой-то едой и чаша с вином)

Прости. Я, Мартиан, тебе мешаю?

Я только на минутку. Не найдешь ли

Лекарство из алоэ?

Мартиан

Есть как будто.

Сейчас зажгут огонь, тогда поищем.

Выходит и приказывает Миму зажечь свет. Тот приносит масло, наливает в лампу и в фонарь около клепсидры, потом приносит горящую лучину и зажигает свет в таблине и перистиле. Мартиан тем временем разговаривает с Альбиной.

Мартиан

(увидев у Альбины еду и вино)

Ты что, мне принесла сюда мой ужин?

Альбина

(в замешательстве ставит принесенное на скамейку)

Да нет... Люцилла непременно хочет,

Чтоб принести твоим пенатам жертву.

Мартиан

Нет у меня ни алтаря, ни статуй.

Альбина

Не слушает! Ее я убеждала.
«Ты, говорит, лишь в атриум поставишь —
Пенаты вмиг найдут».

Мартиан

Сестра, мне тяжело,
Что дочь твоя, рожденная от Феста,
Не бога чтит, а призраки пустые.

Альбина

Она чтит бога и его боится,
Но у нее есть страх, вернее ужас,
Пред всем, что представляется ей грозным
Или таинственным... Ах, Мартиан мой,
Пылающая рана жжет мне сердце,
Все это — суеверье! Но что делать?
Ты видел же... Есть матери, что сами
Своих детей предать готовы смерти
За веру, я же... Мартиан, должно быть,
Меня осудишь ты?

Мартиан

О нет, Альбина,
Я никого не осуждаю.

Альбина

Легче

Тем матерям — их дети гибнут сразу,
Однажды терпят муку, я же вечно...

Мартиан

С какого времени?

Альбина

Со смерти Феста.

Семь лет уже прошло в тяжелых муках.
Люцилла родилась такую слабой,
Ведь я жила тогда в тревоге вечной...
Порою я свое терзаю сердце,
Что перед девочкою виновата, —

Я ради церкви часто покидала
Младенца хворого и отравляла
Своим перегорелым молоком.
Еще в утробе я ее травила
Своею кровью, что горела жаром
Высоких устремлений!.. Но потом,
Когда ее отец скончался в муках,
Решила я, что — господи, прости! —
Уже семья родная заплатила
Кровавый долг. Я больше не могла
Сиротку-девочку напрасно мучить.
Ах, брат мой, ты не думай, что душа
Моя нашла успокоенье. Где там!
Теперь попала в вечную неволю
Моя душа, да, жаль, не умерла. . .

М а р т и а н

К чему «неволя вечная»? Ты можешь
На волю вырваться.

А л ь б и н а

Когда умру?

М а р т и а н

Да нет, еще на этом свете.

А л ь б и н а

Брат мой!

Как утешать меня ты можешь этим?
Я смерти не могу желать ребенку!

М а р т и а н

Не смерти — лишь выздоровленья. Дочка
Вернет себе здоровье, выйдет замуж,
И ты опять почувствуешь свободу.

(Альбина тяжело вздыхает, безнадежно махнув рукой.)

А л ь б и н а

Дай боже, Мартиан, чтоб никогда ты
Не знал такой беды с детьми своими!..

М а р т и а н

(глухо)

Я знаю худшую, быть может.

А л ь б и н а

Что ты?!

М а р т и а н

Пренебрегла ты верой для ребенка,
А я — наоборот.

А л ь б и н а

Ужели выгнал

Ты за язычество детей своих?

М а р т и а н

Нет, дети — христиане, но я знаю —
Им тяжело в доме, где дышит вольно
Лишь раб глухонемой.

А л ь б и н а

Не понимаю...

М а р т и а н

Спокойно можешь обещать Люцилле,
Что в церковь ты совсем ходить не будешь,
Пока вы тут. Я не хожу ведь тоже
Туда.

А л ь б и н а

Ты отлучен от церкви, что ли?!

М а р т и а н

Совсем не то — христианин я тайный.
И это воля общины моей.
Своих цепей не сброшу я до смерти.

Молчание. Альбина сжимает брату руку.

Г о л о с Л ю ц и л л ы

(издалека)

Ну, мама! Где ты?

А л ь б и н а

(откликается)

Здесь я, здесь я, дочка!

(Торопясь.)

Дай мне лекарство, Мартиан. Пойду я.

Мартиан выносит из таблина склянку, Альбина берет ее и уходит к дочери. Мартиан отдает Миму еду и вино, что принесла Альбина, и велит вынести. Мим выходит. Полная тишина. Свет лампы в перистиле борется с тьмой, наплывающей из углов. Мартиан сидит в таблине, склонившись за работой. Вдруг слышится тревожный стук в ворота. Мартиан вскакивает и бежит к воротам.

М а р т и а н

(еще на ходу)

Кто там?

Г о л о с з а в о р о т а м и

Ардент... Скорее спрячь меня!

Мартиан открывает окошко в воротах. При мерцающем свете фонаря видно бледное, изуродованное и окровавленное лицо Арденга.

М а р т и а н

С тобой беда?

А р д е н т

Я статую разбил.

(Мартиан всплескивает руками.)

Они увидели... бегут... скорее
Укрой меня!

М а р т и а н

Я не могу. Не смею.

Беги быстрее, тут лекарь недалеко,
И у него укрыться безопасней.

А р д е н т

Я не дойду... Я истекаю кровью...
Меня толпа избила... Ради бога!
Спаси меня! Христа припомни раны!

М а р т и а н

Не смею, сын мой!

А р д е н т

Я и вправду сын твой.

Отец мой завещал...

(Замолкает, прислушивается. Издалека слышится рев толпы и топот ног.)

Молю, скорее

Пусти меня!

К о н с т а н ц и й

(выбегает из своей комнаты, что у самых ворот)

Патрон, позволь мне спрятать
Ардента у себя?

М а р т и а н

Нет, невозможно.

Нельзя у нас укрыть Ардента.

К о н с т а н ц и й

Боже!

Умрет он здесь, у самого порога!
Пущу его! Смотреть нет больше силы!
Его убьют, затопчут, растерзают!

Мартиан молча удерживает его за руку, чтобы тот не открывал запора. Констанций старается освободить руку, порываясь к воротам.

А р д е н т

Пусти меня!

М а р т и а н

Тебя пустить нельзя мне.

А р д е н т

Господь тебя не пустит в царство божье!
Проклятие тебе! Пилат!!

Исчезает за окошком. Рев толпы приближается.

М а р т и а н

(отпускает Констанция)

Ардент мой!

(Хочет отодвинуть засов, чтобы открыть, но сильный стук нескольких кулаков в ворота пугает его, и он останавливается.)

М а р т и а н

(дрожащим голосом)

Кто там стучит?

Н е с к о л ь к о г о л о с о в

Открой! Народ и стража!

М а р т и а н

(стараясь овладеть собою)

Что надо вам?

Г р у б ы й г о л о с

Ты спрятал здесь злодея!

М а р т и а н

Какого?

Т о т ж е г о л о с

Сам ты знаешь! Открывай!

А л ь б и н а

(выбегает)

Что это тут?

М а р т и а н

Иди, сестра, к Люцилле,
Я постараюсь отвести беду.

Альбина уходит.

М а р т и а н

(уже твердым голосом)

Я не открою никому. Лишь слугам
Закона.

Г о л о с

Открывай скорей, тут стража!

М а р т и а н

А кто мне поручится, что толпа
Не забежит в мой дом?

Г о л о с
Центурион
Вигилов здешних.

М а р т и а н
Ты?

Г о л о с
Да, я.

(Тот же голос обращается к толпе.)

Эй, люди!
Сюда итти не надо. Поглядите,
Не побежал ли он по той дороге.

(Затем Мартиану.)

Теперь спокойно открывай.

Мартиан открывает. Стража входит в перистиль, впереди —
центурион.

М а р т и а н
(центуриону)

Прошу вас,
Служебный долг без шума выполняйте, —
Здесь у меня больная.

Стража расходится по комнатам возле перистилия, осматривает
таблин, заходит налево в помещение для рабов и из левого прохода
выводит Мима и привратника. Другие вигилы задерживают
Констанция.

Ц е н т у р и о н
(указывая на задержанных)
Мартиан!

Кто это?

М а р т и а н
Двое тех — мои рабы,
А тот — писец.

Ц е н т у р и о н
(страже)
Из них тут нет похожих
На беглеца?

Несколько голосов из стражи

Да нет же! Тот избитый,
В крови, и внешность у него другая.

По знаку центуриона стража отпускает задержанных. Центурион идет к правому проходу. Мартиан останавливает его.

Мартиан

В одну лишь комнату я вас просил бы
Не заходить, больную не тревожить.

Центурион

Кто болен, разберем!

(Страже.)

Ищите всюду!

Стража идет в проход, оттеснив Мартиана, так что он не успевает пройти раньше ее. Через минуту раздается резкий крик. Люцилла в белой ночной тунике с широкими рукавами выбегает в перистиль, за нею встревоженная Альбина, Мартиан бросается за ними.

Альбина

Куда ты, доченька?

Люцилла

(мечется)

Ах, где нам скрыться?

(Натыкается на лектику и взбирается на нее.)

Сюда, ко мне, скорее, мама! Прячься!

Альбина

Зачем же?

Люцилла

Чтобы стража не схватила.

Альбина

Не стража это... это...

(Тихо брату.)

Мартиан,

Что ей сказать?

М а р т и а н
Да это... к сыну гости...
Легионеры...

Л ю ц и л л а
(сдавленным голосом)
Нет! Неправда! Нет!

Слышится бряцанье оружия, стража возвращается в перистиль.
Люцилла поспешно задерживает занавески лектики.

Ц е н т у р и о н
Вы всюду здесь искали?

О д и н и з с т р а ж и
Всюду.

Люцилла издает глухой стон. Центурион подбегает к лектике.

Ц е н т у р и о н
Кто тут?

А л ь б и н а
(хватает его за руку)
Я умоляю! Не смотри!

Ц е н т у р и о н
Я должен.

Раздвигает занавеску и заглядывает в лектику. Люцилла с хриплым криком приподнимается, тотчас же падает, лежит недвижимо в обмороке.

Ц е н т у р и о н
(Альбине, немного растерянный)
Прости, матрона, я не знал...
Снова стук в ворота.

Г о л о с з а в о р о т а м и
Эй, стража!
Нашли его! Нашли! Вот здесь он! Здесь он!

Центурион
(Мартиану, вежливо)

Прости нас, господин, за беспокойство,
Но мы обязаны, ты знаешь...

Мартиан молчит. Центурион подает знак страже и уходит вместе с ней за ворота.

Альбина
(тем временем ухаживавшая за Люциллой, вскрикивает)

Боже!

Люцилла холодеет!

Мартиан
(склонился к Люцилле, вздрогнул и быстро отвел руки Альбины от Люциллы)

Нет, сестричка...

То обморок...

(Подает знак рабам, те уносят лэктику с Люциллой направо.)

Альбина
(бьется у него в руках)
Пусти меня, пусти!

Мартиан
Сестра моя, иду и я с тобою.

(Выходит направо.)

Рабы возвращаются, привратник уходит налево. Мим остается в перистиле. Немного погодя слышатся горькие рыдания Альбины. Мартиан выходит и стучит в дверь к Констанцию, тот выходит из комнаты.

Мартиан
Прошу тебя, ты позови соседок,
Нельзя же так ее оставить с трупом.

Констанций
Ужель твоя племянница скончалась?

М а р т и а н

Да.

К о н с т а н ц и й

Мир ее душе... Иду, патрон мой.

Выходит. Мартиан идет к Альбине. Мим тем временем спокойно поправляет фитили ламп в табличке и в перистиле, смотрит на клепсидру, заравнивает около нее растоптанный и взрытый ногами песок. Констанций проводит двух женщин через перистиль в правый проход, что-то им шепча; те грустно качают головами и вздыхают. Проводив женщин, Констанций возвращается в свою комнату.

М а р т и а н

(ведет Альбину под руку и усаживает ее на скамейку подальше от света)

Сядь здесь, сестричка. Матери не надо Смотреть на эту горькую работу.

Альбина плачет у него на плече.

А л ь б и н а

(переставая плакать)

Она сказала правду...

(Снова плачет.)

М а р т и а н

(тихо)

Что?

А л ь б и н а

Зачем

Внесли ее мы на руках в твой дом!

(Сильнее плачет.)

М а р т и а н

Сестра, не следует об этом думать.
То божья воля.

А л ь б и н а

Правда, Мартиан мой,
Господь меня карает по заслугам!
Отступница! Ленивая раба!

М а р т и а н

Господь наш милосерден. То не кара.
Нет, он свое созданье успокоил
И дал ему почить от тяжких мук.

А л ь б и н а

(после минутного успокоения снова раздражается плачем)

Ой, доченька! За что же ты меня
Так наказала?

(Внезапно отрываясь от Мартиана, берет его за руку и шепчет.)

Как она умела
Читать все сокровеннейшие мысли...
Она сказала раз: «Ты ненавидишь
Свою любовь ко мне...»

(Сдвинула брови и погрузилась в тяжкое раздумье.)

М а р т и а н

Не бреди
Воспоминаний. Снова бог зовет
Тебя к работе. Так иди покорно.

А л ь б и н а

(не меняя выражения лица)

Куда?

М а р т и а н

Туда, где ты трудилась с мужем.
Там будешь среди братьев.

А л ь б и н а

Ты — мой брат,
А все ж меня ты гонишь; и они
Не примут и «изменницей» окрестят.

М а р т и а н

Сестра, в ком сердце — тот не бросит камень
В тебя.

(Тихо, проникновенно, печально.)

А я уже не в силах больше
Цепями сковывать родные души.
Я должен быть один. Таким, как я,
Немыслимо иметь семью родную,
Немыслимо кого-нибудь звать другом.
Так далеко тебе уехать надо,
Чтоб тень моя тебя не достигала,
Живи там на свету, а не во мраке.

А л ь б и н а

(снова плачет)

А как же я Люциллочку покину?
Смотреть кто будет за ее могилой?

М а р т и а н

Родных лишь мертвыми принять могу я
В своем доме, и твой ребенок сможет
Последним сном в моем саду забыться.
Я не сажал еще цветов — теперь же
Взращу здесь дивный сад.

А л ь б и н а

(с рыданиями падает в его объятия)

Спасибо, брат мой!..

Мим подходит к клепсидре, смотрит на часы и начинает громко
бить молотком по доске.

А л ь б и н а

(вскочила)

Что это?

М а р т и а н

Службу исполняет Мим,
Знак подает, что нам пора ложиться.

А л ь б и н а

(встает)

Тебе пора на отдых.

М а р т и а н

Нет, я буду

Работать до утра.

А л ь б и н а

Так я пойду...

Пойду... последний раз взгляну на дочку...

Ой, доченька! Да как же без тебя

Мне тяжела свобода!

(Уходит плача.)

М а р т и а н.

(подходит к дверям комнаты Констанция)

Ты не спишь,

Констанций?

К о н с т а н ц и й

(выходит)

После потрясений можно ль

Забиться сном?

М а р т и а н

Тогда пойдем со мною.

Нам надо этой ночью поработать.

К о н с т а н ц и й

Как можешь ты работать?

М а р т и а н

Но я должен.

Идут в таблин. Констанций впереди, садится к столу, приготовляет
таблички.

К о н с т а н ц и й

Боюсь, что буду я писать неровно,

Рука дрожит.

М а р т и а н

Неважно, разберу.

Я все равно потом скажу иначе,
А это так, для прояснения мысли.
Так легче думать.

(Садится в кресло.)

К о н с т а н ц и й

(поднимает голову и вскрикивает)

Мой патрон! Ужасно!

Ты стал совсем седым!

М а р т и а н

Неважно это.

Диктую.

(Диктует. Констанций пишет.)

«Уважаемые судьи!

Холодным разумом прошу вас взвесить
И разобрать простое это дело.
Оно прозрачным станет, как хрусталь,
Когда его не замутишь дыханьем
Пристрастья. Разглядеть хрусталь нам легче
При ровном и спокойном освещении...»

К о н с т а н ц и й

(выпускает стиль из рук)

Прости... Нет сил...

М а р т и а н

Дай. Я окончу сам.

(Берет стиль и табличку и пишет медленно, но твердой рукой.)

24/XI 1911

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

ДРАМА-ФЕЕРНЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПРОЛОГ

«Тот, что плотины рвет».	Русалка. Водяной.
Потерчата (двое).	

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дядя Лев.	Перелесник.
Лукаш.	Лихорадка (без слов).
Русалка.	Потерчата.
Лесовик.	Куц.
Мавка.	

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Мать Лукаша.	Килина.
Лукаш.	Русалка.
Дядя Лев.	«Тот, что в скале сидит».
Мавка.	Перелесник.
Русалка Полевая.	

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Мавка.	Мальчик.
Лесовик.	Лукаш.
Куц.	Дети Килины (без слов).
Злыдни.	Доля.
Мать Лукаша.	Перелесник.
Килина.	

ПРОЛОГ

Старый-престарый, густой, дремучий лес на Волыни. Посреди леса просторная поляна с плакучей березой и огромным старым дубом. Поляна по краям переходит в кусты и тростники, а в одном месте в яркозеленое болото, — это берега лесного озера, образовавшегося из лесного ручья. Ручей выбегает из чащи, впадает в озеро, потом, по другую сторону озера, снова вытекает и теряется в зарослях. Само озеро тиховодно, покрыто ряской и кувшинками, с чистым плесом посредине.

Место дикое, таинственное, но не мрачное, — полное нежной, задумчивой полесской красоты.

Ранняя весна. Вдоль опушки и на поляне зеленеет первый ряст, цветут подснежники и сон-трава. Деревья еще голы, но покрыты почками, готовыми вот-вот раскрыться.

На озере туман то лежит пеленой, то колеблется от ветра, то рассеивается, открывая бледноглубую воду.

В лесу что-то зашумело, ручей зажурчал, зазвенел, и вместе с его водами из лесу выбежал «Тот, что плотины рвет» — молодой, белокурый, синеглазый, с буйными и вместе с тем плавными движениями; одежда его меняет цвета — от мутно-желтого до светлоглубого — и поблескивает острыми золотистыми искрами. Бросившись из потока в озеро, он начинает кружиться по плесу, волнуя его сонную воду; туман рассеивается, вода синее.

«Тот, что плотины рвет»

С горки в долину
Бегу, бегу и хлыну
От гати к запруде,
Что запрудили люди,
Мосточки сбиваю,
Плотинки все срываю, —

Весенняя вода,
Как воля молода!

(Волнует воду еще больше, ныряет и снова всплывает, словно ища что-то в воде.)

Потерчата — двое маленьких, бледных детишек в беленьких рубашках показываются из воды между кувшинок.

Первый
Зачем ты тут блуждаешь?

Второй
Зачем нам спать мешаешь?

Первый
Матушка нас положила
И мягонько постелила,
На коренья, на каменя
Постелила нам растенья,
И кувшинками покрыла,
И все пела-говорила:
«Люли-люли-люлятки,
Баю, мой ребятки!»

Второй
Зачем же ты тут рыщешь?

Первый
Кого же ты тут ищешь?

«Тот, что плотины рвет»
Русалку молодую,
Для сердца дорогую, —
Царевне этой славной
Нет в целом свете равной!
Бежал я с горы
Через доли и яры —
Нигде я не заметил
Милей ее на свете.
Всю воду расплещу я,
Русалку — отыщу я!

(Бурно мутит воду.)

Потерчата
Ой, горе! Не пугай!
Нам хатки не ломай.
Нас матушка укрыла,
В пещерку уложила,
Мы без отца ребятки,
Живем мы в бедной хатке. . .

(Цепляются за его руки, умоляя)

Мы спустимся на дно,
Где холодно, темно,
А там Русалка скрылась,
Над рыбаком склонилась.

«Тот, что плотины рвет»
Пускай с ним расстается!
Пускай ко мне вернется!
Потерчата ныряют в озеро.
Что ж не всплываешь?

Русалка выплывает, игриво улыбаясь и радостно складывая ладони. На ней два венка: один — большой, зеленый, другой — маленький, как коронка, жемчужный, из-под него спадает кисея.

Русалка
Ты это, мой хорошенький?

«Тот, что плотины рвет»
(грозно)
Где пропадаешь?

Русалка
(бросается к нему, но проплывает мимо)

Мечтала я все ноченьки,
Ждать не хватало моченьки!
Роняла слезы частые,
Сбирала в ведра ясные,
Все о тебе я помнила,
Все ведра переполнила. . .

(Всплескивает руками, раскрывает объятия, снова бросается к нему и снова проплывает мимо.)

Червонца не бросай:
Польются через край!

(Звонко смеется.)

«Тот, что плотины рвет»
(язвительно)

Давно ли вы в болоте
Богато так живете?

Русалка приближается к нему, он резко отворачивается от нее,
вихрем закружив воду.

На дне бы ты сидела,
На рыбака глядела,
Хранила б дорогого
От рака, сома злого,
Чтоб не отгрызли чуба.
Тебе все это любо!

Русалка

(подплывает ближе, хватает его за руки, заглядывает в глаза)

Уж и рассердился?

(Лукаво.)

Все знаю про голубчика,
Все, все про душегубчика!

(Тихо смеется, он встревожен.)

С кем ты водился?
Меня, царевну, губишь,
Дочь мельника ты любишь!
Зимою — долги ночи,
У девки ж черны очи, —
К ней панычи идут,
Ей денежки несут.

(Грозит ему пальцем и смеется.)

Все понимаю,
Тебя, лентяя, знаю,
Но я тебя прощаю,
Ведь я тебя люблю.

(С цинтильным пафосом.)

На целый долгий миг тебе я буду верной,
Минуту буду я возлюбленной примерной,
Измену ж утоплю!
Вода не держит следа
С утра и до обеда,
Как и любовь твоя,
Как и тоска моя!

«Тот, что плотины рвет»
(порывисто протягивает ей обе руки)
Мир по чести!
Поплывем-ка вместе!

Русалка
(берется с ним за руки и быстро кружится)
Ой, на бережочке,
На желтом песочке,
В жемчужном веночке,
Пропляшу до ночи!
Ух! Ух!

Ухают, брызжут, плещут. Вода так бьется в берега, что даже осока шумит и птицы стаями срываются с тростников.

Водяной всплывает посреди озера. Он древний седой старик, длинные волосы и длинная седая борода, спутанная водорослями, свисает до самого пояса. Одежда на нем — цвета ила, на голове — корона из ракушек. Голос глухой, но сильный.

Водяной
Кто наши воды тихие волнует?

Русалка со своим дружкой останавливаются и бросаются в разные стороны.

Ах, срам какой! Царевна водяная
Заводит танцы с чужеземцем! Стыдно!

Русалка
Да разве он чужой? Ты не узнал?
Ведь это «Тот, что рвет плотины».

Водяной

Знаю.

Он не родной, хоть водяного рода.
Изменчив и лукав его характер.
Весною он бурлит, играет, рвет,
Срывает с озера венок роскошный,
Который целый год растят русалки,
Пугает птицу мудрую в лесу,
Вдовице-вербе корень подрывает
И маленьким сироткам потерчатам
Светильники водою заливает,
И размывает берега мои,
И старости моей покой тревожит.
А летом где он? Где тогда гуляет,
Когда лучами солнце воду пьет
Из моего ковша, как гриф несытый,
Когда от жажды никнут камыши,
На берегу засохшем изнывая,
И, умирая, лилии склоняют
К воде нагретой вялые головки?
Где он тогда?

Во время этой речи «Тот, что плотины рвет» украдкой кивает Русалке, манит ее поплыть с ним по лесному ручью.

«Тот, что плотины рвет»

(со скрытой насмешкой)

Тогда, старик, я — в море.
Меня зовет на помощь Океан,
Чтоб и его не высушило солнце.
А царь морской зовет — так надо слушать.
На то и служба, — сам, наверно, знаешь.

Водяной

Эге, тогда ты в море... что ж... А мне,
Когда б не помогал мой друг старинный,
Приятель добрый мой, осенний дождик,
Пришлось бы с паром мне погибнуть!

«Тот, что плотины рвет» незаметно прячется в воду.

Русалка

Что вы!
Не может пар погибнуть, — вновь из пара
Вода родится.

Водяной
Умная какая!
Иди на дно. Довольно тараторить!

Русалка
Сейчас. А он уже куда-то скрылся.
Я расчесу помятую траву.

(Вынимает из-за пояса гребенку из ракушки и расчесывает прибрежные травы.)

Водяной
Ну, расчеши, я сам люблю порядок.
Чеши, чеши! А я тут подожду,
Пока работу кончишь. Да поправь
Кувшинки, чтобы ровно расстилались;
Сплети ковер из ряски хорошенько, —
Его порвал бродяга.

Русалка
Ладно, ладно!

Водяной удобно укладывается в тростниках, наблюдая за работой русалки; глаза его понемногу закрываются.

«Тот, что плотины рвет»
(вынырнув, тихо Русалке)

Ты спрячься за лозою.

Русалка прячется, оглядываясь на Водяного.

Мы поплывем с тобою
Вдаль, в водостоки,
Под быстрые потоки,
Сорвем плотину с ходу,
Дочь мельникову — в воду!

(Хватает русалку за руку и быстро мчится с нею через озеро.)

Неподалеку от другого берега Русалка останавливается и вскрикивает.

Русалка

Ой, зацепилась я за дуб корявый!

Водяной просыпается, бросается наперерез и перехватывает
Русалку.

Водяной

Так вот ты как? .. Проклятый соблазнитель!
Узнаешь ты, как совращать русалок!
Пожалуюсь я матери твоей,
Метели Горной, та тебе покажет!

«Тот, что плотины рвет»

(с хохотом)

Пока что будет, я тут нагуляюсь!
Прощай, Русалка, наполняй там ведра!
(Бросается в лесной ручей и в нем исчезает.)

Водяной

Ступай на дно! Не смей три лунных ночи
Являться над водой из глубины.

Русалка

(сопротивляясь)

С какого времени русалки стали
Рабынями в воде? Ведь я свободна!
Свободна, как вода!

Водяной

В моих владеньях
Знать берега обязана вода!
Ступай на дно!

Русалка

Я не хочу!

Водяной

Не хочешь?
Отдай сюда венец жемчужный!

Русалка

Нет!

Мне подарил его морской царевич.

Водяной

Носить венец тебе уж не придется,
Тебя за ослушание возьмет
«Тот, что в скале сидит».

Русалка

(со страхом)

Нет, нет, отец мой!

Я буду слушаться!

Водяной

Ступай на дно!

Русалка

(медленно спускаясь в воду)

Иду, иду... А можно забавляться
Мне с рыбаком?

Водяной

Уж ладно — забавляйся.

Русалка спустилась в воду по плечи и, грустно улыбаясь, смотрит
вверх на отца.

Чудная ты! Я о тебе забочусь,
Пойми — тебя он погубил бы только,
Повлек бы он тебя колючим руслом
Лесного ручейка да искалечил
Все тело белое и на безводьи
Покинул бы тебя.

Русалка

Но он красивый!

В о д я н о й
Опять ты за свое?!

Р у с а л к а
Нет, нет! Иду!

(Нырятся.)

В о д я н о й
(посматривая вверх)
Уж солнце по-весеннему пригрело...
Фу, душно как! Пора и прохладиться.

(Погружается в воду.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

То же самое место, только весна уже в разгаре, лесная опушка словно затянута нежной зеленой дымкой, кое-где уже и вершины деревьев покрыты зеленым цветом. Озеро стоит полное, в зеленых берегах, как будто в венке из руты.

Из лесу на прогалину выходят дядя Лев и племянник его Лукаш. Лев — уже старый, почтенный человек, с очень добрым лицом; по-полесски длинные волосы белыми волнами опускаются на плечи из-под серой войлочной шапки-рогатки; одет Лев в полотняную одежду и в светлосерую, почти белую, свитку; на ногах лапти, в руках клонья (небольшой невод), у пояса на ремешке ножик, через плечо сплетенный из лыка кошель (мешок) на широком ремне.

Лукаш — совсем еще молодой хлопец, красивый, чернобровый, стройный, в глазах его есть что-то детское; одет тоже в полотняную одежду, только из более тонкого полотна; рубаха навывпуск вышита белыми нитками, с отложным воротником, подпоясана красным поясом, у воротника и на рукавах красные застешки; свитки на нем нет; на голове широкополая соломенная шляпа; у пояса ковшик из лыка на веревочке.

Дойдя до берега озера, Лукаш остановился.

Л е в

Ты что ж остановился? Тут ведь рыбу
Ловить не будешь: очень вязко, топко...

Л у к а ш

Да вырезать хотел себе я дудку, —
Смотри, какой хороший здесь тростник.

Л е в

Но у тебя ведь прорва этих дудок.

Лукаш

Ну сколько же?.. Из липы, из калины,
Из вербы — вот и все. А мне бы надо
Еще и тростниковую, та лучше —
Звончей играет.

Лев

Да уж забавляйся,
На то бог праздник дал. А завтра надо
Нам хатку ставить. Ведь пора уже
В лес выгонять скотину. Посмотри-ка,
Уже трава пробилась между рястом.

Лукаш

Да как же здесь мы жить с тобою будем?
Считается нечистым это место...

Лев

Как для кого! А я, племянник, знаю,
И как где быть, и как с кем обходиться:
Где отрещусь, где вколочу осину,
Где просто трижды плюну, да и все.
Посеем возле хатки мак-всезнай,
Терлыч посадим около порога —
И не страшна нам никакая сила.
Ну, я пойду, а ты, Лукаш, как хочешь.

Расходятся. Лукаш идет к озеру и исчезает в тростнике, Лев идет
берегом и скрывается за вербами.

Русалка

(выплывает на берег и кричит)

Дедуся! Лесовик! Беда! Спасите!

Лесовик

(маленький бородатый старичок, проворный в движениях, важный на вид; в коричневой одежде цвета коры, в мохнатой куньей шапке)

Ну, что тебе? Чего кричишь?

Русалка

Там хлопец

Тростник на дудки режет!

Лесовик

Ой-ой-ой!

Всего-то и беды! Ну и скупа!
Здесь хатку собираются поставить,
И то не спорю я, не брали б только
Сырого дерева.

Русалка

Ой, горе! Хатку?

Здесь будут люди, что живут под крышей
Соломенной! Я их не выношу!
Я не терплю соломенного духу!
Я их топлю, чтобы отмыть водою
Тот ненавистный дух. Защекочу —
Пускай только придут!

Лесовик

Стой! Не спеши ты.

В той хатке поселится дядя Лев,
А он приятель нам. Он все шутя
Осиною да терлычем пугает.
Люблю я старика. Когда б не он,
Давно б уж этого не стало дуба,
Что столько видел разных наших сборищ,
И танцев, и лесных великих тайн.
Уж немцы меряли его, вставляли
Втроем вокруг и охватить пытались
Могучий ствол. Давали много денег,
Чеканных талеров, что людям милы.
Поклялся жизнью дядя Лев тогда,
Что дуб рубить вовек он не позволит.
И я тогда же бородой поклялся,
Что дяде Льву и всей его родне
В лесу вот этом будет безопасно.

Русалка

Овва! А мой отец их всех утопит!

Лесовик

Пускай не пробует! Я завалю
Все озеро листвою прошлогодней.

Русалка

Ой, ой, беда, как страшно! Ха-ха-ха!

(Исчезает в озере.)

Лесовик, что-то ворча, закуривает трубку, сев на сваленном дереве. Из тростников слышен голос дудочки, нежный, кудрявый, и по мере того, как он растет, развивается, — растет, развивается все в лесу. Сначала на вербе и ольхе задрожали сережки, потом береза листвою залепетала. На озере раскрылись белые лилии и зазолотели цветочки на кувшинках. Дикая роза раскрывает нежные бутоны.

Из-за ствола старой, полузасохшей, расщепленной вербы выходит Мавка в светлозеленой одежде, с распущенными черными, с зеленым отливом, косами, расправляет руки и проводит ладонью по глазам.

Мавка

Ох, как спала я долго!

Лесовик

Долго, дочка!

Уж сон-трава, взгляни-ка, отцветает,
Вот-вот кукушка масло все сколотит,
И красные наденет черевички,
И станет людям отмерять года.
Уже из теплых стран слетелись гости.
Вон желтыми пушинками на плесе
Уже утята дикие плывут.

Мавка

Кто ж разбудил меня?

Лесовик

Весна, весна.

Мавка

Весна еще так никогда не пела,
Как нынче. Или это мне приснилось?

Лукаш снова играет.

Нет... стой... Ба! Слышишь, как весна
распелась?

Лукаш играет, приближаясь.

Л е с о в и к

Нет, это хлопец заиграл на дудке.

М а в к а

Какой? Не «Тот ли, что плотины рвет»?
Я от него совсем не ожидала!

Л е с о в и к

Нет, человек, племянник дяди Льва,
Лукаш.

М а в к а

А я совсем его не знаю.

Л е с о в и к

Да он впервые здесь. Он издалека,
Не из лесов, а из боров сосновых,
Где наша бабка зимовать привыкла;
Осиротел он с матерью-вдовою,
А дядя Лев к себе обоих принял. . .

М а в к а

Хотела бы увидеть я его.

Л е с о в и к

Зачем тебе?

М а в к а

Наверно, он красивый!

Л е с о в и к

Ох, на людей засматриваться, дочка,
Для девушек лесных небезопасно. . .

М а в к а

Какой же стал ты, дедушка, сердитый!
Меня держать ты, значит, так же будешь,
Как Водяной Русалку?

Л е с о в и к

Нет, родная,
Зачем тебя держать мне? Водяной
Привык в трясине топкой спокон веку
Живое все засасывать. А я
Люблю свободу. Забавляйся с ветром
И с Перелесником шути, как хочешь,
Чтоб силы все и леса и воды,
Ветров и гор обворожить собою,
Но обходи людские тропы, дочка!
Там воли нет совсем, — и только скорбь
Несет свой груз. Ты обходи их, дочка!
Раз только ступишь — и пропала воля!

М а в к а

(смеется)

Ну как же так, чтоб воля вдруг пропала?
Ведь так и ветер тоже пропадет!

Лесовик хочет что-то сказать, но входит Лукаш с дудочкой; Лесовик и Мавка прячутся.

Лукаш хочет надрезать ножом березу, чтобы из нее нацедить соку, Мавка бросается и хватает его за руку.

М а в к а

Не тронь! Не тронь! Не режь! Не убивай!

Л у к а ш

Да что ты, девушка? Что я — разбойник?
Хотел я только соку из березы
Добыть себе.

М а в к а

Не смей! То кровь ее!
Не пей же крови из моей сестрицы.

Л у к а ш

Березу ты сestroю называешь?
Кто ж ты, скажи!

М а в к а

Лесная Мавка я.

Лукаш

(не столько удивленно, сколько внимательно присматривается к ней)

А, вон ты кто! От стариков не раз
Про мавок слышал я, но только средю
Не видел сам.

Мавка

А ты хотел их видеть?

Лукаш

А почему бы нет? Что ж, — ты совсем
Как девушка. . . да нет, скорей, как панна,
Вся тоненькая, с белыми руками,
И как то не по-нашему одета. . .
А что ж глаза не зелены нисколько?

(Всматривается.)

Да нет, теперь зеленые. . . а были,
Как небо, синие. . . вот потемнели,
Как облако. . . нет, черные, как будто,
А может, карие. . . Чудная ты!

Мавка

(улыбаясь)

Что ж, нравлюсь я тебе?

Лукаш

(стыдясь)

Я разве знаю?

Мавка

(смеясь)

Кто ж знает?

Лукаш

(совсем застыдившись)

Да не спрашивай, не надо. . .

Мавка

(искренне удивляясь)

А почему нельзя спросить об этом?

Вон роза наклонилась, вопрошая:
«Что, хороша я?»
А яшень шепчет ей, качая ветви:
«Нет краше в свете!»

Лукаш

Да разве говорить они умеют?
Я думал — дерево совсем немое.

Мавка

У нас в лесу нет ничего немого.

Лукаш

Ты что ж, из леса так и не выходишь?

Мавка

Я сроду из него не выходила.

Лукаш

Давно на свете ты живешь?

Мавка

По правде,
Я никогда не думала об этом...

(Задумывается.)

Но кажется мне, что всегда жила я...

Лукаш

И все была такая, как теперь?

Мавка

Как будто все такая...

Лукаш

Чья же ты?
И есть ли у тебя родня?

Мавка

Конечно,
Есть Лесовик, зову его «дедуся»,
А он меня «родная» или «дочка».

Лукаш

Так кто ж он — дед или отец?

Мавка

Не знаю.

Не все ль равно?

Лукаш

(смеется)

Какие вы чудные
В лесу! А кто же твоя мать, скажи мне,
Или там бабушка, как тут зовут?

Мавка

Мне кажется порою, что вон та
Сухая верба старая — мне мама.
Она меня на зиму приняла
И мягкой листвою устелила
Все ложе мне.

Лукаш

Ты там и зимовала?

А что же ты там делала всю зиму?

Мавка

Спала, конечно. Что ж зимою делать?
Спит озеро, спит лес и тростники.
«Засни, засни», — скрипела верба мне.
Все белое я видела во сне:
На серебре сияли самоцветы,
Цветы и травы, но не те, что летом,
Все белые. . . И тихой чередою
Звезда летела с неба за звездою,
Росли сугробы. . . Белою постелью
Земля укрылась. Словно ожерелье
Из хрусталя играло все, сверкало. . .
А я спала. Так вольно грудь дышала.
Раздумья розовые тихо шли,
Узоры легкие по белым снам плели,
Мечты всё золотые, голубые,
Не летние, спокойные такие.

Лукаш
(заслушавшись)

Как говоришь ты. . .

Мавка
Нравится тебе?

Лукаш утвердительно кивает головой.

А мне милей язык твоей свирели!
Ты мне сыграй, а я тут покачаюсь.

Мавка сплетает длинные ветви на березе, садится на них и качается тихо, как в колыбели. Лукаш играет, прислонившись к дубу, и не сводит глаз с Мавки. Он играет веснянку. Мавка, слушая, невольно отзывается и тихо-тихо начинает подпевать.

Мавка
Сладко он играет,
Душу надрывает,
Грудь мне белую терзает,
Сердце вынимает.

На голос веснянки откликается кукушка, потом соловей, расцветает ярче дикая роза, белеет цвет калины, боярышник стыдливо розовеет, даже черный безлиственный терновник раскрывает нежные цветы.

Мавка, зачарованная, тихо качается, улыбается, а в глазах, сквозь слезы, — тоска. Лукаш, заметив это, перестает играть.

Лукаш
Ты плачешь, девушка?

Мавка
Я разве плачу?

(Проводит рукой по глазам.)

А ведь и правда. Нет же! Это росы.
Заходит солнце. . . Видишь, уж встает
На озере туман. . .

Лукаш
Еще ведь рано!

М а в к а

Ты не хотел бы, чтобы день кончался?

Лукаш отрицательно качает головой: не хотел бы.

М а в к а

А почему?

Л у к а ш

Домой позовет дядя.

М а в к а

А ты со мною хочешь быть?

Лукаш кивает, подтверждая.

Вот видишь,

И ты, совсем как яшень, отвечаешь.

Л у к а ш

(смеясь)

По-здешнему мне надо научиться, —
Все лето жить нам здесь придется.

М а в к а

(радостно)

Правда?

Л у к а ш

Уже и строиться начнем мы завтра.

М а в к а

Шалаш поставите?

Л у к а ш

Лачужку, может,

А может, даже хату.

М а в к а

Вы — как птицы:

Все вы хлопчете, все вьете гнезда,
Чтобы потом их бросить.

Лукаш

Нет, мы строим

Навеки.

Мавка

Как навеки? Ты ж сказал,
Что вы здесь поживете только летом.

Лукаш

(смущенно)

Да я не знаю... Дядя Лев сказал,
Что здесь дадут мне и надел и хату,
Ведь осенью женить меня решили...

Мавка

(с тревогой)

На ком?

Лукаш

Не знаю. Дядя не сказал мне,
А может, не нашел еще невесты.

Мавка

Что ж сам себе ты не отыщешь пары?

Лукаш

(поглядывая на нее)

Нашел бы, может, я, да...

Мавка

Что?

Лукаш

Не знаю...

(Наигрывает на дудочке что-то очень жалобное, потом опускает руку с дудочкой и задумывается.)

Мавка

(помолчав)

Скажи, а люди женятся надолго?

Л у к а ш

Навек!

М а в к а

Вот так же и у голубей. . .
Я все завидовала им: так нежно
Они друг друга любят. . . Я ж на свете
Не знаю ничего нежней березы,
За то ее сестрицей называю;
Да только слишком уж она грустна,
Все никнет, бледная, в своей печали, —
Я на нее смотрю — и часто плачу.
Ольхи я не люблю — она жестка.
Осина — та всегда меня пугает;
Она сама боится — все дрожит.
Дубы суровы слишком! А терновник
Задирист, как боярышник, как роза,
А ясень, клен и явор — горделивы.
Калина так кичится красотой,
Что ей уж безразлично все на свете, —
Такой была и я ведь год назад,
Теперь об этом вспомнить неприятно. . .
И если рассудить, то среди леса
Совсем я одинока. . .

(Печально задумывается.)

Л у к а ш

Ну, а верба?
Ее своей ты матерью звала?

М а в к а

Ах, верба! . . . Что ж. . . с ней хорошо зимою,
А летом. . . видишь, как она суха,
И все скрипит, все зиму вспоминает. . .
Нет, я в лесу совсем, совсем одна. . .

Л у к а ш

Но не одни деревья ведь в лесу, —
Здесь и другой немало разной силы.

(Несколько язвительно.)

Да ты не прибедняйся, мы слышали
Про ваши танцы, шутки и утехы.

М а в к а

Но это все, как будто вихрь внезапный,
Вдруг налетит, завертит и покинет.
У нас не так, как у людей: навеки!

Л у к а ш

(подходя ближе)

А ты хотела б? . .

Вдруг слышен громкий оклик дяди Льва.

Г о л о с

Эй, Лукаш, ау-у!

Го-го-го-го! Эй, где ты?

Л у к а ш

(отзывается)

Я иду!

Г о л о с

Иди скорей!

Л у к а ш

Ну, что за нетерпенье!

(Откликается.)

Иду, иду.

(Хочет идти.)

М а в к а

Вернешься?

Л у к а ш

Я . . . не знаю.

Идет в прибрежные заросли. Из лесной чащи вылетает Перелесник — красивый юноша в красной одежде, с черными бровями, с блестящими глазами, с красноватыми, буйно развевающимися, как ветер, волосами. Он хочет обнять Мавку, она уклоняется.

М а в к а

Не тронь меня.

П е р е л е с н и к

А почему?

М а в к а

Иди

Взгляни, как в поле всходы зеленеют.

П е р е л е с н и к

Зачем нужны мне эти всходы?

М а в к а

Там же,

Во ржи, твоя Русалка полевая.

Она сейчас уж начала тебе

Сплетать из трав венок зелено-ярый...

П е р е л е с н и к

Уж я ее забыл.

М а в к а

Забудь меня.

П е р е л е с н и к

Не насмехайся! Хочешь — полетим!

Я понесу тебя к горам зеленым —

Ведь так хотела ты увидеть пихты!

М а в к а

Теперь я не хочу.

П е р е л е с н и к

Но почему?

М а в к а

Мне расхотелось.

П е р е л е с н и к

Выдумки какие!

Скажи мне: почему?

М а в к а

. Да нет охоты.

П е р е л е с н и к

(льстиво вьется вокруг нее)

Полетим-ка в горы! Там мои сестрицы,
Горные русалки, вольные, как птицы,
Будут хороводом по траве кружиться,
Молнией искриться!

Папоротник-цветик для тебя найду я,
Звездочку сорвем мы с неба золотую,
На снегу нагорном выбелим сквозную
Фату кружевную.

Мы тебе добудем лесную корону,
Мы Змею-Царицу сбросим наземь с трона,
Каменные горы дадим в оборону!

Будь моей желанной!

Стану утром рано

Тебя одевать я

В дорогие платья,

Веночки сплетая,

В хоровод вступая,

На крыльях летая

Над багряным морем, где хоронит солнце
Золото в глубины, провожая день.

Мы потом заглянем на звезду в оконце;
Звездочка, как пряжа, даст нам волоконце, —
Будем вышивать мы бархатную тень.

А потом, к рассвету, в час, как в небе встанут
Облака сквозные, словно спозаранок
Пьют овечки воду на лугу привольном,
Отдохнем мы славно на цветном. . .

М а в к а

Довольно!

П е р е л е с н и к

Как ты оборвала речь мою сердито!

(Грустно и вместе с тем лукаво.)

Прошлого-то лето, видно, позабыто?

М а в к а
(*равнодушно*)

Прошрое-то лето так давно минуло!
То, что летом пело, то зимой заснуло.
И не вспомнить снова!

П е р е л е с н и к
(*таинственно, напоминая*)
А в лесу дубовом?

М а в к а
Что ж там? Я искала ягодок, грибов...

П е р е л е с н и к
Ну, а не искала ль ты моих следов?

М а в к а
Помню — кудри хмеля я в лесу срывала.

П е р е л е с н и к
Для моей постели — чтоб пышнее стала?

М а в к а
Чтоб мой волос черный хмелем перевило.

П е р е л е с н и к
Думала: быть может — приласкает милый?

М а в к а
Нет, меня береза нежно колыхала.

П е р е л е с н и к
Все же ты... кого-то... будто целовала?

М а в к а
Ха-ха-ха! Не знаю!
Не припоминаю!
Я пойду, украшу мелким рястом косы...
(*Идет к лесу.*)

П е р е л е с н и к
Ой, смотри! Их смоят холодные росы!

М а в к а

Ветерок повеет,
Солнышко пригреет,
Высохнет роса!

(Исчезает в лесу.)

П е р е л е с н и к

Ты постой, молю я!
Без тебя умру я!
Где ты, где, краса?

Бежит тоже в лес. Между деревьями одну минуту мелькает его красная одежда, и словно эхо отзывается: «Где ты, где, краса?..» По лесу играет багряный закат солнца, вскоре он гаснет. Над озером встает белый туман. Дядя Лев и Лукаш выходят на поляну.

Л е в

(сердито ворчит)

Проклятый Водяной! Чтоб высох он!
Я рыбы наловил, и только выплыл
На плес, на душегубке, и хотел
Поплыть к другому берегу, а он
Схватился крепко лапою за днище —
Не двинуться! Чуть-чуть — и утопил бы!
А я не будь дурак — схватил рукою
За бороду и замотал, как мычку,
Да ножик из-за пояса, — ей-ей,
Чуть не отсек! А он-то, пар проклятый, —
Кувырк! — и лодку мне перевернул!
Я еле выбрался живым на берег
И рыбу растерял... Чтоб ты пропал!

(Лукашу.)

А тут еще тебя там зацепило, —
Кричу, аукаю, хоть пропадай!
И где застрял ты?

Л у к а ш

Здесь я, говорю же,
Вырезывал вот дудку.

Л е в
Что-то долго,
Племянничек, вырезаешь ты!

Лу к а ш
(смуцено)
Да разве, дядя. . .

Л е в
(улыбнулся и подобрел)
Врать бы не учился,
Еще ты молод! Языка не жалко!
Вот набери-ка хворосту мне лучше
Да разожги огонь, — хоть обсушусь я:
Ну как такому мне домой добраться?
Пока дойдем, и та вдруг нападет —
Не тут бы вспоминать — чур меня, чур!
И душу вытрясет, не пожалеет. . .

Лукаш идет в лес; вскоре слышно, как он хрустит сухими ветками.

Л е в
(садится под дубом на толстый корень и пробует высечь огонь,
чтобы зажечь трубку)

Да, как же! Высечешь! И губка смокла. . .
И трут потерян. Ах ты, лихорадка
Тебя возьми! . . А может, выросла
Тут свежая?

(Ощупывает дуб, ищет губку.)

Из озера, из тумана, появляется белая женская фигура, больше похожая на полосу мглы, чем на человека; протянутые длинные белые руки, загребая воздух, шевелят тонкими пальцами, как только она приближается ко Льву.

Л е в
(испуганно)
Ой, что за привиденье?
А, знаю! Хорошо, что я заметил.

(Освоившись, вынимает из сумки какие-то коренья и зелья и протягивает навстречу привидению, словно обороняясь от него. Оно мгновенно отступает. Он причитает, заговаривая чем дальше, тем быстрее.)

Щипля-девица,
Огневица-Трясовица!
Иди ты себе в кусты, на болото,
Где люди не ходят, петухи не поют,
Куда мой голос не доходит.

Тут тебе не ходить,
Белого тела не сушить,
Желтых костей не ломить,
Черной крови не пивать,
Веку не укорочать,
Вот тебе полынь —
Сгинь, сгинь, сгинь!

Привидение отступает назад, к озеру, и сливается с туманом. Подходит Лукаш с охажкой хвороста, кладет перед дядей, вынимает из-за пазухи кремень и огниво и разжигает огонь.

Лукаш

Вот нате, грейтесь, дядюшка.

Лев

Спасибо.

Ты старому-то дяде угождаешь.

(Разжигает от огня трубку.)

Теперь другое дело!

(Укладывается возле огня на траве, положив кошель под голову, попыхивает трубкой и щурится на огонь.)

Лукаш

Вы бы, дядя,

Мне сказку рассказали.

Лев

Ишь какой!

Ишь, маленький. . . Какую б ты хотел?
Про Оха-Чародея? Про Тромсина?

Лукаш

Я слышал их. Вы знаете такие,
Каких никто не знает.

Л е в
(подумав)

Ну, так слушай:

Я про Волну-Царевну расскажу.

(Начинает спокойным певучим, размеренным голосом.)

Кабы нам теплая хата

Да добрые люди,

Говорили б мы сказку,

Баяли байку

До самого света...

За темными лесами,

Да за глубокими морями,

Да за высокими горами,

А есть там дивный-предивный край,

Там, где правит Урай.

Уж как в том краю солнце не догорает,

Месяц не угасает,

А звезды ясные по полю ходят,

Хороводы водят.

И вот у самой ясной звезды да нашелся сын

Белый Палянин,

Личиком ясный,

Белый, прекрасный,

Золотой волос по ветру развевает,

Серебряное оружие в рученьках сияет...

Л у к а ш

Хотели про царевну...

Л е в

Подожди!..

Вот как стал тот Белый Палянин расти-вырастать,

Стал он себе думать-гадать,

Про свою жизнь размышлять:

Из всех я, говорит, красотой удался,

А только я счастья не дождался.

Скажи ты мне, мать-Заряница,

С кем мне, молодому, обручиться:

С дочкой ли царской,

Княжеской, боярской,

С дочкой ли дворянской

Или же с простой крестьянской?
Пришлась бы мне, молодому,
Царская дочка к дому...

(Начинает дремать.)

Вот и пошел он к синему морю
И положил у берега жемчужное ожерелье...

Лукаш

Вы, видно, дядя, что-то пропустили.

Лев

Да что ты? Разве? Ты мне не мешай!
... Вот и разбежалась по морю волна ветровая,
А из той волны да кони вылетали,
Как жар пылали,
В красную коляску запряжены...
А на той коляске...

(Смолкает, побежденный сном.)

Лукаш

И кто ж на той коляске был? Царевна?

Лев

(сквозь сон)

А? .. Где царевна? ..

Лукаш

Вот уж и заснули...

(Некоторое время смотрит задумчиво на огонь, потом встает, отходит дальше от костра и похаживает по поляне, тихо-тихонечко, еле слышно, поигрывая на дудочке.)

В лесу темнеет, но тьма не густая, а прозрачная, какая бывает перед восходом луны. Возле костра отблески света и извивы теней словно водят причудливый танец; близкие к огню цветы то поблескивают красками, то гаснут во тьме. На краю леса таинственно белеют стволы осин и берез. Весенний ветер вздыхает, обегая опушку леса и развевая ветви плакучей березы. Туман на озере белыми волнами наплывает на черные заросли, тростник перешептывается с осокой, спрятавшись во мгле.

Из чащи выбегает Мавка, бежит торопливо, словно от кого-то убегая; волосы ее развеваются, одежда разметалась. На поляне она останавливается, оглядываясь; прижимает руки к сердцу, затем кидается к берегу и еще раз останавливается.

М а в к а

Ой, спасибо тебе, ноченька чернокрылая,
Что ты личико закрыла мне!
И вам, стежечки-дорожечки,
Что вели меня до березочки!
Спрячь скорей меня, сестра милая!

(Прячется под березу, обнимая ее ствол.)

Л у к а ш

(подходит к березе, тихо)

Ты, Мавка?

М а в к а

(еще тише)

Я.

Л у к а ш

Бежала?

М а в к а

Словно белка.

Л у к а ш

Ты убежала?

М а в к а

Да.

Л у к а ш

Но от кого же?

М а в к а

Он как огонь.

Л у к а ш

Кто?

М а в к а

Цыц! Молчать!

Вдруг прилетит опять.

Молчание.

Лукаш

Как ты дрожишь! Я слышу, как береза
Трепещет вся и шелестит листвою.

Мавка

(отступает от березы)

Ой, горюшко! Боюсь я прислоняться,
Не устоять мне.

Лукаш

Прислонись ко мне.

Я удержу и защитить сумею.

Мавка прислоняется к нему. Они стоят, прижавшись друг к другу. Лунный луч идет по лесу, стелется по поляне и закрадывается под березу. В лесу отзываются напевы соловьев и все голоса весенней ночи. Ветер порывисто вздыхает. Из сияющего тумана выходит Русалка и тихо подсматривает за молодой парой. Лукаш, прижимая к себе Мавку, все ближе наклоняется к ней и внезапно целует.

Мавка

(вскрикивает с болью счастья)

Звезда упала в сердце!..

Русалка

Ха-ха-ха!

(Со смехом и плеском бросается в озеро.)

Лукаш

(испуганно)

Что это там?

Мавка

Не бойся, там Русалка.

Подруги мы — и нас она не тронет.
Она задорна, любит насмеяться,
Ну и пускай!.. Мне это все равно,
Все, все на свете.

Лукаш

Как? И я?

М а в к а

Нет, нет,
Ты сам мне свет, и ты милей и краше,
Чем тот, что знала я, но ты мне стал
Еще милей, когда мы обручились.

Л у к а ш

Так мы уже и обручились?

М а в к а

Слышишь?
Вон соловьи распелись, как на свадьбе...

Л у к а ш

Я слышу... Вот они уж не щебечут,
Не шелкают, а только повторяют:
«Целуй! Целуй! Целуй!»

(Целует ее долгим, нежным, трепетным поцелуем.)

Я зацелую

Тебя до смерти!

Срывается вихрь, и белый цвет метелью вьется по поляне.

М а в к а

Не дано мне смерти...

А жалко...

Л у к а ш

Что ты? Что ты? Не хочу я!
Зачем я так сказал?!

М а в к а

Нет, так прекрасно
Звездой летучей умереть...

Л у к а ш

Да полно!

(Говорит, лаская.)

Не говори об этом! Не хочу!
Не говори совсем!.. Нет, говори!

Чудной язык твой, только почему-то
Приятно слушать... Что же ты молчишь?
Ты сердишься?

М а в к а
Я слушаю тебя...
Твою любовь...

(Берет в руки его голову, поворачивает к лунному свету и внимательно смотрит в глаза.)

Л у к а ш
Зачем же так? Мне страшно,
Когда ты мне заглядываешь в душу...
Я не могу так! Говори, шути,
Расспрашивай, скажи, что любишь, смейся...

М а в к а
Твой голос чист, как будто ручеек,
А очи — непрозрачны.

Л у к а ш
Может, месяц
Неясно светит.

М а в к а
Может...

(Склоняется головой к его сердцу и замирает.)

Л у к а ш
Что с тобою?

М а в к а
Тсс... пусть расскажет сердце... так неясно
Все говорит оно, как эта ночь.

Л у к а ш
Что там прислушиваться? Ну, не надо!

М а в к а
Не надо, говоришь? Не буду, милый!
Нет, нет, любимый. Я не буду, счастье!

Не буду вслушиваться, мой хороший!
Ласкать тебя я буду, мой любимый!
Ты любишь ласки?

Л у к а ш

Я ведь не влюблялся
Еще ни разу. Я совсем не знал,
Что сладки так для сердца ласки!

Мавка страстно ласкает его, он вскрикивает с радостной мукой.

Мавка!

Ты душу мою вынешь!

М а в к а

Выну, выну!
Возьму себе всю эту душу-песню,
А сердце я словами зачарую. . .
Я целовать буду губы пригожие,
    Чтоб загорелись,
    Чтобы зарделись
Губы, на дикую розу похожие!
Буду манить я глаза голубые,
    Чтобы играли,
    Чтобы сияли,
Чтобы цветные огни рассыпали!

(Внезапно всплескивает руками.)

Да чем же приманить мне эти очи!
Цветами я не убрана!

Л у к а ш

К чему!

И без цветов ты хороша.

М а в к а

Хочу я
Вся для тебя украситься цветами
Лесной царевны краше!

(Бежит на другой конец поляны, далеко от озера, к цветущим кустам.)

Лукаш

Подожди!

Я сам тебя украшу.

(Идет к ней.)

Мавка

(грустно)

Неприглядны

Цветы в ночи... теперь уснули краски...

Лукаш

Тут светляки в траве, я соберу их,
Чтобы они в твоих светились косах,
Чтобы сияли, как венок из звезд.

(Кладет несколько светлячков ей на волосы.)

Дай посмотрю я... Ой, как ты красива!

(Не помня себя от счастья, порывисто ее обнимает.)

Еще набрать, еще! Я уберу
Тебя, как королеву, в самоцветы.

(Ищет в траве под кустами светлячков.)

Мавка

А я с калины цвета наломаю.

Она не спит от песни соловьиной.

(Срывает белые цветы и украшает себе одежду.)

Русалка

(снова выходит из тумана; шепчет, повернувшись к тростникам)

Потерчата, подойдите,

Огонечки засветите.

В тростниках замерцали два блуждающих огонька. Затем выходят потерчата, в руках у них мерцают плошечки, то ярко вспыхивая, то погасая. Русалка привлекает потерчат к себе и шепчет, показывая вдаль на белую фигуру Лукаша, что виднеется во мраке между кустами.

Смотрите-ка, вон тот, что там блуждает, —
Такой, как ваш отец, что вас покинул,

Он вашу мамку бедную сгубил.
И жить ему не надо!

1-й младенец
Утопи.

Русалка
Не смею. Лесовик мне запретил.

2-й младенец
Мы маленькие, мы не одолеем.

Русалка
Легче дымки,
Невидимки,
С огоньками сиротинки,
Тише тихонькой былинки, —
Вы пойдите-ка в тростник,
Не услышит лесовик;
А как встретит,
Не заметит —
Был и сник!
Промелькните вы зарницей
Над водицей!
Над кустами полыхните,
По болоту проведите, —
Где он станет,
Там и канет,
Канет он на дно болота...
А потом — моя работа!
Торопись!

Потерчата
(расходясь один за другим)
Разойдемся мы с тобою,
А сойдемся над водою.

Русалка
(радостно)
Разошлись!

(Подбегает к болоту, брызжет водой с пальцев позади себя через плечо.)

Из-за кочки выскакивает Куц, молоденький чертик-барчук.

Русалка

Куц-Куц, поклонись,
К моей ручке приложись!

(Пренебрежительно протягивает ему руку, он целует.)

Куц

За что же, Русалка?

Русалка

Для тебя не жалко.
Приготовлю завтрак — только не зевай!

(Показывает вдаль на Лукаша.)

Где еще такой ты видел каравай?

Куц

(махнул рукой)

Не попал в болото —
Не моя забота!

Русалка

Будет хлопец твой,
Принесешь ты радость матушке домой!

Куц прыгает за кочку и исчезает. Русалка в тростнике следит за потерчатами; они мелькают на бегу, вспыхивают, мерцают, снуют, перебегают.

Лукаш

(отыскивая светляков, замечает огоньки)

Какие светляки! Они летают!
Таких я и не видел. А большие!
Сейчас я их поймаю!

(Гоняется то за одним, то за другим, они незаметно заманивают его к болоту.)

Мавка

Не лови!

Любимый, не лови! То потерчатая!
Они тебя погубят!

Лукаш не слышит, увлеченный погоней, и отбегает далеко от Мавки.

Лукаш

(внезапно вскрикивает)

Ой, спасите!

Болото здесь!.. Засасывает! Тянет!

Мавка прибегает на его крик, но не может добраться до него, так как он увяз далеко от берега. Она бросает ему один конец своего пояса, держась за другой.

Мавка

Лови!

Пояс не достает до руки Лукаша.

Лукаш

Нет, не достать! Что ж это будет?

Мавка

(бросается к вербе, что стоит, наклонясь над болотом)

Ой, верба, верба-матушка, спасай!

(Быстро, как белка, влезает на вербу, опускается по крайним веткам, бросает снова пояс — он на этот раз достает до Лукаша.)

Лукаш хватается за конец. Мавка притягивает его к себе, потом подает руку и помогает влезть на вербу. Русалка издает глухой стон досады и исчезает в тумане. Потерчата тоже исчезают.

Лев

(проснулся от крика)

А? Что такое? Снова привиденье?

Чур-чур! Исчезни!

(Вглядывается.)

Эй, Лукаш? Ау!

Лукаш

(отзывается с вербы)

Я, дядя, здесь!

Лев

А ты-то тут зачем?

(Подходит и заглядывает на вербу.)

Залез на вербу, да и с девкой.

Лукаш слезает с вербы, Мавка там остается.

Лукаш

Дядя!

Я тут чуть-чуть в болоте не увяз,
В окно я провалился, да она...

(Указывает на Мавку.)

Спасла меня от смерти.

Лев

А зачем же

Слоняешься ты ночью здесь, как будто
Потерянный.

Лукаш

Я светляков ловил...

(Обрывает речь.)

Лев

(замечает светляков на Мавке)

Ба! Так бы и сказал, тогда б я знал!
Теперь я вижу сам, чье это дело.

Мавка

Так я же, дядечка, его спасла.

Лев

Вишь — «дядечка»! Племянница какая!
А кто ж его заставил лезть в ловушку?

(Укоризненно качает головой.)

Лесное племя. Где у вас тут правда?
Ну, попадись мне только Лесовик,
Уж он не вырвется, — в пенек дубовый
Зажму я бородище-помелище,
Так он узнает. Видишь, подсылает
Своих девчат, а сам — и я не я!

Мавка

(быстро слезает с вербы)

Он невиновен! Пусть Змея-Царица
Меня накажет, если я солгала!
И невиновна я.

Л е в

Теперь я верю, —
Змеей у вас напрасно не клянутся.

Л у к а ш

Она меня спасла от смерти, дядя,
Ведь без нее погиб бы я, ей-богу!

Л е в

Ну, девушка, души ты не имеешь,
Да сердцем, видно, добрая. Прости,
Что накричал я сгоряча.

(Лукашу.)

Зачем ты
За светляками побежал в болото?
Они же там на кочках не сидят!

Л у к а ш

Те светляки летучие такие!

Л е в

Эге! Я знаю!.. Это потерчата!
Ну, подождите, приведу я завтра
Щенят-овчарок, а тогда узнаем,
Кто завизжит.

Г о л о с а п о т е р ч а т

(отзываются жалобно, словно лягушечье кваканье)

Нет, нет, дедуся!
Мы неповинны!
Мы у трясины
Ягодки брали.
Мы и не знали —
Гости ли, кто там,
Мы б не всплывали
Со дна болота...
Ой, мама, ой!
Хотим домой!

Л е в

Смотри, как притворилась эта пара,
Отродье колдовское! Да пускай,
Кто виноват, кто нет — уж разберусь я! . .

(Лукашу.)

А не пора ли нам домой, племянник?
Пойдем тихонько.

(Мавке.)

Будь здорова, девка.

М а в к а

А завтра вы придете? Покажу
Вам дерево хорошее для хаты.

Л е в

Я вижу, обо всем ты разузнала.
Бойка! Что ж, приходи, я к вам привык,
И вам-то к нам ведь привыкать придется.
Пойдем! Прощай!

(Идет.)

М а в к а

(больше Лукашу, чем Льву)

Я буду дожидаться!

Лукаш отстает от дяди; сжимая молча обе руки Мавки, беззвучно ее целует и, догнав дядю, идет с ним в лес.

М а в к а

(одна)

Если б ты, ночка, скорей миновала!
Не обижайся! Я ведь не знала
Дня ни единого, чтобы такую
Быть мне счастливой, как с ясной тобою!
Что ж ты, береза, стоишь тоскливо?
Видишь, сестра моя, как я счастлива!

Не роняй, верба, слез над водою,
Будет ведь, матушка, милый со мною!..
Лес мой, отец мой, я и не знаю,
Как эту ноченьку я скоротаю?
Ночь коротка, да длинна разлука...
Что ж суждено мне — счастье иль мука?!

Месяц спрятался за темную стену леса, тьма наплыла на прогалину, черная, бархатная. Ничего не видно, только тлеют на земле угли, оставшиеся от костра, да по венку из светлячков заметно, где ходит Мавка между деревьями: венки светятся то целым созвездием, то отдельными искрами; затем тьма и его покрывает. Глубокая полночная тишина, только порой легкий шелест слышится в лесу, словно вздохи во сне.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Позднее лето. На темной матовой листве в роще кое-где видна осенняя прозолоть. Озеро обмелело, береговая отмель стала шире, тростники сухо шелестят листвою.

На поляне уже построена хата, засажен огород. На одной ниве — пшеница, на другой — рожь. На озере плавают гуси. На берегу сушится белье, на кустах торчат горшки, кувшины. Трава на поляне чисто выкошена, под дубом сложен стожок. По лесу перезванивают бубенцы — где-то пасется скот. Слышно, как неподалеку кто-то играет на дудочке бойкую плясовую мелодию.

М а т ь Л у к а ш а

(выходит из хаты и кричит)

Лукаш, ау! Да где ж ты?

Л у к а ш

(выходит из лесу с дудочкой и расписной палочкой в руках)

Здесь я, мама.

М а т ь

А что, не хватит ли тебе играть?

Ты все играешь, а работа стой!

Л у к а ш

Какая же работа?

М а т ь

Как «какая»?

Загон-то надо ведь огородить?

Л у к а ш

Да хорошо, огорожу, успею!

М а т ь

Когда ж оно, твое «успею», будет?
Тебе бы все гоняться да скакать
С пролазою, с приبلудою такой.

Л у к а ш

Да кто гоняется? Я скот пасу,
А Мавка помогает!

М а т ь

Отвяжись ты
С такой-то помощью!

Л у к а ш

Вы говорили,
Когда она пасет коров, то больше
Дают удоя.

М а т ь

Колдовское племя!

Л у к а ш

И кто вам только угодит — не знаю!
Как хату ставили, то не она ли
Деревья приносила? Огород
С кем вы сажали? Кто засеял поле?
Когда-нибудь родило так, как нынче?
А видишь, как украсила цветами
Под окнами — и посмотреть-то любо!

М а т ь

На что нужны ее цветы! Ведь в хате
Нет у меня на выданье невесты...
А на уме у вас цветы да песни!

Лукаш пожимает нетерпеливо плечами и хочет идти.

Куда ты?

Л у к а ш

Городить иду ограду.

Идет за хату, через некоторое время слышно постукивание топора.
Мавка выходит из лесу, пышно украшенная цветами, с распущенными косами.

М а т ь
(неприветливо)

Ну, что тебе?

М а в к а
Где, тетенька, Лукаш?

М а т ь
Да что ты все за ним? Не подобает
За парубком так девушке гоняться.

М а в к а
Никто об этом мне не говорил.

М а т ь
Ну вот, хоть раз послушать не мешает.
(Неприятно смотрит на Мавку.)

И что ты так растрепана всегда?
Нет, чтобы аккуратней причесаться, —
Все ходишь будто ведьма. Неопратно.
Что это за одежда на тебе?
Оно и неудобно при работе.
Есть у меня кой-что с умершей дочки,
Пойди оденься — там висит на жердке.
А это можешь положить в сундук.

М а в к а
Что ж, хорошо, могу переодеться.

Идет в хату. Оттуда выходит дядя Л е в.

М а т ь
Сказала бы спасибо!

Л е в
Что, сестрица,
Ты каждый раз все девку заедаешь?
Иль в чем перед тобою провинилась?

М а т ь

Ты лучше бы не вмешивался, братец,
Когда не трогают. А то еще
Собрал бы ты всех ведьм сюда из леса.

Л е в

Когда бы ты хоть с толком говорила,
Так я тебя и слушал бы, а то...
«Всех ведьм из леса»! Где ж в лесу тут ведьма?
Все ведьмы в селах водятся...

М а т ь

Да ты
Уж в этом смыслишь... Что ж, ну, приучай
Лесную погань, может и дождешься
Когда-нибудь добра!

Л е в

Вот и дождусь.
Лесное племя вовсе не погано, —
Идет из леса все богатство...

М а т ь

(насмешливо)

Как же!

Л е в

Бывают люди из таких-то девок!

М а т ь

Какие люди? Пьян ты, что ли, а?

Л е в

Да что ты знаешь? Вот покойник дед
Говаривал: что знать бы только слово,
И в лесовичке может поселиться
Душа такая, как у нас с тобою.

М а т ь

Ну, а куда же колдовской-то пар,
Куда он денется?

Л е в

Опять о том же?
Пойду-ка да возьмусь я за работу,
Чем слушать болтовню твою!

М а т ь

Иди!

Я не мешаю!

Лев идет за хату, сердито тряхнув головой. Мавка выходит из хаты переодетая: на ней рубаха из десятки, тесно сшитая и заплата на плечах, узкая юбка из набивки и полинялый канифасовый фартук, волосы гладко зачесаны в две косы и заложены вокруг головы.

М а в к а

Вот, переоделась.

М а т ь

Теперь другое дело. Я пойду —
И той порою с птицею управлюсь;
Хотела я пойти на коноплю,
Да здесь еще не кончена работа,
Ты что-то к ней не очень...

М а в к а

Почему же?

Всем, что умею, рада я помочь.

М а т ь

Вот то и есть, что нет ни в чем уменя.
Ну никакого толку от тебя,
Сгребали сено — голова болела...
Как только жать ты будешь...

М а в к а

(в страхе)

Жать? Как можно!

Хотите вы, чтоб я сегодня жала?

М а т ь

А что ж такого? Разве нынче праздник?
(Берет за дверями в сенях серп и подает Мавке.)

Вот, на-ка серп — попробуй. Как управлюсь,
Так и сменю тебя.

(Идет за хату, взяв из сеней подситок с зерном. Вскоре слышно, как она зовет: «Цыпоськи! Цыпоськи! Тю-тю-тю! Тю-тю-тю! Цирр...»)

Лукаш выходит с топором и приближается к молодому грабу,
чтобы его срубить.

М а в к а

Не тронь, любимый, —
Ведь он сырой, ты видишь.

Л у к а ш

Не мешай!

Мне некогда!

(Мавка с грустью смотрит ему в глаза.)

Ну где мне взять сухого? ..

М а в к а

(быстро выволакивая из лесу сухое дерево)
Найду еще; а много ли их нужно?

Л у к а ш

Что ж? Разве я одним огорожу?

М а в к а

А почему ты стал так неприветлив?

Л у к а ш

Да видишь... мать все за тебя ругает! ..

М а в к а

Какое дело ей? И что ей нужно?

Л у к а ш

А как же? Я ведь сын ей...

М а в к а

Ну так что ж?

Л у к а ш

Невестка ей такая не по нраву...
Ведь род лесной она совсем не любит...
Свекрови доброй из нее не будет!

М а в к а

В лесу у нас нет никаких свекровей,
Невестки да свекрови — для чего,
Не понимаю!

Л у к а ш

Ей нужна невестка,
Нужна ей помощь, — мать уже стара;
Начни чужую заставлять работать —
Совсем не то... Работницы не дочери...
Ты, правда, этого не понимаешь...
Чтобы людские понимать заботы,
С людьми и вырасти, как видно, надо.

М а в к а

(искренне)

Ты Расскажи мне, я пойму, мой милый,
Ведь я тебя люблю... Я ж поняла
Все песни, что играл ты на свирели.

Л у к а ш

Да песни — что ж! Наука небольшая!

М а в к а

Не оскорбляй цветка своей души,
Ведь из него любовь созрела наша!
Он даже папоротника чудесней —
Он клады создает — не открывает.
Как будто у меня другое сердце
Тогда родилось вдруг. И в ту минуту
Не чудо ль огненное...

(Вдруг обрывает.)

Ты смеешься?

Лукаш

И вправду мне смешно как будто стало...
Одета ты, как в будни, а такое
Все говоришь, как проповедь на праздник.

(Смеется.)

Мавка

(держат на себе одежду)

Сожгу все это.

Лукаш

Чтобы мать бранила?

Мавка

Что ж, если для тебя в одежде этой
Я изменилась вдруг!

Лукаш

Так я и знал.

Теперь начнутся разные упреки...

Мавка

Нет, милый, я тебя не упрекаю,
А только — грустно, что не можешь ты
Своею жизнью по себе равняться.

Лукаш

Я как-то не пойму, что говоришь ты.

Мавка

Ведь я за то тебя и полюбила,
Чего ты сам в себе не понимаешь,
Хотя душа твоя поет об этом
Чистосердечно голосом свирели.

Лукаш

А что? Скажи...

Мавка

Оно еще прекрасней

Всей красоты твоей, хорошей, милой,
О нем в словах и я сказать не в силах. . .

(Грустно-влюбленно смотрит на него и молчит минуту.)

Сыграй ты мне, любимый, на свирели,
Пускай она все горе зачарует.

Л у к а ш

Ой, мне теперь играть совсем не время!

М а в к а

Так приласкай меня, чтоб я забыла
Весь этот разговор.

Л у к а ш

(оглядывается)

Цыц! Мать услышит!

Она и так тебя все называет
Пролазою.

М а в к а

(вспыхнув)

Тот, кто не вырос с вами,
Тот не поймет вас! Значит, я пролаза?
За что? За то, что так тебя люблю я?
Что первая сказала? Иль позорно,
Что не скуплюсь я сердцем, что сокровищ
Оно своих не прячет, только ими
Любимого так щедро одарило,
Не дожидаясь от него залога?

Л у к а ш

Надеялась, что расплачусь я после.

М а в к а

И снова странное какое слово —
«Я расплачусь». . . Ты мне принес дары,
Какие захотел, а я — свои,
Немерены, нечитаны. . .

Лукаш

Что ж, видно,
Никто из нас друг другу не должник,
О том сама сказала ты — запомни.

Мавка

Зачем все это я должна запомнить?

Мать

(выходит из-за хаты)

Ты так-то жнешь? А ты вот так городишь?

Лукаш поспешно поволок дерево за хату.

Что ж, коли, девонька, ты жать не хочешь,
То я не принуждаю. Как-нибудь
Сама управлюсь я, а там на осень,
Даст бог, найду себе невестку в помощь.
Есть вдовушка — проворная такая, —
Сама через людей она справлялась.
Да я сказала, что когда б Лукаш
Согласен был. . . Ну что ж, давай, голубка,
Мне, что ли, серп, — ведь нет у нас другого.

Мавка

Я буду жать. Идите к конопле.

Мать идет через поляну к озеру и скрывается за тростником. Мавка взмахивает серпом и наклоняется к житу. Из жита появляется Русалка полевая; зеленая одежда на ней просвечивает кое-где сквозь плащ золотых волос, которые покрывают всю ее небольшую фигурку; на голове синий венок из васильков, в волосах запутались розовые цветы куколя, ромашки, повилки.

Русалка полевая

(с мольбой бросается к Мавке)

Сестрица, пожалей!
Не погуби красы моей!

Мавка

Я должна. . .

Русалка полевая
Былинки уж посорваны,
Цветочки все оборваны,
Мои цветочки-звездочки
Все сорваны с бороздочки.
Мак мой жаром пламенел,
А теперь он почернел;
То не кровь ли пролилась,
На бороздке запеклась. . .

Мавка

Сестрица, я должна! Ведь через год
Еще пышней ты будешь красоваться;
Мое же счастье, коль теперь завянет,
То уж не встанет.

Русалка полевая

(ломает руки и шатается от горя, как от ветра колос)

Ой, горюшко! Коса моя!
Коса моя золотая!
Ой, горькое! Краса моя!
Краса моя молодая! . .

Мавка

Твоей красе недолго жить придется,
На то она растет, чтобы погибнуть.
Зачем меня о милости просить, —
Не я — другой придет ее сгубить.

Русалка полевая

Видишь, сестрица, как волны гуляют
С края до края.
Дай нам пожить среди вольного рая.
Видишь, как лето сияет,
Жито в полях еще не полегло, —
К нам неминучей беды не пришло!
Только минутку бы, только мгновение!
Скоро краса моя кончит цветение,
Ляжет на землю сама. . .
Сжался. Не будь, как зима,
Дай ты мне воли, избавь от страдания!

М а в к а

Рада б исполнить желание,
Только сама я теперь не на воле.

Р у с а л к а п о л е в а я

(шепчет, склонившись к плечу Мавки)

Но ведь могло же случиться, что в поле
Острым серпом ты поранила руку?
Сжался, взгляни ты на муку!
Капельки крови и той для спасенья довольно.
Стоит краса моя крови иль нет?

М а в к а

*(проводит себе серпом по руке, кровь брызжет на золотые косы
Русалки полевой)*

Вот тебе — видишь? — ответ!

Русалка полевая склоняется низко перед Мавкой, благодарит ее и исчезает в жите. От озера приближается мать, а за ней полнолицая молодца, в красном платочке с каймой, в темнокрасной юбке с мелкими и ровными сборками; в таких же сборках и зеленый фартук с нашитыми на нем белыми, красными и желтыми лентами; рубашка густо выткана красным и синим, монисто звенит монетами на белой, пухлой шее, крепкая кайма тесно перетягивает стан, и оттого круглая плотная фигура кажется еще пышней. Молодица идет быстрой походкой, старуха еле поспекает за ней.

М а т ь

(молодице, любезно)

Сюда, Кишинка, — здесь вот, у березы,
Найдете зелье. Вот тысячелистник, —
Хотели вы свои кувшины парить? —
Хорош он, милая, для молока.

К и л и н а

Куда девать мне молоко — не знаю!
Скорей бы ярмарка — куплю посуду.
Корова-то ведь турецкого завода —
Покойник мой купил еще, — такая
Молочная, и господи! Вот в поле
Я кое-как управилась, да надо
И в хате поприбраться бы. Ой, тетя,
Вдове — хоть надвое вот разорвися!

(Пригорюнилась, поджав губы)

М а т ь

Так вы уже управились с работой?
Что ж, работающий все в труде осилит.
А вот... у нас хоть маленькая нивка,
И то не спорится никак...

К и л и н а

(смотрит на ниву, где стоит Мавка)

А кто же

Там жнет у вас?

М а т ь

Да так, одна сиротка...

(Потихоньку.)

Но ни за что и взяться не умеет...

К и л и н а

(подходит с матерью к Мавке)

Ну, здравствуй, девушка! Как жнется нынче?

М а т ь

(всплескивает руками)

Ой, горюшко! Еще не начинала!
Ой ты, беда моя! Что за работа!
Бездельница! Негодница! Лентяйка!

М а в к а

(глухо)

Порезала я руку...

М а т ь

Отчего бы!

К и л и н а

А дай сюда мне серп — пусти-ка я.

Мавка прячет серп за спину и враждебно смотрит на Килину.

М а т ь

Давай, давай, коль говорят! Не твой!

Вырывает серп из рук Мавки и дает Килине; та набрасывается на жито и жнет, как огнем палит, даже солома свищет под серпом.

М а т ь

(довольная)

Ну и работница!

К и л и н а

(не отрываясь от работы)

А если б кто

Крутил мне перевесла, я бы враз
Всю нивку выжала.

М а т ь

(зовет)

Лукаш! Пойди-ка!

Л у к а ш

(выходит; Килине)

Бог помощь!

К и л и н а

(продолжая жать)

Благодарствую!

М а т ь

Лукаш,

Снопы вязать сможешь молодице,
А то «помощница» калекой стала.

Лукаш принимается вязать снопы.

Ну, жните, деточки, а я пойду

Да вам киселика сварю на полдник.

(Идет в хату.)

Мавка отошла к березе. Прислонилась к ней и сквозь длинные ветви смотрит на жнецов. Килина некоторое время так же старательно жнет, потом разгибается, выпрямляется, смотрит на склоненного над снопами Лукаша, усмехается, тремя широкими шагами подбегает к нему и звонко хлопает ладонью по плечу.

К и л и н а

А ну, быстрее! Ползешь ты, как улитка.
Работник тоже!

(Заливается смехом.)

Лукаш

(выпрямляется)

Быстрая какая!

Не трогай лучше! Я ведь поборю!

Килина

(бросает серп, подбоченивается)

А ну-ка! Кто кого — еще увидим!

Лукаш бросается к ней, она перехватывает руки; они «меряют силу», упираясь ладонями в ладони; некоторое время силы их равны, потом Килина немного подалась назад, громко смеясь и играя глазами; Лукаш, разгорячившись, широко раздвигает ей руки и хочет ее поцеловать, но в то время, когда его губы уже касаются ее губ, она подбивает его ногой, он падает.

Килина

(стоит над ним, смеясь)

А что? Кто поборол? Не я тебя?

Лукаш

(встает, тяжело дыша)

Подбить-то — это трудно ли?

Килина

Ах, так?

В хате стукнула дверь. Килина снова бросилась жать, а Лукаш вязать. Быстро загон потемнел от жнивья и покрылся снопами; несколько охапок жита на разложенных перевеслах лежат, как побежденные и еще не связанные пленники.

Мать

(с порога сеней)

Жнецы, кончайте! Полдничать идите!

Килина

Я кончила свое, а вон Лукаш
Никак не справится.

Лукаш

Да мне недолго.

М а т ь

Ну, так кончай, а вы сюда идите!

Килина идет в хату. Дверь закрывается. Мавка выходит из-под березы.

Л у к а ш

(немного смутился, увидев ее, но быстро оправился)

Ах, это ты? Вот довяжи снопы,
А я пойду.

М а в к а

Вязать мне не под силу.

Л у к а ш

Ну, так зачем следить сюда пришла ты,
Коли помочь не хочешь мне?

(Вяжет сам.)

М а в к а

Скажи ей,

Чтобы она сюда не приходила;
Я не люблю ее — она лукава,
Как выдра.

Л у к а ш

Ты ее совсем не знаешь.

М а в к а

Нет, голос я и смех ее слыхала!

Л у к а ш

Но этого ведь мало.

М а в к а

Нет, довольно.

И хищная она, как рысь.

Л у к а ш

Еще что?

М а в к а

Пускай она к нам больше в лес не ходит.

Л у к а ш

(выпрямляется)

Как будто ты лесной царицей стала, —
Кому-то в лес ходить ты разрешаешь,
Кому-то — нет.

М а в к а

(мрачно, с угрозой)

У нас в лесу есть ямы,
Прикрытые ветвями, буреломом, —
Ни зверь, ни человек их не заметит,
Пока не упадет...

Л у к а ш

И говорит ведь
О хитрости, лукавстве — уж молчала б!
Нет, я совсем не знал тебя, как видно.

М а в к а

Я, может, и сама себя не знала...

Л у к а ш

Так вот послушай: если я обязан
Тебя еще расспрашивать — кто смеет
Ко мне ходить, кто нет, то лучше сам я
Вновь из лесу отправлюсь на село.
Там как-нибудь с людьми не пропаду.
Здесь у тебя сидеть я не намерен,
Как лис в капкане.

М а в к а

На тебя капканов
Не ставила я. Ты пришел свободно.

Л у к а ш

А захочу, так и уйду свободно,
Никто ничем меня тут не привяжет!

М а в к а

А разве я хотела привязать?

• Л у к а ш

К чему вся эта болтовня пустая?

(Довязав последний сноп и не смотря на Мавку, пошел к хате.)

Мавка села на борозде и склонилась в грустном раздумье.

Д я д я Л е в

(выходит из-за хаты)

О чем, голубушка, ты загрустила?

М а в к а

(тихо, грустно)

Проходит лето, дядюшка...

Л е в

Об этом

Как не грустить! Да только мне казалось,
Что уж тебе к зиме не нужно вербы.

М а в к а

А где ж мне жить придется?

Л е в

Да по мне бы

Не тесною была б с тобою хата...
Что ж, если у сестры такой характер,
Что с ней не сговоришься. Я пытался
И так и этак... Да когда бы я
Был тут хозяином, то не спросил бы;
Но я уж отдал им надел и хату,
И воля не моя. Я сам к зиме
Опять в село, домой уйду отсюда...
Когда бы там могла ты поселиться,
Я принял бы тебя.

М а в к а

Нельзя мне, дядя...

Когда б могла, пошла б. Вы, дядя, добрый.

Л е в

Не человек, а хлеб; голубка, добрый.
А ведь и правда, крепко я лесную
Породу вашу полюбил. Вот буду
Я умирать — как зверь приду я к лесу,
Под этим дубом пусть и похоронят. . .
Ой, дуб ты мой, попрержнему ль ты будешь
Стоять, когда качнусь я головою? . .
Да где! Покрепче были ведь дубы,
И те повырублены. . . Зеленой же
Хоть до мороза, друг ты мой кудрявый,
А там. . . иль даст господь весны дожждаться? . .

(Стоит, грустно склонившись на палку.)

Мавка медленно выбирает полуувядшие цветы из снопов жита и складывает их в пучок. Из хаты выходят М а т ь, К и л и н а и Л у к а ш.

М а т ь

(Килине)

Куда спешите вы? Да посидите!

К и л и н а

Ой, что вы, тетенька, уж я пойду.
Смеркается — итти мне будет страшно.

М а т ь

Лукаш, ты проводил бы.

Л у к а ш

Что же, можно.

К и л и н а

(посматривая на него)

Поди, работа у него. . .

М а т ь

Какая

Работа вечером? Иди, сынок,
Да проводи Килинку до дороги.
Одной-то вечером в лесу тоскливо.
Хорошая такая молодлица,
А вдруг кто нападет.

К и л и н а

Ой, что вы, тетя!
Теперь меня совсем вы испугали!
Идем, Лукаш, пока не свечерело,
А то вдвоем бояться будем!

Л у к а ш

Я-то?
В лесу бояться? Ого-го! Нисколько!

М а т ь

Да у меня он хлопец молодец.
Вы зря его, Кишинка, не порочьте!

К и л и н а

Нет, это я шутя...

(Замечает Льва.)

О! Дядя Лев!
Вы дома?

Л е в

(делает вид, что недослышал)

А? Идите на здоровье.

(Идет в лес.)

К и л и н а

Ну, так бывайте, тетенька, здоровы!

Хочет поцеловать старуху в руку, но та не дает, обтирает себе рот фартуком и трижды, «с церемонией», целуется с Кишиной. Кишина, уже на ходу.

Так живы будьте, нас не позабудьте!

М а т ь

Здоровы будьте, да и к нам прибудьте!

(Идет в хату и закрывает дверь за собой.)

Мавка поднимается и тихой, словно усталой походкой идет к озеру, садится на согнутую вербу, склоняет голову на руки и тихо плачет. Начинает накрапывать мелкий дождик, густой сеткой заволакивает поляну, хату и лес.

Русалка

(подплывает к берегу и всматривается в Мавку, удивленная и заинтересованная)

Ты плачешь, Мавка?

Мавка

Разве никогда ты
Не плакала, Русалочка?

Русалка

О, я!

Коль я заплачу на одну минутку,
То должен кто-то досмерти смеяться!

Мавка

Русалка! Никогда ты не любила...

Русалка

Я не любила? Это ты забыла,
Что настоящею зовут любовью.
Любовь ведь, как вода, несет и кружит,
Играет, рвет, ласкает, нежит, топит.
Где жар — она кипит, а встретит холод —
И станет льдом. Моя любовь такая!
А вот твоя — соломенного духа,
Ребенок слабый. Клонится от ветра,
Под ноги стелется. А встретит искру —
Сгорает, не борясь, и остается
Лишь черный уголь от нее да пепел.
Когда же ею кто пренебрежет,
Она лежит и киснет, как солома,
В воде холодной и пустой досады,
Под горестным раскаянья дождем.

Мавка

(поднимает голову)

Раскаянья? Но ты спроси березу,
Не кается ль она за ночь былую,
Когда весенний ветер расплетал
Ей косу длинную?

Русалка

А что ж ей грустно?

М а в к а

Что милого она обнять не может,
К себе его навек прижать ветвями.

Р у с а л к а

А почему?

М а в к а

Да он весенний ветер.

Р у с а л к а

Зачем же было ей любить такого?

М а в к а

Он нежным был, тот юноша весенний,
Он с песнями ей раскрывал листочки;
Лаская, развевал он ей веночек
И с нежностью кропил росой косу...
Он настоящий был весенний ветер,
Другого бы она не полюбила.

Р у с а л к а

Ну, так пускай теперь опустит траур
Хоть до земли, она вовек не сможет
Обнять тот ветер — он уже промчался.

(Тихо, без плеска, отплывает от берега и исчезает в озере.)

Мавка вновь склонилась, длинные черные косы упали до земли. Подымается ветер и гонит седые тучи, а вместе с ними черные стаи птиц, отлетающих в теплый край. Потом от сильного порыва ветра дождевые тучи расходятся, и виден лес — уже в ярком осеннем уборе на фоне густосинего предзакатного неба.

М а в к а

(тихо, с глубокой грустью)

Да... он уже промчался...

Лесовик выходит из чащи. Он в длинном плаще цвета старого золота с темнокрасной полосой внизу, вокруг шапки обвита ветка созревшего хмеля.

Л е с о в и к

Дочка, дочка,
Наказана ты тяжко за измену!..

М а в к а

(поднимает голову)

Кому же изменила я?

Л е с о в и к

Себе.

Покинула высокие вершины,
На мелкие тропинки опустилась.
С кем, дочка, схожа ты? С простой служанкой,
Работницей, что горькою работой
Кусочек счастья получить хотела
И не смогла, и только стыд последний
Ей нищенкою стать еще мешает.
Припомни ты, какой была ты в ночь,
Когда любовь твоя лишь расцветала:
Тогда казалась ты лесной царевной,
Венок из звезд сиял на темных косах, —
Тогда и счастье руки простирало
К тебе так жадно и несло дары!

М а в к а

Так что же делать мне, когда все звезды
В венке и в сердце у меня погасли?

Л е с о в и к

Нет, для тебя не все венки погибли.
Ты оглянись вокруг, какой здесь праздник!
Плащ золотой надел уж ясьень-князь,
А роза дикая свои кораллы.
На гордый пурпур белизну сменила
Калина, что цветами вас венчала,
Где соловей пел свадебные песни.
И верба старая с березой грустной
Уж в золото и в пурпур убрались
На праздник осени, и только ты
Лохмотья нищенки не хочешь сбросить;
Забыла ты, что никакая скорбь
Вовек не может красоты осилить.

М а в к а

(порывисто встает)

Так дай одежды праздничные мне!
И снова буду я лесной царевной,

И счастье упадет к моим ногам,
Моей вымаливая ласки!

Л е с о в и к

Дочка,
Давно готово платье для царевны,
Да где-то все причудница скрывалась
И ради шутки нищенкой оделась.

(Раскрывает свою мантию и достает запрятанную под нею пышную, золотом вышитую порфиру и серебряную кисею, надевает порфиру поверх одежды на Мавку.)

Мавка идет к калине, быстро ломает красные кисти ягод, свивает венок, распускает косы, украшает венком голову и склоняется перед Лесовиком. Он набрасывает ей серебряную кисею на голову.

Л е с о в и к

Теперь-то за тебя уж я спокоен.

(Важно, кивнув ей головой, быстрой походкой идет в чащу и исчезает.)

Из лесу выбегает Перелесник.

М а в к а

Вновь ты?

(Хочет убежать.)

П е р е л е с н и к

(пренебрежительно)

Не бойся, не к тебе. Хотелось
Мне навестить Русалку, ту, что в жите,
Да, вижу, уж она заснула. Жалко...
Как ты бледна.

М а в к а

(гордо)

Тебе так показалось!

П е р е л е с н и к

Так показалось? Дай-ка присмотрюсь!

(Подходит к ней, Мавка отступает.)

Да ты чего пугаешься? Я знаю,
Что ты обручена, — не трону я.

М а в к а

Прочь! Не глумись!

П е р е л е с н и к

Да не сердись ты, — что ж,
Коли ошибся я... Послушай, Мавка,
Давай-ка побратаемся!

М а в к а

С тобою?

П е р е л е с н и к

А почему бы нет? Теперь, когда
По осени и солнце холодеет
И в нас остыла кровь. Ведь мы когда-то
С тобой друзьями были, а потом уж
Любили иль играли — трудно вспомнить, —
Теперь пора брататься. Дай мне руку!

Мавка несколько нерешительно подает ему руку.

Позволь же мне ты братским поцелуем
Лица коснуться бледного...

Мавка отстраняется, он все-таки ее целует.

Цвета ми

Лицо твое внезапно зацвело,
Невинными осенними цветами.

(Не выпуская ее руки, осматривается вокруг.)

Взгляни, как там летает паутина
И кружится, по воздуху качаясь...
Вот так и мы...

(Вдруг увлекает ее в танце.)

Так вот и мы —

Кинемся, ринемся

в танец и мы!

К звездам пречистым,

К искрам лучистым,

К ясным да красным огням золотистым,

Тем, что сверкают,
Тем, что летают,
Тем, что в круженье пылают, сгорают!
Так вот и я. . .
Так вот и я. . .
Будь же как искра, подружка моя!

(Быстро кружит ее в танце.)

Серебряная вуаль на Мавке взвилась вверх, как блестящая змейка, черные косы развились и смешались с огненными кудрями Перелесника.

М а в к а

Хватит! . . Ой, хватит!

П е р е л е с н и к

В щедрой растрате
Пусть, о любимая, сердце сгорит!
Счастье не вечно,
Так быстротечно, —
Тем и прекрасно, что вечно летит!

Танец становится безумным.

Сдружимся,
Скружимся,
Вихрем закружимся!
Встанем,
Достанем
Огнистого рая!

М а в к а

Хватит. . . Пусти меня. . . Я. . . умираю.

(Голова ее падает ему на плечо, руки опускаются, он мчит ее, утомленную, в танце.)

Вдруг из-под земли появляется темный, широкий, страшный
П р и з р а к.

П р и з р а к

Отдай, она моя! Пусти ее!

П е р е л е с н и к

(останавливается и выпускает Мавку из рук, она бессильно опускается на траву)

Кто ты такой?

Призрак

Иль ты меня не знаешь? —

«Тот, что в скале сидит».

Перелесник вздрогнул, быстрым движением кинулся прочь и исчез в лесу. Мавка очнулась, поднялась немного, широко раскрыла глаза и с ужасом смотрит на Призрака, протягивающий руки, чтобы взять ее.

Мавка

Нет, не хочу я!

Я не хочу к тебе! Ведь я живая!

«Тот, что в скале сидит»

Я поведу тебя в далекий край,
В тот край безвестный, к тихим, темным водам,
Что спят спокойно, как глаза умерших;
Немые скалы там стоят над ними
Свидетелями всех былых событий.
Спокойно там. Ни дерево, ни травы
Не шелестят, мечтами не томят,
Неверными, бессонными мечтами.
Туда и ветер не заносит песен
О недоступной воле; не горит
Огонь палящий; молнии с разлету
Ломаются о скалы и не могут
В твердыню тьмы и тишины пробиться.
Тебе и жить бы в том краю далеком:
Бледнеешь от огня, в движеньи млеешь,
Твое все счастье — тень. Ты нежива!

Мавка

(встает)

Нет! Я жива! И жить я буду вечно.
Есть в сердце у меня то, что бессмертно.

Призрак

Откуда ты об этом знаешь?

Мавка

Муку

Свою люблю, и ей даю я жить.
Когда бы захотеть могла я только
Ее забыть, пошла бы я с тобою,

Но никакая сила в целом свете
Желанного забвенья мне не даст.

В лесу слышится шорох человеческих шагов.

Вон тот идет, кто дал мне эту муку.
Сгинь, привиденье! Вот моя надежда!

«Тот, что в скале сидит» отступает в темную чашу и там затихает. Из лесу выходит Лукаш, Мавка идет навстречу Лукашу. Лицо ее выделяется смертельной бледностью на фоне яркого одеяния, умирающая надежда расширила ее большие темные глаза, движения ее порывисты и странны, словно что-то в ней обрывается.

Лукаш

(увидев ее)

Какая страшная! Чего ты хочешь?

*(Спешит к хате, стучит в дверь; мать открывает, не выходя.
Лукаш матери у порога.)*

Пора готовить, мама, сватам хлеб, —
Я завтра буду свататься к Килине!

Идет в хату, дверь закрывается. «Тот, что в скале сидит» выходит и приближается к Мавке.

Мавка

(срывает с себя порфиру)

Бери меня скорей! Хочу забвенья!

«Тот, что в скале сидит» прикасается к Мавке; она, крикнув, падает ему на руки; он набрасывает на нее свой черный плащ. Оба проваливаются в землю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вся в тучах, ветреная осенняя ночь. Последний желтый отблеск луны гаснет в хаосе голых ветвей. Стонут филины, хохочут совы, назойливо кричат пушкики. Внезапно все покрывается протяжным, тоскливым волчьим воем, он становится все сильнее, сильнее и вдруг обрывается. Наступает тишина.

Начинается болезненный рассвет поздней осени. Безлистый лес еле виднеется на пепельном небе черной щетиной, а внизу по опушке стелется рedeющий мрак. Проступают белые стены хаты Лукаша. У одной стены чернеет какая-то фигура, прислонившаяся в изнеможении к дверному косяку, в ней с трудом можно узнать Мавку; она в черной одежде, в серой непрозрачной кисее, только на груди красуется маленький калиновый пучок. Рассветает. На поляне виден большой пенёк, там, где стоял когда-то столетний дуб, а неподалеку от него свежая, еще не поросшая муравой могила. Из лесу выходит Лесовик в серой свитке и в шапке из волчьего меха.

Лесовик

(присматриваясь к фигуре у хаты)

Ты, дочка?

Мавка

Я.

Лесовик

Что ж, разве отпустил
Тебя назад «Тот, что в скале сидит»?

Мавка

Ты вызволил меня своим злодейством.

Лесовик

Отмщенье ты злодейством называешь?
Отмщенье то, что праведно воздал я
Тому, кто оскорбил тебя изменой?

Не справедливо разве, что узнал он
Отчаянье скитаний одиноких,
В подобье волчьем по лесу блуждая?
И вот теперь он оборотень дикий!
Пусть он скулит, пусть причитает, воеет,
Пусть человеческой он жаждет крови —
Он не погасит муки злой!

М а в к а

Но я
Его спасла, не радуйся же. В сердце
То слово я волшебное нашла,
Что зверя обращает в человека.

Л е с о в и к

(топает со злости ногой и ломает с треском свой посох)

Быть дочерью лесной ты недостойна!
Дух у тебя не вольный, не лесной,
А сельский, рабский!

М а в к а

О, когда б ты знал,
Когда б ты знал, как было страшно все.
Сном каменным заснула я в пещере,
Глубокой, черной, влажной и холодной,
Когда пробился искаженный голос
Сквозь стены неприступные, и вой
Протяжный, дикий горестно разнесся
По темным мертвым водам, и в ущельях
Он разбудил давно умерший отзвук...
И тут проснулась я. Огнем подземным
Моя печаль взорвала душный склеп,
И вырвалась я вновь на свет. И слово
Уста мои немые оживило,
И я свершила чудо... Я постигла —
Нигде забвенья мне не суждено.

Л е с о в и к

Где ж он теперь? Зачем он не с тобою?
Ужель его неблагодарность вечна,
Как и твоя любовь?

М а в к а

Ах, если б видел
Ты, дедушка!.. Он в образе людском
Упал к моим ногам, как будто яшень
Подрубленный, и поднял взгляд ко мне
Страдающий, исполненный печали,
В раскаянье горячем, без надежды...
Ведь только человек смотреть так может!..
Еще и слова не сказала я,
Как на ноги вскочил он, заслонился
Вдруг от меня дрожащими руками
И бросился, не говоря ни слова,
В овраг, в терновник, там исчез из глаз.

Л е с о в и к

Так что же собираешься ты делать?

М а в к а

Не знаю... Я теперь, как тень, блуждаю
У этой хаты и уже не в силах
Ее покинуть... Только сердцем слышу —
Вернется он...

Лесовик молча грустно качает головой. Мавка вновь прислоняется к стене.

Л е с о в и к

Несчастное дитя,
Зачем ушла от нас ты в край угрюмый?
Иль нет тебе в родном лесу покоя?
Смотри — уже и верба ждет тебя,
Она давно уж ложе постелила,
Грустит, не знает — где ты запропала.
Иди-ка, отдохни!

М а в к а

(тихо)

Нет, не могу я.

Лесовик, шумно вздохнув, медленно уходит в лес. Из лесу слышится отчаянный топот, словно кто-то во весь опор гонит коня, потом останавливается.

Куц

(выскакивает из-за хаты, потирая руки, и останавливается, увидев Мавку)

Ты, Мавка, тут?

М а в к а

А ты зачем тут рыщешь?

Куц

Я притащил коня за гриву в стойло.
Ну, повозил меня он напоследок,
Теперь уж никого не повезет!

М а в к а

Ты, ненавистный, опозорил лес!
Ты так-то с дядей уговор свой держишь?

Куц

Да уговор наш умер вместе с ним.

М а в к а

Как? Умер дядя Лев?

Куц

Вон и могила.
Под дубом схоронили, а пришлось вот
У пня ему покоиться, бедняге.

М а в к а

Да, оба полегли... Он словно знал,
Что зимовать ему уж не придется...

(Подходит к могиле.)

Ой, как же сердце плачет по тебе,
Мой друг единственный! Когда б мне слезы
Живительные, я б смочила землю,
Барвинок бы бессмертный на могиле
Твоей взрастила. А теперь бедна я,
И никнет скорбь моя, как мертвый лист...

Куц

Мне жалость не пристала, все ж я должен
Признаться — старика, конечно, жалко.

Умел он жить всегда в согласьи с нами.
Бывало держит черного козла
При лошадях, чтоб мог на нем я ездить.
Я молнией промчусь на нем бывало,
А лошади стоят себе спокойно.
Вот эти бабы жить-то не умеют,
Как надо, с нами, — продали козла,
Срубили дуб. Нарушили условие.
Ну, я ж им отплатил! Коней их лучших
Заездил насмерть, купят — вновь заезжу.
И ведьму, что чертовке повивалкой
Была, просил, чтоб скот их, не жалея,
Она испортила, — пускай же знают!
А Водяной стожок им подмочил,
А Потерчата хлеб им погноили,
А лихорадка их трясет за то,
Что засорили озеро пенькою.
В лесу теперь добра уж им не будет.
Здесь вот и Злыдни возле хаты ходят.

Злыдни

(маленькие, заморенные существа, с вечным мучительным выражением голода на лице, появляются из-за угла хаты)

Мы здесь. А кто зовет нас?

Мавка

(бросается им наперерез к двери)

Прочь! Уйдите!

Никто вас тут не звал!

Один Злыдень

Слетело слово —

Уж не вернется.

Злыдни

(обседают порог)

Мы изголодались!

Когда бы дверь скорее нам открыли!

Мавка

Я не пушу туда!

З л ы д н и

Так дай поесть нам!

М а в к а

(со страхом)

Но у меня нет ничего. . .

З л ы д н и

Отдай же

Калину ту, что возле сердца! Дай!

М а в к а

То кровь моя!

З л ы д н и

Пускай! Мы любим крови!

Один Злыдень бросается ей на грудь, сосет калину; другие держат его, чтоб и самим попробовать; грызутся между собой и рычат, как собаки.

К у ц

Не человек она — постойте, Злыдни!

Злыдни останавливаются, стучат зубами и свищут от голода.

З л ы д н и

(Куцу)

Давай нам есть, а то тебя съедим.

(Бросаются к Куцу, тот отскакивает.)

К у ц

Ну-ну! Потише!

З л ы д н и

Мы изголодались!

К у ц

Вы подождите, баб я разбужу,
Вот будет вам еда, а мне забава.

(Берет комок земли, бросает в окно и разбивает стекло.)

Голос матери Лукаша

(в хате)

Ой! Что такое? Снова эта нечисть?

Куц

(Злыдням, шепотом)

А, видите, — проснулась. Вот уж скоро
Вас позовет. Теперь сидите тихо,
А то старуха заклянет вас так,
Что вы провалитесь, — она умеет.

Злыдни съеживаются у порога темной кучей. Из хаты, сквозь разбитое окно, слышно, как встает мать, потом доносится ее голос, а затем голос Килины.

Голос матери Лукаша

Уже и рассвело, а та все спит.
Килина! Эй, Килина! Ну, и спит же!
Чтоб ты навек заснула. . . Встань! Эй, встань,
А чтоб ты век не встала!

Голос Килины

(сквозь сон)

Да чего там?

Мать

(язвительно)

Пора уже доить тебе корову,
Породистую турецкого завода,
Ту, что купил еще твой муж-покойник.

Килина

(уже проснувшись)

Нет, подою я ту, что тут застала,
Да нацежу три капли молока —
Фунт масла будет.

Мать

Вот ведь не смолчит!
Кто виноват, что нет у нас удоя?
С такой, как ты, хозяйкой. . . ох, и горе!
Ну и невесточка! И где взялась ты
На нашу голову?

К и л и н а

А кто ж велел
Меня вам сватать? Ведь у вас была
Какая-то грязнуха, — надо б вам
Принять ее, одеть бы хорошенько,
Вот и была б вам добрая невестка!

М а т ь

А что ж ты думаешь? Вот и была б.
Лукаш-то глуп — он зря тебя посватал;
Она была такой послушной, доброй,
Прикладывай хоть к ранам. . . Называешь
Ее неряхой, а, гляди, сама
Зеленое-то платье перешила
Да и таскаешь — хоть бы постыдилась!

К и л и н а

Да уж у вас походишь в новом, как же!
Вон муженька все где-то ветер носит,
А ты бедуй с свекровушкой проклятой,
Не то жена, не то вдова — оторвыш!

М а т ь

Какой бы муж с тобою усидел?
Беда лихая! Все что было — съела
С детишками своими, — вон сидят!
Чтоб вас самих вот так заели злыдни!

К и л и н а

Пускай того едят, кто их зовет!

При этих словах открывает дверь из хаты.

Куц убегает в болото. Злыдни вскакивают и вбегают в сени. Килина с ведрами в руках быстро пробегает к лесному потоку, с грохотом набирает ведром воду и возвращается назад медленной походкой. Замечает близ дверей Мавку, та стоит у стены обессиленная, опустив серую кисею на лицо.

К и л и н а

(останавливается и ставит ведро на землю)

А это кто? Очнись, пьяна ты, что ли?
Или замерзла?

(Тормошит Мавку за плечо.)

М а в к а

(через силу борется с тяжелой усталостью)

Сон одолевает...

Вновь зимний сон...

К и л и н а

(открывает ей лицо и узнает)

Зачем сюда пришла?

Тебе не заплатили за работу?

М а в к а

(как и прежде)

Да мне никто и заплатить не может.

К и л и н а

К кому же ты пришла? Его здесь нет.

Я знаю, ты к нему пришла? Признайся —

Он твой любезный?

М а в к а

(так же)

Тогда чудесный

Рассвет был ясный, не как сейчас...

Он уж погас...

К и л и н а

Ты безрассудна!

М а в к а

(так же)

Вольно мне, чудно...

Тучка по небу плывет, бесприютно,

Грустно идет, бесприветно блуждая...

Молния где ж голубая?

К и л и н а

(дергает ее за руку)

Прочь! Не морочь меня! Что ты стоишь?

М а в к а

(как бы приходя в сознание, отступает от дверей)

Стою да смотрю, как живете счастливо.

К и л и н а

Стояла б ты лучше, как чудо, как диво!

Мавка превращается вдруг в вербу с сухой листвою и плакучими ветками.

К и л и н а

(придя в себя от изумления, враждебно)

Ага! Я в добрый час тебе сказала!

Ну-ну, теперь недолго настоишься! . .

М а л ь ч и к

(выбегает из хаты; Килине)

Ой, мама, где вы? Хочется нам кушать,

А бабка не дает!

К и л и н а

Да отвяжись ты!

(Потихоньку, наклонившись к нему.)

Я там пирог припрятала под печью;

Как бабка выйдет в кладовую — съешьте.

М а л ь ч и к

Кто здесь воткнул сухую вербу, мама?

Скажи, зачем?

К и л и н а

И все-то знать ты хочешь.

М а л ь ч и к

Я срежу дудочку.

К и л и н а

Режь, мне не жалко!

Мальчик срезает ветку с вербы и возвращается в хату. Из лесу выходит Лукаш. Худой, с длинными волосами, без свитки, без шапки.

К и л и н а

(вскрикивает радостно, увидев его, но тотчас же досада сдерживает ее радость)

Ага, явился! Где тебя носило

Так долго?

Лукаш
Не скажу.

Килина
Ишь, «не скажу»!
Таскался, шлялся где-то, — леший знает
Где, по каким краям, да «не скажу»!
Ой, милый, мне и спрашивать не надо...
Ведь знаю я, что есть корчма на свете,
Где до сих пор гуляет свитка с шапкой.

Лукаш
В корчме я не был.

Килина
Кто, дурак, поверит!
(Причитает.)

Сгубила я головушку навеки
С тобою, пьяницей!

Лукаш
Молчи! Не вой!

Килина останавливается, взглянув на него со страхом.

Вот я теперь поговорю с тобою!
Где дядин дуб? Один пенек торчит!

Килина
(сначала смутилась, но быстро оправилась)
А что ж нам было с голоду-то делать?
Пришли купцы, купили, да и все.
Большое счастье — дуб!

Лукаш
Но дядя Лев
Поклялся не рубить его.

Килина
Так дяди
На свете нет, — что значит эта клятва?

Когда бы ты поклялся или я?
Да я весь этот лес продать бы рада
Иль вырубить, — тогда б земля была,
Как у людей, взамен чертовской пуши.
А тут, как вечер, — высунуться страшно!
И что нам толку жить в таком лесу?
Блуждаем в нем, как оборотни-волки,
И скоро впрямь по-волчьи мы завоем!

Лукаш

Цыц! Цыц! Молчи! Молчи!

(В голосе его слышится безумный страх.)

Что говоришь ты?
Продать нам лес... срубить... и вот тогда уж
Не будет так... Как ты сказала?

Килина

Как?

Что волк...

Лукаш

(закрывает ей рот)

Не говори!

Килина

(освободившись от него)

Побойся бога!

Ты пьян, иль одурел, или кто сглазил?
Иди-ка в хату.

Лукаш

Я сейчас... иду...

Вот только... только бы воды напиться.

(Становится на колени и пьет из ведра. Потом встает и смотрит задумчиво перед собой, не двигаясь с места.)

Килина

Ну? Что ж ты думаешь?

Лукаш

Я? Так... не знаю...

(Нерешительно.)

Никто тут не был без меня?

Килина

(жестко)

А кто же

И быть тут мог?

Лукаш

(опустив глаза)

Не знаю...

Килина

(злобно усмехнувшись)

Ты не знаешь,

Да, может, я-то знаю.

Лукаш

(тревожно)

Ты?

Килина

А что ж?

Я знаю ведь, кого ты ожидаешь,
Да только зря. Напрасно будешь ждать!
А то, что было, превратилось в столб...

Лукаш

Что говоришь ты?

Килина

То, что слышишь.

Мать

(выбегает из хаты и бросается с объятиями к Лукашу. Он холодно принимает это приветствие)

Сын мой!..

Сыночек мой! Ой, столько натерпелась
Я с этой ведьмою!

Лукаш
(вздвргнув)
С какой?

Мать
(показывает на Килину)
Вот с этой!

Лукаш
(презрительно усмехаясь)
И это ведьма? Видно, суждено вам
Теперь свекровью ведьмовской назваться.
Кто ж виноват? Ведь вы ее пригрели.

Мать
Когда б я раньше знала, что она
Неряха, нерачительница! . .

Килина
(вступает в разговор)
Горе!
Кто б говорил! А уж таких-то ведьм,
Таких нерях, как ты, не видел свет!
И мать же у тебя, Лукаш, ой, злюка!
Железо дай — перегрызет!

Лукаш
А ты,
Как видно, крепче самого железа.

Килина
Уж от тебя защиты не дожидаться!
Какая мать, такой же и сынок!
С какого ж горя брал меня? Чтоб только
Мной помыкать?

Мать
(Лукашу)
Да неужели ты
Ей не прикажешь рот закрыть? За что я
Должна терпеть попреки от нее?

Лукаш

Ну дайте же вы мне хоть час покоя!
Вам хочется, чтоб я не только хату —
И свет покинул. И покину, что ж!

Килина

(матери)

Что? Дождалась?

Мать

Тебе б того дожждаться

От сына своего.

(Рассеянная, идет к хате, на пороге встречается с Килининым сыном; он выбегает с дудочкой в руках.)

Уйди ты, злыдень!

(Толкает мальчика и входит в хату, хлопнув дверью.)

Мальчик

Вы, тятенька, пришли?

Лукаш

Да, мой сыночек.

(Слово «сыночек» насмешливо подчеркивает.)

Килина

(обиженно)

Ну, так скажи ему, как должен звать он, —
Не дядькой ли?

Лукаш

(несколько пристыженный)

Да я ведь ничего...

Иди, иди сюда, малыш, не бойся.

(Гладит мальчика по белой головке.)

Сам, что ли, сделал дудочку-то?

Мальчик

Сам.

А как играть — не знаю. Кабы вы!..

(Протягивает Лукашу дудочку.)

Лукаш

Моя игра давно уж миновала! . .

(Грустно задумывается.)

Мальчик

(хныча)

И. . . Значит, не хотите вы? Ну, мама,
Ну почему мне тятя не сыграет?

Килина

Еще чего! Изволь ему играть!

Лукаш

А дай сюда мне дудку.

(Берет дудку.)

Неплохая.

Из вербы сделал?

Мальчик

Как же, вот из этой.

(Показывает на вербу, в которую превратилась Мавка.)

Лукаш

Ее я здесь еще не видел будто.

(Килине)

Ты посадила?

Килина

Кто ее сажал?

Торчал сучок от вербы и разросся.

Тут, как в воде, растет все — ведь дожди!

Мальчик

(капризно)

Что ж не играете?

Лукаш
(задумчиво)

Сыграть мне, что ли?

(Начинает играть, сначала тихо, затем громче, переходит вскоре на ту веснянку, которую играл когда-то Мавке. Голос дудки начинает говорить словами)

«Сладко он играет,
Душу надрывает,
Грудь мне белую терзает, сердце вынимает. . .»

Лукаш
(выпускает из рук дудку)

Ой! Что это за дудка? Чары! Чары!

Мальчик, испугавшись крика, убежал в хату.

Скажи, колдунья, что это за верба?

(Хватает Килину за плечо.)

Килина

Да отвяжись ты, я откуда знаю?
С лесным отродьем я ведь не знакома
Так, как твоя родня. А если хочешь,
Возьми топор, сруби ее: не жалко!

(Протягивает ему из сеней топор.)

Лукаш

(взяв топор, подошел к вербе, ударил по стволу; она вздрогнула и зашелестела сухой листвой. Он замахнулся вторично — и опустил руки)

Нет, не поднять мне рук, нет, не могу я. . .
И что-то сердце сжало. . .

Килина

Дай-ка я!

(Вырывает у Лукаша топор и широко замахивается на вербу.)

В этот миг с неба огненным змеем-метеором слетает Перелесник и обнимает вербу.

Перелесник

Я выручу тебя, моя голубка!

Верба вдруг вспыхивает огнем. Достигнув вершины, огонь перебрасывается на хату; соломенная крыша занимается, пожар быстро охватывает хату. Мать Лукаша и дети Килины выбегают из хаты с криком: «Горит! Горит! Спасайте, ой, пожар!..»

Мать с Килиной суетятся, выхватывая из огня все, что только можно выхватить, и на мешках и узлах выносят скорчившихся Злыдней, которые потом прячутся в мешки. Дети бегают с ведрами к воде, заливают огонь, но он еще сильнее разгорается.

М а т ь

(Лукашу)

Что ты стоишь? Спасай свое добро!

Л у к а ш

(уставив глаза в стропила, покрытые кудрявым огнем, как цветами)

Добро? А может, там и зло сгорает?

Стропила с треском рушатся, искры столбом взвиваются высоко вверх, потолок проваливается, и вся хата превращается в костер. Приближается тяжелая белая туча, идет снег. Скоро сквозь белый снеговой заслон никого не видно, только багряное колеблющееся пятно обозначает место пожара. Затем багряное пятно гаснет, и когда снег редет, то открывается черное пожарище, оно дымит и шипит от сырости. Матери Лукаша, детей Килины и узлов с добром уже не видно. Сквозь снег виднеется недогоревший сенной сарай, телега и еще кое-что из предметов крестьянского обихода.

К и л и н а

(с последним узлом в руках, дергает Лукаша за рукав)

Лукаш!.. Что ты стоишь? Остолбенел?

Помог бы мне носить узлы-то!.. Слышишь?

Л у к а ш

Уж вы и Злыдней всех повиносили.

К и л и н а

Да прикуси язык! Что говоришь ты?

Л у к а ш

(смеется тихим, странным смехом)

Я вижу то, чего тебе не видно...

Теперь я мудрый...

К и л и н а

(испуганно)

Что ты говоришь?
Ой, муженек, мне страшно... Что с тобою?

Л у к а ш

Чего боишься? Дурня не боялась,
А мудрого боишься?

К и л и н а

Ой, Лукашик,
Пойдем-ка на село!

Л у к а ш

Я не пойду.
Я не пойду из леса. Здесь останусь.

К и л и н а

Да что ж ты будешь делать здесь?

Л у к а ш

А надо
Все что-то делать?

К и л и н а

Как же будем жить мы?

Л у к а ш

А надо жить?

К и л и н а

Да что на самом деле,
Или с ума сошел ты, или что?
С испугу все с тобою приключилось.
Пойдем скорей в село, покличу бабку,
Чтоб выгнала испуг!

(Тянет его за руку.)

Л у к а ш

(смотрит на нее с беспечной улыбкой)

А кто же тут
Огарки эти будет караулить?

(Показывает на телегу и утварь.)

К и л и н а

(хозяйственно)

Ой, правда ведь! Еще и порасташат!
Как только вот узнают, что горело,
Так из села и набегут людишки!
Так ты уж, что ли, тут, Лукаш, останься.
Я побегу да выпрошу лошадок, —
Ведь наши-то все в стойле погорели! —
Всё на воз соберем да и отправим
К родным твоим, попросим, чтоб пустили...
Ой, горе! Надо ж как-нибудь спастись...

Последние слова произносит, уже убегая в лес. Лукаш провожает ее тихим смехом. Вскоре она скрывается из виду. Из лесу приближается какая-то высокая женская фигура в белой длинной рубаше и в белом, повязанном по-старинному, кисейном платке. Она идет пошатываясь, словно от ветра, падает, порой останавливается и низко нагибается, как будто ищет чего-то. Подойдя ближе, она останавливается возле кустов ежевики, растущих неподалеку от пожарища, выпрямляется, и тогда видно ее похудевшее лицо, похожее на лицо Лукаша.

Л у к а ш

Кто ты, скажи? Зачем сюда явилась?

Ф и г у р а

Я — несчастная Доля.
Ох, меня в эти дебри
Завело своеволие.
А теперь я страдаю,
Словно тень я блуждаю,
Низко припадаю, тропочки не знаю
К невозвратному раю.
Ой, уж, видно, ту тропку
Белым снегом укрыло...
Ой, себя в этих дебрях
Я навек схоронила...

Л у к а ш

Ты сломи, моя Доля,
Хоть вон ту ежевинку,
Чтоб себе размести, по снегам провести
Небольшую тропинку.

Доля

Ой, когда-то здесь по лесу
Я весною ходила,
Для приметы по тропочкам
Дивоцветы садила.
Ты сломал дивоцветы,
Смяли их твои ноги...
Все кругом бурьяны, где искать я стану,
Где искать дороги?

Лукаш

Разгреби, моя Доля,
Хоть руками долинку;
Не найдешь ли под снегом
Дивоцвета былинку.

Доля

Холодны мои руки,
Я и пальцем не двину...
Горько я рыдаю, вижу я и знаю,
Что я скоро сгину.

(Застонав, движется.)

Лукаш

(протягивая к ней руки)

Как прожить мне без счастья —
Ты скажи, посоветуй!

Доля

(показывает на земле у него под ногами)

Одиноким, забытым,
Веткой срезанной этой.

(Идет, шатаясь, и исчезает в снегах.)

Лукаш наклоняется к тому месту, которое показала Доля, находит брошенную им дудку из вербы, берет ее в руки и идет по белой поляне к березе. Садится под длинными, поседевшими от снега ветвями, вертит в руках дудочку, порой улыбаясь, как ребенок.

Легкая, белая прозрачная фигура, напоминающая лицом Мавку, появляется из-за березы и склоняется над Лукашом.

Ф и г у р а М а в к и

Сыграй, сыграй, подай ты сердцу голос!
Ведь от меня оно одно осталось.

Л у к а ш

А, это ты?.. Ты упырем пришла,
Чтоб выпить кровь мою. Что ж, выпей, на!

(Открывает грудь.)

Живи моею кровью. Так и надо,
Я сам тебя ведь погубил...

М а в к а

Нет, милый,
Ты дал мне душу так, как острый нож
Дает беззвучной вербной ветке голос.

Л у к а ш

Я душу дал? А тело уничтожил!
Кем стала ты теперь? Ты — призрак! Тень!

(С невыразимой тоской смотрит на нее.)

М а в к а

О, не жалею мое тело!
Ясным огнем засветилось оно,
Чистым и ярким, как будто вино,
Вольными искрами к небу взлетело,
Легкою нежной золой
Ляжет, как в землю родную вернется,
Новою вербою к солнцу пробьется,
Новым началом конец будет мой.
Станут ходить ко мне люди,
Много людей отовсюду придут,
Радость и горе свое принесут,
Сердце мое говорить с ними будет,
В горестях радовать их
Шелестом веточки вербной негромкой,
Голосом дудочки нежной и тонкой,
Грустными росами с веток моих.

Я им спою все, что знаю,
Все, что когда-то ты мне напевал,
Все, что весенней порою играл,
Все, что теперь вспоминаю...
Милый, играй, умоляю!

Лукаш начинает играть. Сначала игра его грустна, как зимний ветер, как сожаление о чем-то потерянном и незабвенном, но вскоре побеждающая песнь любви покрывает печаль. Как меняется музыка, так меняется зима вокруг: береза шелестит кудрявой листвой, весенние звуки откликаются в зацветающем лесу, тусклый, зимний день сменяется ясной, лунной весенней ночью. Мавка вспыхивает вдруг прежней красотой в звездном венке. Лукаш бросается к ней с призывом счастья.

Ветер сбивает белый цвет с деревьев. Цвет летит, летит и закрывает влюбленную пару, а затем переходит в густую метель. Когда она немного утихла, виден вновь зимний пейзаж с тяжелым навесом снега на ветвях деревьев. Лукаш сидит один, прислонившись к березе, с дудкой в руках, глаза у него закрыты, на губах застыла счастливая улыбка. Он сидит неподвижно. Снег шапкой налег ему на голову, запорошил всю фигуру и падает, падает без конца...

ПРИМЕЧАНИЯ

Лирика и поэмы Леси Украинки, вошедшие в этот том, были частью опубликованы при жизни поэтессы в периодических изданиях, альманахах и отдельных сборниках, частью обнаружены в рукописных архивах Леси Украинки, хранящихся в Институте украинской литературы Академии наук УССР в Киеве. В настоящее время начато украинское издание пятитомного собрания сочинений Леси Украинки. Коллектив сотрудников Института и редакционная коллегия собраний сочинений Леси Украинки, в составе: Бажан М. П., Грудницкая М. С., Дмитерко Л. Д., Малышко А. С., Новиков М. И., Рыльский М. Т., Тычина П. Г., заново пересмотрели все тексты произведений поэтессы и устранили многие неточности и искажения предшествовавших изданий.

Русские переводы, выполненные для данного тома, выверены в соответствии с украинскими текстами, подготовленными Институтом украинской литературы Академии наук УССР, любезно предоставившим эти тексты нашей редакции.

Леся Украинка выпустила следующие сборники стихотворений и поэм:

I. «На крилах пісень». Твори Лесі Українки. Львів, 1893 («На крыльях песен». Произведения Леси Украинки. Львов, 1893).

II. «На крилах пісень». Збірник творів. Київ, 1904 («На крыльях песен». Сборник произведений. Киев, 1904).

Львовское издание сборника выходило под наблюдением Ивана Франко, который был поэтическим учителем Леси Украинки. В письме поэтессы к И. Франко от 20 апреля 1892 года заключается просьба присмотреть за изданием «На крыльях песен». Поэтесса выражает слабую надежду на то, что ее первая книжка «проникнет на Украину». Действительно, острота политических стихов, вошедших в сборник, являлась серьезным препятствием для его распространения в царской России.

Киевское издание сборника «На крыльях песен» 1904 года коренным образом отличается от львовского: в нем очень много пропусков отдельных строк и целых стихотворений, и многие из них искажены до неузнаваемости. Помимо строгой царской цензуры книга прошла еще редакцию матери поэтессы, Олены Пчилки, которая старалась изгнать революционный дух из поэзии Леси Украинки.

Кроме этих изданий Леся Украинка выпустила еще два сборника:

III. «Думи і мрії». Поезії Лесі Українки. Львів, 1899 («Мечты и думы». Стихотворения Леси Украинки. Львов, 1899).

IV. «Відгуки». Поезії. Чернівці, 1902 («Отзвуки». Стихотворения. Черновцы, 1902).

Ненапечатанные при жизни поэтессы стихотворения собраны в сборнике:

V. Л е с я У к р а ї н к а. Неопубліковані твори. З рукописів підготувала до друку Марія Деркач. Видавництво «Вільна Україна», Львів, 1947 (Л е с я У к р а ї н к а. Неопубликованные произведения. По рукописям подготовила к печати Мария Деркач. Издательство «Вольная Украина», Львов, 1947).

Русский читатель получил возможность ознакомиться с творчеством Леси Украинки сравнительно недавно. В 1946 году Гослитиздат выпустил однотомник произведений Леси Украинки (Л е с я У к р а ї н к а. Избранное.) В 1950 году в Гослитиздате вышло трехтомное собрание сочинений Леси Украинки под редакцией М. Рыльского, Н. Брауна и А. Дейча, в которое вошли лирика, поэмы, драматические произведения, рассказы, статьи и избранная переписка.

В примечаниях, помещенных ниже, указано место и время первой публикации произведений.

ЛИРИКА

Надежда. Стихотворение написано по поводу ссылки в Сибирь тетки поэтессы, Елены Антоновны Косач. Она заведовала дневным приютом для детей рабочих в Киеве и была сослана в 1878 году за революционную деятельность (см. Био-библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», т. II, М., 1930, стр. 658—659). Стихотворение впервые напечатано с подзаголовком «Песня изгнанницы» во львовском журнале «Зоря», 1887, № 24, стр. 413. Дата написания: 1880 год, Луцк.

Поркою. — «Зоря», 1888, № 4, стр. 63.

Путешествие к морю. Цикл из девяти стихотворений написан в 1888 году под непосредственным впечатлением от путешествия Леси Украинки к Черному морю. Интересно отметить реалистический колорит всего цикла. Так, например, поэтическое описание турецкой крепости в Аккермане (VII) во всех подробностях схоже с впечатлениями поэтессы, переданными ею в письме к брату Михаилу: «Вот страшное сооружение, будь оно проклято! Высокие, массивные, толстые стены, — такие, что комнаты в них выдолблены, словно келейки; башни круглые, громоздкой архитектуры, в башнях погреба и темницы с железными решетками (верно, тут когда-то наши казаки сидели), а теперь растут дикие травы да цветы. Мама сказала: «Ведь все это из наших казаков выросло». Мы сорвали два цветка на память и поспешили на пароход, прочь от этой крепости...» (Л е с я У к р а ї н к а. Собр. соч., т. III, стр. 145. Гослитиздат, М., 1950).

Впервые цикл напечатан в сб. «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 49.

Посещения. — «Зоря», 1889, № 2, стр. 25.

Природе. — «Зоря», 1889, № 8, стр. 133.

Начало весны. — «Зоря», 1889, № 9, стр. 150.

Певец. — «Зоря», 1889, № 21, стр. 350—351.

Вечерний час. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 39.

Узник. — «Зоря», 1889, № 23, стр. 385.

К моему фортепьяно. — «Зоря», 1892, № 8, стр. 149—150.

На старинный мотив. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 41.

Веснянка. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 107.

Олеся Зирка — литературный псевдоним сестры Леси Украинки — О. П. Косач.

Contra sрет srego. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 13—14.

Мой путь. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 16.

Когда я утомлюсь. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 14.

Повсюду плач. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 38.

«За правду встанем единой ратью...» — При жизни поэтессы не напечатано. Русский перевод — по черновому автографу поэтессы, относящемуся к 1890 году.

«Шлю листок тебе... издали...» — «Неопубликовані твори», 1947, стр. 74—75. Приблизительная дата написания — 1890 год. Стихотворение обращено к А. Е. Судовщиковой (см. примечание к стихотворению «Сон»).

В детском хороводе. (Цикл).

I. «На зеленом бугорочке...» — Альманах «Перший вінок», Львов, 1887, стр. 176—177.

II. «Лето красное минуло...» — Альманах «Перший вінок», Львов, 1887, стр. 230—231, под заголовком «Поле».

III. «Мама, зима настає...» — Журнал «Дзвінок», Львов, 1890, № 22, стр. 169 (с вариантом).

IV. «Гешься, играй, пока детство не минет». — Впервые напечатано в «Ілюстрованій бібліотеці для молодіжі, міщан і селян», Черновцы, 1891, стр. 33, под заголовком «До руської дитини».

Черешенки. — «Дзвінок», 1891, № 14, стр. 115.

Крымские воспоминания. Этот цикл стихотворений отражает впечатления Леси Украинки от яркой, живописной природы Крымского полуострова. Поэтесса связывает эти впечатления с историей Крыма и с поэтическими образами произведений Пуш-

кина и Мицкевича, навеянными прошлым Крыма. В этом отношении знаменательна переключка Леси Украинки с Пушкиным в стихотворениях «Бахчисарай» и «Бахчисарайский дворец» и с Мицкевичем в стихотворении «Бахчисарайская гробница».

В стихотворении «Домик Надсона в Ялте» Леся Украинка отдает дань уважения памяти С. Я. Надсона (1862—1887), умершего в Ялте. Леся Украинка хотела видеть в поэзии Надсона благородные порывы к свободе и справедливости и объясняла его упадочные, пессимистические настроения тем, что он был трагической жертвой эпохи самодержавного произвола и безгласия.

Слова «огни догорели» и «цветы облетели» в этом стихотворении являются цитатами из Надсона.

Стихотворения, входящие в цикл «Крымские воспоминания», напечатаны впервые.

Запев. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 66. Посвящается брату поэтессы, Михаилу Косачу. *Михаил Петрович Косач* (1869—1903) — старший брат Леси Украинки, друг и поверенный в ее литературных делах. Математик, воспитанник Киевского и Дерптского университетов, доцент и профессор Харьковского университета. Не был чужд писательских интересов, писал под псевдонимом Михайло Обачный.

I. Морская тишина. — «Зоря», 1891, № 18 (под заглавием «Над морем» с мелкими вариантами).

II. Пой, моя песня. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 68.

III. Бессонная ночь. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 68.

IV. На челне. — «Зоря», 1893, № 12.

V. Непогода. — «Зоря», 1893, № 12.

VI. Мердвен. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 73.

VII. Байдары. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 73.

VIII. Татарочка. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 74.

IX. Бахчисарай. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 75.

X. Бахчисарайский дворец. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 75.

XI. Бахчисарайская гробница. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 76.

XII. Домик Надсона в Ялте. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 77.

Слезы — перлы. Этот цикл является ярким образцом политической лирики Леси Украинки. По силе патриотического чувства и задушевности Иван Франко сравнивал «Слезы — перлы» с знаменитым «Завещанием» Тараса Шевченко.

I. О милая родина!.. — Журнал «Народ», Львов, 1891, № 7.

II. В слезах я стою. — «Народ», 1891, № 7.

III. Все наши слезы. — «Народ», 1891, № 7.

Как придет грусть-тоска. — «Зоря», 1891, № 15, стр. 286—287 (под заглавием «Розвага»).

Сон. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 32 (с вариантом). Посвящается Александре Судовщиковой (1867—1942), украинской писательнице (псевдоним Грицько Григоренко), ставшей женой брата Леси Украинки, Михаила Косача.

В путь. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 44, с подзаголовком: «На мотив Шумана».

Предраассветные огни. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 25.

Сосна. — «Зоря», 1893, № 19, стр. 368.

Сон в летнюю ночь. — «На крыльях песен», Львов, 1893, стр. 35.

Мелодии.

I. Ночь была и тиха и темна... — «Мечты и думы», стр. 47.

II. Этой песни не пойте... — «Мечты и думы», стр. 47.

III. Горит мое сердце... — «Мечты и думы», стр. 48.

IV. Вновь весна. — «Мечты и думы», стр. 48.

V. Гляжу я на ясные звезды... — «Мечты и думы», стр. 49.

VI. Стояла я и слушала весну... — «Мечты и думы», стр. 49.

VII. Хотела бы песнею стать я... — «Зоря», 1894, № 2, стр. 35—36.

VIII. Победа. — «Мечты и думы», стр. 50.

IX. Музе. — «Мечты и думы», стр. 51.

X. Эта тихая ночь... — «Мечты и думы», стр. 51.

XI. Давняя весна. — «Мечты и думы», стр. 52.

XII. В ненастную тучу... — «Мечты и думы», стр. 53.

Стихотворение перекликается с «Песнью о Буревестнике» М. Горького.

Романсы.

I. Вопрос. Это стихотворение, так же как и II. «Ответ» — впервые напечатаны в журнале «Життя і революція», 1928, кн. II, стр. 154.

III. На мотив из Мицкевича. — Сборник «Арго», 1914, кн. 1, стр. 40.

Цикл «Романсы» озаглавлен только в рукописях Леси Украинки; в печати такой заголовок никогда не появлялся.

Невольничьи песни. Цикл стихотворений под этим названием впервые появился в журнале «Народ», Львов, 1895, № 15—16, стр. 254—256, с эпиграфом из Байрона на английском языке. Даем перевод эпиграфа:

Свободной Мысли вечная Душа, —
Всего светлее ты в тюрьме, Свобода:
Там лучшие сердца всего народа
Тебя хранят, одной тобой дыша.

(«Сонет к Шильону», перев. Г. Шенгели).

Впоследствии в сб. *Леси Украинки* заглавие цикла снималось по цензурным условиям.

Божья искра. — «Народ», 1895, № 15—16.

Мать-невольница. — «Народ», 1895, № 15—16.

В этом стихотворении запечатлен разговор Леси Украинки с подругой Галей (Ганной Николаевной Ковалевской), дочерью политической ссыльной М. П. Воронцовой-Ковалевской.

Мать-невольница — Мария Павловна Воронцова, в замужестве Ковалевская (1849—1889). За революционную деятельность на Украине она была сослана на вечную каторгу в Сибирь и находилась в Карийской женской тюрьме. В 1889 г. М. Ковалевская вместе с другими ссыльными, в знак протеста против расправы над заключенной Н. Сигидой, отравилась («Карийская трагедия»).

И все-таки к тебе... — «Народ», 1895, № 15—16.

Врагам. — «Народ», 1895, № 15—16.

Полночные думы. — «Народ», 1895, № 15—16.

Товарищам. — «Народ», 1895, № 15—16.

Поэт в дни осады. — Сб. «Привіт д-ру Івану Франку», Львов, 1898, стр. 190—193, с эпитафией из «Поэта и гражданина» Некрасова:

Грешно в годину слез и горя
Красу луны, небес и моря
И ласки милой воспевать.

Цитата неточная, у Некрасова:

Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать.

Другу на память. — Сб. «Привіт д-ру Івану Франку», Львов, 1898, стр. 1—3.

Грешница. — «Життя і слово», Львов, 1897, V—VI.

Минута отчаяния. — «Життя і слово», 1897, VI.

О, знаю я. — «Життя і слово», 1897, VI.

Fiat pox! — «Життя і слово», 1897, VI.

Вечной памяти листка, сожженного дружеской рукой в тяжелое время. — «Життя і слово», 1897, VI.

«Слово, зачем ты не стала боевая...» — «Життя і слово», 1897, VI.

Пророческий сон патриота. — «Народ», 1895, № 9, стр. 135—136. Леся Украинка подписала эту сатиру инициалами «Н.С.Ж.», чтобы скрыть свое авторство. «Пророческий сон патриота» иронически посвящается редактору журнала «Буковина» О. Маковею (1867—1925), писателю и журналисту либерального толка. В журнале «Буковина» печатались статьи, призывавшие к союзу галичан с Ватиканом и к дружбе с католической реакцией. В уста «папы с русским лицом» поэтесса вкладывает основные положения реакционных статей, напечатанных в «Буковине» украинскими националистами; в этих статьях звучали откровенные угрозы тем, кто выступает против Ватикана, клерикализма и соглашательства с католической реакцией, против тех, кто будет высказывать сим-

патии русскому народу и русской культуре. Отправляя эту сатиру в журнал «Народ», Леся Украинка послала также и статью «Беспардонный патриотизм», где разоблачала украинских приспешников Ватикана. Поэтесса писала редактору журнала «Народ»: «... посылаю Вам две патриотические вещи... Как видите, новый для меня генге. Ну что ж, попробуем еще и такую струну... Вам, может быть, удивительно, что я взяла такой поверхностный тон, но говорить основательно на такие темы — это значило бы стрелять из пушек по воробьям. Кроме того, об этом уже сто раз говорилось, и умнее, чем я могла бы это сделать. Можно было бы и совсем не писать, но очень уж рассердили меня эти беспардонные господа, тем более, что они мне еще дома надоели. Если понадобится, я им и впредь не спущу». Тут же поэтесса добавляла, что если ее сатира не подойдет в журнал, пусть отошлют ее редактору «Буковины», как укор за его деятельность.

Колизей — огромный амфитеатр в древнем Риме, предназначенный для народных зрелищ. *Форум* — площадь в древнем Риме, на которой происходили народные собрания. *Капитолий* — кремль древнего Рима, расположенный на холме того же названия. Здесь находился центр политической жизни Рима в древние и средние века. *Тарпейская скала* — южный склон капитолийского холма. Отсюда в древнем Риме сбрасывали государственных преступников. «*Кто привержен к Святоюрским башням*». — Речь идет о кафедральном соборе св. Юрия (Юра) во Львове. Собор расположен на Святоюрской горе и окружен многочисленными постройками, где жил митрополит и вся церковная знать. Это был центр клерикализма и реакции. «*Старорусским Золотым воротам*». — В древнем Киеве в начале XI века были построены так называемые Золотые ворота, через которые въезжали в город. Ныне сохранились развалины этого древнего памятника. Леся Украинка, говоря о «старорусских Золотых воротах», подразумевает Киев, как центр русской православной церкви на Украине. «*В Риме будучи, не видеть папы*» — парафраз старинной поговорки, существовавшей в Европе с XV века. «*Чтоб русину быть*». — Украинцев в Галиции звали русинами. «... *Зане отец был в юбке*». — Вероятно, намек на украинский народный обряд, по которому отец невесты на свадьбе ненадолго надевает юбку. «*Я увидел русское обличье под святою римскою тиарой*». — Здесь речь идет о львовском митрополите Сембратовиче, который в 1895 году сделался кардиналом в Риме. «*Несть бо власть, аще не от бога*» — слова из евангелия, означающие: «нет власти не от бога».

Отзвук и. — «Мечты и думы», стр. 85.

A ve Regina. — «Мечты и думы», стр. 87—88.

To be or not to be. — «Мечты и думы», стр. 89.

Товарищу. — «Мечты и думы», стр. 92.

Я сама себе на горе. — «Мечты и думы», стр. 93.

«... Так прожила зимой я долгой, долгой...» — «Неопубліковані твори», стр. 10.

Крымские отзвуки.

I. Импровизация. — «Мечты и думы», стр. 94.

II. Отрывки из письма. — «Мечты и думы», стр. 95.

III. Восточная мелодия. — «Лит.-наук. вісник», 1898, II, стр. 140—141.

IV. Мечты. — «Лит.-наук. вісник», 1898, II.

V. Зимняя ночь на чужбине. — «Лит.-наук. вісник», 1898, V.

VI. Ифигения в Тавриде. — «Мечты и думы», стр. 106—112. Леся Украинка, живя в 1898 году в Ялте на вилле «Ифигения», задумала написать драматическую поэму об Ифигении, героине древнегреческого мифа. Однако она написала только драматический отрывок, который включила в цикл «Крымские отзвуки». Отсылая этот отрывок матери, Леся Украинка писала ей: «Ифигению», как видишь, посылаю, она уже дня три, как написана, но я не могла собраться переписать ее, задержала поэтому и письмо, — не хотела посылать без «Ифигении». Монолог, я сама вижу, страшно длинный, когда-нибудь потом, для сцены (!), можно будет сократить, а для чтения, я думаю, можно так оставить. Если бы это была бытовая драма, то подобный монолог был бы преступлением, но для драматической поэмы en style classique я этого не допускаю. Это я пишу для того, чтобы ты и Мих. Петр.¹ не думали, будто бы я отступила от своего принципа исключения монолога из современной драмы. «Ифигения» именно не будет современной: в ней будет хор, реплики à parte и, может быть, даже deus ex machina». 21/I 1898 год (Леся Украинка. Собр. соч., т. III, стр. 181).

Ифигения — по древнегреческой легенде, дочь царя Агамемнона и его жены Клитемнестры. Когда греческая рать под предводительством Агамемнона должна была отплыть для завоевания Трои, богиня Артемида наслала безветрие, и греческий флот не мог двинуться в путь. Артемида мстила Агамемнону за то, что он убил на охоте посвященную ей лань. Прорицатель Калхас объявил, что необходимо принести в жертву Артемиде любимую дочь Агамемнона Ифигению. Агамемнон подчинился настояниям войска, и Ифигения была обречена на жертву. Но Артемида сжалилась над Ифигенией в момент жертвоприношения, заменила ее козой и унесла девушку на облаке в Тавриду. Там Ифигения стала ее жрицей. Впоследствии брат Ифигении Орест прибыл в Тавриду со своим другом Пиладом и нашел там Ифигению. *Эреб* (греч. миф.) — часть подземного царства, ад. *Гадесовы поля* — царство подземного бога Гадеса. *Латона* (греч. миф.) — мать Артемиды и Аполлона. *Электра* — сестра Ифигении. *Ахиллес* — герой древнегреческих мифов, славившийся необычайной силой. *Арголида* — древнегреческая страна на Пелопонесе. *Мойра* (греч. миф.) — одна из трех богинь судьбы. *Аргос* — главный город Арголиды. *Стикс* и *Лета* (греч. миф.) — реки подземного царства.

VII. Зимняя весна. — Впервые «Лит.-наук. вісник», 1899, II, стр. 167. Интересно сопоставить описание ранней крымской весны, данное в этом стихотворении, со следующими строками из

¹ Михаил Петрович Старицкий (1840—1904) — украинский поэт, драматург и театральный деятель.

письма Леси Украинки: «... А сейчас море синее, даже фиолетовое, небо совсем весеннее, тучки белые, пушистые, а снег виден только на верховьях Яйлы. Вчера вечером так журчали потоки, что мне совсем напомнило Киев в марте, и наш quartier Latin, и многое, многое aus Vorzeit.

... Кипарисы стоят тихо-тихо, точно им и в голову никогда не придет даже колынуться, а не то что метаться, как безумным, и растрепываться гуще всякой вербы». 21/1 1898 год (Л е с я У к р а и н к а. Собр. соч., т. II, стр. 179—180).

На полуслове разговор прервался... Памяти С. М. (Сергея Мержинского). Олена Пчилка из-за своих реакционных взглядов была против дружбы Леси Украинки с Мержинским, одним из первых русских марксистов-революционеров. Посылая это стихотворение матери, поэтесса просила напечатать его с посвящением Мержинскому. Мать не только не выполнила просьбы Леси Украинки, но и не поместила стихотворение в киевском издании «На крыльях песен». Напечатано в «Літ-наук. вісник», 1898, X, стр. 50—51, без посвящения.

З а б ы т а я т е н ь. — «Мечты и думы», стр. 121—123.

«Суровый Дант, изгнанник флорентийский...» — величайший итальянский поэт Данте Алигиери (1265—1321), принимал активное участие в политической борьбе, раздиравшей Италию. Он сперва принадлежал к папской партии гвельфов, но, разочаровавшись в ней, перешел на сторону приверженцев светской, императорской власти гибеллинов. В 1302 году Данте был изгнан из Флоренции восторжествовавшей партией гвельфов и, скитаясь по Италии, испытал, «как горек хлеб чужой, как тяжело подниматься по лестницам чужим».

С именем Данте многовековая традиция связывает имя Беатриче Портинари, которую поэт прославил в «Божественной комедии». Биографы Данте рассказывают, что он влюбился в Беатриче в девятилетнем возрасте на майском празднике, и она овладела всеми его помыслами. Беатриче рано умерла, и Данте видел ее лишь несколько раз. Он женился на Джемме Донати, которая была матерью его детей и разделяла с ним горечь изгнания.

Леся Украинка прославляет не полумифический образ Беатриче, а «забытую тень» — верную подругу поэта, его жену.

В о з в р а щ е н и е. Стихотворение характеризует высокий патриотизм Леси Украинки. У себя на родине поэтесса страдала от гнета самодержавно-капиталистического режима, и ей казалось, что в более свободных странах она будет легче дышать и работать. Но на чужбине Леся Украинка томилась и рвалась на рудину.

Она писала брату М. Косачу из Вены в марте 1891 года: «... Ты говоришь, будто бы от моего письма более свободным духом повеяло. Может быть! Дай-то боже! Но если это правда, что тут, в этой стране, я чувствую себя свободнее, то опять-таки никогда до сих пор я не ощущала так чувствительно, до чего тяжело носить оковы и до чего ярмо натрудило мне шею. Не знаю, выпадали ли у меня дома часы такой тяжелой, горячей и горькой печали, как

здесь, в более свободной стране. Мне часто кажется (ты знаешь, как развита у меня «образная» мысль, а потому и не удивишься), мне кажется, что на руках и на шее у меня видны красные следы, которые натерли оковы и ярмо рабства, и все видят эти следы, и мне стыдно за себя перед вольным народом. Видишь, у меня руки в цепях, но сердце и мысль свободны, быть может свободнее, чем у всех людей, потому мне так горько, и так тяжело, и стыдно. Когда я вернусь на Украину, то, наверно, еще острее будет ранить наша неволя...» (Леся Украинка. Собр. соч., т. III, стр. 157—158).

Однако Леся Украинка не обольщалась буржуазно-демократическими иллюзиями, понимая, что ярмо капиталистического рабства существует во всех зарубежных странах и сбросить это ярмо может только рабочий класс (см. стихотворение «Дым», где ярко выступает идея пролетарского интернационализма).

Стихотворение впервые опубликовано в сборнике «Мечты и думы», стр. 120.

І тргопртї.— «Неопубліковані твори», стр. 12. Написано Лесею Українкою по-руськи, як шуточний відповідь на виклик російського письменника Г. А. Мачтега (1852—1902).

Ч а с ы т р у д а.— Журнал «Червоний шлях» («Красный путь»), Харьков, 1923, III. При жизни поэтессы не опубликовано.

Перелесник (укр. фольклор) — бес-соблазнитель, являющийся к женщинам в виде огненного змея или красивого юноши.

Эпилог («Печально вас иль радостно...»). — Журнал «Молода Україна», Львов, 1901, № 5—6, стр. 244—248.

З а б ы т ы е с л о в а.— «Молода Україна», 1901, № 7, стр. 249—257.

В е ч е.— «Молода Україна», 1901, № 8—9, стр. 291—295 (с сокращением).

«Вечно терновый венец будет царской короны прекрасней...» — «Отзвуки», стр. 15.

Ритмы. Этот цикл, созданный в 1900—1901 гг., отражает сложные и противоречивые настроения Леси Украинки, сознающей свое высокое призвание поэта-борца и томящейся в тисках бессилия. Разумеется, название цикла «Ритмы» не выражает общественно-политической сущности его содержания и, возможно, было придумано для того, чтобы обойти цензуру.

I. Вы, слова мои громкие, где вы теперь?.. — «Лит.-наук. вісник», 1901, IX.

II. Иль молниями только им носиться... — «Лит.-наук. вісник», 1901, IX.

III. Когда бы солнца ясные лучи... — «Лит.-наук. вісник», 1901, IX.

IV. Мне так хотелось бы уплыть с водою... — «Лит.-наук. вісник», 1901, IX.

V. Нет, я покорить... — «Лит.-наук. вісник», 1901, IX.

VI. Когда б вся кровь... — «Лит.-наук. вісник», 1901, IX.

VII. Как тяжело итти мне... — «Отзвуки», стр. 27.

VIII. Зачем я не могу... — «Отзвуки», стр. 29.

Мгновения. (Цикл.)

I. Lied ohne Klang. — «Літ.-наук. вісник», 1902, I.

II. Святая ночь. — «Літ.-наук. вісник», 1902, I.

III. Как вы счастливы... — «Літ.-наук. вісник», 1902, I.

IV. Талого снега... — «Літ.-наук. вісник», 1902, I.

V. Бывало обойду... — «Отзвуки», стр. 37.

VI. Песня («Гей, пойду в зеленые я горы...») — «Отзвуки», стр. 38.

VII. Хочешь знать... — «Отзвуки», стр. 39.

VIII. Темная туча. — «Отзвуки», стр. 40.

IX. Ой, как будто не печалюсь... — «Отзвуки», стр. 41.

X. Ой, пойду я в бор... — «Отзвуки», стр. 42.

«Тебя, как плющ, держать в своих объятьях...» — «Неопубліковані твори», стр. 17.

«Я видела, как ты к земле склонялся...» — «Неопубліковані твори», стр. 19.

«Вы помните, однажды я сказала». — «Неопубліковані твори», стр. 21.

«Уста твердят: ушел он без возврата». — Журнал «Україна», Киев, 1946, № 2.

Калина. — «Червоний шлях», Харьков, 1923, № 3.

Где же те струны... — «Молода Україна», 1902, № 4, стр. 118—119.

Ниобея. — Альманах «Нова Рада», Киев, 1908, стр. 369—370.

Ниобея (греч. миф.) — дочь Тантала и жена фиванского царя Амфиона. Боги убили ее детей, и безутешная Ниобея оплакивала их гибель до тех пор, пока не была превращена в камень, имевший вид плачущей женщины.

«Острым блеском вдруг волны заискрились...» — «Молода Україна», 1902, № 5.

Дым. — Издание «Книгоспілка», 1924, том I, стр. 298.

«И дым отечества нам сладок и приятен» — слова Чацкого из комедии Грибоедова «Горе от ума» (действие I, явл. 7).

Полента — каша из маисовой муки, итальянское национальное блюдо. *Ризацца* (итал.) — рисовые поля. *Дружка* — подруга невесты, участница народной свадьбы в Полесье. *Рейнская скала* — скала Лорелей на Рейне, воспетая Гейне и немецкими романтиками. Скала прорезана железнодорожными туннелями.

«В высоте так ярко блещут звезды...» — Журнал «Література і мистецтво», Львов, 1941, № 2, стр. 35.

«Случилось это в дни священной Германдады...» — Альманах «3 потоку життя», Херсон, 1905, стр. 165.

Германдада (*Эрмандада*). — Отряды «Священной Германдады»

были организованы в XV в. кастильским правительством в Испании для поимки преступников. *Торквемада Томас (1420—1498)* — доминиканский монах, «великий инквизитор», возглавлявший инквизиционные суды в Испании в конце XV века.

Дочь Иефая. — Сборник «За красую», Чернигов, 1905, стр. 5—6. Стихотворение построено на библейской легенде об Иефаяе, одном из израильских судей, который, победив в бою врагов, обещал богу принести в жертву свою дочь и выполнил обет.

«Всюду, куда я ни гляну, сухие туманы...» — «Неопубликовані твори», стр. 43.

«Люди боятся ночного кладбища...» — «Неопубликовані твори», стр. 42. Повидимому, речь идет о бывших друзьях-либералах, которые стали мертвыми для поэтессы в годы пред-революционного подъема, тогда как память о друзьях-соратниках С. К. Мержинском и брате Михаиле Косаче остается вечно живой, несмотря на то, что они умерли.

Надпись в руине. — «Лит.-наук. вісник», 1905, IV, стр. 1—2. *Тутмес, Рамзес, Тарак, Менефт* — имена египетских фараонов.

«Когда мне очи милого сверкают...» — «Неопубликовані твори», стр. 46.

«Не погибли золотые терны...» — Журнал «Вітчизна», Киев, 1946, № 2.

Песни про волю. Три стихотворения под этим заглавием написаны в 1905 году, как непосредственный отзвук на революционные события. При жизни поэтессы «Песни про волю» опубликованы не были. Впервые напечатаны — «Неопубликовані твори», стр. 54—57.

I. «Люди идут и знамена вздымают...» — Изображая революционную демонстрацию рабочих, поэтесса высказывается против популярной песни «Смело, друзья!», печальные тона которой не соответствовали боевым настроениям народных масс. Песня «Смело, друзья!» была написана народником И. Михайловым в 1865 году и считалась позже (с некоторыми изменениями) гимном народников.

II. «Откуда льется гимн Марселя?..» Поэтесса говорит о «Марсельезе», песне, возникшей в 1792 году во Франции в эпоху французской буржуазной революции. Эта песня была сочинена марсельцем Руже де Лилем. С русским текстом Лаврова «Отречемся от старого мира» эта песня стала популярной среди революционеров России. Леся Украинка призывает рабочих с боевой песней на устах вооружаться на борьбу.

III. «Нагаечка, нагаечка!» — поет иной подчас... — студенческая революционная песня с припевом: «Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя; так вспомни же, нагаечка, восьмое февраля». Речь идет о дне 8 февраля 1899 года, когда во время

революционной демонстрации в Петербурге, на одном из мостов казаки секли студентов нагайками. Вспоминая об этой песне, Леся Украинка осмеивает тех либералов, которые весело поют эту песню под свист и топот карательных отрядов, расправляющихся с восставшим народом. Вместе с тем поэтесса призывает молодежь к активной борьбе против самодержавия.

«Карманьола» — французская революционная песня 1792 года, отражающая события французской буржуазной революции: взятие королевского замка Тюильри и свержение абсолютизма.

«Мечта, не предай! По тебе я так долго томила сь...» — «Україна», Киев, 1946, № 2.

«На пиршествах кровавых опьянев...» — «Неопубліковані твори», стр. 52—53.

Веселый пан. — Юмористический журнал «Шершень», Киев, 1906, № 16—17, стр. 7, под псевдонимом «Лука».

Практичный пан. — «Шершень», Киев, 1906, № 18, стр. 3.

Пан-народник. — «Шершень», Киев, 1906, № 16—17, стр. 3, под псевдонимом «Лука».

Легенда. — «Шершень», Киев, 1906, № 8, стр. 3 (с сокращениями).

Сатира на буржуазных националистов — критиков и издателей, которые в угоду царской власти фальсифицировали творчество Шевченко, вытравляя из его стихотворений революционные мысли. Написано к 45-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко.

«Тихую дрему вечернюю...» — «Неопубліковані твори», стр. 59.

«Холодной ночью брошенный костер...» — «Неопубліковані твори», стр. 58. Точная дата написания неизвестна, вероятно 1906 год.

«За горой зарницы блещут...» — «Неопубліковані твори», стр. 64.

Полярная ночь. — «Червоний шлях», Харьков, 1923, № 2, стр. 3—5.

Весна в Египте. По настоянию врачей Леся Украинка провела три зимы в Египте, на известном курорте Гелуане. Это были зимы 1909—1910, 1910—1911, 1912—1913 гг. Цикл «Весна в Египте» был написан во время первого пребывания поэтессы в Гелуане (близ Каира). В стихотворениях этого цикла с реалистической точностью отражены впечатления Леси Украинки от своеобразной природы Египта. В письме к матери от 11/IV 1910 года поэтесса объясняет, как возникли стихи этого цикла: «...последние дни хоть воспрянула духом, и под влиянием хамсина могла писать только на египетские темы: «Хамсин», «Дыхание пустыни», «Афра» (так называются стихи). Ох, если бы ты видела этого рыжего демона хамсина, как он превращает мир в желтый кошмар! Действительно,

злой дух — Тифон!.. А потом уже «тихий хамсин», без песка и летающих в воздухе камней, только с желтым колоритом и с $t^{\circ} 30^{\circ} R$ «в тени», а потом еще было «дыхание пустыни» с той же t° , но уже без желтого колорита, а потом была «афра» — мертвая тишина с белым от жары небом (t° все та же), наконец северный ветер и дождь. Теперь у нас t° Гомерова Олимпа, и мы наслаждаемся. А то были такие «египетские ночи», что чуть с ума не сошли» (Л е с я У к р а и н к а. Собр. соч., т. III, стр. 338).

Цикл «Весна в Египте» был впервые опубликован в журнале Олены Пчилки «Рідний край», но Леся Украинка осталась недовольна правкой стихов, которую произвела ее мать. Об этом красноречиво говорится в ее письме к Н. Кибальчич от 24/IV 1910 года: «... Вот, например, «Вісник» все «выправляет» форму моих стихотворных произведений, хотя я убедительно просила «оставить мои грехи на моей совести», исправляет старательно, вплоть до полного уничтожения размера... Что поделаешь?! Подумаешь: уже скоро тридцать лет будет, как я взяла в руки перо для стихов (правда, я его взяла немножко рано), а меня все еще «правят» (вот и мама в «Рідном краю» немного «выправила»), — наверно, я так и умру «молодой писательницей», которая без редакторской палки и шагу ступить не смеет... Не знаю почему, например, в русской литературе ни один редактор не отважится выправлять какого-нибудь Андрея Белого etc., а меня все «выправляют» — неужели я хуже Андрея Белого? Не думайте, что во мне говорит мания непогрешимости — нет, мои редакторы, наверное, умнее меня, только зачем они мне портят размер?..»

Стихотворение «Сон», входящий в цикл, при жизни Леси Украинки не печаталось. Впервые — в сб. «Неопубліковані твори», стр. 66.

Примечания, данные в тексте после цикла, сделаны самой Лесей Украинкой.

Из путевой книжки. Весь цикл был напечатан в «Літ.-наук. віснику», 1911, V, стр. 193—196.

Стихотворения этого цикла написаны на Черном море, по пути в Египет.

III. На стоянке.

Великий Могол — титул правителя Индии по имени династии Великих Моголов, основанной в XVI веке в Индии Захераддином Бабуrom.

«Кто вам сказал, что я хрупка?» — «Неопубліковані твори», стр. 68.

В годовщину. — Журнал «Рідний край», Полтава, 1911, № 9—10, стр. 3. Стихотворение написано в связи с пятидесятилетием со дня смерти Тараса Шевченко.

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ

ПОЭМЫ

Роберт Брюс, король шотландский. Поэма написана в 1893 году и впервые напечатана в детском журнале «Дзвінок», 1894, №№ 11—12, 13.

Герой поэмы, *Роберт Брюс*, — историческая личность. Он принадлежал к старинному шотландскому роду нормандского происхождения. Роберт Брюс (1274—1329), шотландский вельможа, поднял восстание против англичан и вел длительную борьбу за национальное освобождение Шотландии. После блестящей победы на р. Баннокберн в 1314 году Роберт Брюс сделался королем Шотландии. Внутренняя политика Роберта Брюса сводилась к борьбе против непокорного дворянства и духовенства при помощи городов и буржуазного сословия. Избрав Роберта Брюса своим героем, Леся Украинка прославила упорство в борьбе за национальное освобождение родины.

Старая сказка. Написана 12 октября 1893 года. Впервые напечатана в журнале «Життя і слово», 1896, № 6, стр. 442—453 (с сокращениями).

Вила-посестра. Поэма начата Лесей Украинкой приблизительно в 1901 году и окончена около 1911 года. Сюжет поэмы навеян сербскими народными сказаниями, и образ вилы, мифического существа, живущего в горах, тоже является созданием сербского народного творчества. Но трактовка характера вилы вполне оригинальна. Леся Украинка изобразила стойкую, решительную девушку, верную долгу «посестринства» — дружбы, возведенной в степень кровной близости. Впервые напечатана в «Літ.-наук. віснике», 1911, XII, стр. 405—412.

Юнак (сербск.) — витязь. *Пернач* — жезл, символ власти сербских военачальников. *Янычары* — отборная турецкая пехота, набравшаяся из пленных христиан, обращенных в мусульманство.

Одно слово. Поэма написана в 1903 году, впервые напечатана в журнале «Вільна Україна», Петербург, 1906, №№ 1—2.

Тойон — начальник (якутск.)

Изольда Белорукая. Поэма написана 21 июля 1912 года и впервые напечатана в «Літ.-наук. віснике», 1913, I, стр. 24—28.

Моргана — волшебница из средневековых рыцарских романов. *Мерлин* — волшебник, персонаж французских рыцарских романов. *Урганда* — волшебница, встречающаяся в средневековых романах.

ЛЕГЕНДЫ

Египетские фантазии. С детства Леся Украинка проявляла большой интерес к истории и культуре древнего Востока. Она была хорошо знакома с трудами русских и иностранных ориенталистов и часто брала сюжеты и темы для своих стихотворений и драматических поэм (например, «Вавилонский полон», «В доме труда, в краю неволи» и др.) из истории Вавилона, Иудеи и Египта. В девятнадцатилетнем возрасте Леся Украинка даже составила для своих младших сестер учебник по истории народов Востока, который был издан после ее смерти.

Ра-Менеис. — «Отзвуки», стр. 47.

Урея (Уреус) — змея кобра, считавшаяся в древнем Египте

священной. Цари древнего Египта носили на своей короне изображение Уреи, являвшееся символом объединения власти над двумя Египтами — Верхним и Нижним. *Систр* — музыкальный инструмент. *Ля иллага* (Ла илаха илла-ллах) — Нет божества, кроме аллаха (арабск.). *Шейх* — старейшина арабского племени, глава мусульманской религиозной общины. *Джавры* (гауры) — неверные.

С ф и н к с. — «Отзвуки», стр. 45.

Либия — название Африки в древности.

С а у л. — «Отзвуки», стр. 59.

Саул — легендарный библейский царь. Царь иудейский Саул, по библейскому рассказу, был подвержен меланхолии. Его печаль умел развеять искусной игрой на арфе лишь юный Давид, к которому Саул относился благосклонно. Но когда Давид победил в единоборстве филистимлянского великана Голиафа и с победой вернулся домой, Саул переменил к нему отношение и даже хотел убить его. После смерти Саула Давид стал царем.

Про великана. Эта сказка входит в цикл из трех стихотворений «Триптих». Первые две части — «Что даст нам силу?» и «Чудо Орфея» — в настоящее издание не включены.

Сказка, написанная в народном духе, носит явно политический характер, хотя Леся Украинка иронически замечает в начале, что это просто детская сказка и в ней не надо искать тенденции. За несколько месяцев до смерти, живя в далеком Египте, Леся Украинка неустанно думала о родине, страстно надеясь, что недалеко время революции, когда восставший великан (народ) «расправит плечи снова и разорвет в единый миг железные оковы».

Впервые напечатана в сборнике «Привіт І. Франкові в сорокаліття його письменської праці», Львів, 1916.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

В к а т а к о м б а х. Драматическая поэма написана в 1905 году. Впервые опубликована с некоторыми поправками Олены Пчилки в журнале «Рідний край», Полтава, 1906, № 19, стр. 2—8.

Крымский А. Е. — украинский ученый-востоковед, поэт и романист. *Неофит* — новообращенный, так называли первых христиан. *Рахиль* — по библейской легенде, вторая жена Иакова, которую бог обрел на бесплодие. *Термы* — бани в древнем Риме. *Мим* — актер в древнем Риме. *Мареммы* — болотистая местность близ Рима.

Осенняя сказка. Написана в 1905 году. Впервые опубликована в изд. «Книгоспілка», Киев, т. VI, стр. 5—48.

Руфин и Присцилла. Леся Украинка начала работу над этим драматическим произведением в Киеве в конце 1906 года. Она написала первое, второе и половину третьего действия, затем почти на год прекратила работу над драмой.

Осенью 1907 года в Ялте поэтесса вернулась к «Руфину и Присцилле», и лишь в 1909 году в Телави (Грузия) драма была закончена.

Впервые «Руфин и Присцилла» опубликована в «Лит.-наук. віснике» в 1911 году.

Леся Украинка обратилась к эпохе упадка императорского Рима и развернула драматический конфликт на фоне борьбы христианства с язычеством.

Римлянин Руфин — язычник, его жена Присцилла — ревностная христианка. Боясь за судьбу своей жены, посещающей тайные собрания христиан, Руфин предоставляет свой дом для такого собрания. По доносу шпиона римские власти врываются в дом Руфина, арестовывают всех христиан, пришедших на собрание, а также Руфина. Арестованные брошены в темницу. Руфину приходится пережить тяжелые обвинения в том, что он предал христиан.

Здесь, в темнице он близко знакомится с взаимоотношениями членов общины и видит, что епископ и клир лгут, лицемерят, прибегают к любым средствам, чтобы затемнить сознание членов общины.

Среди арестованных христиан обращает на себя внимание фигура «варвара» Нартала, родственная рабу-неофиту из поэмы «В катакомбах». Нартал пришел к христианам искать новую правду, но проповедь смирения не по душе этому мужественному человеку, умеющему ненавидеть своих врагов. Нартал готов уничтожить императорский Рим со всей его рабовладельческой культурой, построенной на эксплуатации человека человеком.

В этом издании помещен отрывок из третьего действия «Руфина и Присциллы».

В пуще. Леся Украинка работала над этой драмой свыше десяти лет. В 1898 году был написан первый вариант под заглавием «Скульптор». Лишь в 1907 году поэтесса вернулась к своему произведению. Дата написания второго варианта первого действия неизвестна. Под вторым действием рукой автора обозначено: «14 октября 1908 года». Под третьим действием имеется надпись, сделанная чужой рукой: «1897—1909». Очевидно, это даты начала и окончания поэмы «В пуще». Первоначальное заглавие «Скульптор», повидимому, не удовлетворяло поэтессу. Она придумала еще: «Ричард», «Похороненный художник» и другие, пока не остановилась на заглавии «В пуще», носящем не только реальный, но и символический характер. Действие происходит в пуще Северной Америки, в пуще мракобесия, пошлого мещанства и лицемерия.

Драма впервые опубликована в «Лит.-наук. віснике», 1910, III, стр. 481—500, и IV, стр. 3—45.

Действие I:

Ханаан — древнее название Палестины. «*Оставьте мертвым мертвых погребенье*» — евангельское выражение, приписываемое Христу, который якобы произнес эти слова в ответ на просьбу его ученика похоронить отца. «*Новый Ханаан*» — здесь подразумевается Америка, где обосновались английские переселенцы. *Вавилонский царь*. — В Библии рассказывается о вавилонском царе Навуходоносоре, который, впав в безумие, уподобился быку и стал питаться

травой. *Что церковь англиканская греховна.* — Английские пуритане в XVI—XVII веках вели борьбу как с католической, так и с англиканской церковью, требуя отмены икон и скульптуры религиозного содержания. *Никсы* — мифические существа, обитающие в морской глубине. *Господь ее накажет, как Сапфиру.* — По преданию, бог умертвил члена христианской общины Аняния, который скрыл часть вырученных от продажи имени денег. Его жена Сапфира утаила прегрешения мужа и за это тоже была умерщвлена богом. *Египетская скверна.* — По библейской легенде, бог наслал на египтян «десять казней» и терзал их «скверной»: язвами, чесоткой и т. п. *Как от жены беспутной Потифара.* — Жена Потифара, хозяина Иосифа Прекрасного, пыталась обольстить Иосифа, который бежал от нее (библейская легенда). *Голиаф* — легендарный великан, о котором говорится в Библии.

Действие 2:

Виклефовцы и лолларды — религиозные секты в Англии в XVI—XVII веках, боровшиеся против католической церкви. *Марфа и Мария* — сестры Лазаря, о которых говорится в евангельском рассказе о пришествии Христа в Вифанию. *Как Петр отрекся от Христа.* — По евангельскому преданию, апостол Петр отрекся от Христа, заключенного под стражу. *Содом и Гоморра* — города, которые, по библейскому преданию, были уничтожены небесным огнем за нечестие их жителей. *«Целуя, предаешь?»* — По евангельской легенде, эти слова произнес Христос, обращаясь к Иуде, который, целуя его, указал страже, кого надо взять. *Веселил и Елиав* — искусные мастера, изготовлявшие церковную утварь (Библия). *Отродье Каиново.* — Каин запятнал убийством брата Авеля свое потомство, к которому причислялись жители городов Сидон и Тир (Библия). *Юбал и Тубал-Каин* — первые мастера из рода Каина, упоминаемые в Библии. *Авраам.* — По библейскому преданию, Авраам просил бога пощадить Содом и Гоморру, если там найдется хоть десять праведников. *Молах* — древнее семитическое божество огня и войны, которое в Библии считается нечестивым. *Астарт* — языческая богиня любви, которую не признавали древние иудеи.

Действие 3:

«E disse lei...» и т. д. — Данте, «Ад», V, строки 121—123. *Десятина* — один из видов церковного налога. *А наших «прав Петиция»? А «пункты»?* — Речь идет о борьбе английской буржуазии с королевской властью за свои права. *Архимед.* — Архимед, по преданию, был убит римским солдатом в тот момент, когда он чертил на песке геометрические фигуры. *Статуя без рук.* — Речь идет о статуе Венеры Милосской неизвестного древнегреческого мастера, найденной без рук при раскопках. *Буонаротти.* — Микель-анджело Буонаротти (1475—1564), великий итальянский живописец, скульптор, зодчий и поэт. *Одиссей.* — В «Одиссее» (XI песнь) рассказывается о том, как Одиссей вызвал из Эреба (царства мертвых) Ахилла и вел с ним беседу. *Донателло.* — Донателло (1386—1466) — знаменитый скульптор эпохи итальянского Возрождения. *Камены* — музы (римск. миф.). *Чичисбей* — постоянный спутник, поклонник (итал.).

Адвокат Мартин. Эта драматическая поэма написана в 1911 году. Впервые напечатана в «Літ.-наук. віснике», 1913, VI.

Центурион — начальник отряда у древних римлян. *Вигилы* — стража (римск.). *Легат* — здесь: наместник провинции. *Ареопаг* — высшее судилище (греч.). *День феральный*. — По древнеримским верованиям, феральными днями считались «несчастливые дни», в которые ничего нельзя было предпринимать. *Жрец Эскулапа в Сиракузах*. — Храм Эскулапа, бога врачевания, находился в Сиракузах (Сицилия). *Храм Либитины*. — Либитина — богиня, покровительница мертвых, которой приписывалось свойство вылечивать недуги (римск. миф.).

Лесная песня. Драма-феерия «Лесная песня» написана летом 1911 года в Кутаиси. Дата окончания 25 июля. Впервые «Лесная песня» напечатана в «Літ.-наук. віснике», 1912, III.

Потерчата — фантастические создания украинского фольклора, внебрачные дети, утопленные матерью и ставшие болотными огоньками. *Перелесник* — см. примечание к стихотворению «Часы труда». *Куц* — черт-лесовик (укр. фольклор). *Злыдни* — маленькие существа, олицетворяющие горе-злосчастье (укр. фольклор).

СОДЕРЖАНИЕ

Леся Украинка. Вступительная статья Ал. Дейча	5

Л И Р И К А

Надежда. (Перев. В. Звягинцева)	49
Порою. (Перев. В. Звягинцева)	50
Путешествие к морю. (Перев. А. Прокофьев)	51
Посещения. (Перев. А. Прокофьев)	58
Природе. (Перев. Н. Чуковский)	60
Начало весны. (Перев. Е. Благинина)	61
Певец. (Перев. В. Звягинцева)	62
Вечерний час. (Перев. В. Звягинцева)	64
Узник. (Перев. А. Прокофьев)	65
К моему фортепьяно. (Перев. В. Рождественский)	67
На старинный мотив. (Перев. Е. Благинина)	69
Веснянка. (Перев. Е. Благинина)	71
Contra spem spero. (Перев. Н. Ушаков)	73
Мой путь. (Перев. П. Карабан)	75
Когда я утомлюсь. (Перев. П. Карабан)	77
Повсюду плач. (Перев. В. Звягинцева)	79
«За правду встанем единой ратью...» (Перев. П. Карабан)	80
«Шлю листок тебе... издали...» (Перев. В. Звягинцева)	81
В детском хороводе. (Перев. В. Звягинцева)	
I. «На зеленом бугорочке...»	82
II. «Лето красное минуло...»	82
III. «Мама, зима настает...»	83
IV. «Тешься, играй, пока детство не минет...»	84
Черешенки. (Перев. С. Маршак)	86
Крымские воспоминания.	
Запев. (Перев. В. Рождественский)	87
I. Морская тишина. (Перев. М. Комиссарова)	87
II. Пой, моя песня. (Перев. Е. Благинина)	88
III. Бессонная ночь. (Перев. В. Рождественский)	89
IV. На челне. (Перев. В. Рождественский)	90
V. Непогода. (Перев. В. Рождественский)	92
VI. Мердвен. (Перев. В. Рождественский)	93
VII. Байдары. (Перев. В. Рождественский)	93

VIII. Татарочка. (Перев. В. Рождественский)	94
IX. Бахчисарай. (Перев. П. Карабан)	95
X. Бахчисарайский дворец. (Перев. В. Рождественский)	95
XI. Бахчисарайская гробница. (Перев. В. Рождественский)	96
XII. Домик Надсона в Ялте. (Перев. В. Рождественский)	96
Слезы — перлы. (Перев. Н. Заболоцкий)	
I. О милая родина!	98
II. В слезах я стою...	99
III. Все наши слезы.	99
Как придет грусть-тоска. (Перев. А. Глоба)	101
Сон. (Перев. Н. Чуковский)	102
В путь. (Перев. В. Звягинцева)	105
Предрассветные огни. (Перев. В. Звягинцева)	107
Сосна. (Перев. А. Прокофьев)	108
Сон в летнюю ночь. (Перев. В. Чуковский)	109
Мелодии.	
I. Ночь была и тиха и темна... (Перев. В. Звягинцева)	111
II. Этой песни не пойте... (Перев. В. Звягинцева)	111
III. Горит мое сердце... (Перев. В. Звягинцева)	112
IV. Вновь весна... (Перев. В. Звягинцева)	112
V. Гляжу я на ясные звезды... (Перев. В. Звягинцева)	112
VI. Стояла я и слушала весну... (Перев. В. Звягинцева)	113
VII. Хотела бы песнею стать я... (Перев. В. Звягинцева)	113
VIII. Победа. (Перев. Е. Благина)	113
IX. Музе. (Перев. Н. Чуковский)	114
X. Эта тихая ночь... (Перев. М. Комиссарова)	114
XI. Давняя весна. (Перев. М. Комиссарова)	115
XII. В ненастную тучу... (Перев. М. Комиссарова)	116
Романсы.	
I. Вопрос. (Перев. И. Воробьева)	117
II. Ответ. (Перев. И. Воробьева)	117
III. На мотив из Мицкевича. (Перев. Н. Чуковский)	118
Невольничьи песни.	
Божья искра. (Перев. Н. Чуковский)	119
Мать-невольница. (Перев. М. Комиссарова)	120
И все-таки к тебе... (Перев. В. Звягинцева)	121
Врагам. (Перев. Н. Чуковский)	122
Полночные думы. (Перев. В. Звягинцева)	122
Товарищам. (Перев. Н. Ушаков)	123
Поэт в дни осады. (Перев. Д. Бродский)	124
Другу на память. (Перев. Н. Ушаков)	127
Грешница. (Перев. М. Комиссарова)	129
Минута отчаяния. (Перев. М. Алигер)	136
О, знаю я. (Перев. А. Глоба)	136
Fiat pox! (Перев. М. Комиссарова)	137
Вечной памяти листка, сожженного дружеской рукой в тяжелое время. (Перев. В. Звягинцева)	139
«Слово, зачем ты не стала боевая...» (Перев. М. Комиссарова)	140
Пророческий сон патриота. (Перев. П. Карабан)	141
Отзвуки. (Перев. М. Комиссарова)	144
Ave Regina. (Перев. М. Комиссарова)	145

To be or not to be. (Перев. М. Комиссарова)	147
Товарищу. (Перев. Н. Ушаков)	149
Я сама себе на горе... (Перев. М. Комиссарова)	150
«... Так прожила зимой я долгой, долгой...» (Перев. А. Прокофьев)	151
Крымские отзвуки.	
I. Импровизация. (Перев. М. Комиссарова)	153
II. Отрывки из письма. (Перев. Н. Браун)	154
III. Восточная мелодия. (Перев. Н. Чуковский)	156
IV. Мечты. (Перев. М. Алигер)	156
V. Зимняя ночь на чужбине. (Перев. М. Комиссарова)	159
VI. Ифигения в Тавриде. (Перев. Ал. Дейч)	163
VII. Зимняя весна. (Перев. Ал. Дейч)	168
На полуслове разговор прервался... (Перев. А. Глоба)	170
Забутая тень. (Перев. М. Комиссарова)	172
Возвращение. (Перев. Н. Ушаков)	174
Итрготрт	176
Часы труда. (Перев. Н. Чуковский)	178
Эпилог («Печально вас иль радостно...»). (Перев. А. Островский)	180
Забутые слова. (Перев. М. Комиссарова)	183
Вече. (Перев. М. Комиссарова)	185
«Вечно терновый венец будет царской короны прекрасней...» (Перев. Г. Шенгели)	188
Ритмы. (Перев. Н. Браун)	
I. Вы, слова мои громкие, где вы теперь?	190
II. Иль молниями только им носиться...	191
III. Когда бы солнца ясные лучи...	191
IV. Мне так хотелось бы уплыть с водою...	192
V. Нет, я покорить...	193
VI. Когда б вся кровь...	194
VII. Как тяжело итти мне...	195
VIII. Зачем я не могу...	196
Мгновения.	
I. Lied ohne Klang. (Перев. В. Звягинцева)	198
II. Святая ночь. (Перев. В. Звягинцева)	199
III. Как вы счастливы... (Перев. В. Звягинцева)	199
IV. Талого снега... (Перев. В. Звягинцева)	200
V. Бывало обойду... (Перев. Л. Длигач)	200
VI. Песня («Гей, пойду в зеленые я горы...») (Перев. В. Звягинцева)	201
VII. Хочешь знать... (Перев. В. Звягинцева)	201
VIII. Темная туча. (Перев. В. Звягинцева)	202
IX. Ой, как будто не печалюсь... (Перев. А. Прокофьев)	203
X. Ой, пойду я в бор... (Перев. А. Прокофьев)	203
«Тебя, как плюш, держать в своих объятьях...» (Перев. М. Сандомирский)	204
«Я видела, как ты к земле склонялся...» (Перев. Н. Браун)	205
«Вы помните, однажды я сказала...» (Перев. А. Островский)	207
«Уста твердят: ушел он без возврата...» (Перев. А. Островский)	209
Калина. (Перев. В. Звягинцева)	210
Где же те струны... (Перев. А. Глоба)	211

Ниобея. (Перев. Н. Браун)	212
«Острым блеском вдруг волны заискрились...» (Перев. В. Звягинцева)	214
Дым. (Перев. В. Россельс)	215
«В высоте так ярко блещут звезды...» (Перев. М. Комиссарова)	218
«Случилось это в дни священной Германдады...» (Перев. П. Карабан)	221
Дочь Иефая. (Перев. М. Комиссарова)	222
«Всюду, куда я ни гляну, сухие туманы...» (Перев. Н. Чуковский)	224
«Люди боятся ночного кладбища...» (Перев. П. Карабан)	225
Надпись в руине. (Перев. Н. Браун)	227
«Когда мне очи милого сверкают...» (Перев. Н. Чуковский)	229
«Не погибли золотые терны...» (Перев. А. Островский)	231
Песни про волю. (Перев. Н. Заболоцкий)	
I. «Люди идут и знамена вздымают...»	232
II. «Откуда льется гимн Марсея?..»	233
III. «Нагаечка, нагаечка!» — поет иной подчас...»	235
«Мечта, не предай! По тебе я так долго томилась...» (Перев. А. Островский)	236
«На пиршествах кровавых опьянев...» (Перев. А. Островский)	237
Веселый пан. (Перев. П. Карабан)	239
Практичный пан. (Перев. П. Карабан)	240
Пан-народник. (Перев. П. Карабан)	241
Легенда. (Перев. Н. Заболоцкий)	243
«Тихую дрему вечернюю...» (Перев. А. Островский)	246
«Холодной ночью брошенный костер...» (Перев. Н. Заболоцкий)	248
«За горой зарницы блещут...» (Перев. Н. Заболоцкий)	249
Полярная ночь. (Перев. Н. Браун)	250
Весна в Египте. (Перев. Н. Ушаков)	
I. Хамсин	253
II. Дыхание пустыни	254
III. Афра	254
IV. Сон	255
V. Ветреная ночь	255
VI. Вести с севера	256
VII. Тайный дар	256
Из путевой книжки	
I. Pontos Acheinos. (Перев. В. Рождественский)	258
II. В тумане. (Перев. М. Комиссарова)	259
III. На стоянке. (Перев. Н. Браун)	260
IV. Грезы в бурю. (Перев. М. Комиссарова)	262
V. Земля! Земля! (Перев. В. Рождественский)	264
VI. Эпилог («Кто не жил...»). (Перев. Н. Славинская)	265
«Кто вам сказал, что я хрупка...» (Перев. В. Звягинцева)	266
В годовщину. (Перев. Л. Длигач)	267

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ

ПОЭМЫ

Роберт Брюс, король шотландский. (Перев. Г. Шенгели)	271
Старая сказка. (Перев. М. Светлов)	285
Вила-посестра. (Перев. М. Комиссарова)	311

Одно слово. (Перев. М. Комиссарова)	320
Изольда Белорукая. (Перев. П. Антокольский)	326

ЛЕГЕНДЫ

Египетские фантазии. (Перев. Н. Браун).	
1. Ра-Менеис	334
2. Сфинкс	337
Саул. (Перев. Н. Браун)	339
Про великана. (Перев. Б. Лебедев)	343

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

В катакомбах. (Перев. П. Антокольский)	349
Осенняя сказка. (Перев. М. Сандомирский)	375
Руфин и Присцилла (отрывок). (Перев. А. Прокофьев)	417
В пуще. (Перев. Н. Браун)	431
Адвокат Мартнан. (Перев. Ал. Дейч)	563
Лесная песня. (Перев. М. Комиссарова)	627
Примечания	725

Редакционная коллегия:

*И. А. Груздев, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, А. М. Еголин,
А. А. Прокофьев, В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов*

Редактор А. Островский
Художник И. Серов
Технич. редактор Р. Сквирская
Корректоры П. Суздальский
и Н. Тьрса

М 00167. Подписано к печати 6/IV 1951 г.
Формат бумаги 84 × 108₃₂ — 11,75 бум.
л. = 34,54 печ. л. + 7 вкл. Авт. л. 28,95.
Уч.-изд. л. 32,25. Тираж 10 000. Цена 20 р.
Заказ № 224.

Типография № 3
Управления издательств и полиграфии
Исполкома Ленгорсовета

